Н. В. ГОГОЛЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. В. ГОГОЛЯ

ВЪ ВОСЬМИ ТОМАХЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Е. ГРУЗИНСКАГО.

СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ

ПОЧ. АКАДЕМИКА И ПРОФЕССОРА

Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО.

ТОМЪ IV.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЕЧАТНИКЪ".

Типо-литогр. Т-за И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. д.
Москва — 1912.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

На зеркало неча пенять,
Коли рожа крива.

Народная пословица.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, городничій.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукичъ Хлоповъ, смотритель училищъ.

Жена его.

Аммосъ Ѳедоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья.

Артемій Филипповичъ Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній.

Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ, почтмейстеръ.

Петръ Ивановичъ Добчинскій, Петръ Ивановичъ Бобчинскій — городскіе помѣщики.

Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, чиновникъ изъ Петербурга.

Осипъ, слуга его.

Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, уѣздный лѣкарь.

Ѳедоръ Андреевичъ Люлюковъ, Иванъ Лазаревичъ Растаковскій, Степанъ Ивановичъ Коробкинъ — отставные чиновники, почетныя лица въ городѣ.

Степанъ Ильичъ Уховертовъ, частный приставъ.

Свистуновъ, Пуговицынъ, Держиморда — полицейскіе.

Абдулинъ, купецъ.

Февронья Петровна Пошлепкина, слесарша.

Жена унтеръ-офицера.

Мишка, слуга городничаго.

Слуга трактирный.

Гости и гостьи, купцы, мѣщане, просители.

Характеры и костюмы.

Замѣчанія для господъ актеровъ.

Городничій, уже постарѣвшій на службѣ и очень неглупый, по-своему, человѣкъ. Хотя и взяточникъ, но ведетъ себя очень солидно; довольно серьезенъ, нѣсколько даже резонеръ; говоритъ ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты его лица грубы и жестки, какъ у всякаго, начавшаго тяжелую службу съ низшихъ чиновъ. Переходъ отъ страха къ радости, отъ низости къ высокомѣрію довольно быстръ, какъ у человѣка съ грубо развитыми склонностями души. Онъ одѣтъ, по обыкновенію, въ своемъ мундирѣ съ петлицами и въ ботфортахъ со шпорами. Волоса на немъ стриженые, съ просѣдью.

Анна Андреевна, жена его, провинціальная кокетка, еще не совсѣмъ пожилыхъ лѣтъ, воспитанная вполовину на романахъ и альбомахъ, вполовину на хлопотахъ въ своей кладовой и дѣвичьей. Очень любопытна и при случаѣ выказываетъ тщеславіе. Беретъ иногда власть надъ мужемъ потому только, что тотъ не находится, что отвѣчать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоитъ въ выговорахъ и насмѣшкахъ. Она четыре раза переодѣвается въ разныя платья въ продолженіе пьесы.

Хлестаковъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, тоненькій, худенькій; нѣсколько приглуповатъ и, какъ говорятъ, безъ царя въ головѣ, — одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Говоритъ и дѣйствуетъ безъ всякаго соображенія. Онъ не въ состояніи остановить постояннаго вниманія на какой-нибудь мысли. Рѣчь его отрывиста, и слова вылетаютъ изъ устъ его совершенно неожиданно. Чѣмъ болѣе исполняющій эту роль покажетъ чистосердечія и простоты, тѣмъ болѣе онъ выиграетъ. Одѣтъ по модѣ.

Осипъ, слуга, таковъ, какъ обыкновенно бываютъ слуги нѣсколько пожилыхъ лѣтъ. Говоритъ серьезно, смотритъ нѣ-

сколько внизъ, резонеръ и любитъ себѣ самому читать нравоученія для своего барина. Голосъ его всегда почти ровенъ, въ разговорѣ съ бариномъ принимаетъ суровое, отрывистое и нѣсколько даже грубое выраженіе. Онъ умнѣе своего барина и потому скорѣе догадывается, но не любитъ много говорить, и молча плутъ. Костюмъ его — сѣрый или синій поношенный сюртукъ.

Бобчинскій и Добчинскій, оба низенькіе, коротенькіе, очень любопытные; чрезвычайно похожи другъ на друга; оба съ небольшими брюшками, оба говорятъ скороговоркою и чрезвычайно много помогаютъ жестами и руками. Добчинскій немножко выше и серьезнѣе Бобчинскаго, но Бобчинскій развязнѣе и живѣе Добчинскаго.

Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья, человѣкъ, прочитавшій пять или шесть книгъ, и потому нѣсколько вольнодуменъ. Охотникъ большой на догадки и потому каждому слову своему даетъ вѣсъ. Представляющій его долженъ всегда сохранять въ лицѣ своемъ значительную мину. Говоритъ басомъ съ продолговатой растяжкой, хрипомъ и сапомъ, какъ старинные часы, которые прежде шипятъ, а потомъ уже бьютъ.

Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній, очень толстый, неповоротливый и неуклюжій человѣкъ, но при всемъ томъ проныра и плутъ. Очень услужливъ и суетливъ.

Почтмейстеръ, простодушный до наивности человѣкъ.

Прочія роли не требуютъ особыхъ изъясненій: оригиналы ихъ всегда почти находятся передъ глазами.

Господа актеры особенно должны обратить вниманіе на послѣднюю сцену. Послѣднее произнесенное слово должно произвесть электрическое потрясеніе на всѣхъ разомъ, вдругъ. Вся группа должна перемѣнить положеніе въ одинъ мигъ. Звукъ изумленія долженъ вырваться у всѣхъ женщинъ разомъ, какъ будто изъ одной груди. Отъ несоблюденія этихъ замѣчаній можетъ исчезнуть весь эффектъ.

Дѣйствіе первое.

Комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій.

Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Какъ, ревизоръ?

Артемій Филипповичъ.

Какъ, ревизоръ?

Городничій.

Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито. И еще съ секретнымъ предписаньемъ!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Вотъ-те на!

Артемій Филипповичъ.

Вотъ не было заботы, такъ подай!

Лука Лукичъ.

Господи Боже! еще и съ секретнымъ предписаньемъ.

Городничій.

Я какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали—и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, кото-

рое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: „Любезный другъ, кумъ и благодѣтель“ *(бормочетъ вполголоса, пробѣгая скоро глазами)...* „и увѣдомить тебя“. А! вотъ: „спѣшу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ *(значительно поднимаетъ палецъ вверхъ)*. Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки...“ *(Остановясь.)* Ну, здѣсь свои... „то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито... Вчерашняго дня я...“ Ну, тутъ уже пошли дѣла семейныя: „сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ со своимъ мужемъ; Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ...“ и прочее, и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!

Аммосъ Θедоровичъ.

Да, обстоятельство такое необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

Лука Лукичъ.

Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

Городничій.

Зачѣмъ! Такъ ужъ, видно, судьба! *(Вздохнувъ.)* До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

Аммосъ Θедоровичъ.

Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ вотъ что: Россія... да... хочетъ вести войну, и министерія-то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій.

Экъ куда хватили! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Аммосъ Θедоровичъ.

Нѣтъ, я вамъ скажу, вы не того... вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды: даромъ что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Городничій.

Мотаетъ или не мотаетъ, а я васъ, господа, предувѣдомилъ. Смотрите, по своей части я кое-какія распоряженья сдѣлалъ, совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ! Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія, — и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему.

Земляника. Рис. П. Боклевскаго.

Артемій Филипповичъ.

Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

Городничій.

Да. И тоже надъ каждой кроватью надписать по-латыни или на другомъ какомъ языкѣ... это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ, — всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Нехорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если бъ ихъ было меньше: тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію или къ неискусству врача.

Артемій Филипповичъ.

О! насчетъ врачеванья мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше, — лѣ-

карствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіану Ивановичу затруднительно было бъ съ ними изъясняться: онъ по-русски ни слова не знаетъ.

Христіанъ Ивановичъ *издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву* и *и нѣсколько на* е.

Городничій.

Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завесть его? Только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите—приходите обѣдать.

Городничій.

Кромѣ того дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ шкапомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй, опять его можете повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы онъ сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода, — это тоже нехорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ-то развлеченъ. Есть противъ этого средства, если уже это, дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ: можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Христіанъ Ивановичъ *издаетъ тотъ же звукъ.*

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою.

Городничій.

Да я такъ только и замѣтилъ вамъ. Насчетъ же внутренняго распоряженія и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.

Ляпкинъ-Тяпкинъ.
Рис. П. Боклевскаго.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Что жъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ—рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки, но чѣмъ взятки? Борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

Городничій.

Ну, щенками или чѣмъ другимъ—все взятки.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого-нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль...

Городничій.

Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите; а я, по крайней мѣрѣ, въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, просто волосы дыбомъ поднимаются.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничій.

Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а по правдѣ сказать, врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ, какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно насчетъ учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально, неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, вошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу, вотъ этакъ *(дѣлаетъ гримасу)*, и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстуха утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего: можетъ быть, оно тамъ и нужно такъ, объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю—это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ или другой кто можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого чортъ знаетъ что можетъ произойти.

Хлоповъ. Рис. П. Боклевскаго.

Лука Лукичъ.

Что жъ мнѣ, право, съ нимъ дѣлать? Я ужъ нѣсколько разъ ему говорилъ. Вотъ еще на-дняхъ, когда зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ. Онъ-то ее сдѣлалъ отъ добраго

сердца, а мнѣ выговоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству.

Городничій.

То же я долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова—это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ объ ассиріянахъ и вавилонянахъ—еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ, ей-Богу! Сбѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хвать стуломъ объ полъ! Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? Отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ.

Да, онъ горячъ! Я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Говоритъ: „Какъ хотите, для науки я жизни не пощажу".

Городничій.

Да, таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ—или пьяница, или рожу такую состроитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ.

Не приведи Богъ служить по ученой части! Всего боишься: всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

Городничій.

Это бы еще ничего,—инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ: „А, вы здѣсь, голубчики! А кто", скажетъ, „здѣсь судья?"—„Ляпкинъ-Тяпкинъ".—„А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!"—„А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?"—„Земляника".—„А подать сюда Землянику!" Вотъ что худо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Почтмейстеръ.

Объясните, господа, что, какой чиновникъ ѣдетъ?

Городничій.

А вы развѣ не слышали?

Почтмейстеръ.

Слышалъ отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только-что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Городничій.

Ну, что? какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ.

А что думаю?—война съ турками будетъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Въ одно слово! я самъ то же думалъ.

Городничій.

Да, оба пальцемъ въ небо попали!

Почтмейстеръ.

Право, война съ турками. Это все французъ гадитъ.

Городничій.

Какая война съ турками! Просто, намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это уже извѣстно: у меня письмо.

Почтмейстеръ.

А если такъ, то не будетъ войны съ турками.

Городничій.

Ну, что же, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ?

Почтмейстеръ.

Да что я? Какъ вы, Антонъ Антоновичъ?

Городничій.

Да что я? Страху-то нѣтъ, а такъ, немножко... Купечество да гражданство меня смущаетъ. Говорятъ, что я имъ солоно пришелся; а я, вотъ, ей-Богу, если и взялъ съ иного, то, право, безъ всякой ненависти. Я даже думаю *(беретъ его подъ-руку и отводитъ въ сторону),* я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ къ намъ ревизоръ? Послушайте, Иванъ Кузьмичъ, нельзя ли вамъ, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать: не содержится ли въ немъ

какого-нибудь донесенія или, просто, переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать; впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстеръ.

Знаю, знаю... Этому не учите, это я дѣлаю не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства; смерть люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это преинтересное чтеніе. Иное письмо съ наслажденьемъ прочтешь,— такъ описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше чѣмъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“!

Городничій.

Ну, что-жъ, скажите, ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтмейстеръ.

Нѣтъ, о петербургскомъ ничего нѣтъ, а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однако жъ, что вы не читаете писемъ: есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно: одинъ поручикъ пишетъ къ пріятелю, и описалъ балъ въ самомъ игривомъ... очень, очень хорошо: „Жизнь моя, милый другъ, течетъ“, говоритъ, „въ эмпиреяхъ: барышенъ много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ...“ съ большимъ, большимъ чувствомъ описалъ. Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите, прочту?

Городничій.

Ну, теперь не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: если на случай попадется жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтмейстеръ.

Съ большимъ удовольствіемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

Почтмейстеръ.

Ахъ, батюшки!

Городничій.

Ничего, ничего. Другое дѣло, если-бъ вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейственное.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да, нехорошее дѣло заварилось! А я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчивать васъ

собаченкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. Вѣдь вы слышали, что Чептовичъ съ Варховинскимъ затѣяли тяжбу, и теперь мнѣ роскошь: травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другого.

Городничій.

Батюшки, не милы мнѣ теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидитъ въ головѣ. Такъ и ждешь, что вотъ отворится дверь—и шасть...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Добчинскій и Бобчинскій *(оба входятъ запыхавшись).*

Бобчинскій.

Чрезвычайное происшествіе!

Добчинскій.

Неожиданное извѣстіе!

Всѣ.

Что, что такое?

Добчинскій.

Непредвидѣнное дѣло: приходимъ въ гостиницу...

Бобчинскій *(перебивая).*

Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостиницу...

Добчинскій *(перебивая).*

Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я разскажу.

Бобчинскій.

Э, нѣтъ, позвольте ужъ я... позвольте, позвольте... вы ужъ и слога такого не имѣете...

Добчинскій.

А вы собьетесь и не припомните всего.

Бобчинскій.

Припомню, ей-Богу, припомню. Ужъ не мѣшайте, пусть я разскажу, не мѣшайте! Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

Городничій.

Да говорите, ради Бога, что такое? У меня сердце не на мѣстѣ. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Петръ Ивановичъ,

Бобчинскій и Добчинскій.
Рис. П. Боклевскаго.

вотъ вамъ стулъ. *(Всѣ усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей.)* Ну, что, что такое?

Бобчинскій.

Позвольте, позвольте; я все по порядку. Какъ только имѣлъ я удовольствіе выйти отъ васъ послѣ того, какъ вы изволили смутиться полученнымъ письмомъ, да-съ—такъ я тогда же забѣжалъ... ужъ, пожалуйста, не перебивайте, Петръ Ивановичъ! Я уже все, все, все знаю-съ. Такъ я, вотъ изволите видѣть, забѣжалъ къ Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотилъ къ Растаковскому, а не заставши Растаковскаго, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

Добчинскій *(перебивая)*.

Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

Бобчинскій.

Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Да, встрѣтившись съ Петромъ Ивановичемъ, и говорю ему: слышали ли вы о новости-та, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма? А Петръ Ивановичъ ужъ услыхали объ этомъ отъ ключницы вашей, Авдотьи, которая, не знаю, зачѣмъ-то, была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добчинскій *(перебивая)*.

За боченкомъ для французской водки.

Бобчинскій *(отводя его руки)*.

За боченкомъ для французской водки. Вотъ мы пошли съ Петромъ-то Ивановичемъ къ Почечуеву... Ужъ вы, Петръ Ивановичъ... энтого... не перебивайте, пожалуйста не перебивайте!.. Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ: „Зайдемъ", говоритъ, „въ трактиръ. Въ желудкѣ-то у меня... съ утра я ничего не ѣлъ, такъ желудочное трясеніе..." да-съ, въ желудкѣ-то у Петра Ивановича... „А въ трактиръ", говоритъ, „привезли теперь свѣжей семги, такъ мы закусимъ". Только-что мы въ гостиницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ...

Добчинскій *(перебивая)*.

Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ...

Бобчинскій.

Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходитъ этакъ по комнатѣ, и въ лицѣ этакое разсужденіе... физіономія...

поступки, и здѣсь *(вертитъ рукою около лба)* много, много всего. Я будто предчувствовалъ и говорю Петру Ивановичу: „Здѣсь что-нибудь не спроста-съ“. Да. А Петръ-то Ивановичъ ужъ мигнулъ пальцемъ и подозвалъ трактирщика-съ,—трактирщика Власа: у него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой пребойкій мальчикъ, будетъ та́къ же, какъ и отецъ, содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ и спроси его потихоньку: „Кто“, говоритъ, „этотъ молодой человѣкъ?“ а Власъ и отвѣчаетъ на это: „Это“, говоритъ... Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйста, не перебивайте, вы не разскажете, ей-Богу, не разскажете: вы пришепетываете, у васъ, я знаю, одинъ зубъ во рту со свистомъ... „Это“, говоритъ, „молодой человѣкъ, чиновникъ“, да-съ, „ѣдущій изъ Петербурга, а по фамиліи“, говоритъ, „Иванъ Александровичъ Хлестаковъ-съ, а ѣдетъ“, говоритъ, „въ Саратовскую губернію и“, говоритъ, „престранно себя аттестуетъ: другую ужъ недѣлю живетъ, изъ трактира не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и ни копѣйки не хочетъ платить“. Какъ сказалъ онъ мнѣ это, а меня тутъ вотъ свыше и вразумило. „Э!“ говорю я Петру Ивановичу...

Добчинскій.

Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ: „э!“

Бобчинскій.

Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. „Э!“ сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ: „А съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ въ Саратовскую губернію?“— Да-съ. А вотъ онъ-то и есть этотъ чиновникъ.

Городничій.

Кто, какой чиновникъ?

Бобчинскій.

Чиновникъ-то, о которомъ изволили получить нотицію,— ревизоръ.

Городничій *(въ страхѣ)*.

Что вы, Господь съ вами! это не онъ.

Добчинскій.

Онъ! и денегъ не платитъ, и не ѣдетъ. Кому же-бъ быть, какъ не ему? И подорожная прописана въ Саратовъ.

Бобчинскій.

Онъ, онъ, ей-Богу, онъ... Такой наблюдательный: все осмотрѣлъ. Увидѣлъ, что мы съ Петромъ-то Ивановичемъ ѣли сем-

гу,—больше потому, что Петръ Ивановичъ насчетъ своего желудка... да, такъ онъ и въ тарелки къ намъ заглянулъ. Меня такъ и проняло страхомъ.

Городничій.

Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Гдѣ же онъ тамъ живетъ?

Добчинскій.

Въ пятомъ номерѣ, подъ лѣстницей.

Бобчинскій.

Въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

Городничій.

А давно онъ здѣсь?

Добчинскій.

А недѣли двѣ ужъ. Пріѣхалъ на Василья Египтянина.

Городничій.

Двѣ недѣли! *(Въ сторону.)* Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! Въ эти двѣ недѣли высѣчена унтеръ-офицерская жена! Арестантамъ не выдавали провизіи! На улицахъ кабакъ, нечистота! Позоръ, поношенье! *(Хватается за голову.)*

Артемій Филипповичъ.

Что-жъ, Антонъ Антоновичъ?—ѣхать парадомъ въ гостиницу.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Впередъ пустить голову, духовенство, купечество; вотъ и въ книгѣ „Дѣянія Іоанна Масона“...

Городничій.

Нѣтъ, нѣтъ; позвольте ужъ мнѣ самому. Бывали трудные случаи въ жизни, сходили, еще даже и спасибо получалъ. Авось, Богъ вынесетъ и теперь. *(Обращаясь къ Бобчинскому.)* Вы говорите, онъ молодой человѣкъ?

Бобчинскій.

Молодой, лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ съ небольшимъ.

Городничій.

Тѣмъ лучше: молодого скорѣе пронюхаешь. Бѣда, если старый чортъ; а молодой—весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь самъ, или вотъ хоть съ

Петромъ Ивановичемъ, приватно, для прогулки, навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе непріятностей. Эй, Свистуновъ!

Свистуновъ.

Что угодно?

Городничій.

Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ; или нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно поскорѣе ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда. *(Квартальный бѣжитъ впопыхахъ.)*

Артемій Филипповичъ.

Идемъ, идемъ, Аммосъ Ѳедоровичъ! Въ самомъ дѣлѣ можетъ случиться бѣда.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да вамъ чего бояться? Колпаки чистые надѣлъ на больныхъ, да и концы въ воду.

Артемій Филипповичъ.

Какое колпаки! Больнымъ велѣно габеръ-супъ давать, а у меня по всѣмъ коридорамъ несетъ такая капуста, что береги только носъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

А я на этотъ счетъ покоенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто зайдетъ въ уѣздный судъ? А если и заглянетъ въ какую-нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку— а! только рукой махну. Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что въ ней правда и что неправда. *(Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и почтмейстеръ уходятъ и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Городничій, Добчинскій, Бобчинскій и квартальный.

Городничій.

Что, дрожки тамъ стоятъ?

Квартальный.

Стоятъ.

Городничій.

Ступай на улицу... или, нѣтъ, постой! Ступай, принеси... Да другіе-то гдѣ? неужели ты только одинъ? Вѣдь я приказывалъ, чтобы и Прохоровъ былъ здѣсь. Гдѣ Прохоровъ?

Квартальный.

Прохоровъ въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ.

Городничій.

Какъ такъ?

Квартальный.

Да такъ: привезли его поутру мертвецки. Вотъ уже два ушата воды вылили, до сихъ поръ не протрезвился.

Городничій *(хватаясь за голову)*.

Ахъ, Боже мой, Боже мой! Ступай скорѣе на улицу, или нѣтъ—бѣги прежде въ комнату, слышь, и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петръ Ивановичъ, поѣдемъ!

Бобчинскій.

И я, и я... позвольте и мнѣ, Антонъ Антоновичъ!

Городничій.

Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожкахъ не помѣстимся.

Бобчинскій.

Ничего, ничего, я такъ: пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ бы только немножко въ щелочку-то, въ дверь этакъ посмотрѣть, какъ у него эти поступки...

Городничій
(принимая шпагу, къ квартальному).

Бѣги сейчасъ, возьми десятскихъ, да пусть каждый изъ нихъ возьметъ... Экъ, шпага какъ исцарапалась! Проклятый купчишка Абдулинъ—видитъ, что у городничаго старая шпага, не прислалъ новой. О, лукавый народъ! А такъ, мошенники, я думаю, тамъ ужъ просьбы изъ-подъ полы и готовятъ. Пусть каждый возьметъ въ руки по улицѣ... чортъ возьми, по улицѣ—по метлѣ! и вымели бы всю улицу, что идетъ къ трактиру, и вымели бы чисто... Слышишь! Да смотри ты! ты! я знаю тебя: ты тамъ кумаешься, да крадешь въ ботфорты серебряныя ложечки,—смотри, у меня ухо востро!.. Что ты сдѣлалъ съ купцомъ Черняевымъ—а? Онъ тебѣ на мундиръ далъ два аршина сукна, а ты стянулъ всю штуку! Смотри! не по чину берешь! Ступай!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и частный приставъ.

Городничій.

А, Степанъ Ильичъ! Скажите ради Бога: куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный приставъ.

Я былъ тутъ сейчасъ за воротами.

Городничій.

Ну, слушайте же, Степанъ Ильичъ! Чиновникъ-то изъ Петербурга пріѣхалъ. Какъ вы тамъ распорядились?

Частный приставъ.

Да такъ, какъ вы приказывали. Квартальнаго Пуговицына я послалъ съ десятскими подчищать тротуаръ.

Городничій.

А Держиморда гдѣ?

Частный приставъ.

Держиморда поѣхалъ на пожарной трубѣ.

Городничій.

А Прохоровъ пьянъ?

Частный приставъ.

Пьянъ.

Городничій.

Какъ же вы это такъ допустили?

Частный приставъ.

Да Богъ его знаетъ. Вчерашняго дня случилась за городомъ драка,—поѣхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ.

Городничій.

Послушайте-жъ, вы сдѣлайте вотъ что: квартальный Пуговицынъ... онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ, для благоустройства, на мосту. Да разметать наскоро старый заборъ, что возлѣ сапожника, и поставить соломенную вѣху, чтобъ было похоже на планировку. Оно чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности градоправителя. Ахъ, Боже мой, я и

позабылъ, что возлѣ того забора навалено на сорокъ телѣгъ всякаго сору. Что это за скверный городъ! только гдѣ-нибудь поставь какой-нибудь памятникъ или просто заборъ — чортъ ихъ знаетъ откудова, и нанесутъ всякой дряни! *(Вздыхаетъ.)* Да если пріѣзжій чиновникъ будетъ спрашивать службу: довольны ли?—чтобы говорили: „Всѣмъ довольны, ваше благородіе"; а который будетъ недоволенъ, то ему послѣ дамъ такого неудовольствія... О, охъ, хо, хо, хъ! грѣшенъ, во многомъ грѣшенъ. *(Беретъ вмѣсто шляпы футляръ.)* Дай только, Боже, чтобы сошло съ рукъ поскорѣе, а тамъ-то я поставлю такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ: на каждую бестію купца наложу доставить по три пуда воску. О, Боже мой, Боже мой! Ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! *(Вмѣсто шляпы хочетъ надѣть бумажный футляръ).*

Частный приставъ.

Антонъ Антоновичъ, это коробка, а не шляпа.

Городничій *(бросая коробку).*

Коробка, такъ коробка. Чортъ съ ней. Да если спросятъ: отчего не выстроена церковь при богоугодномъ заведеніи, на которую, назадъ тому пять лѣтъ, была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорѣла. Я объ этомъ и рапортъ представлялъ. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажетъ, что она и не начиналась. Да сказать Держимордѣ, чтобы не слишкомъ давалъ воли кулакамъ своимъ; онъ, для порядка, всѣмъ ставитъ фонари подъ глазами—и правому и виноватому. Ѣдемъ, ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! *(Уходитъ и возвращается).* Да не выпускать солдатъ на улицу безо всего: эта дрянная гарниза надѣнетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ. *(Всѣ уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анна Андреевна и Марья Антоновна *вбѣгаютъ на сцену.*

Анна Андреевна.

Гдѣ-жъ, гдѣ-жъ они? Ахъ, Боже мой!.. *(Отворяя дверь.)* Мужъ! Антоша! Антонъ! *(Говоритъ скоро.)* А все ты, а все за тобой. И пошла копаться: „Я булавочку, я косынку". *(Подбѣгаетъ къ окну и кричитъ.)* Антонъ, куда, куда? Что, пріѣхалъ? ревизоръ? съ усами? съ какими усами?

I дѣйствіе. Городничій: Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ будетъ ревизоръ!

Голосъ городничаго.

Послѣ, послѣ, матушка!

Анна Андреевна.

Послѣ? Вотъ новости, послѣ! Я не хочу послѣ... Мнѣ только одно слово: что онъ, полковникъ? А? *(Съ пренебреженіемъ.)* Уѣхалъ! Я тебѣ вспомню это! А все эта: „Маменька, маменька, погодите! зашпилю сзади косынку: я сейчасъ!“ Вотъ тебѣ и сейчасъ! Вотъ тебѣ ничего и не узнали! А все проклятое кокетство: услышала, что почтмейстеръ здѣсь, и давай предъ зеркаломъ жеманиться: и съ той стороны, и съ этой стороны подойдетъ. Воображаетъ, что онъ за ней волочится, а онъ, просто, тебѣ дѣлаетъ гримасу, когда ты отвернешься.

Марья Антоновна.

Да что-жъ дѣлать, маменька? Все равно, черезъ два часа мы все узнаемъ.

Анна Андреевна.

Черезъ два часа! покорнѣйше благодарю. Вотъ одолжила отвѣтомъ! Какъ ты не догадалась сказать, что черезъ мѣсяцъ еще лучше можно узнать! *(Свѣшивается въ окно.)* Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала? тамъ пріѣхалъ кто-то?.. Не слышала? Глупая какая! Машетъ руками? Пусть машетъ, а ты все бы таки его разспросила. Не могла этого узнать! Въ головѣ чепуха, все женихи сидятъ. А? Скоро уѣхали! да ты бы побѣжала за дрожками. Ступай, ступай, сейчасъ! Слышишь, побѣги, разспроси, куда поѣхали; да разспроси хорошенько: что за пріѣзжій, каковъ онъ, — слышишь? Подсмотри въ щелку и узнай все, и глаза какіе: черные или нѣтъ, и сію же минуту возвращайся назадъ, слышишь? Скорѣе, скорѣе, скорѣе, скорѣе! *(Кричитъ до тѣхъ поръ, пока не опускается занавѣсъ. Такъ занавѣсъ и закрываетъ ихъ обѣихъ, стоящихъ у окна.)*

Дѣйствіе второе.

Маленькая комната въ гостиницѣ. Постель, столъ, чемоданъ, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

ЯВЛЕНІЕ I.

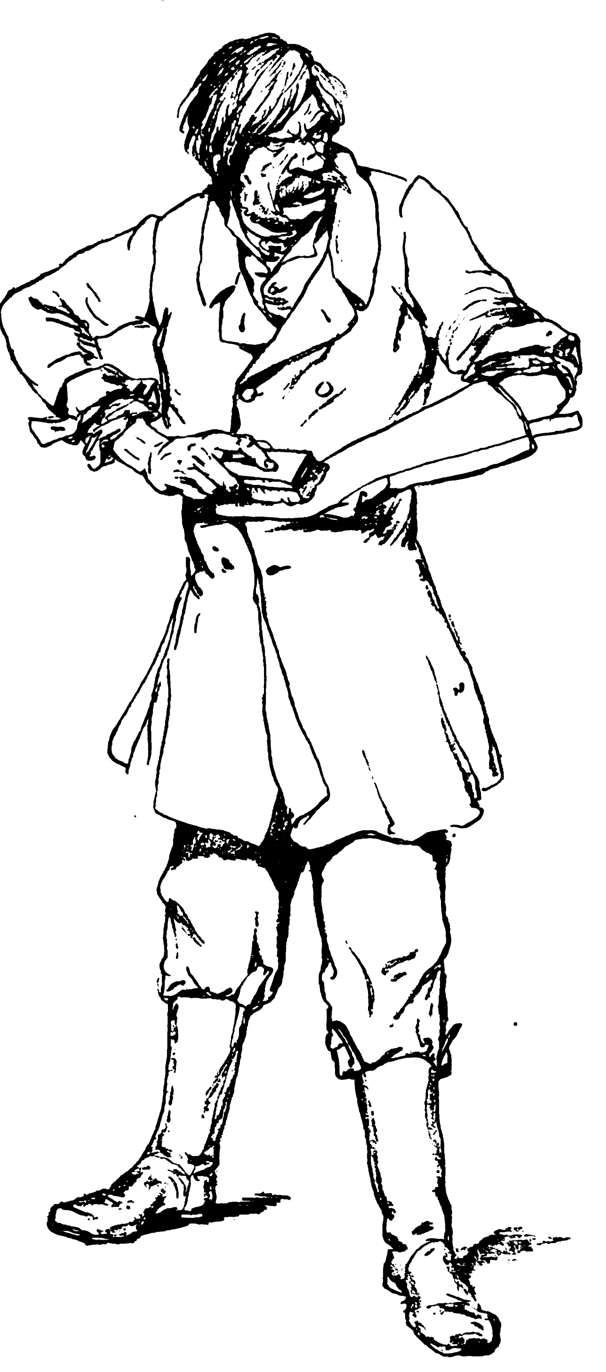
Осипъ

(лежитъ на барской постели).

Чортъ побери, ѣсть такъ хочется и въ животѣ трескотня такая, какъ будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы. Вотъ не доѣдемъ, да и только, домой! Что ты прикажешь дѣлать? Второй мѣсяцъ пошелъ, какъ уже изъ Питера! Профинтилъ дорогою денежки, голубчикъ, теперь сидитъ и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы и очень стало бы на прогоны; нѣтъ, вишь ты, нужно въ каждомъ городѣ показать себя! *(Дразнитъ его.)* „Эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату, лучшую, да обѣдъ спроси самый лучшій: я не могу ѣсть дурного обѣда, мнѣ нуженъ лучшій обѣдъ“. Добро было бы въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное, а то вѣдь елистратишка простой! Съ проѣзжающими знакомится, а потомъ въ картишки—вотъ тебѣ и доигрался! Эхъ, надоѣла такая жизнь! Право, на деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше, возьмешь себѣ бабу, да и лежи весь вѣкъ на полатяхъ, да ѣшь пироги. Ну, кто-жъ споритъ, конечно, если пойдетъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеятры, собаки тебѣ танцуютъ, и все, что хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступитъ; пойдешь на Щукинъ—купцы тебѣ кричатъ: „Почтенный!“ На перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь; компаніи захотѣлъ—ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери и объявитъ, что всякая звѣзда значитъ на небѣ, такъ вотъ, какъ на ладони все видишь. Старуха-офицерша забредетъ; горничная иной разъ заглянетъ такая... фу, фу, фу! *(Усмѣхается и трясетъ головою.)* Галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь: всякой тебѣ говоритъ *вы*. Наскучило итти—берешь извозчика и сидишь себѣ, какъ баринъ, а не хочешь заплатить ему—изволь: у каждаго дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ. Одно плохо: иной разъ славно наѣшься, а въ другой чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь, напримѣръ. А все онъ виноватъ. Что съ нимъ сдѣлаешь? Батюшка пришлетъ денежки, чѣмъ бы ихъ

попридержать—и куды!.. пошелъ кутить: ѣздитъ на извозчикѣ, каждый день ты доставай въ кеятръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю — глядь, и посылаетъ на толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спуститъ, такъ, что на немъ всего останется сертучишка да шинелишка... Ей-Богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублевъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спуститъ рублей за двадцать; а о брюкахъ и говорить нечего — ни по чемъ идутъ. А отчего? — оттого, что дѣломъ не занимается: вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по прешпекту, въ картишки играетъ. Эхъ, если-бъ узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня-бъ четыре ты почесывался. Коли служить, такъ служи. Вотъ теперь трактирщикъ сказалъ, что не дамъ вамъ ѣсть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатимъ? *(Со вздохомъ.)* Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія-нибудь щи! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ. Стучится, вѣрно, это онъ идетъ. *(Поспѣшно схватывается съ постели.)*

Осипъ. Рис. П. Боклевскаго.

ЯВЛЕНІЕ II.

Осипъ и Хлестаковъ.

Хлестаковъ.

На, прими это. *(Отдаетъ фуражку и тросточку.)* А, опять валялся на кровати?

Осипъ.

Да зачѣмъ же бы мнѣ валяться? Не видалъ я развѣ кровати, что ли?

Хлестаковъ.

Врешь, валялся; видишь, вся склочена!

Осипъ.

Да на что мнѣ она? Не знаю я развѣ, что такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачѣмъ мнѣ ваша кровать?

Хлестаковъ *(ходитъ по комнатѣ).*

Посмотри, тамъ, въ картузѣ, табаку нѣтъ?

Осипъ.

Да гдѣ жъ ему быть, табаку? Вы четвертаго дня послѣднее выкурили.

Хлестаковъ

(ходитъ и разнообразно сжимаетъ свои губы; наконецъ говоритъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ).

Послушай... эй, Осипъ!

Осипъ.

Чего изволите?

Хлестаковъ

(громкимъ, но не столь рѣшительнымъ голосомъ.)

Ты ступай туда.

Осипъ.

Куда?

Хлестаковъ

(голосомъ вовсе нерѣшительнымъ и негромкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ).

Внизъ, въ буфетъ... Тамъ скажи... чтобы мнѣ дали пообѣдать.

Осипъ.

Да нѣтъ, я и ходить не хочу.

Хлестаковъ.

Какъ ты смѣешь, дуракъ?

Осипъ.

Да такъ; все равно, хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать.

Хлестаковъ.

Какъ онъ смѣетъ не дать? Вотъ еще вздоръ!

Осипъ.

Еще, говоритъ, и къ городничему пойду; третью недѣлю баринъ денегъ не платитъ. Вы-де съ бариномъ, говоритъ, мошенники, и баринъ твой — плутъ. Мы-де, говоритъ, этакихъ шаромыжниковъ и подлецовъ видали.

Хлестаковъ.

А ты ужъ и радъ, скотина, сейчасъ пересказывать мнѣ все это.

Осипъ.

Говоритъ: „Этакъ всякій пріѣдетъ, обживется, задолжается, послѣ и выгнать нельзя". „Я", говоритъ, „шутить не буду, а прямо съ жалобою, чтобъ на съѣзжую, да въ тюрьму".

Хлестаковъ.

Ну, ну, дуракъ, полно! Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное.

Осипъ.

Да лучше я самого хозяина позову къ вамъ.

Хлестаковъ. Рис. П. Боклевскаго.

Хлестаковъ.

На что жъ хозяина? ты поди самъ скажи.

Осипъ.

Да, право, сударь...

Хлестаковъ.

Ну, ступай, чортъ съ тобой! позови хозяина.

(Осипъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ *(одинъ).*

Ужасно какъ хочется ѣсть! Такъ немножко прошелся, думалъ, не пройдетъ ли аппетитъ—нѣтъ, чортъ возьми, не проходитъ. Да, если-бъ въ Пензѣ я не покутилъ, стало бы денегъ доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ сильно поддѣлъ меня: штосы удивительно, бестія, срѣзываетъ. Всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ—и все обобралъ. А при всемъ томъ страхъ хотѣлось бы съ нимъ еще разъ сразиться. Случай только не привелъ. Какой скверный городишка! Это ужъ, просто, подло. *(Насвистываетъ сначала изъ „Роберта", потомъ: „Не шей ты мнѣ, матушка", а наконецъ—ни се, ни то).* Никто не хочетъ итти.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестаковъ, Осипъ и трактирный слуга.

Слуга.

Хозяинъ приказалъ спросить, что вамъ угодно.

Хлестаковъ.

Здравствуй, братецъ! Ну, что ты, здоровъ?

Слуга.

Слава Богу.

Хлестаковъ.

Ну что, какъ у васъ въ гостиницѣ? хорошо ли все идетъ?

Слуга.

Да, слава Богу, все хорошо.

Хлестаковъ.

Много проѣзжающихъ?

Слуга.

Да, достаточно.

Хлестаковъ.

Послушай, любезный, тамъ мнѣ до сихъ поръ обѣда не приносятъ, такъ, пожалуйста, поторопи, чтобъ поскорѣе,— видишь, мнѣ сейчасъ послѣ обѣда нужно кое-чѣмъ заняться.

Слуга.

Да хозяинъ сказалъ, что не будетъ больше отпускать. Онъ, никакъ, хотѣлъ итти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаковъ.

Да что жъ жаловаться? Посуди самъ, любезный, какъ же? вѣдь мнѣ нужно ѣсть. Этакъ могу я совсѣмъ отощать. Мнѣ очень ѣсть хочется: я не шутя это говорю.

Слуга.

Такъ-съ. Онъ говорилъ: „Я ему обѣдать не дамъ, покамѣстъ онъ не заплатитъ мнѣ за прежнее“. Таковъ ужъ отвѣтъ его былъ.

Хлестаковъ.

Да ты урезонь, уговори его.

Слуга.

Да что жъ ему такое говорить?

Хлестаковъ.

Ты растолкуй ему серьезно, что мнѣ нужно ѣсть. Деньги сами собою... Онъ думаетъ, что, какъ ему, мужику, ничего, если не поѣсть день, такъ и другимъ тоже. Вотъ новости!

Слуга.

Пожалуй, я скажу.

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ *(одинъ)*.

Это скверно, однако жъ, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ ѣсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Развѣ изъ платья что-нибудь пустить въ оборотъ? Штаны, что ли, продать? Нѣтъ, ужъ лучше поголодать, да пріѣхать домой въ петербургскомъ костюмѣ. Жаль, что Іохимъ не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы, чортъ побери, пріѣхать домой въ каретѣ,

подкатить этакимъ чортомъ къ какому-нибудь сосѣду-помѣщику подъ крыльцо, съ фонарями, а Осипа сзади одѣть въ ливрею. Какъ бы, я воображаю, всѣ переполошились! „Кто такой, что такое?“ А лакей входитъ *(вытягиваясь и представляя лакея).* „Иванъ Александровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга, прикажете принять?“ Они, пентюхи, и не знаютъ, что такое значитъ „прикажете принять“. Къ нимъ если пріѣдетъ какой-нибудь гусь-помѣщикъ, такъ и валитъ, медвѣдь, прямо въ гостиную. Къ дочечкѣ какой-нибудь хорошенькой подойдешь: „Сударыня, какъ я...“ *(Потираетъ руки и подшаркиваетъ ножкой.)* Тьфу! *(плюетъ)* даже тошнитъ, такъ ѣсть хочется.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хлестаковъ, Осипъ, потомъ **слуга.**

Хлестаковъ.

А что?

Осипъ.

Несутъ обѣдъ.

Хлестаковъ

(прихлопываетъ въ ладоши и слегка подпрыгиваетъ на стулѣ)

Несутъ! несутъ! несутъ!

Слуга *(съ тарелками и салфеткой).*

Хозяинъ въ послѣдній разъ ужъ даетъ.

Хлестаковъ.

Ну, хозяинъ, хозяинъ... Я плевать на твоего хозяина! Что тамъ такое?

Слуга.

Супъ и жаркое.

Хлестаковъ.

Какъ, только два блюда?

Слуга.

Только-съ.

Хлестаковъ.

Вотъ вздоръ какой! Я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это въ самомъ дѣлѣ такое!.. Этого мало.

Слуга.

Нѣтъ, хозяинъ говоритъ, что еще много.

Трактирный слуга. Рис. П. Боклевскаго.

Хлестаковъ.

А соуса почему нѣтъ?

Слуга.

Соуса нѣтъ.

Хлестаковъ.

Отчего же нѣтъ? Я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, тамъ много готовилось. И въ столовой сегодня поутру двое какихъ-то коротенькихъ человѣка ѣли семгу и еще много кой-чего.

Слуга.

Да оно-то есть, пожалуй, да нѣтъ.

Хлестаковъ.

Какъ нѣтъ?

Слуга.

Да ужъ нѣтъ.

Хлестаковъ.

А семга, а рыба, а котлеты?

Слуга.

Да это для тѣхъ, которые почище-съ.

Хлестаковъ.

Ахъ, ты, дуракъ!

Слуга.

Да-съ.

Хлестаковъ.

Поросенокъ ты скверный... Какъ же они ѣдятъ, а я не ѣмъ? Отчего же я, чортъ возьми, не могу также? Развѣ они не такіе же проѣзжающіе, какъ и я?

Слуга.

Да ужъ извѣстно, что не такіе.

Хлестаковъ.

Какіе же?

Слуга.

Обнакновенно какіе! Они ужъ, извѣстно: они деньги платятъ.

Хлестаковъ.

Я съ тобою, дуракъ, не хочу разсуждать. *(Наливаетъ супъ и ѣстъ.)* Что это за супъ? Ты, просто, воды налилъ въ чашку: никакого вкусу нѣтъ, только воняетъ. Я не хочу этого супу, дай мнѣ другого.

Слуга.

Мы примемъ-съ. Хозяинъ сказалъ: коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаковъ *(защищая рукою кушанье).*

Ну, ну, ну... оставь, дуракъ! Ты привыкъ тамъ обращаться съ другими: я, братъ, не такого рода! со мной не совѣтую... *(Ѣстъ.)* Боже мой, какой супъ! *(Продолжаетъ ѣсть.)* Я думаю, еще не одинъ человѣкъ въ мірѣ не ѣдалъ такого супу: какія-то перья плаваютъ вмѣсто масла. *(Рѣжетъ курицу.)* Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Тамъ супу немного осталось, Осипъ, возьми себѣ *(Рѣжетъ жаркое.)* Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга.

Да что-жъ такое?

Хлестаковъ.

Чортъ его знаетъ что такое, только не жаркое. Это топоръ, зажаренный вмѣсто говядины *(Ѣстъ.)* Мошенники, канальи! чѣмъ они кормятъ? И челюсти заболятъ, если съѣшь одинъ такой кусокъ. *(Ковыряетъ пальцемъ въ зубахъ.)* Подлецы! Совершенно, какъ деревянная кора — ничѣмъ вытащить нельзя; и зубы почернѣютъ послѣ этихъ блюдъ. Мошенники! *(Вытираетъ ротъ салфеткой.)* Больше ничего нѣтъ?

Слуга.

Нѣтъ.

Хлестаковъ.

Канальи! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соусъ или пирожное. Бездѣльники! дерутъ только съ проѣзжающихъ.

Слуга *убираетъ и уноситъ тарелки вмѣстѣ съ Осипомъ.*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хлестаковъ, потомъ **Осипъ.**

Хлестаковъ.

Право, какъ будто и не ѣлъ; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынокъ и купить хоть сайку.

Осипъ *(входитъ).*

Тамъ зачѣмъ-то городничій пріѣхалъ, освѣдомляется и спрашиваетъ объ васъ.

Хлестаковъ *(испугавшись).*

Вотъ тебѣ на! Эка бестія трактирщикъ, успѣлъ уже пожаловаться! Что, если въ самомъ дѣлѣ онъ потащитъ меня въ тюрьму? Что-жъ? Если благороднымъ образомъ, я пожалуй... Нѣтъ, нѣтъ, не хочу! Тамъ въ городѣ таскаются офицеры и народъ, а я, какъ нарочно, задалъ тону, и перемигнулся съ одной купеческой дочкой... Нѣтъ, не хочу... Да что онъ? какъ онъ смѣетъ въ самомъ дѣлѣ? Что я ему, развѣ купецъ или ремесленникъ? *(Бодрится и выпрямляется.)* Да я ему прямо скажу: „Какъ вы смѣете? Какъ вы...“ *(У дверей вертится ручка; Хлестаковъ блѣднѣетъ и съеживается.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ, городничій и Добчинскій.

(Городничій, вошедъ, останавливается. Оба въ испугѣ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другого, выпучивъ глаза.)

Городничій
(немного оправившись и протянувъ руки по швамъ).

Желаю здравствовать!

Хлэстаковъ *(кланяется).*

Мое почтеніе!..

Городничій.

Извините.

Хлестаковъ.

Ничего...

Городничій.

Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій...

Хлестаковъ
(сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко).

Да что жъ дѣлать?.. Я не виноватъ... Я, право, заплачу... Мнѣ пришлютъ изъ деревни. *(Бобчинскій выглядываетъ изъ дверей).* Онъ больше виноватъ: говядину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно: а супъ — онъ, чортъ знаетъ, чего плеснулъ туда, я долженъ былъ выбросить его за окно. Онъ меня моритъ голодомъ по цѣлымъ днямъ... чай такой странный: воняетъ рыбой, а не чаемъ. За что жъ я... Вотъ новость!

Городничій (*робѣя*).

Извините, я, право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую. А если что не такъ, то... Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

Хлестаковъ.

Нѣтъ, не хочу! Я знаю, что значитъ на другую квартиру: то-есть—въ тюрьму. Да какое вы имѣете право? Да какъ вы смѣете?.. Да вотъ я... Я служу въ Петербургѣ. (*Бодрится.*) Я, я, я...

Городничій (*въ сторону*).

О, Господи Ты Боже, какой сердитый! Все узналъ, все разсказали проклятые купцы!

Хлестаковъ (*храбрясь*).

Да вотъ вы хоть тутъ со всей своей командой—не пойду. Я прямо къ министру! (*Стучитъ кулакомъ по столу.*) Что вы? что вы?

Городничій

(*вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ*).

Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія... не сдѣлайте несчастнымъ человѣка!

Хлестаковъ.

Нѣтъ, я не хочу. Вотъ еще! мнѣ какое дѣло? Оттого что у васъ жена и дѣти, я долженъ итти въ тюрьму, вотъ прекрасно! (*Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугѣ прячется.*) Нѣтъ, благодарю покорно, не хочу.

Городничій (*дрожа*).

По неопытности, ей-Богу, по неопытности. Недостаточность состоянія... Сами извольте посудить: казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если-жъ и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь да на пару платья. Что же до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей-Богу, клевета. Это выдумали злодѣи мои; это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаковъ.

Да что? мнѣ нѣтъ никакого дѣла до нихъ... (*Въ размышленіи.*) Я не знаю, однако жъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ или

о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ... Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь, до этого вамъ далеко... Вотъ еще! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нѣтъ. Я потому и сижу здѣсь, что у меня нѣтъ ни копѣйки.

Городничій *(въ сторону).*

О, тонкая штука! Экъ, куда метнулъ! какого туману напустилъ! разбери, кто хочетъ! Не знаешь, съ которой стороны и приняться. Ну, да ужъ попробовать, не куды пошло! Что будетъ, то будетъ, попробовать на авось. *(Вслухъ.)* Если вы, точно, имѣете нужду въ деньгахъ или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность помогать проѣзжающимъ.

Хлестаковъ.

Дайте, дайте мнѣ взаймы! Я сейчасъ расплачусь съ трактирщикомъ. Мнѣ бы только рублей двѣсти или хоть даже и меньше.

Городничій *(поднося бумажки).*

Ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаковъ *(принимая деньги).*

Покорнѣйше благодарю. Я вамъ тотчасъ пришлю ихъ изъ деревни... у меня это вдругъ... Я вижу, вы благородный человѣкъ. Теперь другое дѣло.

Городничій *(въ сторону).*

Ну, слава Богу! деньги взялъ. Дѣло, кажется, пойдетъ теперь на ладъ. Я таки ему, вмѣсто двухсотъ, четыреста ввернулъ.

Хлестаковъ.

Эй, Осипъ! *(Осипъ входитъ.)* Позови сюда трактирнаго слугу! *(Къ городничему и Добчинскому.)* А что жъ вы стоите? Сдѣлайте милость, садитесь. *(Добчинскому.)* Садитесь, прошу покорнѣйше.

Городничій.

Ничего, мы и такъ постоимъ.

Хлестаковъ.

Сдѣлайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушіе; а то, признаюсь, я ужъ думалъ, что вы пришли съ тѣмъ, чтобы меня... *(Добчинскому.)* Садитесь! *(Городничій и Добчинскій садятся. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и прислушивается.)*

Городничій *(въ сторону).*

Нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Хорошо, подпустимъ и мы турусы: прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, что онъ за человѣкъ. *(Вслухъ.)* Мы, прохаживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостиницу, чтобы освѣдомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе, потому что я не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ: но я, я, кромѣ должности, еще, по христіанскому человѣколюбію, хочу, чтобъ всякому смертному оказывался хорошій пріемъ,—и вотъ, какъ будто въ награду, случай доставилъ такое пріятное знакомство.

Хлестаковъ.

Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

Городничій *(въ сторону).*

Да, разсказывай! не зналъ, чѣмъ заплатить! *(Вслухъ.)* Осмѣлюсь ли спросить: куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

Хлестаковъ.

Я ѣду въ Саратовскую губернію, въ собственную деревню.

Городничій
(въ сторону, съ лицомъ, принимающимъ ироническое выраженіе).

Въ Саратовскую губернію! А? и не покраснѣетъ! О, да съ нимъ нужно ухо востро! *(Вслухъ.)* Благое дѣло изволили предпринять. Вѣдь вотъ, относительно дороги: говорятъ, съ одной стороны, непріятности насчетъ задержки лошадей, а вѣдь съ другой стороны развлеченье для ума. Вѣдь вы, чай, больше для собственнаго удовольствія ѣдете?

Хлестаковъ.

Нѣтъ, батюшка меня требуетъ. Разсердился старикъ, что до сихъ поръ ничего не выслужилъ въ Петербургѣ. Онъ думаетъ, что такъ вотъ пріѣхалъ, да сейчасъ тебѣ Владиміра въ петлицу и дадутъ. Нѣтъ, я бы послалъ его самого потолкаться въ канцелярію.

Городничій *(въ сторону).*

Прошу посмотрѣть, какія пули отливаетъ! и старика-отца приплелъ! *(Вслухъ.)* И на долгое время изволите ѣхать?

Хлестаковъ.

Право, не знаю. Вѣдь мой отецъ упрямъ и глупъ, старый хрѣнъ, какъ бревно. Я ему прямо скажу: какъ хотите, я не могу жить безъ Петербурга. За что жъ, въ самомъ дѣлѣ, я долженъ погубить жизнь съ мужиками? Теперь не тѣ потребности; душа моя жаждетъ просвѣщенія.

Городничій *(въ сторону).*

Славно завязалъ узелокъ! Вретъ, вретъ — и нигдѣ не оборвется! А вѣдь какой невзрачный, низенькій, кажется, ногтемъ бы придавилъ его. Ну, да постой! ты у меня проговоришься. Я тебя ужъ заставлю побольше разсказать! *(Вслухъ.)* Справедливо изволили замѣтить. Что можно сдѣлать въ глуши? Вѣдь вотъ хоть бы здѣсь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда, неизвѣстно еще, когда будетъ. *(Окидываетъ глазами комнату.)* Кажется, эта комната нѣсколько сыра?

Хлестаковъ.

Скверная комната, и клопы такіе, какихъ я нигдѣ не видывалъ: какъ собаки кусаютъ.

Городничій.

Скажите! такой просвѣщенный гость, и терпитъ, отъ кого же? — отъ какихъ-нибудь негодныхъ клоповъ, которымъ бы и на свѣтъ не слѣдовало родиться! Никакъ даже темно въ этой комнатѣ?

Хлестаковъ.

Да, совсѣмъ темно. Хозяинъ завелъ обыкновеніе не отпускать свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣлать, почитать, или придетъ фантазія сочинить что-нибудь — не могу: темно, темно.

Городничій.

Осмѣлюсь ли просить васъ... но нѣтъ, я недостоинъ.

Хлестаковъ.

А что?

Городничій.

Нѣтъ, нѣтъ! недостоинъ, недостоинъ!

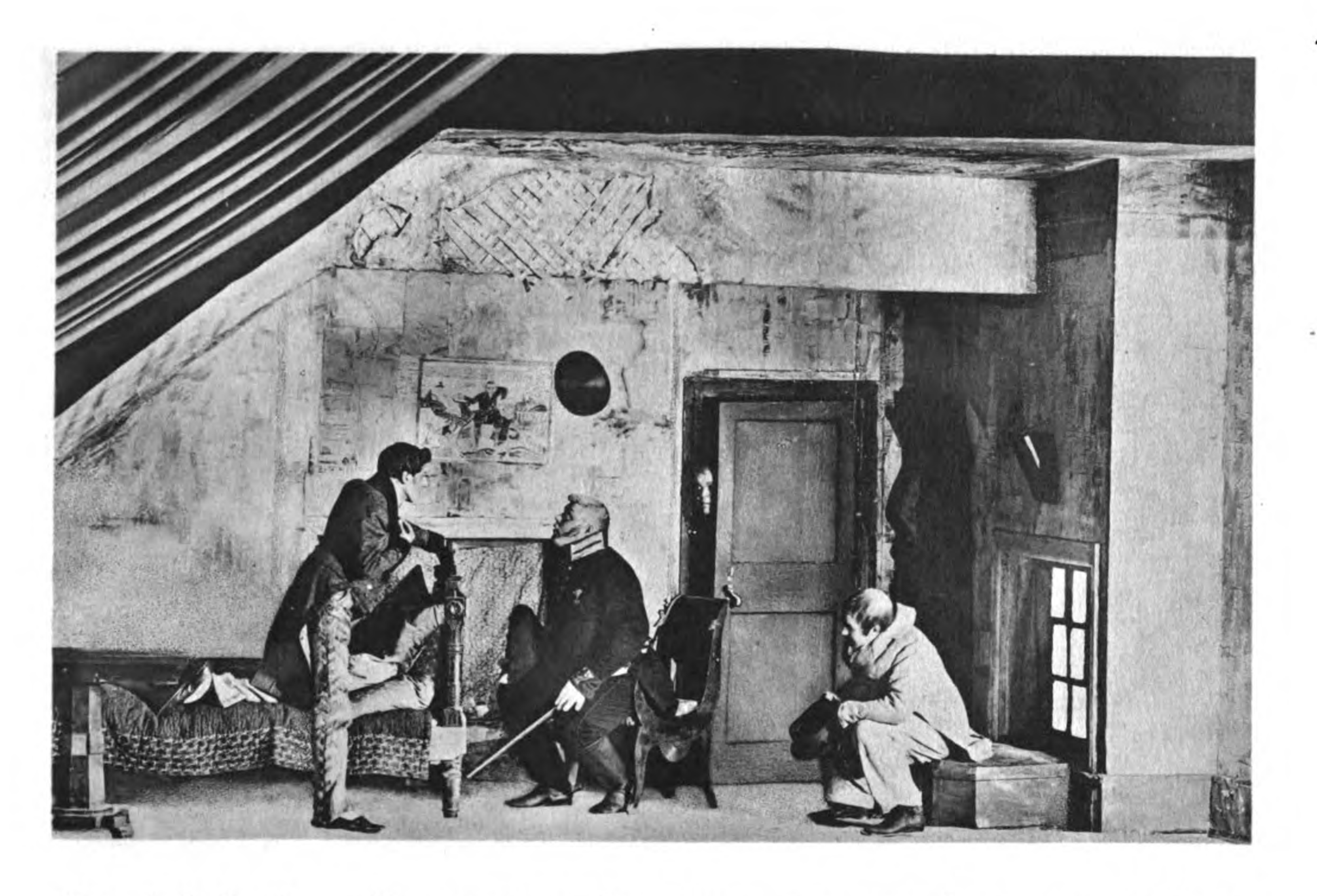
Хлестаковъ.

Да что жъ такое?

Городничій.

Я бы дерзнулъ... У меня въ домѣ есть прекрасная для васъ комната, свѣтлая, покойная... Но нѣтъ, чувствую самъ, это ужъ

Дѣйствіе II. Явл. 5. Хлестаковъ: Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго-бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

слишкомъ большая честь... Не разсердитесь — ей - Богу, отъ простоты души предложилъ.

Хлестаковъ.

Напротивъ, извольте, я съ удовольствіемъ. Мнѣ гораздо пріятнѣе въ приватномъ домѣ, чѣмъ въ этомъ кабакѣ.

Городничій.

А ужъ я такъ буду радъ! А ужъ какъ жена обрадуется! У меня ужъ такой нравъ: гостепріимство съ самаго дѣтства, особливо если гость — просвѣщенный человѣкъ. Не подумайте, чтобы я говорилъ это изъ лести; нѣтъ, не имѣю этого порока, отъ полноты души выражаюсь.

Хлестаковъ.

Покорно благодарю. Я самъ тоже—я не люблю людей двуличныхъ. Мнѣ очень нравится ваша откровенность и радушіе, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовалъ, какъ только оказывай мнѣ преданность и уваженье, уваженье и преданность.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и трактирный слуга, сопровождаемый **Осипомъ.** *(Бобчинскій выглядываетъ въ дверь.)*

Слуга.

Изволили спрашивать?

Хлестаковъ.

Да, подай счетъ!

Слуга.

Я ужъ давича подалъ вамъ другой счетъ.

Хлестаковъ.

Я ужъ не помню твоихъ глупыхъ счетовъ. Говори: сколько тамъ?

Слуга.

Вы изволили въ первый день спросить обѣдъ, а на другой день только закусили семги и потомъ пошли все въ долгъ брать.

Хлестаковъ.

Дуракъ! еще началъ высчитывать. Всего сколько слѣдуетъ?

Городничій.

Да вы не извольте безпокоиться: онъ подождетъ. *(Слугѣ.)* Пошелъ вонъ, тебѣ пришлютъ.

Хлестаковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, и то правда. *(Прячетъ деньги. Слуга уходитъ. Въ дверь выглядываетъ Бобчинскій.)*

ЯВЛЕНІЕ X.

Городничій, Хлестаковъ, Добчинскій.

Городничій.

Не угодно ли вамъ будетъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ-то: богоугодныя и другія.

Хлестаковъ.

А что тамъ такое?

Городничій.

А такъ, посмотрите, какое у насъ теченіе дѣлъ... порядокъ какой...

Хлестаковъ.

Съ большимъ удовольствіемъ, я готовъ. *(Бобчинскій выставляетъ голову въ дверь.)*

Городничій.

Также, если будетъ ваше желаніе, оттуда въ уѣздное училище, осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

Хлестаковъ.

Извольте, извольте.

Городничій.

Потомъ, если пожелаете посѣтить острогъ и городскія тюрьмы,—разсмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

Хлестаковъ.

Да зачѣмъ же тюрьмы? Ужъ лучше мы осмотримъ богоугодныя заведенія.

Городничій.

Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, въ своемъ экипажѣ или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

Хлестаковъ.

Да, я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

Городничій *(Добчинскому).*

Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь нѣтъ мѣста.

Добчинскій.

Ничего, я такъ.

Городничій *(тихо Добчинскому).*

Слушайте: вы побѣгите, да бѣгомъ, во всѣ лопатки, и снесите двѣ записки: одну въ богоугодное заведеніе Землярикѣ, а другую женѣ. *(Хлестакову.)* Осмѣлюсь ли я попросить позволенія написать въ вашемъ присутствіи одну строчку къ женѣ, чтобъ она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя?

Хлестаковъ.

Да зачѣмъ же?.. А впрочемъ, тутъ и чернила, только бумаги—не знаю... Развѣ на этомъ счетѣ?

Городничій.

Я здѣсь напишу. *(Пишетъ и въ то же время говоритъ про себя.)* А вотъ посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло послѣ фриштика да бутылки толстобрюшки! Да есть у насъ губернская мадера; не казиста на видъ, а слона повалитъ съ ногъ. Только бы мнѣ узнать, что онъ такое и въ какой мѣрѣ нужно его опасаться. *(Написавши, отдаетъ Добчинскому, который подходитъ къ двери, но въ это время дверь обрывается, и подслушивавшій съ другой стороны Бобчинскій летитъ вмѣстѣ съ нею на сцену. Всѣ издаютъ восклицанія. Бобчинскій подымается.)*

Хлестаковъ.

Что? не ушиблись ли вы гдѣ-нибудь?

Бобчинскій.

Ничего, ничего-съ, безъ всякаго-съ помѣшательства, только сверхъ носа небольшая нашлёпка! Я забѣгу къ Христіану Ивановичу: у него-съ есть пластырь такой, такъ вотъ оно и пройдетъ.

Городничій
(дѣлая Бобчинскому укорительный знакъ, Хлестакову).

Это-съ ничего. Прошу покорнѣйше, пожалуйте! А слугѣ вашему я скажу, чтобы перенесъ чемоданъ. *(Осипу.)* Любезнѣйшій, ты перенеси все ко мнѣ, къ городничему—тебѣ всякій покажетъ. Прошу покорнѣйше! *(Пропускаетъ впередъ Хлестакова и слѣдуетъ за нимъ; но, оборотившись, говоритъ съ укоризной Бобчинскому.)* Ужъ и вы! не нашли другого мѣста упасть! И растянулся, какъ, чортъ знаетъ, что такое. *(Уходитъ; за нимъ Бобчинскій. Занавѣсъ опускается.)*

Дѣйствіе третье.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Андреевна, Марья Антоновна *(стоятъ у окна въ тѣхъ же самыхъ положеніяхъ).*

Анна Андреевна.

Ну, вотъ, ужъ цѣлый часъ дожидаемся, а все ты съ своимъ глупымъ жеманствомъ: совершенно одѣлась, нѣтъ! еще нужно копаться... Не слушать бы ея вовсе. Экая досада! какъ нарочно, ни души! какъ будто бы вымерло все.

Марья Антоновна.

Да право, маменька, минуты черезъ двѣ все узнаемъ. Ужъ скоро Авдотья должна прійти. *(Всматривается въ окно и вскрикиваетъ.)* Ахъ, маменька, маменька! кто-то идетъ, вонъ въ концѣ улицы.

Анна Андреевна.

Гдѣ идетъ? У тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи. Ну, да, идетъ. Кто-жъ это идетъ? Небольшого роста... во фракѣ... Кто-жъ это? А? Это, однако жъ, досадно! Кто-жъ бы это такой былъ?

Марья Антоновна.

Это Добчинскій, маменька!

Анна Андреевна.

Какой Добчинскій! Тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое... Совсѣмъ не Добчинскій. *(Машетъ платкомъ.)* Эй, вы, ступайте сюда! скорѣе!

Марья Антоновна.

Право, маменька, Добчинскій.

Анна Андреевна.

Ну, вотъ, нарочно, чтобы только поспорить. Говорятъ тебѣ— не Добчинскій.

Марья Антоновна.

А что? а что, маменька? Видите, что Добчинскій.

Анна Андреевна.

Ну, да, Добчинскій, теперь я вижу,—изъ чего же ты споришь? *(Кричитъ въ окно.)* Скорѣй, скорѣй! вы тихо идете. Ну,

что, гдѣ они? А? Да говорите же оттуда, все равно. Что? Очень строгій? А? А мужъ, мужъ? *(Немного отступя отъ окна, съ досадою.)* Такой глупый: до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ комнату, ничего не разскажетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Добчинскій.

Анна Андреевна.

Ну, скажите, пожалуйста: ну, не совѣстно ли вамъ? Я на васъ однихъ полагалась, какъ на порядочнаго человѣка: всѣ вдругъ выбѣжали, и вы туда жъ за ними! И я вотъ ни отъ кого до сихъ поръ толку не доберусь. Не стыдно ли вамъ? Я у васъ крестила вашего Ваничку и Лизаньку, а вы вотъ какъ со мною поступили!

Добчинскій.

Ей-Богу, кумушка, такъ бѣжалъ засвидѣтельствовать почтеніе, что не могу духъ перевесть. Мое почтеніе, Марья Антоновна!

Марья Антоновна.

Здравствуйте, Петръ Ивановичъ!

Анна Андреевна.

Ну, что? Ну, разсказывайте: что и какъ тамъ?

Добчинскій.

Антонъ Антоновичъ прислалъ вамъ записочку.

Анна Андреевна.

Ну, да кто онъ такой? генералъ?

Добчинскій.

Нѣтъ, не генералъ, а не уступитъ генералу, такое образованіе и важные поступки-съ.

Анна Андреевна.

А! такъ это тотъ самый, о которомъ было писано мужу.

Добчинскій.

Настоящій. Я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ.

Анна Андреевна.

Ну, разскажите: что и какъ.

Добчинскій.

Да, слава Богу, все благополучно. Сначала онъ принялъ было Антона Антоновича немного сурово, да-съ; сердился и говорилъ, что и въ гостиницѣ все не хорошо, и къ нему не поѣдетъ, и что онъ не хочетъ сидѣть за него въ тюрьмѣ; но потомъ, какъ узналъ невинность Антона Антоновича и какъ покороче разговорился съ нимъ, тотчасъ перемѣнилъ мысли, и, слава Богу, все пошло хорошо. Они теперь поѣхали осматривать богоугодныя заведенія... А то, признаюсь, уже Антонъ Антоновичъ думали, не было ли тайнаго доноса; я самъ тоже перетрухнулъ немножко.

Анна Андреевна.

Да вамъ-то чего бояться? Вѣдь вы не служите.

Добчинскій.

Да такъ, знаете, когда вельможа говоритъ, чувствуешь страхъ.

Анна Андреевна.

Ну, что-жъ... это все, однако жъ, вздоръ. Разскажите: каковъ онъ собою? что, старъ или молодъ?

Добчинскій.

Молодой, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ; а говоритъ совсѣмъ такъ, какъ старикъ. „Извольте“, говоритъ, „я поѣду и туда, и туда...“ *(Размахиваетъ руками.)* Такъ это все славно. „Я“, говоритъ, „и написать, и почитать люблю; но мѣшаетъ, что въ комнатѣ“, говоритъ, „немножко темно“.

Анна Андреевна.

А собой каковъ онъ: брюнетъ или блондинъ?

Добчинскій.

Нѣтъ, больше шантретъ, и глаза такіе быстрые, какъ звѣрьки, такъ въ смущенье даже приводятъ.

Анна Андреевна.

Что тутъ пишетъ онъ мнѣ въ запискѣ? *(Читаетъ.)* „Спѣшу тебя увѣдомить, душенька, что состояніе мое было весьма печальное; но, уповая на милосердіе Божіе, за два соленые огурца особенно и полпорціи икры рубль двадцать пять копѣекъ... *(Останавливается.)* Я ничего не понимаю: къ чему же тутъ соленые огурцы и икра?

Добчинскій.

А, это Антонъ Антоновичъ писали на черновой бумагѣ, по скорости: тамъ какой-то счетъ былъ написанъ.

Анна Андреевна.

А, да, точно. *(Продолжаетъ читать.)* „Но, уповая на милосердіе Божіе, кажется, все будетъ къ хорошему концу. Приготовь поскорѣе комнату для важнаго гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками; къ обѣду прибавлять не трудись, потому что закусимъ въ богоугодномъ заведеніи, у Артемія Филипповича, а вина вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислалъ самаго лучшаго; а не то я перерою весь его погребъ. Цѣлуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой Антонъ Сквозникъ-Дмухановскій...“ Ахъ, Боже мой! Это, однако жъ, нужно поскорѣй! Эй, кто тамъ? Мишка!

Добчинскій *(бѣжитъ и кричитъ въ дверь).*

Мишка! Мишка! Мишка! *(Мишка входитъ.)*

Анна Андреевна.

Послушай: бѣги къ купцу Абдулину... постой, я дамъ тебѣ записочку. *(Садится къ столу, пишетъ записку и между тѣмъ говоритъ.)* Эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтобы онъ побѣжалъ съ нею къ купцу Абдулину и принесъ оттуда вина. А самъ поди, сейчасъ прибери хорошенько эту комнату для гостя. Тамъ поставить кровать, рукомойникъ и прочее.

Добчинскій.

Ну, Анна Андреевна, я побѣгу теперь поскорѣе посмотрѣть, какъ тамъ онъ обозрѣваетъ.

Анна Андреевна.

Ступайте, ступайте! Я не держу васъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна.

Ну, Машенька, намъ нужно теперь заняться туалетомъ. Онъ столичная штучка: Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмѣялъ. Тебѣ приличнѣе всего надѣть твое голубое платье съ мелкими оборками.

Марья Антоновна.

Фи, маменька, голубое! Мнѣ совсѣмъ не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходитъ въ голубомъ, и дочь Земляники тоже въ голубомъ. Нѣтъ, лучше я надѣну цвѣтное.

Анна Андреевна.

Цвѣтное!.. Право, говоришь—лишь бы только наперекоръ. Оно тебѣ будетъ гораздо лучше, потому что я хочу надѣть палевое; я очень люблю палевое.

Марья Антоновна.

Ахъ, маменька, вамъ нейдетъ палевое!

Анна Андреевна.

Мнѣ палевое нейдетъ?

Марья Антоновна.

Нейдетъ; я что угодно даю, нейдетъ: для этого нужно, чтобы глаза были совсѣмъ темные.

Анна Андреевна.

Вотъ хорошо! А у меня глаза развѣ не темные? самые темные. Какой вздоръ говоритъ! Какъ же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму?

Марья Антоновна.

Ахъ, маменька! вы больше червонная дама.

Анна Андреевна.

Пустяки, совершенные пустяки. Я никогда не была червонная дама. *(Поспѣшно уходитъ вмѣстѣ съ Марьей Антоновной и говоритъ за сценой.)* Этакое вдругъ вообразится! червонная дама! Богъ знаетъ что такое! *(По уходѣ ихъ отворяются двери, и Мишка выбрасываетъ изъ нихъ соръ. Изъ другихъ дверей выходитъ Осипъ съ чемоданомъ на головѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мишка и Осипъ.

Осипъ.

Куда тутъ?

Мишка.

Сюда, дядюшка, сюда!

Анна Андреевна и Марія Антоновна.

Рис. П. Боклевскаго.

Осипъ.

Постой, прежде дай отдохнуть. Ахъ, ты горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка.

Что, дядюшка, скажите: скоро будетъ генералъ?

Осипъ.

Какой генералъ?

Мишка.

Да баринъ вашъ.

Осипъ.

Баринъ? да какой онъ генералъ?

Мишка.

А развѣ не генералъ?

Осипъ.

Генералъ, да только съ другой стороны.

Мишка.

Что жъ это, больше или меньше настоящаго генерала?

Осипъ.

Больше.

Мишка.

Вишь ты какъ! то-то у насъ сумятицу подняли.

Осипъ.

Послушай, милый: ты, я вижу, проворный парень; приготовь-ка тамъ что-нибудь поѣсть!

Мишка.

Да для васъ, дядюшка, еще ничего не готово. Простого блюда вы не будете кушать, а вотъ, какъ баринъ вашъ сядетъ за столъ, такъ и вамъ того же кушанья отпустятъ.

Осипъ.

Ну, а простого-то что у васъ есть?

Мишка.

Щи, каша да пироги.

Осипъ.

Давай ихъ, щи, кашу и пироги! Ничего, все будемъ ѣсть. Ну, понесемъ чемоданъ! Что, тамъ другой выходъ есть?

Мишка.

Есть. *(Оба несутъ чемоданъ въ боковую комнату.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Квартальные отворяютъ обѣ половинки дверей. Входитъ **Хлестаковъ;** *за нимъ* **городничій,** *далѣе* **попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, Добчинскій и Бобчинскій,** *съ пластыремъ на носу.* **Городничій** *указываетъ квартальнымъ на полу бумажку—они бѣгутъ и поднимаютъ ее, толкая другъ друга впопыхахъ.*

Хлестаковъ.

Хорошія заведенія. Мнѣ нравится, что у васъ показываютъ проѣзжающимъ все въ городѣ. Въ другихъ городахъ мнѣ ничего не показывали.

Городничій.

Въ другихъ городахъ, осмѣлюсь доложить вамъ, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то-есть, пользѣ; а здѣсь, можно сказать, нѣтъ другого помышленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностью заслужить вниманіе начальства.

Хлестаковъ.

Завтракъ былъ очень хорошъ; я совсѣмъ объѣлся. Что, у васъ каждый день бываетъ такой?

Городничій.

Нарочно для такого пріятнаго гостя.

Хлестаковъ.

Я люблю поѣсть. Вѣдь на то живешь, чтобы срывать цвѣты удовольствія. Какъ называлась эта рыба?

Артемій Филипповичъ *(подбѣгая).*

Лабарданъ-съ.

Хлестаковъ.

Очень вкусная. Гдѣ это мы завтракали? въ больницѣ, что ли?

Артемій Филипповичъ.

Такъ точно-съ, въ богоугодномъ заведеніи.

Хлестаковъ.

Помню, помню, тамъ стояли кровати. А больные выздоровѣли? тамъ ихъ, кажется, немного.

Артемій Филипповичъ.

Человѣкъ десять осталось, не больше; а прочіе всѣ выздоровѣли. Это ужъ такъ устроено, такой порядокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ начальство,—можетъ быть, вамъ покажется даже невѣроятнымъ,—всѣ, какъ мухи, выздоравливаютъ. Больной не успѣетъ войти въ лазаретъ, какъ уже здоровъ; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядкомъ.

Городничій.

Ужъ на что, осмѣлюсь доложить вамъ, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежитъ всякихъ дѣлъ, относительно одной чистоты, починки, поправки... словомъ, наиумнѣйшій человѣкъ пришелъ бы въ затрудненіе, но, благодареніе Богу, все идетъ благополучно. Иной городничій, конечно, радѣлъ бы о своихъ выгодахъ; но, вѣрите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: „Господи Боже ты мой, какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно?!." Наградитъ ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, по крайней мѣрѣ, я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало... то чего-жъ мнѣ больше? Ей-ей, и почестей никакихъ не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета.

Артемій Филипповичъ *(въ сторону).*

Эка, бездѣльникъ, какъ расписываетъ! Далъ же Богъ такой даръ!

Хлестаковъ.

Это правда. Я, признаюсь, самъ люблю иногда заумствоваться: иной разъ прозой, а въ другой и стишки выкинутся.

Бобчинскій *(Добчинскому).*

Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ! Замѣчанія такія... видно, что наукамъ учился.

Хлестаковъ.

Скажите, пожалуйста, нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь развлеченій, обществъ, гдѣ бы можно было, напримѣръ, поиграть въ карты?

Городничій *(въ сторону).*

Эге, знаемъ, голубчикъ, въ чей огородъ камешки бросаютъ! *(Вслухъ.)* Боже сохрани! здѣсь и слуху нѣтъ о такихъ обществахъ. Я картъ и въ руки никогда не бралъ; даже не знаю, какъ играть въ эти карты. Смотрѣть никогда не могъ на нихъ равнодушно, и если случится увидѣть этакъ какого-нибудь бубноваго короля или что-нибудь другое, то такое омерзѣніе нападаетъ, что, просто, плюнешь. Разъ какъ-то случилось, забавляя дѣтей, выстроилъ будку изъ картъ, да послѣ того всю ночь снились проклятыя. Богъ съ ними! Какъ можно, чтобы такое драгоцѣнное время убивать на нихъ?

Лука Лукичъ *(въ сторону).*

А у меня, подлецъ, выпонтировалъ вчера сто рублей.

Городничій.

Лучше-жъ я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаковъ.

Ну, нѣтъ, вы напрасно, однако же... Все зависитъ отъ той стороны, съ которой кто смотритъ на вещь. Если, напримѣръ, забастуешь тогда, какъ нужно гнуть отъ трехъ угловъ... ну, тогда, конечно... Нѣтъ, не говорите; иногда очень заманчиво поиграть.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій.

Осмѣлюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Хлестаковъ *(раскланиваясь).*

Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю въ своемъ родѣ удовольствіе васъ видѣть.

Анна Андреевна.

Намъ еще болѣе пріятно видѣть такую особу.

Хлестаковъ *(рисуясь).*

Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ пріятнѣе.

Анна Андреевна.

Какъ можно-съ! вы это такъ изволите говорить для комплимента. Прошу покорно садиться.

Семейство Городничаго представляется Хлестакову.
Рис. П. Боклевскаго.

Хлестаковъ.

Возлѣ васъ стоять уже есть счастіе; впрочемъ, если вы такъ уже непремѣнно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что, наконецъ, сижу возлѣ васъ.

Анна Андреевна.

Помилуйте, я никакъ не смѣю принять на свой счетъ... Я думаю, вамъ послѣ столицы вояжировка показалась очень непріятною.

Хлестаковъ.

Чрезвычайно непріятна. Привыкши жить, comprenez vous, въ свѣтѣ и вдругъ очутиться въ дорогѣ: грязные трактиры, мракъ невѣжества... Если-бъ, признаюсь, не такой случай, который меня... *(посматриваетъ на Анну Андреевну и рисуется предъ ней)* такъ вознаградилъ за все...

Анна Андреевна.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ должно быть непріятно.

Хлестаковъ.

Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень пріятно.

Анна Андреевна.

Какъ можно-съ! Вы дѣлаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаковъ.

Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна.

Я живу въ деревнѣ...

Хлестаковъ.

Да, деревня, впрочемъ, тоже имѣетъ свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнитъ съ Петербургомъ! Эхъ, Петербургъ! что за жизнь, право! Вы, можетъ быть, думаете, что я только переписываю; нѣтъ, начальникъ отдѣленія со мной на дружеской ногѣ. Этакъ ударитъ по плечу: „Приходи, братецъ, обѣдать!“ Я только на двѣ минуты захожу въ департаментъ, съ тѣмъ только, чтобы сказать: это вотъ такъ, это вотъ такъ. А тамъ ужъ чиновникъ для письма, этакая крыса, перомъ только—тр, тр... пошелъ писать. Хотѣли было даже меня коллежскимъ асессоромъ сдѣлать, да думаю, зачѣмъ. И сторожъ летитъ еще на лѣстницѣ за мною со щеткою: „Позвольте, Иванъ

Александровичъ, я вамъ", говоритъ, „сапоги почищу". *(Городничему.)* Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Вмѣстѣ.

Городничій.

Чинъ такой, что еще можно постоять.

Артемій Филипповичъ.

Мы постоимъ.

Лука Лукичъ.

Не извольте безпокоиться!

Хлестаковъ.

Безъ чиновъ, прошу садиться. *(Городничій и всѣ садятся.)* Я не люблю церемоніи. Напротивъ, я даже стараюсь, стараюсь проскользнуть незамѣтно. Но никакъ нельзя скрыться, никакъ нельзя! Только выйду куда-нибудь, ужъ и говорятъ: „Вонъ", говорятъ, „Иванъ Александровичъ идетъ!" А одинъ разъ меня приняли даже за главнокомандующаго: солдаты выскочили изъ гауптвахты и сдѣлали ружьемъ. Послѣ уже офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говоритъ мнѣ: „Ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующаго".

Анна Андреевна.

Скажите, какъ!

Хлестаковъ.

Съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже разные водевильчики... Литераторовъ часто вижу. Съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ. Бывало, часто говорю ему: „Ну, что, братъ Пушкинъ?"—„Да такъ, братъ", отвѣчаетъ бывало: „такъ какъ-то все..." Большой оригиналъ.

Анна Андреевна.

Такъ вы и пишете? Какъ это должно быть пріятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

Хлестаковъ.

Да, и въ журналы помѣщаю. Моихъ, впрочемъ, много есть сочиненій: Женитьба Фигаро, Робертъ Дьяволъ, Норма. Ужъ и названій даже не помню. И все случаемъ: я не хотѣлъ писать, но театральная дирекція говоритъ: „Пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь". Думаю себѣ: „Пожалуй, изволь, братецъ". И тутъ же въ одинъ вечеръ, кажется, все написалъ, всѣхъ изумилъ. У меня легкость необыкновенная въ мысляхъ. Все

это, что было подъ именемъ барона Брамбеуса, Фрегатъ Надежды и Московскій Телеграфъ... все это я написалъ.

Анна Андреевна.

Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ.

Хлестаковъ.

Какъ же, я имъ всѣмъ поправляю статьи. Мнѣ Смирдинъ даетъ за это сорокъ тысячъ.

Анна Андреевна.

Такъ, вѣрно, и Юрій Милославскій ваше сочиненіе.

Хлестаковъ.

Да, это мое сочиненіе.

Анна Андреевна.

Я сейчасъ догадалась.

Марья Антоновна.

Ахъ, маменька, тамъ написано, что это г. Загоскина сочиненіе.

Анна Андреевна.

Ну, вотъ: я и знала, что даже здѣсь будешь спорить.

Хлестаковъ.

Ахъ, да, это правда: это, точно, Загоскина; а есть другой Юрій Милославскій, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андреевна.

Ну, это вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

Хлестаковъ.

Я, признаюсь, литературой существую. У меня домъ первый въ Петербургѣ. Такъ ужъ и извѣстенъ: домъ Ивана Александровича. *(Обращаясь ко всѣмъ.)* Сдѣлайте милость, господа, если будете въ Петербургѣ, прошу, прошу ко мнѣ. Я вѣдь тоже балы даю.

Анна Андреевна.

Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даются балы?

Хлестаковъ.

Просто, не говорите. На столѣ, напримѣръ, арбузъ — въ семьсотъ рублей арбузъ. Супъ въ кастрюлькѣ прямо на паро-

ходѣ пріѣхалъ изъ Парижа; откроютъ крышку—паръ, которому подобнаго нельзя отыскать въ природѣ. Я всякій день на балахъ. Тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ, французскій посланникъ, англійскій, нѣмецкій посланникъ и я. И ужъ такъ уморишься, играя, что, просто, ни на что не похоже. Какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ на четвертый этажъ—скажешь только кухаркѣ: „На, Маврушка, шинель"... Что-жъ я вру—я и позабылъ, что живу въ бельэтажѣ. У меня одна лѣстница сто́итъ... А любопытно взглянуть ко мнѣ въ переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкутся и жужжатъ тамъ, какъ шмели, только и слышно ж... ж... ж... Иной разъ и министръ... *(Городничій и прочіе съ робостью встаютъ съ своихъ стульевъ.)* Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ: ваше превосходительство. Одинъ разъ я даже управлялъ департаментомъ. И странно: директоръ уѣхалъ—куда уѣхалъ, неизвѣстно. Ну, натурально, пошли толки: какъ, что, кому занять мѣсто? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ, бывало — нѣтъ, мудрено. Кажется и легко на видъ, а разсмотришь—просто, чортъ возьми! Послѣ видятъ, нечего дѣлать— ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю? „Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять!" Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатѣ; хотѣлъ отказаться, но думаю, дойдетъ до государя, ну, да и послужной списокъ тоже... „Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю", говорю: „такъ и быть", говорю: „я принимаю, только ужъ у меня: ни, ни, ни! ужъ у меня ухо востро! ужъ я..." И точно: бывало, какъ прохожу черезъ департаментъ — просто землетрясенье, все дрожитъ и трясется, какъ листъ. *(Городничій и прочіе трясутся отъ страха; Хлестаковъ горячится сильнѣе.)* О! я шутить не люблю; я имъ всѣмъ задалъ острастку. Меня самъ государственный совѣтъ боится. Да что въ самомъ дѣлѣ? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всѣмъ: „Я самъ себя знаю, самъ". Я вездѣ, вездѣ. Во дворецъ всякій день ѣзжу. Меня завтра же произведутъ сейчасъ въ фельдмарш... *(Поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на полъ, но съ почтеніемъ поддерживается чиновниками.)*

Городничій
(подходя и трясясь всѣмъ тѣломъ, силится выговорить).

А ва-ва-ва... ва...

Хлестаковъ *(быстрымъ отрывистымъ голосомъ).*

Что такое?

Городничій.

А ва-ва-ва... ва...

Хлестаковъ *(такимъ же голосомъ).*

Не разберу ничего, все вздоръ.

Городничій.

Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вотъ и комната, и все, что нужно.

Хлестаковъ.

Вздоръ—отдохнуть. Извольте, я готовъ отдохнуть. Завтракъ у васъ, господа, хорошъ... я доволенъ, я доволенъ. *(Съ декламаціей.)* Лабарданъ! лабарданъ! *(Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, кромѣ Хлестакова и городничаго.

Бобчинскій *(Добчинскому).*

Вотъ это, Петръ Ивановичъ, человѣкъ-то! Вотъ оно, что значитъ человѣкъ! Въ жисть не былъ въ присутствіи такой важной персоны, чуть не умеръ со страху. Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой въ разсужденіи чина?

Добчинскій.

Я думаю, чуть ли не генералъ.

Бобчинскій.

А я такъ думаю, что генералъ-то ему и въ подметки не станетъ; а когда генералъ, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ. Слышали: государственный-то совѣтъ какъ прижалъ? Пойдемъ, разскажемъ поскорѣе Аммосу Ѳедоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинскій.

Прощайте, кумушка! *(Оба уходятъ.)*

Артемій Филипповичъ *(Лукѣ Лукичу).*

Страшно, просто; а отчего, и самъ не знаешь. А мы даже и не въ мундирахъ. Ну, что, какъ проспится, да въ Петербургъ махнетъ донесеніе? *(Уходятъ въ задумчивости вмѣстѣ съ смотрителемъ училищъ, произнеся):* Прощайте, сударыня!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна.

Ахъ, какой пріятный!

Марья Антоновна.

Ахъ, милашка!

Анна Андреевна.

Но только какое тонкое обращеніе! сейчасъ можно увидѣть столичную штучку. Пріемы и все это такое... Ахъ, какъ хорошо! Я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! Я, просто, безъ памяти. Я, однако жъ, ему очень понравилась: я замѣтила—все на меня поглядывалъ.

Марья Антоновна.

Ахъ, маменька, онъ на меня глядѣлъ!

Анна Андреевна.

Пожалуйста, съ своимъ вздоромъ подальше! Это здѣсь вовсе неумѣстно.

Марья Антоновна.

Нѣтъ, маменька, право!

Анна Андреевна.

Ну, вотъ! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя да и полно! Гдѣ ему смотрѣть на тебя? И съ какой стати ему смотрѣть на тебя?

Марья Антоновна.

Право, маменька, все смотрѣлъ. И какъ началъ говорить о литературѣ, то взглянулъ на меня и потомъ, когда разсказывалъ, какъ игралъ въ вистъ съ посланниками, и тогда посмотрѣлъ на меня.

Анна Андреевна.

Ну, можетъ быть, одинъ какой-нибудь разъ, да и то такъ ужъ, лишь бы только. „А“, говоритъ себѣ: „дай ужъ посмотрю на нее!“

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и городничій.

Городничій *(входитъ на цыпочкахъ).*

Чш... ш...

Анна Андреевна.

Что?

Городничій.

И не радъ, что напоилъ. Ну, что, если хоть одна половина изъ того, что онъ говорилъ, правда? *(Задумывается.)* Да какъ же и не быть правдѣ? Подгулявши, человѣкъ все несетъ наружу: что на сердцѣ, то и на языкѣ. Конечно, прилгнулъ немного; да вѣдь, не прилгнувши, не говорится никакая рѣчь. Съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чортъ его знаетъ, что и дѣлается въ головѣ; просто, какъ будто или стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить.

Анна Андреевна.

А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видѣла въ немъ образованнаго свѣтскаго, высшаго тона человѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ.

Городничій.

Ну, ужъ вы—женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вамъ все—финтирлюшки! Вдругъ брякнутъ ни изъ того, ни изъ другого словцо. Васъ посѣкутъ, да и только, а мужа и поминай какъ звали. Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ будто съ какимъ-нибудь Добчинскимъ.

Анна Андреевна.

Объ этомъ я ужъ совѣтую вамъ не безпокоиться. Мы койчто знаемъ такое... *(Посматриваетъ на дочь.)*

Городничій *(одинъ)*.

Ну, ужъ съ вами говорить!.. Эка въ самомъ дѣлѣ оказія! До сихъ поръ не могу очнуться отъ страха. *(Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь.)* Мишка! позови квартальныхъ, Свистунова и Держиморду: они тутъ недалеко гдѣ-нибудь за воротами. *(Послѣ небольшого молчанія.)* Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: хоть бы народъ-то ужъ былъ видный, а то худенькій, тоненькій—какъ его узнаешь, кто онъ? Еще военный все-таки кажетъ изъ себя, а какъ надѣнетъ фрачишку—ну, точно муха съ подрѣзанными крыльями. А вѣдь долго крѣпился давеча въ трактирѣ, заламливалъ такія аллегоріи и экивоки, что, кажись, вѣкъ бы не добился толку. А вотъ, наконецъ, и подался. Да еще наговорилъ больше, чѣмъ нужно. Видно, что человѣкъ молодой.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Осипъ. *Всѣ бѣгутъ къ нему навстрѣчу, кивая пальцами.*

Анна Андреевна.

Подойди сюда, любезный!

Городничій.

Чш!.. что? что? спитъ?

Осипъ.

Нѣтъ еще, немножко потягивается.

Анна Андреевна.

Послушай, какъ тебя зовутъ?

Осипъ.

Осипъ, сударыня.

Городничій *(женѣ и дочери)*.

Полно, полно вамъ! *(Осипу)*. Ну, что, другъ, тебя накормили хорошо?

Осипъ.

Накормили, покорнѣйше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна.

Ну, что, скажи: къ твоему барину слишкомъ, я думаю, много ѣздитъ графовъ и князей?

Осипъ *(въ сторону)*.

А что говорить? Коли теперь накормили хорошо, значитъ, послѣ еще лучше накормятъ. *(Вслухъ.)* Да, бываютъ и графы.

Марья Антоновна.

Душенька Осипъ, какой твой баринъ хорошенькій!

Анна Андреевна.

А что, скажи пожалуйста, Осипъ, какъ онъ...

Городничій.

Да перестаньте, пожалуйста. Вы этакими пустыми рѣчами только мнѣ мѣшаете. Ну, что, другъ?..

Анна Андреевна.

А чинъ какой на твоемъ баринѣ?

Осипъ.

Чинъ обыкновенно какой.

Городничій.

Ахъ, Боже мой, вы все съ своими глупыми разспросами! не дадите ни слова поговорить о дѣлѣ. Ну, что, другъ, какъ твой баринъ?.. строгъ? любитъ этакъ распекать или нѣтъ?

Осипъ.

Да, порядокъ любитъ. Ужъ ему, чтобы все было въ исправности.

Городничій.

А мнѣ очень нравится твое лицо. Другъ, ты долженъ быть хорошій человѣкъ. Ну, что...

Анна Андреевна.

Послушай, Осипъ, а какъ баринъ твой тамъ, въ мундирѣ ходитъ?

Городничій.

Полно вамъ, право, трещотки какія! Здѣсь нужная вещь: дѣло идетъ о жизни человѣка... *(Къ Осипу.)* Ну, что, другъ, право, мнѣ ты очень нравишься. Въ дорогѣ не мѣшаетъ, знаешь, чайку выпить лишній стаканчикъ,—оно теперь холодновато,—такъ вотъ тебѣ пара цѣлковиковъ на чай.

Осипъ *(принимая деньги).*

А покорнѣйше благодарю, сударь! Дай Богъ вамъ всякаго здоровья! бѣдный человѣкъ, помогли ему.

Городничій.

Хорошо, хорошо, я и самъ радъ. А что, другъ...

Анна Андреевна.

Послушай, Осипъ, а какіе глаза больше всего нравятся твоему барину?..

Марья Антоновна.

Осипъ, душенька! какой миленькій носикъ у твоего барина!

Городничій.

Да постойте, дайте мнѣ!.. *(Къ Осипу.)* А что, другъ, скажи, пожалуйста: на что больше баринъ твой обращаетъ вниманіе, то-есть, что ему въ дорогѣ больше нравится?

Осипъ.

Любитъ онъ, по разсмотрѣнію, что какъ придется. Больше всего любитъ, чтобы его приняли хорошо, угощеніе чтобъ было хорошее.

Городничій.

Хорошее?

Осипъ.

Да, хорошее.—Вотъ ужъ на что я, крѣпостной человѣкъ, но и то смотритъ, чтобы и мнѣ было хорошо. Ей-Богу! Бывало, заѣдемъ куда-нибудь: „Что, Осипъ, хорошо тебя угостили?“—„Плохо, ваше высокоблагородіе!“—„Э“, говоритъ, „это, Осипъ, нехорошій хозяинъ. Ты“, говоритъ, „напомни мнѣ, какъ пріѣду“.—„А“, думаю себѣ *(махнувъ рукою)*, „Богъ съ нимъ! я человѣкъ простой“.

Городничій.

Хорошо, хорошо, и дѣло ты говоришь. Тамъ я тебѣ далъ на чай, такъ вотъ еще сверхъ того на баранки.

Осипъ.

За что жалуете, ваше высокоблагородіе? *(Прячетъ деньги.)* Развѣ ужъ выпью за ваше здоровье.

Анна Андреѣвна.

Приходи, Осипъ, ко мнѣ, тоже получишь.

Марья Антоновна.

Осипъ, душенька, поцѣлуй своего барина! *(Слышенъ изъ другой комнаты небольшой кашель Хлестакова.)*

Городничій.

Чш! *(Поднимается на цыпочки; вся сцена вполголоса.)* Боже васъ сохрани шумѣть! Идите себѣ! полно ужъ вамъ...

Анна Андреевна.

Пойдемъ, Машенька! я тебѣ скажу, что я замѣтила у гостя такое, что намъ вдвоемъ только можно сказать.

Городничій.

О, ужъ тамъ наговорятъ! Я думаю, поди только, да послушай—и уши потомъ заткнешь. *(Обращаясь къ Осипу.)* Ну, другъ...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, Держиморда и Свистуновъ.

Городничій.

Чш! экіе косолапые медвѣди стучатъ сапогами. Такъ и валится, какъ будто сорокъ пудъ сбрасываетъ кто-нибудь съ телѣги! Гдѣ васъ чортъ таскаетъ?

Держиморда.

Былъ по приказанію...

Городничій.

Чш! *(Закрываетъ ему ротъ.)* Экъ, какъ каркнула ворона! *(Дразнитъ его.)* Былъ по приказанію! Какъ изъ бочки, такъ рычитъ! *(Къ Осипу.)* Ну, другъ, ты ступай, приготовляй тамъ, что нужно, для барина. Все, что ни есть въ домѣ, требуй. *(Осипъ уходитъ.)* А вы—стоять на крыльцѣ и ни съ мѣста! И никого не впускать въ домъ сторонняго, особенно купцовъ! Если хоть одного изъ нихъ впустите, то... Только увидите, что идетъ кто-нибудь съ просьбою, а хоть и не съ просьбою, да похожъ на такого человѣка, что хочетъ подать на меня просьбу, взашей такъ прямо и толкайте! такъ его! хорошенько! *(Показываетъ ногою.)* Слышите? Чш... чш... *(Уходитъ на цыпочкахъ вслѣдъ за квартальными.)*

Дѣйствіе четвертое.

Та же комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ І.

Входятъ осторожно, почти на цыпочкахъ: **Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, почтмейстеръ, Лука Лукичъ, Добчинскій** и **Бобчинскій** въ полномъ парадѣ и мундирахъ. Вся сцена происходитъ вполголоса.

Аммосъ Ѳедоровичъ
(строитъ всѣхъ полукружіемъ).

Ради Бога, господа, скорѣе въ кружокъ, да побольше порядку! Богъ съ нимъ: и во дворецъ ѣздитъ, и государственный совѣтъ распекаетъ! Стройтесь на военную ногу, непремѣнно на военную ногу! Вы, Петръ Ивановичъ, забѣгите съ этой стороны, а вы, Петръ Ивановичъ, станьте вотъ тутъ. *(Оба Петра Ивановича забѣгаютъ на цыпочкахъ.)*

Дѣйствіе III, явл. 10. (Слышенъ изъ другой комнаты небольшой кашель Хлестакова).
ГОРОДНИЧІЙ. Чш!

По фот. Фишера.

На вытяжку передъ Хлестаковымъ.
Рис. П. Боклевскаго.

Артемій Филипповичъ.

Воля ваша, Аммосъ Өедоровичъ, намъ нужно бы кое-что предпринять.

Аммосъ Өедоровичъ.

А что именно?

Артемій Филипповичъ.

Ну, извѣстно, что.

Аммосъ Өедоровичъ.

Подсунуть?

Артемій Филипповичъ.

Ну, да, хоть и подсунуть.

Аммосъ Өедоровичъ.

Опасно, чортъ возьми! раскричится: государственный человѣкъ. А развѣ въ видѣ приношенья со стороны дворянства на какой-нибудь памятникъ?

Почтмейстеръ.

Или же: „вотъ, молъ, пришли по почтѣ деньги, неизвѣстно кому принадлежащія“.

Артемій Филипповичъ.

Смотрите, чтобъ онъ васъ по почтѣ не отправилъ куда-нибудь подальше. Слушайте: эти дѣла не такъ дѣлаются въ благоустроенномъ государствѣ. Зачѣмъ насъ здѣсь цѣлый эскадронъ? Представиться нужно поодиночкѣ, да между четырехъ глазъ и того... какъ тамъ слѣдуетъ—чтобы и уши не слыхали! Вотъ какъ въ обществѣ благоустроенномъ дѣлается! Ну, вотъ вы, Аммосъ Өедоровичъ, первый и начните.

Аммосъ Өедоровичъ.

Такъ лучше жъ вы: въ вашемъ заведеніи высокій посѣтитель вкусилъ хлѣба.

Артемій Филипповичъ.

Такъ ужъ лучше Лукѣ Лукичу, какъ просвѣтителю юношества.

Лука Лукичъ.

Не могу, не могу, господа! Я, признаюсь, такъ воспитанъ, что, заговори со мною однимъ чиномъ кто-нибудь повыше, у меня, просто, и души нѣтъ, и языкъ, какъ въ грязь, завязнулъ. Нѣтъ, господа, увольте, право увольте!

Артемій Филипповичъ.

Да, Аммосъ Өедоровичъ, кромѣ васъ, некому. У васъ что ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣлъ.

Аммосъ Өедоровичъ.

Что вы! что вы: Цицеронъ! Смотрите, что выдумали! Что иной разъ увлечешься, говоря о домашней сворѣ или гончей ищейкѣ...

Всѣ *(пристають къ нему).*

Нѣтъ, вы не только о собакахъ, вы и о столпотвореніи... Нѣтъ, Аммосъ Өедоровичъ, не оставляйте насъ, будьте отцомъ нашимъ!.. Нѣтъ, Аммосъ Өедоровичъ!

Аммосъ Өедоровичъ.

Отвяжитесь, господа! *(Въ это время слышны шаги и откашливаніе въ комнатѣ Хлестакова. Всѣ спѣшатъ наперерывъ къ дверямъ, толпятся и стараются выйти, что происходитъ не безъ того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются вполголоса восклицанія.)*

Голосъ Бобчинскаго.

Ой, Петръ Ивановичъ, Петръ Ивановичъ, наступили на ногу!

Голосъ Земляники.

Отпустите, господа, хоть душу на покаяніе—совсѣмъ прижали!

(Выхватываются нѣсколько восклицаній ай! ай! *наконецъ, всѣ выпираются, и комната остается пуста.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Хлестаковъ *(одинъ, выходитъ съ заспанными глазами).*

Я, кажется, всхрапнулъ порядкомъ. Откуда они набрали такихъ тюфяковъ и перинъ? даже вспотѣлъ. Кажется, они вчера мнѣ подсунули чего-то за завтракомъ: въ головѣ до сихъ поръ стучитъ. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріятностію проводить время. Я люблю радушіе, и мнѣ, признаюсь, больше нравится, если мнѣ угождаютъ отъ чистаго сердца, а не то, чтобы изъ интереса. А дочка городничаго очень недурна, да и матушка такая, что еще можно бы... Нѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, нравится такая жизнь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ и судья.

Судья

(входя и останавливаясь, про себя).

Боже, Боже! вынеси благополучно; такъ вотъ колѣнки и ломаетъ. *(Вслухъ, вытянувшись и придерживая рукою шпагу.)* Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій ассессоръ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ.

Прошу садиться. Такъ вы здѣсь судья?

Судья.

Съ 816-го былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ.

А выгодно, однако же, быть судьею?

Судья.

За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4-й степени съ одобренія со стороны начальства. *(Въ сторону.)* А деньги въ кулакѣ, да кулакъ-то весь въ огнѣ.

Хлестаковъ.

А мнѣ нравится Владиміръ; вотъ Анна 3-й степени уже не такъ.

Судья.

(высовывая понемногу впередъ сжатый кулакъ. Въ сторону).

Господи Боже! не знаю, гдѣ сижу. Точно горячіе угли подъ тобою.

Хлестаковъ.

Что это у васъ въ рукѣ?

Аммосъ Ѳедоровичъ

(потерявшись и роняя на полъ ассигнаціи).

Ничего-съ.

Хлестаковъ.

Какъ ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(дрожа всѣмъ тѣломъ).*

Никакъ нѣтъ-съ! *(Въ сторону.)* О, Боже! вотъ ужъ я и подъ судомъ! и телѣжку подвезли схватить меня!

Хлестаковъ *(подымая)*.

Да, это деньги.

Аммосъ Өедоровичъ *(въ сторону)*.

Ну, все кончено—пропалъ! пропалъ!

Хлестаковъ.

Знаете ли что? дайте ихъ мнѣ взаймы.

Аммосъ Өедоровичъ *(поспѣшно)*.

Какъ же-съ, какъ же-съ... съ большимъ удовольствіемъ. *(Въ сторону.)* Ну, смѣлѣе, смѣлѣе! Вывози, Пресвятая Матерь!

Хлестаковъ.

Я, знаете, въ дорогѣ издержался: то да сё... Впрочемъ, я вамъ изъ деревни сейчасъ ихъ пришлю.

Аммосъ Өедоровичъ.

Помилуйте, какъ можно! и безъ того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвеніемъ и усердіемъ къ начальству... постараюсь заслужить... *(Приподымается со стула. Вытянувшись и руки по швамъ.)* Не смѣю болѣе безпокоить своимъ присутствіемъ. Не будетъ никакого приказанья?

Хлестаковъ.

Какого приказанья?

Аммосъ Өедоровичъ.

Я разумѣю, не дадите ли какого приказанья здѣшнему уѣздному суду?

Хлестаковъ.

Зачѣмъ же? Вѣдь мнѣ никакой нѣтъ теперь въ немъ надобности; нѣтъ, ничего. Покорнѣйше благодарю.

Аммосъ Өедоровичъ
(раскланиваясь и уходя, въ сторону).

Ну, городъ нашъ!

Хлестаковъ *(по уходѣ его)*.

Судья—хорошій человѣкъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестаковъ и почтмейстеръ *(входитъ, вытянувшись, въ мундирѣ, придерживая шпагу).*

Почтмейстеръ.

Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпекинъ.

Хлестаковъ.

А, милости просимъ! я очень люблю пріятное общество. Садитесь. Вѣдь вы здѣсь всегда живете?

Почтмейстеръ.

Такъ точно-съ.

Хлестаковъ.

А мнѣ нравится здѣшній городокъ. Конечно, не такъ многолюдно—ну, что жъ? Вѣдь это не столица. Не правда ли, вѣдь это не столица?

Почтмейстеръ.

Совершенная правда.

Хлестаковъ.

Вѣдь это только въ столицѣ бонъ-тонъ и нѣтъ провинціальныхъ гусей. Какъ ваше мнѣніе, не такъ ли?

Почтмейстеръ.

Такъ точно-съ. *(Въ сторону.)* А онъ однако жъ, ничуть не гордъ: обо всемъ разспрашиваетъ.

Хлестаковъ.

А вѣдь, однако жъ, признайтесь, вѣдь и въ маленькомъ городкѣ можно прожить счастливо?

Почтмейстеръ.

Такъ точно-съ.

Хлестаковъ.

По моему мнѣнію, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно—не правда ли?

Почтмейстеръ.

Совершенно справедливо.

Хлестаковъ.

Я, признаюсь, радъ, что вы одного мнѣнія со мною. Меня, конечно, назовутъ страннымъ, но ужъ у меня такой характеръ.

(Глядя въ глаза ему, говоритъ про себя.) А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы. *(Вслухъ.)* Какой странный со мной случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей взаймы?

Почтмейстеръ.

Почему же? почту за величайшее счастіе. Вотъ-съ, извольте. Отъ души готовъ служить.

Хлестаковъ.

Очень благодаренъ. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себѣ въ дорогѣ, да и къ чему? Не такъ ли?

Почтмейстеръ.

Такъ точно-съ. *(Встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпагу.)* Не смѣю долѣе безпокоить своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія?

Хлестаковъ.

Нѣтъ, ничего.

(Почтмейстеръ раскланивается и уходитъ.)

Хлестаковъ *(раскуривая сигарку).*

Почтмейстеръ, мнѣ кажется, тоже очень хорошій человѣкъ; по крайней мѣрѣ, услужливъ. Я люблю такихъ людей.

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ и **Лука Лукичъ,** *который почти выталкивается изъ дверей. Сзади его слышенъ голосъ почти вслухъ:* „**Чего робѣешь?**"

Лука Лукичъ
(вытягиваясь не безъ трепета и придерживая шпагу).

Имѣю честь представиться: смотритель училищъ, титулярный совѣтникъ Хлоповъ.

Хлестаковъ.

А, милости просимъ! Садитесь, садитесь! не хотите ли сигарку? *(Подаетъ ему сигару.)*

Лука Лукичъ *(про себя, въ нерѣшимости).*

Вотъ тебѣ разъ! Ужъ этого никакъ не предполагалъ. Брать или не брать?

Хлестаковъ.

Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что въ Петербургѣ. Тамъ, батюшка, я куривалъ сигарочки

по двадцати пяти рублей сотенка—просто, ручки себѣ потомъ поцѣлуешь, какъ выкуришь. Вотъ огонь, закурите. *(Подаетъ ему свѣчу.)*

Лука Лукичъ

(пробуетъ закурить и весь дрожитъ).

Хлестаковъ.

Да не съ того конца!

Лука Лукичъ

(отъ испуга выронилъ сигару, плюнулъ и, махнувъ рукою, про себя).

Чортъ побери все! сгубила проклятая робость!

Хлестаковъ.

Вы, какъ я вижу, не охотникъ до сигарокъ. А я, признаюсь, это моя слабость. Вотъ еще насчетъ женскаго пола, никакъ не могу быть равнодушенъ. Какъ вы? Какія вамъ больше нравятся— брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ

(находится въ совершенномъ недоумѣніи, что сказать).

Хлестаковъ.

Нѣтъ, скажите откровенно: брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ.

Не смѣю знать.

Хлестаковъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не отговаривайтесь! Мнѣ хочется узнать непремѣнно вашъ вкусъ.

Лука Лукичъ.

Осмѣлюсь доложить... *(Въ сторону.)* Ну, и самъ не знаю, что говорю.

Хлестаковъ.

А! а! не хотите сказать. Вѣрно, ужъ какая-нибудь брюнетка сдѣлала вамъ маленькую загвоздочку. Признайтесь, сдѣлала?

Лука Лукичъ *молчитъ.*

Хлестаковъ.

А! а! покраснѣли! Видите! видите! Отчего-жъ вы не говорите?

Лука Лукичъ.

Оробѣлъ, ваше бла... преос... сіят... *(Въ сторону.)* Продалъ, проклятый языкъ, продалъ!

Хлестаковъ.

Оробѣли? А въ моихъ глазахъ, точно, есть что-то такое, что внушаетъ робость. По крайней мѣрѣ я знаю, что ни одна женщина не можетъ ихъ выдержать, не такъ ли?

Лука Лукичъ.

Такъ точно-съ.

Хлестаковъ.

Вотъ со мной престранный случай: въ дорогѣ совсѣмъ издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей взаймы?

Лука Лукичъ
(хватаясь за карманы, про себя).

Вотъ-те штука, если нѣтъ! Есть, есть! *(Вынимаетъ и подаетъ, дрожа, ассигнаціи.)*

Хлестаковъ.

Покорнѣйше благодарю.

Лука Лукичъ
(вытягиваясь и придерживая шпагу).

Не смѣю долѣе безпокоить присутствіемъ.

Хлестаковъ.

Прощайте.

Лука Лукичъ
(летитъ вонъ почти бѣгомъ и говоритъ въ сторону).

Ну, слава Богу! авось не заглянетъ въ классы!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хлестаковъ и **Артемій Филипповичъ,** *вытянувшись и придерживая шпагу.*

Артемій Филипповичъ.

Имѣю честь представиться: попечитель богоугодныхъ заведеній, надворный совѣтникъ Земляника.

Хлестаковъ.

Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемій Филипповичъ.

Имѣлъ честь сопровождать васъ и принимать лично во ввѣренныхъ моему смотрѣнію богоугодныхъ заведеніяхъ.

Хлестаковъ.

А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтракомъ.

Артемій Филипповичъ.

Радъ стараться на службу отечеству.

Хлестаковъ.

Я,—признаюсь, это моя слабость,—люблю хорошую кухню... Скажите, пожалуйста, мнѣ кажется, какъ будто бы вчера вы были немножко ниже ростомъ, не правда ли?

Артемій Филипповичъ.

Очень можетъ быть. *(Помолчавъ.)* Могу сказать, что не жалѣю ничего и ревностно исполняю службу. *(Придвигается ближе съ своимъ стуломъ и говоритъ вполголоса.)* Вотъ здѣшній почтмейстеръ совершенно ничего не дѣлаетъ: всѣ дѣла въ большомъ запущеніи: посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только-что былъ предъ моимъ приходомъ, ѣздитъ только за зайцами, въ присутственныхъ мѣстахъ держитъ собакъ, и поведенія, если признаться предъ вами,—конечно, для пользы отечества я долженъ это сдѣлать, хотя онъ мнѣ родня и пріятель,—поведенія самаго предосудительнаго. Здѣсь есть одинъ помѣщикъ Добчинскій, котораго вы изволили видѣть, и какъ только этотъ Добчинскій куда-нибудь выйдетъ изъ дому, то онъ тамъ ужъ и сидитъ у жены его, я присягнуть готовъ... И нарочно посмотрите на дѣтей: ни одно изъ нихъ не похоже на Добчинскаго, но всѣ, даже дѣвочка маленькая, какъ вылитый судья.

Хлестаковъ.

Скажите, пожалуйста! а я никакъ этого не думалъ.

Артемій Филипповичъ,

Вотъ и смотритель здѣшняго училища... Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность: онъ хуже, чѣмъ якобинецъ, и такія внушаетъ юношеству неблагонамѣренныя правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумагѣ?

Хлестаковъ.

Хорошо, хоть на бумагѣ. Мнѣ очень будетъ пріятно. Я, знаете, этакъ, люблю въ скучное время прочесть что-нибудь забавное... Какъ ваша фамилія? я все позабываю.

Артемій Филипповичъ.

Земляника.

Хлестаковъ.

А, да! Земляника. И что-жъ, скажите пожалуйста, есть у васъ дѣтки?

Артемій Филипповичъ.

Какъ же-съ! пятеро; двое уже взрослыхъ.

Хлестаковъ.

Скажите, взрослыхъ! А какъ они... какъ они того?

Артемій Филипповичъ.

То-есть, не изволите ли вы спрашивать, какъ ихъ зовутъ?

Хлестаковъ.

Да, какъ ихъ зовутъ?

Артемій Филипповичъ.

Николай, Иванъ, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаковъ.

Это хорошо.

Артемій Филипповичъ.

Не смѣя безпокоить своимъ присутствіемъ, отнимать времени, опредѣленнаго на священныя обязанности... *(Раскланивается съ тѣмъ, чтобы уйти.)*

Хлестаковъ *(провожая)*.

Нѣтъ, ничего. Это все очень смѣшно, что вы говорили. Пожалуйста и въ другое тоже время... Я это очень люблю. *(Возвращается и, отворивши дверь, кричитъ вслѣдъ ему.)* Эй, вы! какъ васъ? я все позабываю, какъ ваше имя и отчество.

Артемій Филипповичъ.

Артемій Филипповичъ.

Хлестаковъ.

Сдѣлайте милость, Артемій Филипповичъ, со мной странный случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Нѣтъ ли у васъ денегъ взаймы—рублей четыреста?

Артемій Филипповичъ.

Есть.

Хлестаковъ.

Скажите, какъ кстати. Покорнѣйше васъ благодарю.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хлестаковъ, Бобчинскій и Добчинскій.

Бобчинскій.

Имѣю честь представиться: житель здѣшняго города, Петръ, Ивановъ сынъ, Бобчинскій.

Добчинскій.

Помѣщикъ Петръ, Ивановъ сынъ, Добчинскій.

Хлестаковъ.

А, да я ужъ васъ видѣлъ. Вы, кажется, тогда упали? Что, какъ вашъ носъ?

Бобчинскій.

Слава Богу! не извольте безпокоиться: присохъ, теперь совсѣмъ присохъ.

Хлестаковъ.

Хорошо, что присохъ. Я радъ... *(Вдругъ и отрывисто.)* Денегъ нѣтъ у васъ?

Добчинскій.

Денегъ? какъ денегъ?

Хлестаковъ.

Взаймы рублей тысячу.

Бобчинскій.

Такой суммы, ей-Богу, нѣтъ. А нѣтъ ли у васъ, Петръ Ивановичъ?

Добчинскій.

При мнѣ-съ не имѣется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Хлестаковъ.

Да, ну, если тысячи нѣтъ, такъ рублей сто.

Бобчинскій *(шаря въ карманахъ).*

У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня всего сорокъ ассигнаціями.

Добчинскій *(смотря въ бумажникъ).*

Двадцать пять рублей всего.

Бобчинскій.

Да вы поищите-то получше, Петръ Ивановичъ! У васъ тамъ, я знаю, въ карманѣ-то съ правой стороны прорѣха, такъ въ прорѣху-то, вѣрно, какъ-нибудь запали.

Добчинскій.

Нѣтъ, право, и въ прорѣхѣ нѣтъ.

Хлестаковъ.

Ну, все равно. Я вѣдь только такъ. Хорошо, пусть будетъ шестьдесятъ пять рублей... это все равно. *(Принимаетъ деньги.)*

Добчинскій.

Я осмѣливаюсь попросить васъ относительно одного очень тонкаго обстоятельства.

Хлестаковъ.

А что это?

Добчинскій.

Дѣло очень тонкаго свойства-съ: старшій-то сынъ мой, изволите видѣть, рожденъ мною еще до брака...

Хлестаковъ.

Да?

Добчинскій.

То-есть, оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ бы и въ бракѣ, и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ потомъ законными-съ узами супружества-съ. Такъ я, изволите видѣть, хочу, чтобъ онъ теперь уже былъ совсѣмъ, то-есть, законнымъ моимъ сыномъ-съ и назывался бы такъ, какъ я: Добчинскій-съ.

Хлестаковъ.

Хорошо, пусть называется, это можно.

Добчинскій.

Я бы и не безпокоилъ васъ, да жаль насчетъ способностей. Мальчишка-то этакой... большія надежды подаетъ: наизусть стихи разные разскажетъ, и, если гдѣ попадется ножикъ, сейчасъ сдѣлаетъ маленькія дрожечки такъ искусно, какъ фокусникъ-съ. Вотъ и Петръ Ивановичъ знаетъ.

Бобчинскій.

Да, большія способности имѣетъ.

Хлестаковъ.

Хорошо, хорошо! Я объ этомъ постараюсь, я буду говорить... я надѣюсь... все это будетъ сдѣлано, да, да... *(Обращаясь къ Бобчинскому.)* Не имѣете ли и вы чего-нибудь сказать мнѣ?

Бобчинскій.

Какъ же, имѣю очень нижайшую просьбу.

Хлестаковъ.

А что, о чемъ?

Бобчинскій.

Я прошу васъ покорнѣйше, какъ поѣдете въ Петербургъ, скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ: сенаторамъ и адмираламъ, что вотъ, ваше сіятельство, или превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите: живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ.

Очень хорошо.

Бобчинскій.

Да если этакъ и государю придется, то скажите и государю, что вотъ, молъ, ваше императорское величество, въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ.

Очень хорошо.

Добчинскій.

Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Бобчинскій.

Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Хлестаковъ.

Ничего, ничего! Мнѣ очень пріятно. *(Выпроваживаетъ ихъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ *(одинъ).*

Здѣсь много чиновниковъ. Мнѣ кажется, однако жъ, они меня принимаютъ за государственнаго человѣка. Вѣрно, я вчера имъ подпустилъ пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всемъ въ Петербургъ къ Тряпичкину: онъ пописываетъ статейки—пусть-ка

онъ ихъ общелкаетъ хорошенько. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и чернилъ! *(Осипъ выглянулъ изъ дверей, произнесши: „сейчасъ".)* А ужъ Тряпичкину, точно, если кто попадетъ на зубокъ,—берегись: отца родного не пощадитъ для словца, и деньгу тоже любитъ. Впрочемъ, чиновники эти добрые люди; это съ ихъ стороны хорошая черта, что они мнѣ дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денегъ. Это отъ судьи триста; это отъ почтмейстера триста, шестьсотъ, семьсотъ, восемьсотъ... Какая замасленная бумажка! Восемьсотъ, девятьсотъ... Ого! за тысячу перевалило... Ну-ка теперь, капитанъ, ну-ка, попадись-ка ты мнѣ теперь! посмотримъ, кто кого!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Хлестаковъ и **Осипъ** *(съ чернилами и бумагою).*

Хлестаковъ.

Ну, что, видишь, дуракъ, какъ меня угощаютъ и принимаютъ? *(Начинаетъ писать.)*

Осипъ.

Да, слава Богу! Только знаете что, Иванъ Александровичъ?

Хлестаковъ.

А что?

Осипъ.

Уѣзжайте отсюда! Ей-Богу, уже пора.

Хлестаковъ *(пишетъ).*

Вотъ вздоръ! Зачѣмъ?

Осипъ.

Да такъ. Богъ съ ними со всѣми! Погуляли здѣсь два денька,—ну и довольно. Что съ ними долго связываться? Плюньте на нихъ! не ровенъ часъ: какой-нибудь другой наѣдетъ... ей-Богу, Иванъ Александровичъ! А лошади тутъ славныя—такъ бы закатили!..

Хлестаковъ *(пишетъ).*

Нѣтъ, мнѣ еще хочется пожить здѣсь. Пусть завтра.

Осипъ.

Да что завтра! Ей-Богу, поѣдемъ, Иванъ Александровичъ! Оно хоть и большая честь вамъ, да все, знаете, лучше уѣхать скорѣе: вѣдь васъ, право, за кого-то другого приняли... И ба-

тюшка будетъ гнѣваться, что такъ замѣшкались. Такъ бы, право, закатили славно! А лошадей бы важныхъ здѣсь дали.

Хлестаковъ *(пишетъ).*

Ну, хорошо. Отнеси только напередъ это письмо, пожалуй, вмѣстѣ и подорожную возьми. Да зато, смотри, чтобы лошади хорошія были! Ямщикамъ скажи, что я буду давать по цѣлковому, чтобы такъ, какъ фельдъегеря, катили и пѣсни бы пѣли!.. *(Продолжаетъ писать.)* Воображаю, Тряпичкинъ умретъ со смѣху...

Осипъ.

Я, сударь, отправлю его съ человѣкомъ здѣшнимъ, а самъ лучше буду укладываться, чтобъ не прошло понапрасну время.

Хлестаковъ *(пишетъ).*

Хорошо, принеси только свѣчу.

Осипъ
(выходитъ и говоритъ за сценой).

Эй, послушай, братъ! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтобъ онъ принялъ безъ денегъ, да скажи, чтобъ сейчасъ привели къ барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, баринъ не плотитъ: прогонъ, молъ, скажи, казенный. Да чтобъ все живѣе, а не то, молъ, баринъ сердится. Стой, еще письмо не готово.

Хлестаковъ *(продолжаетъ писать).*

Любопытно знать, гдѣ онъ теперь живетъ—въ Почтамтской или Гороховой? Онъ, вѣдь, тоже любитъ часто переѣзжать съ квартиры и не доплачивать. Напишу наудалую въ Почтамтскую. *(Свертываетъ и надписываетъ.)*

Осипъ
(приноситъ свѣчу. Хлестаковъ печатаетъ. Въ это время слышенъ голосъ Держиморды:)

Куда лѣзешь, борода? Говорятъ тебѣ, никого не велѣно пускать.

Хлестаковъ *(даетъ Осипу письмо).*

На, отнеси.

Голоса купцовъ.

Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за дѣломъ пришли.

Голосъ Держиморды.

Пошелъ, пошелъ! Не принимаетъ, спитъ. *(Шумъ увеличивается.)*

Хлестаковъ.

Что тамъ такое, Осипъ? Посмотри, что за шумъ.

Осипъ *(глядя въ окно).*

Купцы какіе-то хотятъ войти, да не допускаетъ квартальный. Машутъ бумагами: вѣрно, васъ хотятъ видѣть.

Хлестаковъ *(подходя къ окну).*

А что вы, любезные?

Голоса купцовъ.

Къ твоей милости прибѣгаемъ. Прикажите, государь, просьбу принять.

Хлестаковъ.

Впустите ихъ, впустите! пусть идутъ. Осипъ, скажи имъ: пусть идутъ. *(Осипъ уходитъ.)*

Хлестаковъ
(принимаетъ изъ окна просьбы, развертываетъ одну изъ нихъ и читаетъ:)

„Его высокоблагородному свѣтлости господину финансову отъ купца Абдулина...“ Чортъ знаетъ, что: и чина такого нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

Хлестаковъ и купцы *(съ кузовомъ вина и сахарными головами).*

Хлестаковъ.

А что вы, любезные?

Купцы.

Челомъ бьемъ вашей милости.

Хлестаковъ.

А что вамъ угодно?

Купцы.

Не погуби, государь! Обижательство терпимъ совсѣмъ понапрасну.

Хлестаковъ.

Отъ кого?

Одинъ изъ купцовъ.

Да все отъ городничаго здѣшняго. Такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинитъ, что описать нельзя. Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полѣзай,

Не по поступкамъ поступаетъ. Схватитъ за бороду, говоритъ: „Ахъ ты татаринъ!" Ей-Богу! Если бы, то-есть, чѣмъ-нибудь не уважили его, а то мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ: что слѣдуетъ на платья супружницѣ его и дочкѣ—мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, вишь ты, ему всего этого мало—ей-ей! Придетъ въ лавку и, что ни попадется, все беретъ. Сукна увидитъ штуку, говоритъ: „Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мнѣ". Ну, и несешь, а въ штукѣ-то будетъ безъ мала аршинъ пятьдесятъ.

Хлестаковъ.

Неужели? Ахъ, какой же онъ мошенникъ!

Купцы.

Ей-Богу! такого никто не запомнитъ городничаго. Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То-есть, не то ужъ говоря, чтобъ какую деликатность, всякую дрянь беретъ: черносливъ такой, что лѣтъ уже по семи лежитъ въ бочкѣ, что у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть, а онъ цѣлую горсть туда запуститъ. Именины его бываютъ на Антона, и ужъ, кажись, всего нанесешь, ни въ чемъ не нуждается; нѣтъ, ему еще подавай: говоритъ, и на Онуфрія его именины. Что дѣлать? и на Онуфрія несешь.

Хлестаковъ.

Да это, просто, разбойникъ!

Купцы.

Ей-ей! А попробуй прекословить, наведетъ къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой. А если что, велитъ запереть двери. „Я тебя", говоритъ, „не буду", говоритъ, „подвергать тѣлесному наказанію, или пыткой пытать—это", говоритъ, „запрещено закономъ, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки!"

Хлестаковъ.

Ахъ, какой мошенникъ! Да за это, просто, въ Сибирь.

Купцы.

Да ужъ куда милость твоя ни запровадитъ его,—все будетъ хорошо, лишь бы, то-есть, отъ насъ подальше. Не побрезгай, отецъ нашъ, хлѣбомъ и солью: кланяемся тебѣ сахарцомъ и кузовкомъ вина.

Хлестаковъ.

Нѣтъ, вы этого не думайте; я не беру совсѣмъ никакихъ взятокъ. Вотъ, если бы вы, напримѣръ, предложили мнѣ взаймы рублей триста,—ну тогда совсѣмъ другое дѣло: взаймы я могу взять.

Купцы съ жалобой на Городничаго.
Рис. П. Боклевскаго.

Купцы.

Изволь, отецъ нашъ! *(Вынимаютъ деньги.)* Да что триста! ужъ лучше пятьсотъ возьми, помоги только.

Хлестаковъ.

Извольте: взаймы—я ни слова, я возьму.

Купцы

(подносятъ ему на серебряномъ подносѣ деньги).

Ужъ, пожалуйста, и подносикъ вмѣстѣ возьмите.

Хлестаковъ.

Ну, и подносикъ можно.

Купцы *(кланяясь).*

Такъ ужъ возьмите за однимъ разомъ и сахарцу.

Хлестаковъ.

О, нѣтъ, я взятокъ никакихъ...

Осипъ.

Ваше высокоблагородіе! зачѣмъ вы не берете? Возьмите! въ дорогѣ все пригодится. Давай сюда головы и кулекъ! Подавай все, все пойдетъ впрокъ. Что тамъ? веревочка? Давай и веревочку,—и веревочка въ дорогѣ пригодится: телѣжка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы.

Такъ ужъ сдѣлайте такую милость, ваше сіятельство! Если уже вы, то-есть, не поможете въ нашей просьбѣ, то ужъ не знаемъ, какъ и быть: просто хоть въ петлю полѣзай.

Хлестаковъ.

Непремѣнно, непремѣнно! Я постараюсь. *(Купцы уходятъ.) Слышенъ голосъ женщины:* Нѣтъ, ты не смѣешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся такъ больно!

Хлестаковъ.

Кто тамъ? *(Подходитъ къ окну.)* А что ты, матушка?

Голоса двухъ женщинъ.

Милости твоей, отецъ, прошу! Повели, государь, выслушать.

Хлестаковъ *(въ окно).*

Пропустить ее.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Хлестаковъ, слесарша и унтеръ-офицерша.

Слесарша *(кланяясь въ ноги).*

Милости прошу.

Унтеръ-офицерша.

Милости прошу...

Хлестаковъ.

Да что вы за женщины?

Унтеръ-офицерша.

Унтеръ-офицерская жена Иванова.

Слесарша.

Слесарша, здѣшняя мѣщанка, Февронья Петрова Пошлепкина, отецъ мой...

Хлестаковъ.

Стой, говори прежде одна. Что тебѣ нужно?

Слесарша.

Милости прошу, на городничаго челомъ бью! Пошли ему Богъ всякое зло! Чтобъ ни дѣтямъ его, ни ему, мошеннику, ни дядьямъ, ни теткамъ его ни въ чемъ никакого прибытку не было.

Хлестаковъ.

А что?

Слесарша.

Да мужу-то моему приказалъ забрить лобъ въ солдаты, и очередь-то на насъ не припадала, мошенникъ такой! Да и по закону нельзя: онъ женатый.

Хлестаковъ.

Какъ же онъ могъ это сдѣлать?

Слесарша.

Сдѣлалъ мошенникъ, сдѣлалъ,—побей Богъ его и на томъ, и на этомъ свѣтѣ! Чтобы ему, если и тетка есть, то и теткѣ всякая пакость, и отецъ если живъ у него, то чтобъ и онъ, каналья, околѣлъ или поперхнулся навѣки, мошенникъ такой! Слѣдовало взять сына портного, онъ же и пьянюшка былъ, да родители богатый подарокъ дали, такъ онъ и присыкнулся къ сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала къ супругѣ полотна три штуки, такъ онъ ко мнѣ. „На что“, гово-

ритъ, „тебѣ мужъ? онъ ужъ тебѣ не годится“. Да я то знаю— годится или не годится; это мое дѣло, мошенникъ такой! „Онъ“, говоритъ, „воръ; хоть онъ теперь и не укралъ, да все равно“, говоритъ, „онъ украдетъ, его и безъ того на слѣдующій годъ возьмутъ въ рекруты“. Да мнѣ-то каково безъ мужа, мошенникъ такой! Я слабый человѣкъ, подлецъ ты такой! Чтобъ всей роднѣ твоей не довелось видѣть свѣта Божьяго! А если есть теща, то чтобъ и тещѣ...

Хлестаковъ.

Хорошо, хорошо. Ну, а ты? *(Выпровожаетъ старуху.)*

Слесарша *(уходя)*.

Не позабудь, отецъ нашъ! Будь милостивъ!

Унтеръ-офицерша.

На городничаго, батюшка, пришла...

Хлестаковъ.

Ну, да что, зачѣмъ? Говори въ короткихъ словахъ.

Унтеръ-офицерша.

Высѣкъ, батюшка!

Хлестаковъ.

Какъ?

Унтеръ-офицерша.

По ошибкѣ, отецъ мой! Бабы-то наши задрались на рынкѣ, а полиція не подоспѣла, да и схвати меня, да такъ отрапортовали: два дни сидѣть не могла.

Хлестаковъ.

Такъ что-жъ теперь дѣлать?

Унтеръ-офицерша.

Да дѣлать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штрафтъ. Мнѣ отъ своего счастья неча отказываться, а деньги бы мнѣ теперь очень пригодились.

Хлестаковъ.

Хорошо, хорошо! Ступайте, ступайте! Я распоряжусь. *(Въ окно высовываются руки съ просьбами.)* Да кто тамъ еще? *(Подходитъ къ окну.)* Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно. *(Отходя.)* Надоѣли, чортъ возьми! Не впускай, Осипъ!

Слесарша и Унтеръ-офицерша.
Рис. П. Боклевскаго.

Осипъ *(кричитъ въ окно).*

Пошли, пошли! Не время, завтра приходите! *(Дверь отворяется, и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели, съ небритою бородою, раздутою губою и перевязанною щекою; за нею въ перспективѣ показывается нѣсколько другихъ.)*

Осипъ.

Пошелъ! пошелъ! Чего лѣзешь? *(Упирается первому руками въ брюхо и выпирается вмѣстѣ съ нимъ въ прихожую, захлопнувъ за собою дверь.)*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Хлестаковъ и Марья Антоновна.

Марья Антоновна.

Ахъ!

Хлестаковъ.

Отчего вы такъ испугались, сударыня?

Марья Антоновна.

Нѣтъ, я не испугалась.

Хлестаковъ *(рисуется).*

Помилуйте, сударыня, мнѣ очень пріятно, что вы меня приняли за такого человѣка, который... Осмѣлюсь ли спросить васъ: куда вы намѣрены были итти?

Марья Антоновна.

Право, я никуда не шла.

Хлестаковъ.

Отчего же, напримѣръ, вы никуда не шли?

Марья Антоновна.

Я думала, не здѣсь ли маменька...

Хлестаковъ.

Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна.

Я вамъ помѣшала? Вы занимались важными дѣлами.

По фотографіи „К. Фишера". Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°.

Дѣйствіе IV. Явл. 5. Марья Антоновна: Ахъ, какой пассажъ!

Хлестаковъ *(рисуется).*

А ваши глаза лучше, нежели важныя дѣла... Вы никакъ не можете мнѣ помѣшать, никакимъ образомъ не можете; напротивъ того, вы можете принесть удовольствіе.

Марья Антоновна.

Вы говорите по-столичному.

Хлестаковъ.

Для такой прекрасной особы, какъ вы. Осмѣлюсь ли быть такъ счастливъ, чтобы предложить вамъ стулъ? Но нѣтъ, вамъ должно не стулъ, а тронъ.

Марья Антоновна.

Право, я не знаю... мнѣ такъ нужно было итти. *(Сѣла.)*

Хлестаковъ.

Какой у васъ прекрасный платочекъ!

Марья Антоновна.

Вы насмѣшники, лишь бы только посмѣяться надъ провинціальными.

Хлестаковъ.

Какъ бы я желалъ, сударыня, быть вашимъ платочкомъ, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна.

Я совсѣмъ не понимаю, о чемъ вы говорите: какой-то платочекъ... Сегодня какая странная погода!

Хлестаковъ.

А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна.

Вы все этакое говорите... Я бы васъ попросила, чтобъ вы мнѣ написали лучше на память какіе-нибудь стишки въ альбомъ. Вы, вѣрно, ихъ знаете много.

Хлестаковъ.

Для васъ, сударыня, все, что хотите. Требуйте, какіе стихи вамъ?

Марья Антоновна.

Какіе-нибудь, этакіе—хорошіе, новые.

Хлестаковъ.

Да что стихи! Я много ихъ знаю.

Марья Антоновна.

Ну, скажите же, какіе же вы мнѣ напишете?

Хлестаковъ.

Да къ чему же говорить? Я и безъ того ихъ знаю.

Марья Антоновна.

Я очень люблю ихъ...

Хлестаковъ.

Да у меня много ихъ всякихъ. Ну, пожалуй, я вамъ хоть это: „О ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь, человѣкъ!..“ Ну и другіе... теперь не могу припомнить; впрочемъ, это все ничего. Я вамъ лучше вмѣсто этого представлю мою любовь, которая отъ вашего взгляда... *(Придвигая стулъ.)*

Марья Антоновна.

Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что за любовь... *(Отодвигаетъ стулъ.)*

Хлестаковъ.

Отчего-жъ вы отодвигаете свой стулъ? Намъ лучше будетъ сидѣть близко другъ къ другу.

Марья Антоновна *(отодвигаясь)*.

Для чего-жъ близко? Все равно и далеко.

Хлестаковъ *(придвигаясь)*.

Отчего-жъ далеко? Все равно и близко.

Марья Антоновна *(отодвигается)*.

Да къ чему-жъ это?

Хлестаковъ *(придвигаясь)*.

Да вѣдь это вамъ кажется только, что близко; а вы вообразите себѣ, что далеко. Какъ бы я былъ счастливъ, сударыня, если-бъ могъ прижать васъ въ свои объятія.

Марья Антоновна *(смотритъ въ окно)*.

Что это, такъ, какъ будто бы полетѣло? Сорока или какая другая птица?

Хлестаковъ
(цѣлуетъ ее въ плечо и смотритъ въ окно).

Это сорока.

Марья Антоновна
(встаетъ въ негодованіи).

Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Наглость такая!..

Хлестаковъ *(удерживая ее).*

Простите, сударыня: я это сдѣлалъ отъ любви, точно, отъ любви.

Марья Антоновна.

Вы почитаете меня за такую провинціалку... *(Силится уйти.)*

Хлестаковъ *(продолжая удерживать ее).*

Изъ любви, право изъ любви. Я такъ только, пошутилъ: Марья Антоновна, не сердитесь! Я готовъ на колѣнкахъ у васъ просить прощенія. *(Падаетъ на колѣни.)* Простите же, простите! Вы видите, я на колѣняхъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна
(увидя Хлестакова на колѣняхъ).

Ахъ, какой пасажъ!

Хлестаковъ *(вставая).*

А, чортъ возьми!

Анна Андреевна *(дочери).*

Это что значитъ, сударыня? Это что за поступки такіе?

Марья Антоновна.

Я, маменька...

Анна Андреевна.

Поди прочь отсюда! Слышишь, прочь, прочь! И не смѣй показываться на глаза. *(Марья Антоновна уходитъ въ слезахъ.)* Извините, я, признаюсь, приведена въ такое изумленіе...

Хлестаковъ *(въ сторону).*

А она тоже очень аппетитна, очень недурна. *(Бросается на колѣни.)* Сударыня, вы видите, я сгораю отъ любви.

Анна Андреевна.

Какъ, вы на колѣняхъ? Ахъ, встаньте, встаньте! Здѣсь полъ совсѣмъ нечистъ.

Хлестаковъ.

Нѣтъ, на колѣняхъ, непремѣнно на колѣняхъ, я хочу знать, что такое мнѣ суждено, жизнь или смерть.

Анна Андреевна.

Но позвольте, я еще не понимаю вполнѣ значенія словъ. Если не ошибаюсь, вы дѣлаете декларацію насчетъ моей дочери.

Хлестаковъ.

Нѣтъ, я влюбленъ въ васъ. Жизнь моя на волоскѣ. Если вы не увѣнчаете постоянную любовь мою, то я недостоинъ земного существованія. Съ пламенемъ въ груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна.

Но позвольте замѣтить: я въ нѣкоторомъ родѣ... я замужемъ.

Хлестаковъ.

Это ничего! Для любви нѣтъ различія; и Карамзинъ сказалъ: „Законы осуждаютъ". Мы удалимся подъ сѣнь струй... Руки вашей, руки прошу.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Марья Антоновна *(вдругъ вбѣгаетъ).*

Марья Антоновна.

Маменька, папенька сказалъ, чтобы вы... *(Увидя Хлестакова на колѣняхъ, вскрикиваетъ.)* Ахъ, какой пасажъ!

Анна Андреевна.

Ну, что ты? къ чему? зачѣмъ? Что за вѣтреность такая! Вдругъ вбѣжала, какъ угорѣлая кошка. Ну, что ты нашла такого удивительнаго? Ну, что тебѣ вздумалось? Право, какъ дитя какое-нибудь трехлѣтнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лѣтъ. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнѣе, когда ты будешь вести себя, какъ прилично благовоспитанной дѣвицѣ; когда ты будешь знать, что такое хорошія правила и солидность въ поступкахъ.

Марья Антоновна *(сквозь слезы).*

Я, право, маменька, не знала...

Анна Андреевна.

У тебя вѣчно какой-то сквозной вѣтеръ разгуливаетъ въ головѣ; ты берешь примѣръ съ дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебѣ глядѣть на нихъ! не нужно тебѣ глядѣть на нихъ. Тебѣ есть примѣры другіе — передъ тобою мать твоя. Вотъ какимъ примѣрамъ ты должна слѣдовать.

Хлестаковъ *(схватывая за руку дочь).*

Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучію, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна *(съ изумленіемъ).*

Такъ вы въ нее?..

Хлестаковъ.

Рѣшите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна.

Ну, вотъ видишь, дура, ну, вотъ видишь: изъ-за тебя, этакой дряни, гость изволилъ стоять на колѣняхъ; а ты вдругъ вбѣжала, какъ сумасшедшая. Ну, вотъ, право, стоитъ, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастія.

Марья Антоновна.

Не буду, маменька; право, впередъ не буду.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и городничій *(впопыхахъ).*

Городничій.

Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаковъ.

Что съ вами?

Городничій.

Тамъ купцы жаловались вашему превосходительству. Честью увѣряю, и наполовину нѣтъ того, что они говорятъ. Они сами обманываютъ и обмѣриваютъ народъ. Унтеръ-офицерша налгала вамъ, будто бы я ее высѣкъ: она вретъ, ей-Богу, вретъ. Она сама себя высѣкла.

Хлестаковъ.

Провались унтеръ-офицерша—мнѣ не до нея!

Городничій.

Не вѣрьте, не вѣрьте! Это такіе лгуны... имъ вотъ этакой ребенокъ не повѣритъ. Они ужъ и по всему городу извѣстны за лгуновъ. А насчетъ мошенничества, осмѣлюсь доложить: это такіе мошенники, какихъ свѣтъ не производилъ.

Анна Андреевна.

Знаешь ли ты, какой чести удостоиваетъ насъ Иванъ Александровичъ? Онъ проситъ руки нашей дочери.

Городничій.

Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гнѣваться, ваше превосходительство: она немного съ придурью, такова же была и мать ея.

Хлестаковъ.

Да, я, точно, прошу руки. Я влюбленъ.

Городничій.

Не могу вѣрить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна.

Да когда говорятъ тебѣ!

Хлестаковъ.

Я не шутя вамъ говорю... Я могу отъ любви свихнуть съ ума.

Городничій.

Не смѣю вѣрить, недостоинъ такой чести.

Хлестаковъ.

Да, если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я, чортъ знаетъ, что готовъ...

Городничій.

Не могу вѣрить: изволите шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна.

Ахъ, какой чурбанъ, въ самомъ дѣлѣ! Ну, когда тебѣ толкуютъ...

Городничій.

Не могу вѣрить.

Хлестаковъ.

Отдайте, отдайте! Я отчаянный человѣкъ, я рѣшусь на все: когда застрѣлюсь, васъ подъ судъ отдадутъ.

Городничій.

Ахъ Боже мой! Я, ей-ей, не виноватъ ни душою, ни тѣломъ! Не извольте гнѣваться! Извольте поступать такъ, какъ вашей милости угодно! У меня, право, въ головѣ теперь... я и самъ не знаю, что дѣлается. Такой дуракъ теперь сдѣлался, какимъ еще никогда не бывалъ.

Анна Андреевна.

Ну, благословляй!

Хлестаковъ

подходитъ съ Марьей Антоновной.

Городничій.

Да благословитъ васъ Богъ! а я не виноватъ! *(Хлестаковъ цѣлуется съ Марьей Антоновной. Городничій смотритъ на нихъ.)* Что за чортъ! въ самомъ дѣлѣ! *(Протираетъ глаза.)* Цѣлуются! Ахъ, батюшки, цѣлуются! Точный женихъ. *(Вскрикиваетъ, подпрыгивая отъ радости.)* Ай, Антонъ! Ай, Антонъ! Ай, городничій! Вона, какъ дѣло-то пошло!

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Осипъ.

Осипъ.

Лошади готовы.

Хлестаковъ.

А, хорошо... я сейчасъ.

Городничій.

Какъ-съ? Изволите ѣхать?

Хлестаковъ.

Да, ѣду.

Городничій.

А когда же, то-есть... Вы изволили сами намекнуть насчетъ, кажется, свадьбы?

Хлестаковъ.

А это... На одну минуту только, на одинъ день къ дядѣ— богатый старикъ; а завтра же и назадъ.

Городничій.

Не смѣемъ никакъ удерживать, въ надеждѣ благополучнаго возвращенія.

Хлестаковъ.

Какъ же, какъ же, я вдругъ. Прощайте, любовь моя... нѣтъ, просто не могу выразить! Прощайте, душенька! *(Цѣлуетъ ея ручку.)*

Городничій.

Да не нужно ли вамъ въ дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться въ деньгахъ?

Хлестаковъ.

О, нѣтъ, къ чему это? *(Немного подумавъ.)* А впрочемъ, пожалуй.

Городничій.

Сколько угодно вамъ?

Хлестаковъ.

Да вотъ тогда вы дали двѣсти, то-есть не двѣсти, а четыреста,—я не хочу воспользоваться вашею ошибкою,—такъ, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсотъ.

Городничій.

Сейчасъ! *(Вынимаетъ изъ бумажника.)* Еще, какъ нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаковъ.

А, да! *(Беретъ и разсматриваетъ ассигнаціи.)* Это хорошо. Вѣдь это, говорятъ, новое счастье, когда новенькими бумажками?

Городничій.

Такъ точно-съ.

Хлестаковъ.

Прощайте, Антонъ Антоновичъ! Очень обязанъ за ваше гостепріимство. Я признаюсь отъ всего сердца: мнѣ нигдѣ не было такого хорошаго пріема. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна. *(Выходятъ.)*

За сценой.

Голосъ Хлестакова.

Прощайте, ангелъ души моей, Марья Антоновна!

Голосъ городничаго.

Какъ же это вы? прямо такъ на перекладной и ѣдете?

Голосъ Хлестакова.

Да, я привыкъ ужъ такъ. У меня голова болитъ отъ рессоръ.

„Обѣдаешь гдѣ нибудь у Губернатора, а тамъ—стой Городничій!
Хе, хе, хе! Вотъ что, канальство, заманчиво!"

Рис. П. Боклевскаго.

Голосъ ямщика.

Тпр...

Голосъ городничаго.

Такъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь застлать, хотя бы врикомъ. Не прикажете ли, я велю подать коврикъ?

Голосъ Хлестакова.

Нѣтъ, зачѣмъ? это пустое; а впрочемъ, пожалуй, пусть даютъ коврикъ.

Голосъ городничаго.

Эй, Авдотья! ступай въ кладовую, вынь коверъ, самый лучшій,—что по голубому полю, персидскій, скорѣй!

Голосъ ямщика.

Тпр...

Голосъ городничаго.

Когда же прикажете ожидать васъ?

Голосъ Хлестакова.

Завтра или послѣ-завтра.

Голосъ Осипа.

А, это коверъ? давай его сюда, клади вотъ такъ! Теперь давай-ка съ этой стороны сѣна.

Голосъ ямщика.

Тпр...

Голосъ Осипа.

Вотъ съ этой стороны! сюда! еще! хорошо! Славно будетъ! *(Бьетъ рукою по ковру.)* Теперь садитесь, ваше благородіе!

Голосъ Хлестакова.

Прощайте, Антонъ Антоновичъ!

Голосъ городничаго.

Прощайте, ваше превосходительство!

Женскіе голоса.

Прощайте, Иванъ Александровичъ!

Голосъ Хлестакова.

Прощайте, маменька!

Голосъ ямщика.

Эй, вы, залетные! *(Колокольчикъ звенитъ; занавѣсъ опускается.)*

Дѣйствіе пятое.

Та же комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій.

Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь объ этомъ? Экой богатый призъ, канальство! Ну, признайся откровенно: тебѣ и во снѣ не видѣлось—просто изъ какой-нибудь городничихи и вдругъ... фу, ты, канальство!.. съ какимъ дьяволомъ породнилась!

Анна Андреевна.

Совсѣмъ нѣтъ; я давно это знала. Это тебѣ въ диковинку, потому что ты простой человѣкъ, никогда не видалъ порядочныхъ людей.

Городничій.

Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ. Однако жъ, право, какъ подумаешь, Анна Андреевна, какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! а, Анна Андреевна? Высокаго полета, чортъ побери! Постой же, теперь же я задамъ перцу всѣмъ этимъ охотникамъ подавать просьбы и доносы! Эй, кто тамъ? *(Входитъ квартальный.)* А, это ты, Иванъ Карповичъ! Призови-ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ, каналій! Такъ жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый іудейскій народъ! Постойте жъ, голубчики! Прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всѣхъ, кто только ходилъ бить челомъ на меня, и вотъ этихъ больше всего писакъ, писакъ, которые закручивали имъ просьбы. Да объяви всѣмъ, чтобъ знали: что вотъ, дескать, какую честь Богъ послалъ городничему, что выдаетъ дочь свою—не то, чтобы за какого-нибудь простого человѣка, а за такого, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ все сдѣлать, все, все, все! Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали. Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужъ когда торжество, такъ торжество. *(Квартальный уходитъ.)* Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить? здѣсь или въ Питерѣ?

Анна Андреевна.

Натурально, въ Петербургѣ. Какъ можно здѣсь оставаться!

Городничій.

Ну, въ Питерѣ, такъ въ Питерѣ; а оно хорошо бы и здѣсь. Что, вѣдь я думаю, уже городничество тогда къ чорту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна.

Натурально, что за городничество!

Городничій.

Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чинъ зашибить, потому что онъ запанибрата со всѣми министрами и во дворецъ ѣздитъ, такъ поэтому можетъ такое производство сдѣлать, что современемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна: можно влѣзть въ генералы?

Анна Андреевна.

Еще бы! конечно, можно.

Городничій.

А, чортъ возьми, славно быть генераломъ! Кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?

Анна Андреевна.

Ужъ, конечно, голубую лучше.

Городничій.

Э! вишь чего захотѣла! хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ?—потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь—фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: „лошадей!“ И тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь. Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ— стой, городничій! Хе, хе, хе! *(Заливается и помираетъ со смѣху.)* Вотъ что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна.

Тебѣ все такое грубое нравится. Ты долженъ помнить, что жизнь нужно совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые будутъ не то, что какой-нибудь судья-собачникъ, съ которымъ ты ѣздишь травить зайцевъ, или Земляника; напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого въ хорошемъ обществѣ никогда не услышишь.

Городничій.

Что-жъ? вѣдь слово не вредитъ.

Анна Андреевна.

Да хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ вѣдь жизнь совершенно другая.

Городничій.

Да; тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: ряпушка и корюшка, такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

Анна Андреевна.

Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первый въ столицѣ и чтобъ у меня въ комнатѣ такое было амбре, чтобъ нельзя было войти, и нужно бы только этакъ зажмурить глаза *(Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ.)* Ахъ, какъ хорошо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и купцы.

Городничій.

А! здорово, соколики!

Купцы *(кланяясь)*.

Здравія желаемъ, батюшка!

Городничій.

Что, голубчики, какъ поживаете? какъ товаръ идетъ вашъ? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестіи, надувалы морскіе! жаловаться? Что, много взяли? Вотъ, думаютъ, такъ въ тюрьму его и засадятъ!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что...

Анна Андреевна.

Ахъ, Боже мой! какія ты, Антоша, слова отпускаешь!

Городничій *(съ неудовольствіемъ)*.

А, не до словъ теперь! Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я васъ!.. Обманываете народъ... Сдѣлаешь подрядъ съ казною—на сто тысячъ надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потомъ пожертвуешь двадцать аршинъ, да и давай тебѣ еще награду за это! Да если-бъ знали, такъ бы тебѣ... И брюхо суетъ впередъ: онъ купецъ, его не

тронь. „Мы“, говоритъ, „и дворянамъ не уступимъ“. Да дворянинъ... ахъ ты рожа! дворянинъ учится наукамъ: его хоть и сѣкутъ въ школѣ, да за дѣло, чтобъ онъ зналъ полезное. А ты что?—начинаешь плутнями, тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать. Еще мальчишка, „Отче нашъ“ не знаешь, а ужъ обмѣриваешь; а какъ разопретъ тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и заважничалъ! Фу, ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваровъ выдуешь въ день, такъ оттого и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы *(кланяясь)*.

Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

Городничій.

Жаловаться? А кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также спровадить въ Сибирь. Что скажешь? а?

Одинъ изъ купцовъ.

Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ! Лукавый попуталъ. И закаемся впередъ жаловаться. Ужъ какое хошь удовлетвореніе, не гнѣвись только!

Городничій.

Не гнѣвись! Вотъ ты теперь валяешься у ногъ моихъ. Отчего?—оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ.

Купцы *(кланяются въ ноги)*.

Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

Городничій.

„Не погуби!“ Теперь: „не погуби!“ а прежде что? Я бы васъ... *(Махнувъ рукой.)* Ну, да Богъ проститъ! полно! Я не памятозлобенъ; только теперь, смотри, держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина: чтобъ поздравленіе было... понимаешь? не то, чтобъ отбояриться какимъ-нибудь балычкомъ или головою сахару... Ну, ступай съ Богомъ! *(Купцы уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Аммосъ Өедоровичъ, Артемій Филипповичъ, потомъ **Растаковскій.**

Аммосъ Өедоровичъ *(еще въ дверяхъ).*

Вѣрить ли слухамъ, Антонъ Антоновичъ? къ вамъ привалило необыкновенное счастіе?

Артемій Филипповичъ.

Имѣю честь поздравить съ необыкновеннымъ счастіемъ. Я душевно обрадовался, когда услышалъ. *(Подходятъ къ ручкѣ Анны Андреевны.)* Анна Андреевна! *(Подходя къ ручкѣ Марьи Антоновны.)* Марья Антоновна!

Растаковскій *(входитъ).*

Антона Антоновича поздравляю. Да продлитъ Богъ жизнь вашу и новой четы, и дастъ вамъ потомство многочисленное, внучатъ и правнучатъ! Анна Андреевна! *(Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны.)* Марья Антоновна! *(Подходитъ къ ручкѣ Марьи Антоновны.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Коробкинъ съ женою, Люлюковъ.

Коробкинъ.

Имѣю честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! *(Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны.)* Марья Антоновна! *(Подходитъ къ ея ручкѣ.)*

Жена Коробкина.

Душевно поздравляю васъ, Анна Андреевна, съ новымъ счастіемъ.

Люлюковъ.

Имѣю честь поздравить, Анна Андреевна! *(Подходитъ къ ручкѣ и потомъ, обратившись къ зрителямъ, щелкаетъ языкомъ съ видомъ удальства.)* Марья Антоновна! Имѣю честь поздравить. *(Подходитъ къ ея ручкѣ и обращается къ зрителямъ съ тѣмъ же удальствомъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Множество гостей въ сюртукахъ и фракахъ подходятъ сначала къ ручкѣ Анны Андреевны, говоря: „Анна Андреевна!“ потомъ къ Марьѣ Антоновнѣ, говоря: „Марья Антоновна!“ Бобчинскій и Добчинскій *(проталкиваются).*

Бобчинскій.

Имѣю честь поздравить!

Добчинскій.

Антонъ Антоновичъ! имѣю честь поздравить.

Гости поздравляютъ Городничаго.
Рис. П. Боклевскаго.

Бобчинскій,

Съ благополучнымъ происшествіемъ!

Добчинскій.

Анна Андреевна!

Бобчинскій.

Анна Андреевна! *(Оба подходятъ въ одно время и сталкиваются лбами.)*

Добчинскій.

Марья Антоновна! *(Подходитъ къ ручкѣ.)* Честь имѣю поздравить. Вы будете въ большомъ, большомъ счастіи, въ золотомъ платьѣ ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время.

Бобчинскій *(перебивая)*.

Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! Дай Богъ вамъ всякаго богатства, червонцевъ и сынка-съ этакаго маленькаго, вонъ энтакаго-съ! *(показываетъ рукою),* чтобъ можно было на ладонку посадить, да-съ! Все будетъ мальчишка кричать: уа! уа! уа!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Еще нѣсколько гостей, *подходящихъ къ ручкамъ,* **Лука Лукичъ съ женою.**

Лука Лукичъ.

Имѣю честь...

Жена Луки Лукича *(бѣжитъ впередъ.)*

Поздравляю васъ, Анна Андреевна! *(Цѣлуются.)* А я такъ, право, обрадовалась. Говорятъ мнѣ: „Анна Андреевна выдаетъ дочку". — „Ахъ, Боже мой!" думаю себѣ, и такъ обрадовалась, что говорю мужу; „Послушай, Луканчикъ; вотъ какое счастье Аннѣ Андреевнѣ!" „Ну", думаю себѣ, „слава Богу!" И говорю ему: „Я такъ восхищена, что сгораю нетерпѣніемъ изъявить лично Аннѣ Андреевнѣ"... „Ахъ, Боже мой!" думаю себѣ: „Анна Андреевна именно ожидала хорошей партіи для своей дочери, а вотъ теперь такая судьба: именно такъ сдѣлалось, какъ она хотѣла", и такъ, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вотъ просто рыдаю. Уже Лука Лукичъ говоритъ: „Отчего ты, Настенька, рыдаешь?" — „Луканчикъ", говорю, „я и сама не знаю, слезы такъ вотъ рѣкой и льются".

Городничій.

Покорнѣйше прошу садиться, господа! Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульевъ! *(Гости садятся.)*

Дѣйствіе V, явл. 6. ГОРОДНИЧІЙ. Покорнѣйше прошу садиться, господа!

По фот. Фишера.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, частный приставъ и квартальные.

Частный приставъ.

Имѣю честь поздравить васъ, ваше высокоблагородіе, и пожелать благоденствія на многія лѣта.

Городничій.

Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа! *(Гости усаживаются.)*

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Но скажите, пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, какимъ образомъ все это началось, постепенный ходъ всего, то-есть, дѣла.

Городничій.

Ходъ дѣла чрезвычайный: изволилъ собственнолично сдѣлать предложеніе.

Анна Андреевна.

Очень почтительнымъ и самымъ тонкимъ образомъ. Все чрезвычайно хорошо говорилъ. Говоритъ: „Я, Анна Андреевна, изъ одного только уваженія къ вашимъ достоинствамъ“. И такой прекрасный, воспитанный человѣкъ, самыхъ благороднѣйшихъ правилъ!—„Мнѣ, вѣрите ли, Анна Андреевна, мнѣ жизнь—копѣйка; я только потому, что уважаю ваши рѣдкія качества“.

Марья Антоновна.

Ахъ, маменька! вѣдь это онъ мнѣ говорилъ.

Анна Андреевна.

Перестань, ты ничего не знаешь и не въ свое дѣло не мѣшайся! — „Я, Анна Андреевна, изумляюсь“. Въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ... И когда я хотѣла сказать: „Мы никакъ не смѣемъ надѣяться на такую честь“, онъ вдругъ упалъ на колѣни и такимъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ: „Анна Андреевна! не сдѣлайте меня несчастнѣйшимъ! согласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, не то, я смертью окончу жизнь свою“.

Марья Антоновна.

Право, маменька, онъ обо мнѣ это говорилъ.

Анна Андреевна.

Да, конечно... и объ тебѣ было, я ничего этого не отвергаю

Городничій.

И такъ даже напугалъ: говорилъ, что застрѣлится. „Застрѣлюсь, застрѣлюсь!“ говоритъ.

Многіе изъ гостей.

Скажите пожалуйста!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Экая штука!

Лука Лукичъ.

Вотъ подлинно, судьба ужъ такъ вела.

Артемій Филипповичъ.

Не судьба, батюшка, судьба—индѣйка: заслуги привели къ тому. *(Въ сторону.)* Этакой свиньѣ лѣзетъ всегда въ ротъ счастье!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Я, пожалуй, Антонъ Антоновичъ, продамъ вамъ того кобелька, котораго торговали.

Городничій.

Нѣтъ, мнѣ теперь не до кобельковъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Ну, не хотите, на другой собакѣ сойдемся.

Жена Коробкина.

Ахъ, какъ, Анна Андреевна, я рада вашему счастію! вы не можете себѣ представить.

Коробкинъ.

Гдѣ-жъ теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышалъ, что онъ уѣхалъ за чѣмъ-то.

Городничій.

Да, онъ отправился на одинъ день, по весьма важному дѣлу.

Анна Андреевна.

Къ своему дядѣ, чтобъ испросить благословенія.

Городничій.

Испросить благословенія; но завтра же... *(Чихаетъ. Поздравленія сливаются въ одинъ гулъ.)* Много благодаренъ! Но завтра же и назадъ... *(Чихаетъ; поздравительный гулъ; слышнѣе другихъ голоса):*

Частнаго пристава.

Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

Бобчинскаго.

Сто лѣтъ и куль червонцевъ!

Добчинскаго.

Продли Богъ на сорокъ сороковъ.

Артемія Филипповича.

Чтобъ ты пропалъ!

Жены Коробкина.

Чортъ тебя побери!

Городничій.

Покорнѣйше благодарю! И вамъ того-жъ желаю.

Анна Андреевна.

Мы теперь въ Петербургѣ намѣрены жить. А здѣсь, признаюсь, такой воздухъ... деревенскій ужъ слишкомъ!.. признаюсь, большая непріятность... Вотъ и мужъ мой... онъ тамъ получитъ генеральскій чинъ.

Городничій.

Да, признаюсь, господа, я, чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ.

Лука Лукичъ.

И дай Богъ получить!

Растаковскій.

Отъ человѣка невозможно, а отъ Бога все возможно.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Большому кораблю—большое плаванье.

Артемій Филипповичъ.

По заслугамъ и честь.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ сторону)*.

Вотъ выкинетъ штуку, когда въ самомъ дѣлѣ сдѣлается генераломъ! Вотъ ужъ кому пристало генеральство, какъ коровѣ сѣдло! Ну, нѣтъ, до этого еще далека пѣсня. Тутъ и почище тебя есть, а до сихъ поръ еще не генералы.

Артемій Филипповичъ *(въ сторону).*

Эка, чортъ возьми, ужъ и въ генералы лѣзетъ! Чего добраго, можетъ, и будетъ генераломъ. Вѣдь у него важности, лукавый не взялъ бы его, довольно. *(Обращаясь къ нему.)* Тогда, Антонъ Антоновичъ, и насъ не позабудьте.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

И если что случится, напримѣръ, какая-нибудь надобность по дѣламъ, не оставьте покровительствомъ!

Коробкинъ.

Въ слѣдующемъ году повезу сынка въ столицу на пользу государства, такъ, сдѣлайте милость, окажите ему вашу протекцію, мѣсто отца заступите сироткѣ.

Городничій.

Я готовъ съ своей стороны, готовъ стараться.

Анна Андреевна.

Ты Антоша, всегда готовъ обѣщать. Во-первыхъ, тебѣ не будетъ времени думать объ этомъ. И какъ можно, и съ какой стати себя обременять этими обѣщаніями?

Городничій.

Почему-жъ, душа моя? иногда можно.

Анна Андреевна.

Можно, конечно, да вѣдь не всякой же мелюзгѣ оказывать покровительство.

Жена Коробкина.

Вы слышали, какъ она трактуетъ насъ?

Гостья.

Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за столъ, она и ноги свои...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и почтмейстеръ *(впопыхахъ, съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ).*

Почтмейстеръ.

Удивительное дѣло, господа! Чиновникъ, котораго мы приняли за ревизора, былъ не ревизоръ.

Всѣ.

Какъ, не ревизоръ?

Почтмейстеръ.

Совсѣмъ не ревизоръ,—я узналъ это изъ письма.

Городничiй.

Что вы, что вы? изъ какого письма?

Почтмейстеръ.

Да изъ собственнаго его письма. Приносятъ ко мнѣ на почту письмо. Взглянулъ на адресъ — вижу: „въ Почтамтскую улицу“. Я такъ и обомлѣлъ. „Ну“, думаю себѣ, „вѣрно, нашелъ безпорядки по почтовой части и увѣдомляетъ начальство“. Взялъ да и распечаталъ.

Городничiй.

Какъ же вы?..

Почтмейстеръ.

Самъ не знаю: неестественная сила побудила. Призвалъ было уже курьера съ тѣмъ, чтобы отправить его съ эштафетой; но любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянетъ, такъ вотъ и тянетъ! Въ одномъ ухѣ такъ вотъ и слышу: „Эй, не распечатывай! пропадешь, какъ курица“; а въ другомъ словно бѣсъ

Почтмейстеръ. Рис. П. Боклевскаго.

какой шепчетъ: „Распечатай, распечатай, распечатай!“ И какъ придавилъ сургучъ—по жиламъ огонь, а распечаталъ—морозъ, ей-Богу, морозъ. И руки дрожатъ, и все помутилось.

Городничій.

Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстеръ.

Въ томъ-то и штука, что онъ не уполномоченный и не особа!

Городничій.

Что же онъ по-вашему такое?

Почтмейстеръ.

Ни се, ни то; чортъ знаетъ, что такое!

Городничій *(запальчиво)*.

Какъ ни се, ни то? Какъ вы смѣете назвать его ни тѣмъ, ни сѣмъ, да еще и чортъ знаетъ чѣмъ? Я васъ подъ арестъ...

Почтмейстеръ.

Кто? вы?

Городничій.

Да, я!

Почтмейстеръ.

Коротки руки!

Городничій.

Знаете ли, что онъ женится на моей дочери, что я самъ буду вельможа, что я въ самую Сибирь законопачу?

Почтмейстеръ.

Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что Сибирь? далеко Сибирь. Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

Всѣ.

Читайте, читайте!

Почтмейстеръ *(читаетъ)*.

„Спѣшу увѣдомить тебя, душа Тряпичкинъ, какія со мной чудеса. На дорогѣ обчистилъ меня кругомъ пѣхотный капитанъ, такъ что трактирщикъ хотѣлъ уже было посадить въ тюрьму, какъ вдругъ, по моей петербургской физіономіи и по костюму, весь городъ принялъ меня за генералъ-губернатора. И я теперь живу у городничаго, жуирую, волочуся напропалую за его женой

и дочкой; не рѣшился только, съ которой начать,—думаю, прежде съ матушки, потому что, кажется, готова сейчасъ на всѣ услуги. Помнишь, какъ мы съ тобой бѣдствовали, обѣдали на широмыжку, и какъ одинъ разъ было кондитеръ схватилъ меня за воротникъ, по поводу съѣденныхъ пирожковъ на счетъ доходовъ аглицкаго короля? Теперь совсѣмъ другой оборотъ. Всѣ мнѣ даютъ взаймы, сколько угодно. Оригиналы страшные: отъ смѣху ты бы умеръ. Ты, я знаю, пишешь статейки: помѣсти ихъ въ свою литературу. Во-первыхъ: городничій — глупъ, какъ сивый меринъ...“

Городничій.

Не можетъ быть! Тамъ нѣтъ этого.

Почтмейстеръ *(показываетъ письмо)*.

Читайте сами.

Городничій *(читаетъ)*.

„Какъ сивый меринъ“. Не можетъ быть! вы это сами написали.

Почтмейстеръ.

Какъ же бы я сталъ писать?

Артемій Филипповичъ.

Читайте!

Лука Лукичъ.

Читайте!

Почтмейстеръ *(продолжая читать)*.

„Городничій—глупъ, какъ сивый меринъ...“

Городничій.

О, чортъ возьми! нужно еще повторять! какъ будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

Почтмейстеръ *(продолжая читать)*.

Хм... хм... хм... хм... „сивый меринъ. Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ...“ *(Оставляя читать.)* Ну, тутъ онъ и обо мнѣ тоже неприлично выразился.

Городничій.

Нѣтъ, читайте!

Почтмейстеръ.

Да къ чему-жъ?..

Городничій.

Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать! Читайте все!

Артемій Филипповичъ.

Позвольте, я прочитаю. *(Надѣваетъ очки и читаетъ):* „Почтмейстеръ точь-въ-точь департаментскій сторожъ Михѣевъ, должно-быть, также подлецъ, пьетъ горькую“.

Почтмейстеръ *(къ зрителямъ).*

Ну, скверный мальчишка, котораго надо высѣчь: больше ничего!

Артемій Филипповичъ
(продолжая читать).

„Надзиратель надъ богоугодными заведе... и... и...“ *(заикается).*

Коробкинъ.

А что жъ вы остановились?

Артемій Филипповичъ.

Да нечеткое перо... впрочемъ, видно, что негодяй.

Коробкинъ.

Дайте мнѣ! Вотъ у меня, я думаю, получше глаза. *(Беретъ письмо.)*

Артемій Филипповичъ *(не давая письма).*

Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Коробкинъ.

Да позвольте, ужъ я знаю.

Артемій Филипповичъ.

Прочитать, я и самъ прочитаю: далѣе, право, все разборчиво.

Почтмейстеръ.

Нѣтъ, все читайте! вѣдь прежде все читано.

Всѣ.

Отдайте, Артемій Филипповичъ, отдайте письмо. *(Коробкину.)* Читайте.

Артемій Филипповичъ.

Сейчасъ. *(Отдаетъ письмо.)* Вотъ позвольте... *(Закрываетъ пальцемъ.)* Вотъ отсюда читайте. *(Всѣ приступаютъ къ нему.)*

Почтмейстеръ.

Читайте, читайте! вздоръ, все читайте!

Коробкинъ *(читая).*

„Надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ Земляника— совершенная свинья въ ермолкѣ".

Артемій Филипповичъ *(къ зрителямъ).*

И не остроумно! Свинья въ ермолкѣ! гдѣ жъ свинья бываетъ въ ермолкѣ?

Коробкинъ *(продолжая читать).*

„Смотритель училищъ протухнулъ насквозь лукомъ".

Лука Лукичъ *(къ зрителямъ).*

Ей-Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ сторону).*

Слава Богу, хоть по крайней мѣрѣ обо мнѣ нѣтъ!

Коробкинъ *(читаетъ),*

„Судья..."

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Вотъ тебѣ на!.. *(Вслухъ.)* Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чортъ ли въ немъ: дрянь этакую читать!

Лука Лукичъ.

Нѣтъ!

Почтмейстеръ.

Нѣтъ, читайте!

Артемій Филипповичъ.

Нѣтъ, ужъ читайте!

Коробкинъ *(продолжаетъ).*

„Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ въ сильнѣйшей степени мовeтонъ..." *(Останавливается.)* Должно быть, французское слово.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

А чортъ его знаетъ, что оно значитъ! Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ быть, и того еще хуже.

Коробкинъ *(продолжая читать).*

„А, впрочемъ, народъ гостепріимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить, хочешь, наконецъ, пищи для души. Вижу: точно, нужно чѣмъ-нибудь высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда

въ деревню Подкатиловку. *(Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ.)* Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ Санктпетербургѣ, въ Почтамтскую улицу, въ домѣ подъ нумеромъ девяносто седьмымъ, поворотя на дворъ, въ третьемъ этажѣ, направо".

Одна изъ дамъ.

Какой репримандъ неожиданный!

Городничій.

Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! Убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Ничего не вижу: вижу какія-то свиныя рыла, вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить, воротить его! *(Машетъ рукою.)*

Почтмейстеръ.

Куды воротить! Я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку; чортъ угораздилъ дать и впередъ предписаніе.

Жена Коробкина.

Вотъ ужъ, точно, вотъ ужъ безпримѣрная конфузія!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Однако жъ, чортъ возьми, господа! онъ у меня взялъ триста рублей взаймы.

Артемій Филипповичъ.

У меня тоже триста рублей.

Почтмейстеръ *(вздыхаетъ)*.

Охъ! и у меня триста рублей.

Бобчинскій.

У насъ съ Петромъ Ивановичемъ шестьдесятъ пять-съ на ассигнаціи-съ, да-съ.

Аммосъ Ѳедоровичъ
(въ недоумѣніи разставляетъ руки).

Какъ же это, господа? Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, мы такъ оплошали?

Городничій *(бьетъ себя по лбу)*.

Какъ я—нѣтъ, какъ я, старый дуракъ? Выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!.. Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду. Трехъ губернато-

ровъ обманулъ!.. Что губернаторовъ! *(махнувъ рукой)* нечего и говорить про губернаторовъ...

Анна Андреевна.

Но это не можетъ быть, Антоша: онъ обручился съ Машенькой...

Городничій *(въ сердцахъ)*.

Обручился! Кукишъ съ масломъ — вотъ тебѣ обручился! Лѣзетъ мнѣ въ глаза съ обрученьемъ!.. *(Въ изступленіи.)* Вотъ, смотрите, смотрите, весь міръ, все христіанство, всѣ смотрите, какъ одураченъ городничій! Дурака ему, дурака, старому подлецу! *(Грозитъ самому себѣ кулакомъ.)* Эхъ ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка! Вонъ онъ теперь по всей дорогѣ заливаетъ колокольчикомъ! Разнесетъ по всему свѣту исторію. Мало того, что пойдешь въ посмѣшище — найдется щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ что обидно! Чина, званія не пощадитъ, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣетесь? надъ собою смѣетесь!.. Эхъ, вы!.. *(Стучитъ со злости ногами объ полъ.)* Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У, щелкоперы, либералы проклятые! чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку! въ шапку туда ему!.. *(Суетъ кулакомъ и бьетъ каблукомъ въ полъ. Послѣ нѣкотораго молчанія.)*

До сихъ поръ не могу прійти въ себя. Вотъ, подлинно, если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ. Ну, что было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора? Ничего не было! Вотъ просто ни на полмизинца не было похожаго, — и вдругъ всѣ: ревизоръ, ревизоръ! Ну, кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? Отвѣчайте!

Артемій Филипповичъ *(разставляя руки)*.

Ужъ какъ это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туманъ какой-то ошеломилъ, чортъ попуталъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да кто выпустилъ, — вотъ кто выпустилъ: эти молодцы! *(Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго.)*

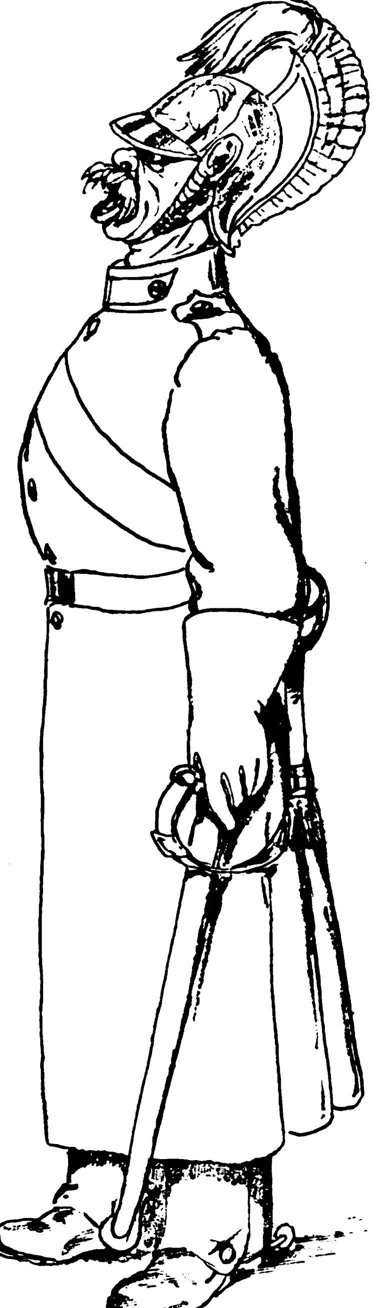
Бобчинскій.

Ей-ей, не я! и не думалъ...

Добчинскій.

Я ничего, совсѣмъ ничего...

Жандармъ. Рис. П. Боклевскаго.

Артемій Филипповичъ.

Конечно, вы.

Лука Лукичъ.

Разумѣется. Прибѣжали, какъ сумасшедшіе, изъ трактира: „Пріѣхалъ, пріѣхалъ и денегъ не платитъ...“ Нашли важную птицу!

Городничій.

Натурально, вы! сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Артемій Филипповичъ.

Чтобъ васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и разсказами.

Городничій.

Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя! Сплетни сѣете, сороки короткохвостыя!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Пачкуны проклятые!

Лука Лукичъ.

Колпаки!

Артемій Филипповичъ.

Сморчки короткобрюхіе! *(Всѣ обступаютъ ихъ.)*

Бобчинскій.

Ей-Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Добчинскій.

Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы вѣдь первые того...

Бобчинскій.

А вотъ и нѣтъ; первые-то были вы.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и жандармъ.

Жандармъ.

Пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. Онъ остановился въ гостиницѣ.

(Произнесенныя слова поражаютъ, какъ громомъ, всѣхъ. Звукъ изумленія единодушно излетаетъ изъ дамскихъ устъ; вся группа, вдругъ перемѣнивши положеніе, остается въ окаменѣніи.)

Нѣмая сцена.

Городничій посрединѣ въ видѣ столба съ распростертыми руками и закинутою назадъ головою. По правую сторону его жена и дочь, съ устремившимся къ нему движеньемъ всего тѣла; за ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ; за нимъ Лука Лукичъ, потерявшійся самымъ невиннымъ образомъ; за нимъ, у самаго края сцены, три дамы, гостьи, прислонившіяся одна къ другой съ самымъ сатирическимъ выраженіемъ лицъ, относящимся прямо къ семейству городничаго. По лѣвую сторону городничаго: Земляника, наклонившій голову нѣсколько набокъ, какъ будто къ чему-то прислушивающійся; за нимъ судья съ растопыренными руками, присѣвшій почти до земли и сдѣлавшій движенье губами, к къ бы хотѣлъ посвистать или произнесть: „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“ За нимъ Коробкинъ, обратившійся къ зрителямъ съ прищуреннымъ глазомъ и ѣдкимъ намекомъ на городничаго; за нимъ, у самаго края, Добчинскій и Бобчинскій съ устремившимся другъ къ другу движеніемъ рукъ, разинутыми ртами и выпученными другъ на друга глазами. Прочіе гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменѣвшая группа сохраняетъ такое положеніе. Занавѣсъ опускается.

Три рисунка Гоголя къ заключительной картинѣ „Ревизора“.

1. Жена и дочь Городничаго (варіантъ).

2. Общій видъ послѣ

ѣдней картины.

3. Варіантъ центральной группы.

РАЗВЯЗКА РЕВИЗОРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Первый комическій актеръ—Михайло Семеновичъ Щепкинъ.
Хорошенькая актриса.
Другой актеръ.
Ѳедоръ Ѳедорычъ, любитель театра.
Петръ Петровичъ, человѣкъ большого свѣта.
Семенъ Семенычъ, человѣкъ тоже немалаго свѣта, но въ своемъ родѣ.
Николай Николаичъ, литературный человѣкъ.
Актеры и актрисы.

Первый комическій актеръ *(выходя на сцену).*

Ну, теперь нечего скромничать. Могу сказать, въ этотъ разъ точно хорошо сыгралъ, и рукоплесканье публики досталось не даромъ. Если чувствуешь это самъ, если не стыдно передъ сáмимъ собой, то, значитъ, дѣло было сдѣлано, какъ слѣдуетъ.

Входитъ толпа **актеровъ и актрисъ.**

Другой актеръ *(съ вѣнкомъ въ рукѣ).*

Михайло Семенычъ, это ужъ не публика, это мы подносимъ вамъ вѣнокъ. Публика раздаетъ вѣнки не всегда съ строгимъ разборомъ; достается отъ нея вѣнокъ и за небольшія услуги; но если своя братья—товарищи, которые подчасъ и завистливы, и несправедливы, если своя братья—товарищи поднесутъ кому съ единодушнаго приговора вѣнокъ, то, значитъ, такой человѣкъ точно достоинъ вѣнка.

Первый комическій актеръ
(принимая вѣнокъ).

Товарищи, умѣю цѣнить этотъ вѣнокъ.

Другой актеръ.

Нѣтъ, не въ рукѣ держать; надѣньте-ка на голову!

Всѣ актеры и актрисы.

На голову вѣнокъ!

Хорошенькая актриса
(выступая впередъ, съ повелительнымъ жестомъ).

Михайло Семенычъ, вѣнокъ на голову!

Первый комическій актеръ.

Нѣтъ, товарищи, взять вѣнокъ отъ васъ—возьму, но надѣть на голову—не надѣну. Другое дѣло—принять вѣнокъ отъ публики, какъ обычное выраженье привѣтствія, которымъ она награждаетъ всякаго, кто удостоился ей понравиться; не надѣть такого вѣнка—значило бы показать пренебреженье къ ея вниманію. Но надѣть вѣнокъ посреди себѣ равныхъ товарищей,—господа, для этого нужно имѣть слишкомъ много самонадѣянной увѣренности въ себѣ.

Всѣ.

Вѣнокъ на голову!

Хорошенькая актриса.

На голову вѣнокъ, Михайло Семенычъ!

Другой актеръ.

Это наше дѣло; мы судьи, а не вы. Извольте-ка прежде надѣть его, а потомъ мы вамъ скажемъ, зачѣмъ васъ увѣнчали. Вотъ такъ! Теперь слушайте! За то вамъ вѣнокъ, что вотъ уже слишкомъ двадцать лѣтъ, какъ вы посреди насъ, и нѣтъ изъ насъ никого, который былъ бы когда-либо вами обиженъ; за то, что вы всѣхъ насъ ревностнѣй дѣлали свое дѣло и симъ однимъ внушали охоту не уставать на своемъ поприщѣ, безъ чего врядъ ли у насъ достало бы силъ. Какая посторонняя сила можетъ такъ подтолкнуть, какъ подтолкнетъ товарищъ своимъ примѣромъ? За то, что вы не объ одномъ себѣ думали, не о томъ хлопотали, чтобы только самому сыграть хорошо свою роль, но чтобы и всякъ не оплошалъ въ своей роли, и никому не отказывали въ совѣтѣ, никѣмъ не пренебрегали. За то, наконецъ, что такъ любили дѣло искусства, какъ никто изъ насъ никогда не любилъ его.—И вотъ вамъ за что подносимъ теперь всѣ до единаго вѣнокъ.

Первый комическій актеръ *(растроганный).*

Нѣтъ, товарищи, не было такъ, но хотѣлъ бы, чтобы было такъ.

Входятъ **Өедоръ Өедорычъ, Семенъ Семенычъ, Петръ Петровичъ и Николай Николаичъ.**

Өедоръ Өедорычъ
(бросившись обнимать перваго актера).

Михайло Семенычъ! Себя не помню, не знаю, что и сказать объ игрѣ вашей: вы никогда еще такъ не играли.

Петръ Петровичъ.

Не почтите словъ моихъ за лесть, Михайло Семеновичъ, но я долженъ признаться, не встрѣчалъ,—а могу сказать нехвастовски, былъ на всѣхъ первоклассныхъ театрахъ Европы, видѣлъ лучшихъ актеровъ, — не встрѣчалъ подобной игры, не примите моихъ словъ за лесть.

Семенъ Семенычъ.

Михайло Семенычъ!.. *(Въ безсиліи выразить словомъ выражаетъ движеніемъ руки.)* Вы просто Асмодей!

Николай Николаичъ.

Въ такомъ совершенствѣ, въ такой окончательности, такъ сознательно и въ такомъ соображеніи всего исполнить роль свою—нѣтъ, это что-то выше обыкновенной передачи. Это второе созданье, творчество!

Өедоръ Өедорычъ.

Вѣнецъ искусства—и больше ничего! Здѣсь-то, наконецъ, узнаешь высокій смыслъ искусства. Ну, что есть привлекательнаго, напримѣръ, въ томъ лицѣ, которое вы сейчасъ представляли? Какъ можно доставить наслажденіе зрителю въ кожѣ какого-нибудь плута? А вы его доставили. Я плакалъ, но плакалъ не отъ участья къ положенью лица,—плакалъ отъ наслажденія. Душѣ стало свѣтло и легко. Легко и свѣтло оттого, что выставили всѣ оттѣнки плутовской души, что дали ясно увидѣть, что такое плутъ.

Петръ Петровичъ.

Позвольте однако жъ, оставивши въ сторонѣ мастерскую обстановку пьесы, подобной которой, признаюсь, не встрѣчалъ,—а могу сказать нехвастовски, былъ на лучшихъ театрахъ,—ужъ

не знаю, кому обязанъ авторъ: вамъ ли, господа, или начальству нашихъ театровъ, — вѣроятно, тому и другому вмѣстѣ; но подобная обстановка вынесетъ хоть какую пьесу (не примите моихъ словъ за лесть, господа!)—позвольте однако жъ, оставивши все это въ сторонѣ, сдѣлать мнѣ замѣчанье насчетъ самой пьесы, то самое замѣчанье, которое сдѣлалъ я назадъ тому десять лѣтъ, во время ея перваго представленія; не вижу я въ „Ревизорѣ", даже и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ данъ теперь, никакой существенной пользы для общества, чтобы можно было сказать, что эта пьеса нужна обществу.

Семенъ Семенычъ.

Я даже вижу вредъ. Въ пьесѣ выставлено намъ униженье наше; не вижу я любви къ отечеству въ томъ, кто писалъ ее. И притомъ какое неуваженіе, какая даже дерзость... Я ужъ этого даже не понимаю, какъ смѣть сказать въ глаза всѣмъ! „Что смѣетесь?—Надъ собой смѣетесь!"

Ѳедоръ Ѳедорычъ.

Но, другъ мой, Семенъ Семенычъ, ты позабылъ: вѣдь это не авторъ говоритъ, вѣдь это говоритъ городничій; это говоритъ разсердившійся, раздосадованный плутъ, которому, разумѣется, досадно, что надъ нимъ смѣются.

Петръ Петровичъ.

Позвольте, Ѳедоръ Ѳедорычъ, позвольте вамъ однако жъ замѣтить, что слова эти точно произвели странное дѣйствіе, и, вѣроятно, не одному изъ сидѣвшихъ въ театрѣ показалось, что авторъ къ нему самому обращаетъ эти слова: „надъ собой смѣетесь!" Говорю это... вы не принимайте моихъ словъ, господа, за какое-нибудь личное нерасположеніе къ автору, или предубѣжденіе, или... словомъ, не то, чтобы я имѣлъ противъ него что-нибудь, понимаете; но говорю вамъ мое собственное ощущеніе: мнѣ показалось, точно какъ бы въ эту минуту стоитъ передо мною человѣкъ, который смѣется надъ всѣмъ, что ни есть у насъ: надъ нравами, надъ обычаями, надъ порядками, и, заставивши насъ же посмѣяться надъ всѣмъ этимъ, намъ же говоритъ въ глаза: „вы надъ собой смѣетесь!"

Первый актеръ.

Позвольте здѣсь мнѣ сказать слово. Вышло это само собой. Въ монологѣ, обращенномъ къ самому себѣ, актеръ обыкновенно обращается къ сторонѣ зрителей. Хотя городничій былъ въ безпамятствѣ и почти въ бреду, но не могъ не замѣтить усмѣшки,

которую возбудилъ онъ смѣшными своими угрозами всѣхъ обманувшему Хлестакову, который въ это время во весь духъ несется себѣ на почтовыхъ, Богъ вѣсть, въ какихъ краяхъ. Дать именно тотъ смыслъ, о которомъ вы говорите, у автора не было никакого намѣренья: я это вамъ говорю потому, что знаю небольшую тайну этой пьесы. Но позвольте мнѣ съ моей стороны сдѣлать запросъ: ну, что, если бы у сочинителя была цѣль показать зрителю, что онъ надъ собой смѣется?

Семенъ Семенычъ.

Благодарю за комплиментъ! Я, по крайней мѣрѣ, не нахожу въ себѣ ничего общаго съ выведенными въ „Ревизорѣ“ людьми. Извините! Не хвастаюсь, и я не безъ пороковъ, такъ же, какъ и всѣ люди, но все же я не похожъ на нихъ. Это ужъ слишкомъ! Въ эпиграфѣ выставлено: „На зеркало нечего пенять, если рожа крива!“ Петръ Петровичъ, я спрашиваю у васъ: развѣ у меня рожа крива? Ѳедоръ Ѳедорычъ, я спрашиваю у тебя: развѣ у меня рожа крива? Николай Николаичъ, у тебя спрашиваю: у меня рожа крива? *(Обращаясь ко всѣмъ другимъ.)* Господа, я у васъ всѣхъ спрашиваю, скажите мнѣ: развѣ у меня рожа крива?

Ѳедоръ Ѳедорычъ.

Но, другъ мой, Семенъ Семенычъ, странный и ты опять вопросъ задалъ. Вѣдь ты же опять и не красавецъ, какъ и мы всѣ грѣшные. Нельзя сказать ужъ такъ напрямикъ, чтобы твое лицо было образецъ образцомъ. Какъ ни разсмотри, немножко косовато: ну, а что косо, то ужъ и криво.

Петръ Петровичъ.

Господа, вы вдались совершенно въ другой вопросъ. Это лежитъ на совѣсти всякаго человѣка; намъ смѣшно и трактовать о томъ, у кого лицо криво, а у кого нѣтъ. Но вотъ въ чемъ главное дѣло, позвольте мнѣ вновь возвратиться къ тому же: не вижу я большого разума въ комедіи, не вижу цѣли, по крайней мѣрѣ, въ самомъ сочиненіи это не обнаруживается.

Николай Николаичъ.

Но какой же вы хотите еще цѣли, Петръ Петровичъ? Искусство уже въ самомъ себѣ заключаетъ свою цѣль. Стремленье къ прекрасному и высокому—вотъ искусство. Это—непремѣнный законъ искусства; безъ этого искусство — не искусство. А потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ оно быть безнравственно. Оно стремится непремѣнно къ добру, положительно или отрицательно: выставляетъ ли намъ красоту всего лучшаго,

что ни есть въ человѣкѣ, или же смѣется надъ безобразіемъ всего худшаго въ человѣкѣ. Если выставишь всю дрянь, какая ни есть въ человѣкѣ, и выставишь ее такимъ образомъ, что всякій изъ зрителей получитъ къ ней полное отвращеніе, спрашиваю: развѣ это не похвала всему хорошему? Спрашиваю, развѣ это не похвала добру?

Петръ Петровичъ.

Безспорно, Николай Николаичъ; но позвольте, однако же, вамъ...

Николай Николаичъ *(не слушая)*.

Не то дурно, что намъ показываютъ въ дурномъ дурное, и видишь, что оно дурно во всѣхъ отношеніяхъ; но то дурно, если намъ выставляютъ его такъ, что не знаешь, злое ли оно, или нѣтъ; то дурно, когда дѣлаютъ привлекательнымъ для зрителя злое; то дурно, что мѣшаютъ его въ такой степени съ добромъ, что не знаешь, къ которой сторонѣ пристать; то дурно, что доброе показываютъ намъ такимъ образомъ, что въ добрѣ не видишь добра.

Первый комическій актеръ.

Клянусь, истинная правда, Николай Николаичъ! Вы сказали то, въ чемъ я всегда былъ убѣжденъ, но не умѣлъ только такъ хорошо высказать. То дурно, что въ добрѣ не видишь добра. А этотъ грѣхъ водится за всѣми модными драмами, которыми должны мы тѣшить публику. Зритель выходитъ изъ театра и самъ не знаетъ рѣшить, что такое онъ видѣлъ: злой ли человѣкъ, или добрый былъ передъ нимъ. Къ добру не влечетъ его, отъ зла не отталкиваетъ, и остается онъ точно какъ во снѣ, не извлекши изъ того, что видѣлъ, никакого для себя правила, къ чему-нибудь пригоднаго въ жизни, сбившись даже и съ той дороги, по которой шелъ, готовый пойти за первымъ, кто поведетъ, не спрашивая, куда и зачѣмъ.

Ѳедоръ Ѳедорычъ.

И прибавьте, Михайло Семенычъ, какая пытка для актера исполнять такую роль, если только онъ—истинный артистъ въ душѣ.

Первый актеръ.

Не говорите этого: ваши слова мѣтятъ въ самое сердце. Не можете постигнуть, какъ подчасъ бываетъ горько. Учишь, разучиваешь эту роль и не знаешь самъ, какое ей дать выраженье. Иногда забудешься, войдешь въ положеніе лица, одушевишься, потрясешь зрителя, а когда вспомнишь, чѣмъ ты его

потрясъ, противенъ станешь самому себѣ: хотѣлъ бы просто провалиться сквозь землю, и отъ рукоплесканій горишь, какъ отъ собственнаго стыда. Я и рѣшить не знаю, что̀ хуже: выставлять ли преступленья такимъ образомъ, чтобы зритель готовъ былъ съ ними примириться, или не выставлять подвиги добра въ такомъ видѣ, что зритель не закипитъ весь желаньемъ съ нимъ подружиться? То и другое по мнѣ—гниль, а не искусство. Глубоко сказалъ Николай Николаичъ: то дурно, когда въ добрѣ не видишь добра.

Другой актеръ.

Справедливо, справедливо: то дурно, когда въ добрѣ не видишь добра.

Петръ Петровичъ.

Противъ этого я не могу сказать рѣшительно никакого возраженія. Николай Николаичъ сказалъ глубоко; Михайло Семенычъ развилъ еще больше. Но все это не отвѣтъ на мой вопросъ. То, что вы сейчасъ сказали, то-есть, чтобы хорошее выставлено было дѣйствительно съ силой магической, увлекающей не только человѣка хорошаго, но даже и дурного, а дурное было выражено въ такомъ презрительномъ видѣ, чтобы зритель не только не почувствовалъ желанья примириться съ выведенными лицами, но, напротивъ, желанье поскорѣй ихъ оттолкнуть отъ себя,—все это, Николай Николаичъ, должно быть непремѣннымъ условіемъ всякаго сочиненія. Это даже и не цѣль. Всякое сочиненіе должно имѣть сверхъ этого всего свое собственное, личное выраженье, Николай Николаичъ, иначе пропадетъ его оригинальность, Николай Николаичъ,—понимаете ли вы это? Поэтому-то я не вижу въ „Ревизорѣ“ того большого значенья, которое придаютъ ему другіе. Надобно, чтобы было ощутительно ясно, зачѣмъ предпринято такое-то сочиненіе, на что именно бьетъ оно, къ чему клонится, что новаго хочетъ доказать собой. Вотъ что, Николай Николаичъ, а не то, что́ вы говорите вообще объ искусствѣ.

Николай Николаичъ.

Петръ Петровичъ, да какъ же вы говорите, къ чему клонится... вѣдь это... вѣдь это видно.

Петръ Петровичъ.

Николай Николаичъ, это не видно. Не вижу я никакой особенной цѣли этой комедіи, обнаруженной ясно въ самомъ сочиненіи; или, можетъ быть, авторъ съ какимъ-нибудь умысломъ скрылъ ее. Въ такомъ случаѣ это выйдетъ уже преступленье

предъ искусствомъ, Николай Николаичъ, что вы себѣ ни говорите. Разберемте-ка серьезно эту комедію: вѣдь „Ревизоръ" совсѣмъ не производитъ того впечатлѣнія, чтобъ зритель послѣ него освѣжился; напротивъ, вы, я думаю, сами знаете, что одни почувствовали безплодное раздраженіе, другіе даже озлобленіе, а вообще всякъ унесъ какое-то тягостное чувство. Несмотря на все удовольствіе, которое возбуждаютъ ловко найденныя сцены, на комическое даже положеніе многихъ лицъ, на мастерскую даже обработку нѣкоторыхъ характеровъ, въ итогѣ остается что-то этакое... я вамъ даже объяснить не могу,—что-то чудовищно-мрачное, какой-то страхъ отъ безпорядковъ нашихъ. Самое это появленіе жандарма, который, точно какой-то палачъ, является въ дверяхъ, это окаменѣнье, которое наводятъ на всѣхъ его слова, возвѣщающія о пріѣздѣ настоящаго ревизора, который долженъ всѣхъ ихъ истребить, стереть съ лица земли, уничтожить въ конецъ,—все это какъ-то необыкновенно страшно! Признаюсь вамъ достовѣрно, à la lettre, на меня ни одна трагедія не производила такого печальнаго, такого тягостнаго, такого безотраднаго чувства, такъ что я готовъ подозрѣвать даже, не было ли у автора какого-нибудь особеннаго намѣренія произвести такого дѣйствія послѣдней сценой своей комедіи. Не можетъ быть, чтобъ это вышло такъ, само собой.

Первый комическій актеръ.

А вотъ, наконецъ, догадались сдѣлать этотъ запросъ. Десять лѣтъ играется на сценахъ „Ревизоръ". Всѣ, болѣе или менѣе, нападали на тягостное впечатлѣніе, имъ производимое, а никто не далъ запроса: зачѣмъ было производить его?—точно какъ будто бы авторъ долженъ былъ писать свою комедію очертя голову и не зная самъ, къ чему она и что выйдетъ изъ нея. Дайте же ему хотя каплю ума, въ которомъ вы не отказываете ни одному человѣку. Вѣдь, вѣрно же, есть причина всякому поступку, даже и въ глупомъ человѣкѣ.

(Всѣ смотрятъ на него съ изумленіемъ.)

Петръ Петровичъ.

Михайло Семенычъ, объяснитесь: это что-то неясно.

Семенъ Семенычъ.

Это пахнетъ какою-то загадкой.

Первый комическій актеръ.

Да какъ же, въ самомъ дѣлѣ, вы не замѣтили, что „Ревизоръ" безъ конца.

Николай Николаичъ.

Какъ безъ конца?

Семенъ Семенычъ.

Да какой же еще конецъ? Пять дѣйствій; въ шести комедія не бываетъ. Развѣ новая побранка въ придачу?

Петръ Петровичъ.

Позвольте однако жъ замѣтить вамъ, Михайло Семенычъ, что же за пьеса, которая безъ конца? я спрашиваю васъ. Неужели и это въ законѣ искусства? Николай Николаичъ! Вѣдь это, по-моему, значитъ принести, поставить передъ всѣми запертую шкатулку и спрашивать, что въ ней лежитъ?

Первый комическій актеръ.

Ну, да если она поставлена передъ вами съ тѣмъ именно, чтобы потрудились сами отпереть?

Петръ Петровичъ.

Въ такомъ случаѣ нужно, по крайней мѣрѣ, сказать это, или же просто дать ключъ въ руки.

Первый комическій актеръ.

Ну, а если и ключъ лежитъ тутъ же, возлѣ шкатулки?

Николай Николаичъ.

Перестаньте говорить загадками! Вы что-нибудь знаете. Вѣрно, вамъ авторъ далъ въ руки этотъ ключъ, а вы держите его и секретничаете.

Өедоръ Өедорычъ.

Объявите, Михайло Семенычъ: я не въ шутку заинтересованъ знать, что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ здѣсь крыться! На мои глаза, я не вижу ничего.

Семенъ Семенычъ.

Дайте же открыть намъ эту загадочную шкатулку. Что это за странная такая шкатулка, которая неизвѣстно зачѣмъ намъ поднесена, неизвѣстно зачѣмъ передъ нами поставлена и неизвѣстно зачѣмъ отъ насъ заперта?

Первый комическій актеръ.

Ну, а что-жъ, если она откроется такъ, что станете удивляться, какъ не открыли сами? и если въ шкатулкѣ лежитъ

вещь, которая для однихъ, что старый грошъ, вышедшій изъ употребленья, а для другихъ, что свѣтлый червонецъ, который вѣкъ въ цѣнѣ, какъ ни мѣняется на немъ штемпель?

Николай Николаичъ.

Да полно вамъ съ вашими загадками! Намъ подавайте ключъ и ничего больше!

Семенъ Семенычъ.

Ключъ, Михайло Семенычъ!

Ѳедоръ Ѳедорычъ.

Ключъ!

Петръ Петровичъ.

Ключъ!

Всѣ актеры и актрисы.

Михайло Семеновичъ, ключъ!

Первый комическій актеръ.

Ключъ? Да примете ли вы, господа, этотъ ключъ? Можетъ быть, швырнете его прочь вмѣстѣ со шкатулкой?

Николай Николаичъ.

Ключъ! не хотимъ больше ничего слышать. Ключъ!

Всѣ.

Ключъ!

Первый комическій актеръ.

Извольте, я дамъ вамъ ключъ. Отъ комическаго актера вы, можетъ быть, не привыкли слышать такихъ словъ, но что-жъ дѣлать? въ этотъ день сердце мое разгорѣлось, мнѣ стало легко, и я готовъ все сказать, что ни есть у меня на душѣ, какъ бы вы ни приняли слова мои. Нѣтъ, господа, не давалъ мнѣ авторъ ключа, но бываютъ такія минуты состоянья душевнаго, когда становится самому понятнымъ то, что прежде было непонятно. Нашелъ я этотъ ключъ, и сердце говоритъ мнѣ, что онъ тотъ самый; отперлась передо мной шкатулка, и душа моя говоритъ мнѣ, что не могъ имѣть другой мысли самъ авторъ.

Всмотритесь-ка пристально въ этотъ городъ, который выведенъ въ пьесѣ! Всѣ до единаго согласны, что этакого города нѣтъ во всей Россіи: не слыхано, чтобы гдѣ были у насъ чиновники всѣ до единаго такіе уроды; хоть два, хоть три бываетъ честныхъ, а здѣсь ни одного. Словомъ, такого города нѣтъ. Не такъ ли? Ну, а что, если это нашъ же душевный городъ, и сидитъ онъ у всякаго изъ насъ? Нѣтъ, взглянемъ на себя не

глазами свѣтскаго человѣка,—вѣдь не свѣтскій человѣкъ произнесетъ надъ нами судъ, — взглянемъ хоть сколько-нибудь на себя глазами Того, Кто позоветъ на очную ставку всѣхъ людей, передъ Которымъ и наилучшіе изъ насъ, не позабудьте этого, потупятъ отъ стыда въ землю глаза свои, да и посмотримъ, достанетъ ли у кого-нибудь изъ насъ тогда духу спросить: „Да развѣ у меня рожа крива?" Чтобы не испугался онъ такъ собственной кривизны своей, какъ не испугался кривизны всѣхъ этихъ чиновниковъ, которыхъ только-что видѣлъ въ пьесѣ! Нѣтъ, Петръ Петровичъ, нѣтъ, Семенъ Семенычъ, не говорите: „это старыя рѣчи", или „это ужъ мы сами знаемъ!" Дайте-жъ, наконецъ, ужъ и мнѣ сказать слово. Что-жъ въ самомъ дѣлѣ, какъ будто я живу только для скоморошничества? Тѣ вещи, которыя намъ даны съ тѣмъ, чтобы помнить ихъ вѣчно, не должны быть старыми: ихъ нужно принимать какъ новость, какъ бы въ первый разъ только ихъ слышимъ, кто бы ихъ ни произносилъ намъ,—тутъ нечего глядѣть на лицо того, кто говоритъ ихъ. Нѣтъ, Семенъ Семенычъ, не о красотѣ нашей должна быть рѣчь, но о томъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ наша жизнь, которую привыкли мы почитать за комедію, да не кончилась бы такой трагедіей, какою не кончилась эта комедія, которую только что сыграли мы. Что ни говори, но страшенъ тотъ ревизоръ, который ждетъ насъ у дверей гроба. Будто не знаете, кто это ревизоръ? Что прикидываться? Ревизоръ этотъ— наша проснувшаяся совѣсть, которая заставитъ насъ вдругъ и разомъ взглянуть во всѣ глаза на самихъ себя. Передъ этимъ ревизоромъ ничто не укроется, потому что, по Именному Высшему повелѣнью, онъ посланъ и возвѣстится о немъ тогда, когда уже и шагу нельзя будетъ сдѣлать назадъ. Вдругъ откроется передъ тобою, въ тебѣ же откроется такое страшилище, что отъ ужаса подымется волосъ. Лучше-жъ сдѣлать ревизовку всему, что ни есть въ насъ, въ началѣ жизни, а не въ концѣ ея—на мѣсто пустыхъ разглагольствованій о себѣ и похвальбы собой, да побывать теперь же въ безобразномъ душевномъ нашемъ городѣ,—который въ нѣсколько разъ хуже всякаго другого города,—въ которомъ безчинствуютъ наши страсти, какъ безобразные чиновники, воруя казну собственной души нашей! Въ началѣ жизни взять ревизора и съ нимъ объ руку переглядѣть все, что ни есть въ насъ,—настоящаго ревизора, не подложнаго, не Хлестакова! Хлестаковъ — щелкопёръ, Хлестаковъ—вѣтреная свѣтская совѣсть, продажная, обманчивая совѣсть; Хлестакова подкупятъ какъ разъ наши же, обитающія въ душѣ нашей, страсти. Съ Хлестаковымъ подъ руку ничего не увидишь въ душевномъ городѣ нашемъ. Смотрите, какъ вся-

9

кій чиновникъ съ нимъ въ разговорѣ вывернулся ловко и оправдался,—вышелъ чуть не святой. Думаете, не хитрѣй всякаго плута-чиновника каждая страсть наша? И не только страсть, даже самая пустая, пошлая какая-нибудь привычка. Такъ ловко передъ нами вывернется и оправдается, что еще почтешь ее за добродѣтель и даже похвастаешься передъ своимъ братомъ и скажешь ему: „Смотри, какой чудесный городъ, какъ въ немъ все прибрано и чисто"! Лицемѣры—наши страсти, говорю вамъ, лицемѣры, потому что самъ имѣлъ съ ними дѣло. Нѣтъ, съ вѣтреной свѣтской совѣстью ничего не разглядишь въ себѣ: и ее самоё онѣ надуютъ, и она надуетъ ихъ, какъ Хлестаковъ чиновниковъ, и потомъ пропадетъ сама, такъ что и слѣда ея не найдешь. Останешься какъ дуракъ-городничій, который занесся уже было невѣсть куда—и въ генералы полѣзъ, и навѣрняка сталъ возвѣщать, что сдѣлается первымъ въ столицѣ, и другимъ сталъ обѣщать мѣста, и потомъ вдругъ увидѣлъ, что былъ кругомъ обманутъ и одураченъ мальчишкою, верхоглядомъ, вертопрахомъ, въ которомъ и подобія не было съ настоящимъ ревизоромъ. Нѣтъ, Петръ Петровичъ, нѣтъ, Семенъ Семенычъ, нѣтъ, господа, всѣ, кто ни держитесь такого же мнѣнья, бросьте вашу свѣтскую совѣсть! Не съ Хлестаковымъ, но съ настоящимъ ревизоромъ оглянемъ себя! Клянусь, душевный городъ нашъ стоитъ того, чтобы подумать о немъ, какъ думаетъ добрый государь о своемъ государствѣ. Благородно и строго, какъ онъ изгоняетъ изъ земли своей лихоимцевъ, изгонимъ нашихъ душевныхъ лихоимцевъ! Есть средство, есть бичъ, которымъ можно выгнать ихъ. Смѣхомъ, мои благородные соотечественники! Смѣхомъ, котораго такъ боятся всѣ низкія наши страсти! Смѣхомъ, который созданъ на то, чтобы смѣяться надъ всѣмъ, что позоритъ истинную красоту человѣка. Возвратимъ смѣху его настоящее значенье! Отнимемъ его у тѣхъ, которые обратили его въ легкомысленное свѣтское кощунство надъ всѣмъ, не разбирая ни хорошаго, ни дурного! Такимъ же точно образомъ, какъ посмѣялись надъ мерзостью въ другомъ человѣкѣ, посмѣемся великодушно надъ мерзостью собственной, какую въ себѣ ни отыщемъ! Не одну эту комедію, но все, что бы ни показалось изъ-подъ пера какого бы то ни было писателя, смѣющагося надъ порочнымъ и низкимъ, примемъ прямо на свой собственный счетъ, какъ бы оно именно и было на насъ лично написано: все отыщешь въ себѣ, если только опустишься въ свою душу не съ Хлестаковымъ, но съ настоящимъ и неподкупнымъ ревизоромъ. Не возмутимся духомъ, если бы какой-нибудь разсердившійся городничій, или, справедливѣй, самъ нечистый духъ, шепнулъ его устами: „Что смѣетесь? надъ собой

смѣетесь!“ Гордо ему скажемъ: „Да, надъ собой смѣемся, потому что слышимъ благородную русскую нашу породу, потому что слышимъ приказанье Высшее: быть лучшими другихъ!“ Соотечественники! вѣдь у меня въ жилахъ тоже русская кровь, какъ и у васъ. Смотрите: я плачу! Комическій актеръ, я прежде смѣшилъ васъ, теперь я плачу. Дайте мнѣ почувствовать, что и мое поприще такъ же честно, какъ и всякаго изъ васъ, что я такъ же служу землѣ своей, какъ и всѣ вы служите, что не пустой я какой-нибудь скоморохъ, созданный для потѣхи пустыхъ людей, но честный чиновникъ великаго Божьяго государства и возбудилъ въ васъ смѣхъ,—не тотъ безпутный, которымъ пересмѣхаетъ въ свѣтѣ человѣкъ человѣка, который рождается отъ бездѣльной пустоты празднаго времени, но смѣхъ, родившійся отъ любви къ человѣку. Дружно докажемъ всему свѣту, что въ Русской землѣ все, что ни есть, отъ мала до велика, стремится служить Тому же, Кому все должно служить на землѣ, несется туда же (*взглянувши наверхъ*) кверху, къ Верховной вѣчной красотѣ!

ДОПОЛНЕНІЕ
къ
„КЪ РАЗВЯЗКѢ РЕВИЗОРА“. [1]

Семенъ Семеновичъ.

Что̀ это, Михалъ Михалчъ, что вы говорите, какой душевный городъ?

Михалъ Михалчъ.

Мнѣ такъ показалось. Мнѣ показалось, что это мой же душевный городъ, что послѣдняя сцена представляетъ послѣднюю сцену жизни, когда совѣсть заставитъ взглянуть вдругъ на самого себя во всѣ глаза и испугаться самого себя. Мнѣ показалось, что этотъ настоящій Ревизоръ, о которомъ одно возвѣщенье въ концѣ комедіи наводитъ такой ужасъ, есть та настоящая наша совѣсть, которая встрѣчаетъ насъ у дверей гроба. Мнѣ показалось, что этотъ вѣтреникъ Хлестаковъ, плутъ, или какъ хотите назвать, есть та поддѣльная вѣтреная свѣтская наша совѣсть, которая, воспользовавшись

[1] *Примѣчаніе автора.* Пьеса подъ заглавіемъ „Заключенье Ревизора“ предназначалась въ послѣній бенефисъ одному изъ лучшихъ актеровъ нашего театра. А потому не мѣшаетъ помнить, что первый комическій актеръ, который есть главное лицо въ этой комедіи, взятъ въ ту минуту, когда, прослуживши законное число лѣтъ, сходитъ онъ со сцены, прощаясь навсегда съ публикою, которую занималъ такъ долго, и съ товарищами, которымъ ужъ больше не товарищъ.

страхомъ нашимъ, принимаетъ вдругъ личину настоящей и даетъ себя подкупить страстямъ нашимъ, какъ Хлестаковъ чиновникамъ, и потомъ пропадаетъ, такъ же какъ онъ, неизвѣстно куда. Мнѣ показалось, что это безотрадно-печальное окончанье, отъ котораго такъ возмутился и потрясся зритель, предстало передъ меня въ напоминанье, что и жизнь, которую привыкаемъ понемногу считать комедіей, можетъ имѣть такое же печально-трагическое окончаніе. Мнѣ показалось, какъ будто вся комедія совокупностью своею говоритъ мнѣ о томъ, что слѣдуетъ вначалѣ взять того Ревизора, который встрѣчаетъ насъ въ концѣ, и съ нимъ такъ же, какъ правосудный государь ревизуетъ свое государство, оглядѣть свою душу и вооружиться такъ же противъ страстей, какъ вооружается государь противъ продажныхъ чиновниковъ; потому что они такъ же крадутъ сокровища души нашей, какъ тѣ грабятъ казну и достоянье государства,—съ настоящимъ Ревизоромъ: потому что лицемѣрны наши страсти, и не только страсти, но даже малѣйшая пошлая привычка умѣетъ такъ искусно подъѣхать къ намъ и ловко передъ нами извороτиться, какъ не изворотились передъ Хлестаковымъ проныры-чиновники, такъ что готовъ даже принять ихъ за добродѣтели, готовъ даже похвастаться порядкомъ душевнаго своего города, не принимая и въ мысль того, что можешь остаться обманутымъ, какъ городничій. Мнѣ такъ показалось.

Петръ Петровичъ.

Михалъ Михалчъ! Все то, что вы говорите, краснорѣчиво; но гдѣ здѣсь вы нашли подобіе? Какое сходство Хлестакова съ вѣтреной свѣтской совѣстью или настоящаго Ревизора съ настоящею совѣстью? Николай Николаичъ! скажите мнѣ поистинѣ: находите вы здѣсь какое-нибудь сходство?

Николай Николаичъ.

Признаюсь, никакого.

Семенъ Семенычъ.

И я тоже; какъ ни таращу свои глаза, но ничего не вижу.

Ѳедоръ Ѳедорычъ.

Сознаюсь вамъ, Михалъ Михалчъ, откровенно; несмотря на то, (что) мысль недурна и могла бы послужить даже предметомъ сочиненія художественнаго; но я не думаю, чтобы авторъ ее имѣлъ въ виду.

Николай Николаичъ (*рѣшительно*).

Вздоръ! Онъ и въ помышленіи этого не имѣлъ!

Михалъ Михалчъ.

Да развѣ я вамъ говорю, что авторъ имѣлъ ее въ виду. Я вамъ впередъ сказалъ: „Авторъ не давалъ мнѣ ключа, я вамъ предлагаю свой“. Авторъ, если бы даже и имѣлъ эту мысль, то и въ такомъ случаѣ поступилъ бы дурно, если бы ее обнаружилъ ясно. Комедія тогда бы сбилась на аллегорію, могла бы изъ нея выйти какая-нибудь блѣдная, нравоучительная проповѣдь. Нѣтъ, его дѣло было изобразить просто ужасъ отъ безпорядковъ вещественныхъ не въ идеальномъ городѣ, а въ томъ, который на землѣ,—собрать въ кучку все, чтó есть похуже въ нашей землѣ, чтобы его поскорѣй увидали и не считали бы этого за то необходимое зло, которое слѣдуетъ допустить и которое такъ же необходимо среди добра, какъ тѣни въ картинѣ. Его дѣло изобразить это темное такъ сильно, чтобы почувствовали всѣ, что съ нимъ надобно сражаться, чтобы кинуло въ трепетъ зрителя, и ужасъ отъ безпорядковъ пронялъ бы его насквозь всего. Вотъ что онъ долженъ былъ сдѣлать. А это ужъ наше дѣло выводить нравоученье. Мы, слава Богу, не дѣти. Я подумалъ о томъ, какое нравоученье могу вывести для самого себя, и напалъ на то, которое вамъ теперь разсказалъ.

Петръ Петровичъ.

Михалъ Михалчъ! Комедія пишется для всѣхъ. Изъ нея должны вывести нравоученье всѣ, — нравоученье ближайшее, доступное всѣмъ, а не то отдаленное, которое можетъ вывести для себя какой-нибудь оригинальный, не похожій на прочихъ человѣкъ. Спрашиваю: зачѣмъ этого нравоученія никто не вывелъ, а только одни вы?

Николай Николаичъ *(поспѣшно)*.

Именно! вотъ настоящій вопросъ! Разрѣшите-ка прежде это: зачѣмъ одни вы это вывели, а не всѣ?

Семенъ Семенычъ.

Да, Михалъ Михалчъ, зачѣмъ одни вы это вывели? Зачѣмъ одни вы это вывели?

Михалъ Михалчъ.

Во-первыхъ, почему вы знаете, что это нравоученье вывелъ одинъ я? А во-вторыхъ, почему вы считаете его отдаленнымъ? Я думаю, напротивъ, ближе всего къ намъ собственная наша душа. Я имѣлъ тогда въ умѣ душу свою, думалъ о себѣ самомъ, потому и вывелъ это нравоученье. Если бы и другіе имѣли въ виду прежде себя, вѣроятно, и они вывели бы то же

самое нравоученье, какое вывелъ и я. — Но развѣ всякъ изъ насъ приступаетъ къ произведенію писателя, какъ пчела къ цвѣтку?—затѣмъ, чтобъ извлечь изъ него нужное себѣ. Нѣтъ, мы ищемъ во всемъ нравоученья для *другихъ*, а не для себя. Мы готовы ратовать и защищать все общество, дорожа заботливо нравственностью другихъ и позабывши о своей. Вѣдь посмѣяться мы любимъ надъ другими, а не надъ собою; увидѣть недостатки вѣдь мы любимъ въ другихъ, а не въ себѣ. Какъ бы то ни было, но взгляните: три тысячи вѣдь людей пришло въ театръ; всѣ знаютъ, что пришли затѣмъ, чтобы посмѣяться, и всякій изъ этихъ трехъ тысячъ увѣренъ, что придется надъ другимъ посмѣяться, а не надъ нимъ. Малѣйшій намекъ, что онъ можетъ быть похожъ самъ на того, надъ кѣмъ посмѣялся, можетъ привести его въ гнѣвъ, и онъ готовъ уже въ бѣшенствѣ повторять: „да развѣ у меня рожа крива?"

Семенъ Семенычъ.

Михалъ Михалчъ, я говорю не въ томъ смыслѣ.

Михалъ Михалчъ *(прерывая)*.

Позвольте, Семенъ Семенычъ! Вы человѣкъ благородный, человѣкъ истинно русскій въ душѣ, человѣкъ, наконецъ, который глядитъ уже глазами христіанина на жизнь,—зачѣмъ вы произносите рѣчи, противныя вашему собственному образу мыслей? Прежде всего, зачѣмъ вы всякій разъ позабываете, что предметъ комедіи и вообще сатиры—не достоинство человѣка, а презрѣнное въ человѣкѣ; что чѣмъ больше она выставила презрѣнное презрѣннымъ, чѣмъ больше имъ возмутила и привела отъ него въ содроганье зрителя, тѣмъ больше она выполнила свое значеніе. Зачѣмъ вы всякій разъ это позабываете и всякій разъ хотите сатирѣ навязать предметы, приличные трагедіи? Нѣтъ, оставьте сатиру въ покоѣ: она дѣло свое дѣлаетъ. Дурного не слѣдуетъ щадить, гдѣ бы оно ни было. Но если хотите ужъ поступать христіански, обратите ту же сатиру на самого себя и приложите всякую комедію [къ самому себѣ], прежде чѣмъ замѣчать отношеніе ея къ цѣлому обществу. Нѣтъ, кто хочетъ нравоученья, тотъ возьметъ его себѣ; кто глядитъ въ душу себѣ, тотъ изъ всего возьметъ то, что нужно: тотъ и въ этомъ вещественномъ городѣ увидитъ душевный свой городъ; тотъ увидитъ, что съ большой силой слѣдуетъ вооружиться противъ лицемѣрія. Ужъ ежели дѣйствовать по-христіански, такъ всякое сочиненіе, гдѣ ни поражается дурное, слѣдуетъ лично обратить къ самому себѣ, какъ бы оно прямо на меня было написано. Вы сами знаете, что нѣтъ порока, замѣченнаго нами въ дру-

гомъ, котораго хотя отраженья не присутствовало бы и въ насъ самихъ—не въ такомъ объемѣ, въ другомъ видѣ, въ другомъ платьѣ, поприличнѣй и поблагообразнѣй, принарядившись, какъ Хлестаковъ. Чего не отыщешь, если только заглянешь въ свою душу съ тѣмъ неподкупнымъ Ревизоромъ, который встрѣтитъ насъ у дверей гроба! Сами это знаемъ, а знать не хочемъ! Кипитъ душа страстями, говоримъ всякій день, а гнать не хотимъ. И бичъ въ рукахъ, данный на то, чтобы гнать ихъ.

Семенъ Семенычъ.

Да гдѣ-жъ бичъ? Какой бичъ?

Михалъ Михалчъ.

А смѣхъ развѣ не бичъ? Или, думаете, даромъ намъ данъ смѣхъ, когда его боится и послѣдній негодяй, котораго ничѣмъ не проймешь? боится даже и тотъ, кто ничего не боится! Значитъ, онъ данъ на доброе дѣло. Скажите: зачѣмъ намъ данъ смѣхъ? затѣмъ ли, чтобы такъ, попусту смѣяться? Если онъ данъ намъ на то, чтобы поражать имъ все, позорящее высокую красоту человѣка, зачѣмъ же прежде всего не поразимъ мы то, что порочитъ красоту собственной души каждаго изъ насъ? Зачѣмъ не обратимъ его вовнутрь самихъ себя—изъ государства не изгоняемъ имъ собственныхъ нашихъ взяточниковъ? Зачѣмъ одинъ намекъ о томъ, что вы надъ собой смѣетесь, можетъ привести во гнѣвъ? Какъ бы то ни было, но всякая страсть, всякая низкая наклонность наша все-таки хочетъ сыграть сколько-нибудь благородную роль, принять благородную наружность и только подъ этой личиной пробирается намъ въ душу, потому что благородна наша природа и не допуститъ ее къ себѣ въ безстыдной наготѣ. Но повѣрьте, когда выставишь передъ самимъ собой ее на смѣхъ и, не пощадя ничего, поразишь такъ, что отъ стыда весь сгоришь, не зная, куда скрыть собственное лицо свое,—тогда эта страсть не посмѣетъ остаться въ душѣ нашей и убѣжитъ, такъ что и слѣда ея не отыщешь.

Семенъ Семенычъ.

Признаюсь, ваши слова заставили меня задуматься. Вы думаете, возможенъ этотъ поворотъ смѣха на самого себя, противъ собственнаго [лица]?

Петръ Петровичъ.

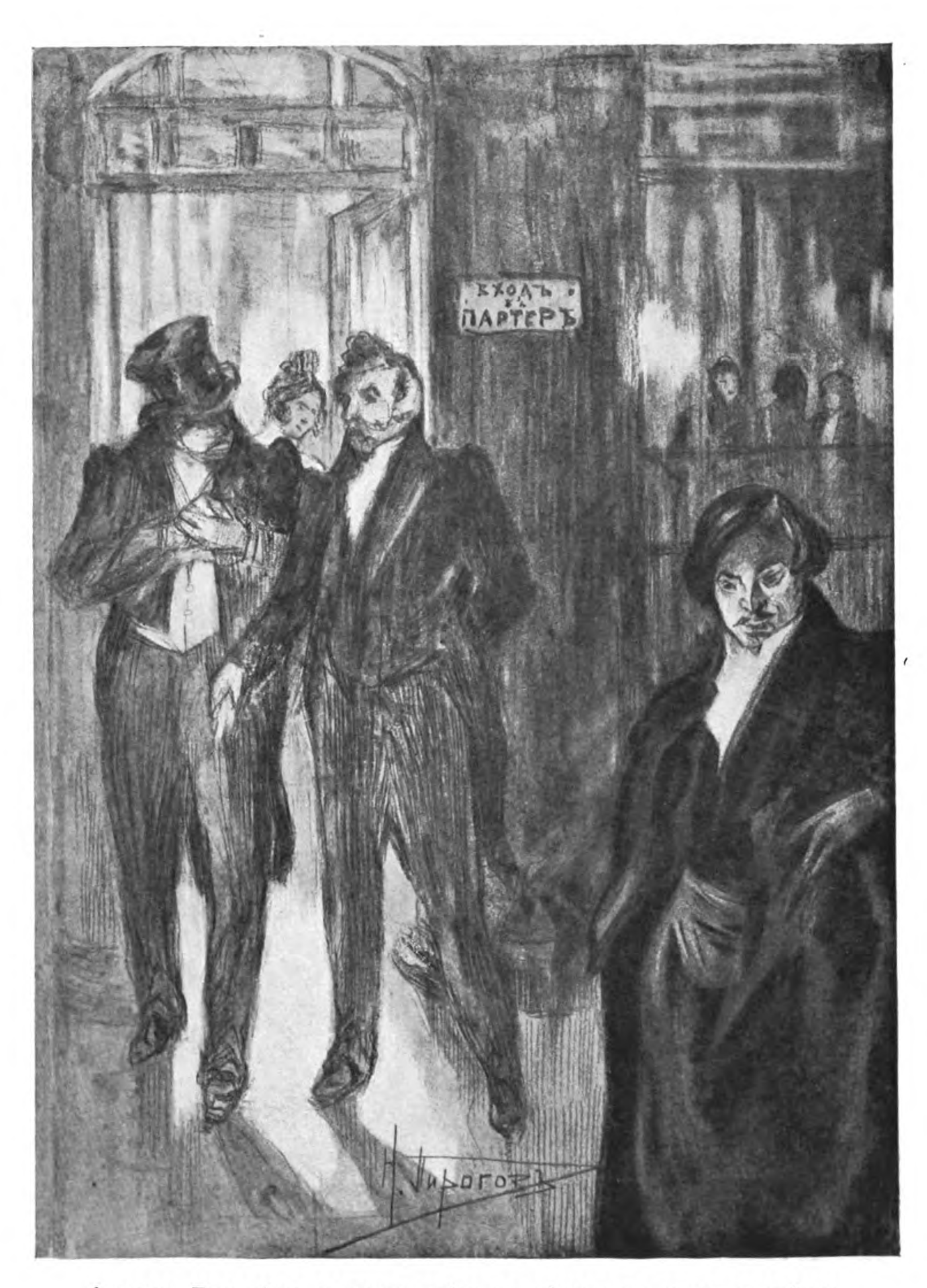
Я думаю только, что это возможно для человѣка, который почувствовалъ благородство природы и омерзѣніе къ своимъ недостаткамъ.

Михалъ Михалчъ.

Я думаю только, что если онъ сверхъ [того] и русскій въ душѣ, тогда ему возможнѣй. Согласитесь: смѣхъ у насъ есть у всѣхъ; свойство какого-то безпощаднаго сарказма разнеслось у насъ даже у простого народа. Есть также у насъ и отвага оторваться отъ самого себя и не пощадить даже самого себя. Стало-быть, у насъ однихъ только можетъ быть возможенъ поворотъ смѣха на его законную дорогу. Опровергните меня, докажите мнѣ, что я лгу; уничтожьте, разрушьте убѣжденіе мое, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрушьте уже и меня, бѣднаго скомороха, который живетъ этимъ убѣжденьемъ, которое испробовалъ на собственномъ своемъ тѣлѣ. Семенъ Семенычъ, развѣ у меня не такая же русская кровь, какъ и у васъ? Развѣ я могу почувствовать въ мои высшія минуты иное что, какъ не то же, что способны почувствовать и вы въ такія? Развѣ я не стою теперь передъ вами въ мою высшую минуту? Служба моя кончилась; я схожу съ театра, на которомъ служилъ 20 лѣтъ. Вы сами меня увѣнчали вѣнками, сами меня растрогали. Вы сами меня почти вынудили сказать то, что я теперь сказалъ. Смотрите: я плачу. Комическій актеръ, я прежде смѣшилъ васъ— теперь я плачу. Дайте же мнѣ почувствовать, что и мое поприще такъ же честно, какъ и всякаго изъ васъ; что я также служилъ землѣ своей, что не пустой я былъ скоморохъ, но честный чиновникъ великаго Божьяго Государства, и возбудилъ въ васъ не тотъ пустой смѣхъ, которымъ пересмѣхаетъ человѣкъ человѣка, но смѣхъ, родившійся отъ любви къ человѣку. Николай Николаичъ! Ѳедоръ Ѳедорычъ! Семенъ Семенычъ и вы всѣ товарищи, съ которыми дѣлилъ я время труда, время наставительныхъ бесѣдъ, отъ которыхъ я многому поучился и съ которыми разстаюсь теперь! Друзья! публика любила талантъ мой, но вы любили меня самого. Отнимите, отнимите послѣ меня этотъ смѣхъ,—отнимите у тѣхъ, которые обратили его въ кощунство надъ всѣмъ, не разбирая ни хорошаго, ни дурного! Говорю вамъ: вѣрьте этимъ словамъ... Онъ добръ, онъ честенъ, этотъ смѣхъ. Онъ данъ именно на то, чтобы умѣть посмѣяться надъ собой, а не надъ другимъ. И въ комъ ужъ нѣтъ духа посмѣяться надъ собственными недостатками своими, лучше тому вѣкъ не смѣяться!.. Иначе смѣхъ обратится въ клевету и какъ за преступленье, дастъ онъ за него отвѣтъ!..

Авторъ. Попробую, останусь здѣсь въ сѣняхъ во время разъѣзда.

Рис. Н. Пирогова.

Театральный разъѣздъ

послѣ представленія новой комедіи.

(Сѣни театра. Съ одной стороны видны лѣстницы, ведущія въ ложи и галлереи; посрединѣ входъ въ кресла и амфитеатръ, съ другой стороны—выходъ. Слышенъ отдаленный гулъ рукоплесканій.)

Авторъ пьесы *(выходя)* [1]).

Я вырвался, какъ изъ омута! Вотъ наконецъ и крики, и рукоплесканья! Весь театръ гремитъ!.. Вотъ и слава! Боже, какъ бы забилось назадъ тому лѣтъ семь, восемь мое сердце! какъ бы встрепенулось все во мнѣ! Но это было давно. Я былъ тогда молодъ, дерзкомысленъ, какъ юноша. Благъ Промыслъ, не давшій вкусить мнѣ раннихъ восторговъ и хвалъ! Теперь... Но разумный холодъ лѣтъ умудритъ хоть кого. Узнаешь, наконецъ, что рукоплесканья еще немного значатъ и готовы служить всему наградой: актеръ ли постигнетъ всю тайну души и сердца человѣка, танцоръ ли добьется умѣнья выводить вензеля ногами, фокусникъ ли—всѣмъ имъ гремитъ рукоплесканье! Голова ли думаетъ, сердце ли чувствуетъ, звучитъ ли глубина души, работаютъ ли ноги, или руки перевертываютъ стаканы—

---

1) Само собою разумѣется, что авторъ пьесы—лицо идеальное: въ немъ изображено положеніе комика въ обществѣ,—комика, избравшаго предметомъ осмѣяніе злоупотребленій въ кругу различныхъ сословій и должностей.

все покрывается равными плесками. Нѣтъ, не рукоплесканій я бы теперь желалъ: я бы желалъ теперь вдругъ переселиться въ ложи, въ галлереи, въ кресла, въ раекъ, проникнуть всюду, услышать всѣхъ мнѣнья и впечатлѣнья, пока они еще дѣвственны и свѣжи, пока еще не покорились толкамъ и сужденьямъ знатоковъ и журналистовъ, пока каждый подъ вліяніемъ своего собственнаго суда. Мнѣ это нужно: я комикъ. Всѣ другія произведенія и роды подлежатъ суду немногихъ, одинъ комикъ подлежитъ суду всѣхъ; надъ нимъ всякій зритель уже имѣетъ право, всякаго званія человѣкъ уже становится судьей его. О, какъ бы хотѣлъ я, чтобы каждый указалъ мнѣ мои недостатки и пороки! Пусть даже посмѣется надо мной, пусть недоброжелательство правитъ устами его, пристрастье, негодованье, ненависть—все, что угодно, но пусть только произнесутся эти толки. Не можетъ безъ причины произнестись слово, и вездѣ можетъ зарониться искра правды. Тотъ, кто рѣшился указать смѣшныя стороны другимъ, тотъ долженъ разумно принять указанія слабыхъ и смѣшныхъ собственныхъ сторонъ. Попробую, останусь здѣсь въ сѣняхъ во все время разъѣзда. Нельзя, чтобы не было толковъ о новой пьесѣ: человѣкъ подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія всегда живъ и спѣшитъ имъ подѣлиться съ другимъ. *(Отходитъ въ сторону. Показываются нѣсколько прилично одѣтыхъ людей; одинъ говоритъ, обращаясь къ другому):* Выйдемъ лучше теперь: играться будетъ незначительный водевиль. *(Оба уходятъ.)*

Два **comme il faut,** *плотнаго свойства, сходятъ съ лѣстницы.*

Первый comme il faut.

Хорошо, если бы полиція не далеко отогнала мою карету. Какъ зовутъ эту молоденькую актрису, ты не знаешь?

Второй comme il faut.

Нѣтъ, а очень недурна.

Первый comme il faut.

Да, недурна; но все чего-то еще нѣтъ. Да, рекомендую: новый ресторанъ: вчера намъ подалъ свѣжій зеленый горохъ *(цѣлуетъ концы пальцевъ)*—прелесть! *(Уходятъ оба.)*

Бѣжитъ **офицеръ,** *другой удерживаетъ его за руку.*

Другой офицеръ.

Да останемся.

Первый офицеръ.

Нѣтъ, братъ, на водевиль и калачомъ не заманишь. Знаемъ мы эти пьесы, которыя даются на закуску: лакеи вмѣсто актеровъ, а женщины—уродъ на уродѣ. *(Уходитъ.)*

Свѣтскій человѣкъ, щеголевато одѣтый *(сходя съ лѣстницы).*

Плутъ портной претѣсно сдѣлалъ мнѣ панталоны, все время было страхъ неловко сидѣть. За это я намѣренъ еще проволочить его и годика два не заплачу долговъ. *(Уходитъ.)*

Тоже свѣтскій человѣкъ, поплотнѣе *(говоритъ съ живостью другому).*

Никогда, никогда, повѣрь мнѣ, онъ съ тобою не сядетъ играть. Меньше какъ по полтораста рублей роберъ онъ не играетъ. Я знаю это хорошо, потому что шуринъ мой, Пафнутьевъ, всякій день съ нимъ играетъ.

Авторъ пьесы *(про себя).*

И все еще никто ни слова о комедіи.

Чиновникъ среднихъ лѣтъ *(выходя съ растопыренными руками).*

Это, просто, чортъ знаетъ что такое!.. Этакое!.. этакое!.. Это ни на что ни похоже. *(Ушелъ.)*

Господинъ, нѣсколько беззаботный насчетъ литературы *(обращаясь къ другому).*

Вѣдь это, однако жъ, кажется, переводъ?

Другой.

Помилуйте, что за переводъ! Дѣйствіе происходитъ въ Россіи, наши обычаи, и чины даже.

Господинъ беззаботный насчетъ литературы.

Я помню, однако жъ, было что-то на французскомъ, не совсѣмъ въ этомъ родѣ. *(Оба уходятъ.)*

Одинъ изъ двухъ зрителей, *тоже выходящихъ вонъ.*

Теперь еще ничего нельзя знать. Погоди, что скажутъ въ журналахъ, тогда и узнаешь.

Двѣ бекеши *(одна другой).*

Ну, какъ вы? Я бы желалъ знать ваше мнѣніе о комедіи.

Другая бекеша
(дѣлая значительныя движенія губами).

Да, конечно, нельзя сказать, чтобы не было того... въ своемъ родѣ... Ну, конечно, кто-жъ противъ этого и стоитъ, чтобы опять не было и... гдѣ-жъ, такъ сказать... а впрочемъ... *(Утвердительно сжимая губами.)* Да, да! *(Уходятъ.)*

Авторъ *(про себя).*

Ну, эти пока еще немного сказали. Толки, однако же, будутъ: я вижу, впереди горячо размахиваютъ руками.

Два офицера.

Одинъ.

Я еще никогда такъ не смѣялся.

Другой.

Я полагаю: отличная комедія.

Первый.

Ну, нѣтъ, посмотримъ еще, что скажутъ въ журналахъ: нужно подвергнуть суду критики... Смотри, смотри! *(Толкаетъ его подъ руку.)*

Второй.

Что?

Первый
(указывая пальцемъ на одного изъ двухъ идущихъ по лѣстницѣ).

Литераторъ.

Второй *(торопливо).*

Который?

Первый.

Вотъ этотъ. Чш! послушаемъ, что будутъ говорить.

Второй.

А другой кто съ нимъ?

Первый.

Не знаю; неизвѣстно, какой человѣкъ. *(Оба офицера посторониваются и даютъ имъ мѣсто.)*

Неизвѣстно какой человѣкъ.

Я не могу судить относительно литературнаго достоинства но мнѣ кажется, есть остроумныя замѣтки. Остро, остро.

Литераторъ.

Помилуйте, что-жъ тутъ остроумнаго? что за низкій народъ выведенъ, что за тонъ? Шутки самыя плоскія; просто, даже сально!

Неизвѣстно какой человѣкъ.

А, это другое дѣло. Я и говорю: въ отношеніи литературнаго достоинства я не могу судить, я только замѣтилъ, что пьеса смѣшна, доставила удовольствіе.

Литераторъ.

Да и не смѣшна. Помилуйте, что-жъ тутъ смѣшного и въ чемъ удовольствіе? Сюжетъ невѣроятнѣйшій. Все несообразности; ни завязки, ни дѣйствія, ни соображенія никакого.

Неизвѣстно какой человѣкъ.

Ну, да противъ этого я и не говорю ничего. Въ литературномъ отношеніи такъ, въ литературномъ отношеніи она не смѣшна; но въ отношеніи, такъ сказать, со стороны въ ней есть...

Литераторъ.

Да что же есть? Помилуйте, и этого даже нѣтъ! Ну, что за разговорный языкъ? Кто говоритъ этакъ въ высшемъ обществѣ? Ну, скажите сами, ну, говоримъ ли мы съ вами этакъ?

Неизвѣстно какой человѣкъ.

Это правда; это вы очень тонко замѣтили. Именно, я вотъ самъ про это думалъ: въ разговорѣ благородства нѣтъ. Всѣ лица, кажется, какъ будто не могутъ скрыть низкой природы своей—это правда.

Литераторъ.

Ну, а вы еще хвалите!

Неизвѣстно какой человѣкъ.

Кто-жъ хвалитъ? я не хвалю. Я самъ теперь вижу, что пьеса—вздоръ. Но вѣдь вдругъ нельзя же этого узнать, я не могу судить въ литературномъ отношеніи. *(Оба уходятъ.)*

Еще литераторъ

(входитъ въ сопровожденіи слушателей, которымъ говоритъ, размахивая руками).

Повѣрьте мнѣ, я знаю это дѣло: отвратительная пьеса! грязная, грязная пьеса! Нѣтъ ни одного лица истиннаго, все—карикатуры! въ натурѣ нѣтъ этого, повѣрьте мнѣ, нѣтъ, я лучше это знаю: я самъ литераторъ. Говорятъ: живость, наблюденіе...

да вѣдь это все вздоръ, это все пріятели, пріятели хвалятъ, все пріятели! Я ужъ слышалъ, что его чуть не въ Фонвизины суютъ, а пьеса, просто, недостойна даже быть названа комедіею. Фарсъ, фарсъ, да и фарсъ самый неудачный. Послѣдняя пустѣйшая комедійка Коцебу въ сравненіи съ нею—Монбланъ передъ Пулковскою горою. Я это имъ всѣмъ докажу, докажу математически, какъ дважды два. Просто друзья и пріятели захвалили его не въ мѣру, такъ вотъ онъ ужъ теперь, чай, думаетъ о себѣ, что онъ чуть-чуть не Шекспиръ. У насъ всегда пріятели захвалятъ. Вотъ, напримѣръ, и Пушкинъ. Отчего вся Россія теперь говоритъ о немъ? Все пріятели: кричали, кричали, а потомъ вслѣдъ за ними и вся Россія стала кричать. *(Уходитъ вмѣстѣ съ слушателями.)*

Оба офицера

(подаются впередъ и занимаютъ ихъ мѣста).

Первый.

Это справедливо, это совершенно справедливо: именно фарсъ; я это и прежде говорилъ, глупый фарсъ, поддержанный пріятелями. Признаюсь, на многое даже отвратительно было смотрѣть.

Второй.

Да вѣдь ты-жъ говорилъ, что еще никогда такъ не смѣялся?

Первый.

А это опять другое дѣло. Ты не понимаешь, тебѣ нужно растолковать. Тутъ что въ этой пьесѣ? Во-первыхъ, завязки никакой, дѣйствія тоже нѣтъ, соображенья рѣшительно никакого; все невѣроятности и притомъ все карикатуры.

Двое другихъ офицеровъ *позади.*

Одинъ *(другому).*

Кто это разсуждаетъ? Кажется, изъ вашихъ?

Другой,

заглянувъ сбоку въ лицо разсуждавшаго, махнулъ рукой.

Первый.

Что? глупъ?

Второй.

Нѣтъ, не то, чтобы. У него есть умъ, но сейчасъ по выходѣ журнала, а запоздала выходомъ книжка—и въ головѣ ничего.—Но, однако жъ, пойдемъ. *(Уходятъ.)*

Два любителя искусствъ.

Первый.

Я вовсе не изъ числа тѣхъ, которые прибѣгаютъ только къ словамъ: грязная, отвратительная, дурного тона и тому подобное. Это уже доказанное почти дѣло, что такія слова большею частью исходятъ изъ устъ тѣхъ, которые сами очень сомнительнаго тона, толкуютъ о гостиныхъ и допускаются только въ переднія. Но не объ нихъ рѣчь. Я говорю насчетъ того, что въ пьесѣ, точно, нѣтъ завязки.

Второй.

Да, если принимать завязку въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно принимаютъ, то-есть въ смыслѣ любовной интриги, такъ ея, точно, нѣтъ, Но, кажется, уже пора перестать опираться до сихъ поръ на эту вѣчную завязку. Стоитъ вглядѣться пристально вокругъ. Все измѣнилось давно въ свѣтѣ. Теперь сильнѣй завязываетъ драму стремленіе достать выгодное мѣсто, блеснуть и затмить, во что бы ни стало, другого, отмстить за пренебреженье, за насмѣшку. Не болѣе ли теперь имѣютъ электричества чинъ, денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь?

Первый.

Все хорошо; но и въ этомъ отношеніи все-таки я не вижу въ пьесѣ завязки.

Второй.

Я не буду теперь утверждать, есть ли въ пьесѣ завязка, или нѣтъ. Я скажу только, что вообще ищутъ частной завязки и не хотятъ видѣть общей. Люди простодушно привыкли уже къ этимъ безпрестаннымъ любовникамъ, безъ женитьбы которыхъ никакъ не можетъ окончиться пьеса. Конечно, это завязка, но какая завязка?—точный узелокъ на уголкѣ платка. Нѣтъ, комедія должна вязаться сама собою, всей своей массою, въ одинъ большой общій узелъ. Завязка должна обнимать всѣ лица, а не одно или два,—коснуться того, что волнуетъ болѣе или менѣе всѣхъ дѣйствующихъ. Тутъ всякій герой; теченіе и ходъ пьесы производитъ потрясеніе всей машины: ни одно колесо не должно оставаться, какъ ржавое и не входящее въ дѣло.

Первый.

Но всѣ не могутъ же быть героями; одинъ или два должны управлять другими.

Второй.

Совсѣмъ не управлять, а развѣ преобладать. И въ машинѣ одни колеса замѣтнѣй и сильнѣй движутся, ихъ можно только

назвать главными; но правитъ пьесою идея, мысль: безъ нея нѣтъ въ ней единства. А завязать можетъ все: самый ужасъ, страхъ ожиданія, гроза идущаго вдали закона...

Первый.

Но это выходитъ ужъ придавать комедіи какое-то значеніе болѣе всеобщее.

Второй.

Да развѣ не есть это ея прямое и настоящее значеніе? Уже въ самомъ началѣ комедія была общественнымъ, народнымъ созданіемъ. По крайней мѣрѣ, такою показалъ ее самъ отецъ ея, Аристофанъ. Послѣ уже она вошла въ узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ходъ, одну и ту же непремѣнную завязку. Зато какъ слаба эта завязка у самыхъ лучшихъ комиковъ! какъ ничтожны эти театральные любовники съ ихъ картонной любовью!

Третій

(подходя и ударивъ слегка его по плечу).

Ты не правъ: любовь такъ же, какъ и другія чувства, можетъ тоже войти въ комедію.

Второй.

Я и не говорю, чтобы она не могла войти. Но только и любовь, и всѣ другія чувства, болѣе возвышенныя, тогда только произведутъ высокое впечатлѣніе, когда будутъ развиты во всей глубинѣ. Занявшись ими, неминуемо должно пожертвовать всѣмъ прочимъ. Все то, что составляетъ именно сторону комедіи, тогда уже поблѣднѣетъ, и значеніе комедіи общественной непремѣнно исчезнетъ.

Третій.

Стало быть, предметомъ комедіи должно быть непремѣнно низкое? Комедія выйдетъ уже низкій родъ.

Второй.

Для того, кто будетъ глядѣть на слова, а не вникать въ смыслъ, это такъ. Но развѣ положительное и отрицательное не можетъ послужить той же цѣли? Развѣ комедія и трагедія не могутъ выразить ту же высокую мысль? Развѣ всѣ, до малѣйшей, излучины души подлаго и безчестнаго человѣка не рисуютъ уже образъ честнаго человѣка? Развѣ все это накопленіе низостей, отступленій отъ законовъ и справедливости не даетъ уже ясно знать, чего требуютъ отъ насъ законъ, долгъ и справедливость? Въ рукахъ искуснаго врача и холодная, и горячая вода лѣчитъ съ равнымъ успѣхомъ однѣ и тѣ же болѣзни: въ

рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному, если только правится высокой мыслью послужить прекрасному.

Четвертый *(подходя).*

Что можетъ послужить прекрасному и о чемъ у васъ толки?

Первый.

Споръ завязался у насъ о комедіи. Мы всѣ говоримъ о комедіи вообще, а никто еще не сказалъ ничего о новой комедіи. Что вы скажете?

Четвертый.

А вотъ что скажу: виденъ талантъ, наблюденіе жизни, много смѣшного, вѣрнаго, взятаго съ натуры; но вообще во всей пьесѣ чего-то нѣтъ. Какъ-то не видишь ни завязки, ни развязки. Странно, что наши комики никакъ не могутъ обойтись безъ правительства. Безъ него у насъ не развяжется ни одна комедія.

Третій.

Это правда. А впрочемъ, съ другой стороны, это очень естественно. Мы всѣ принадлежимъ правительству, всѣ почти служимъ; интересы всѣхъ насъ болѣе или менѣе соединены съ правительствомъ. Стало быть, не мудрено, что это отражается въ созданіяхъ нашихъ писателей.

Четвертый.

Такъ. Ну, и пусть эта связь будетъ слышна; но смѣшно то, что пьеса никакъ не можетъ кончиться безъ правительства. Оно непремѣнно явится, точно неизбѣжный рокъ въ трагедіяхъ у древнихъ.

Второй.

Ну, видите: стало быть, это уже что-то невольное у нашихъ комиковъ. Стало быть, это уже составляетъ какой-то отличительный характеръ нашей комедіи. Въ груди нашей заключена какая-то тайная вѣра въ правительство. Что-жъ? тутъ нѣтъ ничего дурного: дай Богъ, чтобы правительство всегда и вездѣ слышало призваніе свое—быть представителемъ Провидѣнія на землѣ, и чтобы мы вѣровали въ него, какъ древніе вѣровали въ рокъ, настигавшій преступленія.

Пятый.

Здравствуйте, господа! Я только и слышу слово „правительство“. Комедія возбудила крики и толки...

Второй.

Поговоримте лучше объ этихъ толкахъ и крикахъ у меня, чѣмъ здѣсь, въ театральныхъ сѣняхъ. *(Уходятъ.)*

Нѣсколько почтенныхъ и прилично одѣтыхъ людей *появляются одинъ за другимъ.*

№ 1.

Такъ, такъ, я вижу: это вѣрно, это есть у насъ и случается въ иныхъ мѣстахъ и похуже; но для какой цѣли, къ чему выводить это?—вотъ вопросъ! Зачѣмъ эти представленія? какая польза отъ нихъ?—вотъ что разрѣшите мнѣ! Что мнѣ нужды знать, что въ такомъ-то мѣстѣ есть плуты? Я просто... я не понимаю надобности такихъ представленій. *(Уходитъ.)*

№ 2.

Нѣтъ, это не осмѣяніе пороковъ; это отвратительная насмѣшка надъ Россіею—вотъ что. Это значитъ выставить въ дурномъ видѣ самое правительство, потому что выставлять дурныхъ чиновниковъ и злоупотребленія, которыя бываютъ въ разныхъ сословіяхъ, значитъ выставить самое правительство. Просто, даже не слѣдуетъ дозволять такихъ представленій. *(Уходитъ.)*

Входятъ **господинъ А. и господинъ Б.,** *люди не маловажныхъ чиновъ.*

Господинъ А.

Я не насчетъ этого говорю; напротивъ, злоупотребленья намъ нужно показывать; нужно, чтобы мы видѣли свои проступки; и я ничуть не раздѣляю мнѣній многихъ, черезчуръ разгорячившихся патріотовъ; но только мнѣ кажется, что не слишкомъ ли много здѣсь чего-то печальнаго...

Господинъ Б.

Я бы очень хотѣлъ, чтобы вы услыхали замѣчаніе одного очень скромно одѣтаго человѣка, который сидѣлъ возлѣ меня въ креслахъ... Ахъ, вотъ онъ самъ!

Господинъ А.

Кто?

Господинъ Б.

Именно этотъ очень скромно одѣтый человѣкъ. *(Обращаясь къ нему.)* Мы съ вами не кончили разговора, котораго начало было такъ для меня интересно.

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

А я, признаюсь, очень радъ продолжать его. Сейчасъ только я слышалъ толки, именно: что это все неправда, что это насмѣшка надъ правительствомъ, надъ нашими обычаями и что этого не слѣдуетъ вовсе представлять. Это заставило меня мысленно припомнить и обнять всю пьесу, и, признаюсь, выраженіе комедіи показалось мнѣ теперь еще даже значительнѣй. Въ ней, какъ мнѣ кажется, сильнѣй и глубже всего поражено смѣхомъ лицемѣріе, благопристойная маска, подъ которою является низость и подлость, плутъ, корчащій рожу благонамѣреннаго человѣка. Признаюсь, я чувствовалъ радость, видя, какъ смѣшны благонамѣренныя слова въ устахъ плута и какъ уморительно смѣшна стала всѣмъ, отъ креселъ до райка, надѣтая имъ маска. И послѣ этого есть люди, которые говорятъ, что не нужно выводить этого на сцену! Я слышалъ одно замѣчаніе, сдѣланное, какъ мнѣ показалось, впрочемъ, довольно порядочнымъ человѣкомъ: „А что скажетъ народъ, когда увидитъ, что у насъ бываютъ вотъ какія злоупотребленія“.

Господинъ А.

Признаюсь, вы извините меня, но мнѣ самому тоже невольно представился вопросъ: а что скажетъ народъ нашъ, глядя на все это?

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Что скажетъ народъ? *(Посторанивается, проходятъ двое въ армякахъ.)*

Синій армякъ сѣрому.

Небось, прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа! *(Оба выходятъ вонъ.)*

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Вотъ что скажетъ народъ, вы слышали?

Господинъ А.

Что?

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Скажетъ: „Небось, прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа!“ Слышите ли вы, какъ вѣренъ естественному чутью и чувству человѣкъ? Какъ вѣренъ самый простой глазъ, если онъ не отуманенъ теоріями и мыслями, надерганными изъ книгъ, а черпаетъ ихъ изъ самой природы человѣка! Да развѣ это не очевидно ясно, что послѣ такого представленія народъ получитъ болѣе вѣры въ правительство?

Да для него нужны такія представленія. Пусть онъ отдѣлитъ правительство отъ дурныхъ исполнителей правительства. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства, отъ нехотящихъ отвѣтствовать правительству. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что бдитъ равно надъ всѣми его недремлющее око, что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человѣка, что поблѣднѣютъ предъ нимъ имѣющіе нечистую совѣсть. Да, эти представленія ему должно видѣть; повѣрьте, что если и случится ему испытать на себѣ прижимки и несправедливости, онъ выйдетъ утѣшенный послѣ такого представленія съ твердой вѣрой въ недремлющій высшій законъ. Мнѣ нравится тоже еще замѣчаніе: „народъ получитъ дурное мнѣніе о своихъ начальникахъ". То-есть, они воображаютъ, что народъ только здѣсь, въ первый разъ, въ театрѣ, увидитъ своихъ начальниковъ; что если дома какой-нибудь плутъ-староста сожметъ его въ лапу, такъ этого онъ никакъ не увидитъ, а вотъ какъ пойдетъ въ театръ, такъ тогда и увидитъ. Они, право, народъ нашъ считаютъ глупѣе бревна,—глупымъ до такой степени, что будто уже онъ не въ силахъ отличить, который пирогъ съ мясомъ, а который съ кашей. Нѣтъ, теперь мнѣ кажется, даже хорошо то, что не выведенъ на сцену честный человѣкъ. Самолюбивъ человѣкъ: выстави ему при множествѣ дурныхъ сторонъ одну хорошую, онъ уже гордо выйдетъ изъ театра. Нѣтъ, хорошо, что выставлены одни только исключенья и пороки, которые колютъ теперь до того глаза, что не хотятъ быть ихъ соотечественниками, стыдятся даже сознаться, что это можетъ быть.

Господинъ А.

Но неужели, однако жъ, существуютъ у насъ точь-въ-точь такіе люди?

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Позвольте мнѣ сказать вамъ на это вотъ что: я не знаю, почему мнѣ всякій разъ становится грустно, когда я слышу подобный вопросъ. Я могу съ вами говорить откровенно: въ чертахъ лицъ вашихъ я вижу что-то такое, что располагаетъ меня къ откровенности. Человѣкъ прежде всего дѣлаетъ запросъ: „Неужели существуютъ такіе люди?" Но когда было видано, чтобы человѣкъ сдѣлалъ такой вопросъ: „Неужели я самъ чистъ вовсе отъ такихъ пороковъ?" Никогда, никогда! Да вотъ что,— я буду съ вами говорить прямодушно,—у меня доброе сердце, любви много въ моей груди, но если бы вы знали, какихъ ду-

шевныхъ усилій и потрясеній мнѣ было нужно, чтобы не впасть во многія порочныя наклонности, въ которыя впадаешь невольно, живя съ людьми! И какъ я могу сказать теперь, что во мнѣ нѣтъ сію же минуту тѣхъ самыхъ наклонностей, которымъ только что посмѣялись назадъ тому десять минутъ всѣ и надъ которыми я самъ посмѣялся?

Господинъ А. *(послѣ нѣкотораго молчанія).*

Признаюсь, надъ словами вашими призадумаешься. И когда я вспомню, представлю себѣ, какъ гордыми сдѣлало насъ европейское наше воспитаніе, вообще какъ скрыло насъ отъ самихъ себя, какъ свысока и съ какимъ презрѣніемъ глядимъ мы на тѣхъ, которые не получили подобной намъ наружной полировки, какъ всякій изъ насъ ставитъ себя чуть не святымъ, а о дурномъ говоритъ вѣчно въ третьемъ лицѣ,—то, признаюсь, невольно становится грустно на душѣ... Но простите мою нескромность,—вы, впрочемъ, виноваты въ ней сами,—позвольте узнать: съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

А я ни болѣе, ни менѣе какъ одинъ изъ тѣхъ чиновниковъ, въ должности которыхъ выведены были лица комедіи, и третьяго дня только пріѣхалъ изъ своего городка.

Господинъ Б.

Я бы этого не могъ думать. И неужели вамъ не кажется послѣ этого обидно жить и служить съ такими людьми?

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Обидно? А вотъ что я вамъ скажу на это: признаюсь, мнѣ приходилось часто терять терпѣнье. Въ городкѣ нашемъ не всѣ чиновники изъ честнаго десятка; часто приходится лѣзть на стѣну, чтобы сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло. Уже нѣсколько разъ хотѣлъ было я бросить службу; но теперь, именно послѣ этого представленія, я чувствую свѣжесть и вмѣстѣ съ тѣмъ новую силу продолжать свое поприще. Я утѣшенъ уже мыслью, что подлость у насъ не остается скрытою или потворствуемой, что тамъ, въ виду всѣхъ благородныхъ людей, она поражена осмѣяніемъ, что есть перо, которое не укоснитъ обнаружить низкія наши движенія, хотя это и не льститъ національной нашей гордости, и что есть благородное правительство, которое дозволитъ показать это всѣмъ, кому слѣдуетъ, въ очи; и уже это одно даетъ мнѣ рвеніе продолжать мою полезную службу.

Господинъ А.

Позвольте сдѣлать вамъ одно предложеніе. Я занимаю государственную должность довольно значительную. Мнѣ нужны истинно благородные и честные помощники. Я вамъ предлагаю мѣсто, гдѣ вамъ будетъ обширное поле дѣйствія, гдѣ вы получите несравненно болѣе выгодъ и будете на виду.

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Позвольте мнѣ отъ всей души и отъ всего сердца поблагодарить васъ за такое предложеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте отказаться отъ него. Если я уже чувствую, что полезенъ своему мѣсту, то благородно ли съ моей стороны его бросить? И какъ я могу оставить его, не будучи увѣренъ твердо, что послѣ меня не сядетъ какой-нибудь молодецъ, который начнетъ дѣлать прижимки. Если же это предложеніе сдѣлано вами въ видѣ награды, то позвольте сказать вамъ: я аплодировалъ автору пьесы наравнѣ съ другими, но я не вызывалъ его. Какая ему награда? Пьеса понравилась—хвали ее, а онъ—онъ только выполнилъ свой долгъ. У насъ, право, до того дошло, что не только по случаю какого-нибудь подвига, но просто, если только иной не нагадитъ никому въ жизни и на службѣ, то уже считаетъ себя Богъ вѣсть какимъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, сердится серьезно, если не замѣчаютъ и не награждаютъ его. „Помилуйте", говоритъ, „я цѣлый вѣкъ честно жилъ, совсѣмъ почти не дѣлалъ подлостей,—какъ же мнѣ не даютъ ни чина, ни ордена?" Нѣтъ, по мнѣ, кто не въ силахъ быть благороднымъ безъ поощренія,—не вѣрю я его благородству; не стоитъ гроша его мышиное благородство.

Господинъ А.

По крайней мѣрѣ вы мнѣ не откажете въ вашемъ знакомствѣ. Простите мою неотвязчивость; вы сами видите, что она есть слѣдствіе моего искренняго уваженія. Дайте мнѣ вашъ адресъ.

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Вотъ вамъ мой адресъ; но будьте увѣрены, что я не допущу васъ имъ воспользоваться и завтра же поутру явлюсь къ вамъ. Извините меня, я не воспитанъ въ большомъ свѣтѣ и не умѣю говорить... Но встрѣтить такое великодушное вниманіе въ государственномъ человѣкѣ, такое стремленіе къ добру... дай Богъ, чтобы всякій государь былъ окруженъ такими людьми! *(Поспѣшно уходитъ.)*

Господинъ А.

(переворачивая въ рукахъ карточку).

Я смотрю на эту карточку и на эту неизвѣстную мнѣ фамилію, и какъ-то полно становится на душѣ моей. Это въ началѣ грустное впечатлѣніе разсѣялось само собою. Да хранитъ тебя Богъ, наша малознаемая нами Россія! Въ глуши, въ забытомъ углу твоемъ, скрывается подобный перлъ, и, вѣроятно, онъ не одинъ. Они, какъ искры золотой руды, разсыпаны среди грубыхъ и темныхъ ея гранитовъ. Есть глубоко-утѣшительное чувство въ семъ явленіи, и душа моя освѣтилась послѣ встрѣчи съ этимъ чиновникомъ, какъ освѣтилась его собственная послѣ представленія комедіи. Прощайте! Благодарю васъ, что вы доставили мнѣ эту встрѣчу. *(Уходитъ.)*

Господинъ В. *(подходя къ господину Б.).*

Кто это былъ съ вами? Кажется, онъ министръ—а?

Господинъ П.

(подходя съ другой стороны).

Помилуй, братецъ, ну, что это такое, какъ же это въ самомъ дѣлѣ?..

Господинъ Б.

Что?

Господинъ П.

Ну, да какъ же выводить это?

Господинъ Б.

Почему же нѣтъ?

Господинъ П.

Ну, да самъ посуди ты: ну, какъ же, право? Все пороки да пороки; ну, какой примѣръ подастъ это зрителямъ?

Господинъ Б.

Да развѣ пороки хвалятся? Вѣдь они же выведены на осмѣяніе.

Господинъ П.

Ну, да все, братъ, какъ ни говори: уваженье... вѣдь чрезъ это теряется уваженье къ чиновникамъ и должностямъ.

Господинъ Б.

Уваженье не теряется ни къ чиновникамъ, ни къ должностямъ, а къ тѣмъ, которые скверно исполняютъ свои должности.

Господинъ В.

Но позвольте, однако же, замѣтить: все это нѣкоторымъ образомъ есть уже оскорбленіе, которое болѣе или менѣе распространяется на всѣхъ.

Господинъ П.

Именно. Вотъ это я самъ хотѣлъ ему замѣтить. Это именно оскорбленіе, которое распространяется. Теперь, напримѣръ, выведутъ какого-нибудь титулярнаго совѣтника, а потомъ... э... пожалуй выведутъ... и дѣйствительнаго статскаго совѣтника...

Господинъ Б.

Ну, такъ что-жъ? Личность только должна быть неприкосновенна; а если я выдумалъ собственное лицо и придалъ ему кое-какіе пороки, какіе случаются между нами, и далъ ему чинъ, какой мнѣ вздумалось, хоть бы даже и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и сказалъ бы, что этотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ не таковъ, какъ слѣдуетъ: что-жъ тутъ такого? Развѣ не попадается гусь и между дѣйствительными статскими совѣтниками?

Господинъ П.

Ну, ужъ, братъ, это слишкомъ. Какъ же можетъ быть гусь дѣйствительный статскій совѣтникъ? Ну, пусть еще титулярный... Нѣтъ, ты ужъ слишкомъ.

Господинъ В.

Чѣмъ выставлять дурное, зачѣмъ же не выставить хорошее, достойное подражанія?

Господинъ Б.

Зачѣмъ? странный вопросъ: „зачѣмъ?“. Много можно сдѣлать этакихъ *„зачѣмъ“*. Зачѣмъ одинъ отецъ, желая исторгнуть своего сына изъ безпорядочной жизни, не тратилъ словъ и наставленій, а привелъ его въ лазаретъ, гдѣ предстали предъ нимъ во всемъ ужасѣ страшные слѣды безпорядочной жизни? Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

Господинъ В.

Но, позвольте вамъ замѣтить: это уже нѣкоторымъ образомъ наши общественныя раны, которыя нужно скрывать, а не показывать.

Господинъ П.

Это правда. Я съ этимъ совершенно согласенъ. У насъ дурное нужно скрывать, а не показывать.

Театральный разъѣздъ.

Господинъ Б.

Если бы слова эти были сказаны кѣмъ другимъ, а не вами, я бы сказалъ, что ими водило лицемѣріе, а не истинная любовь къ отечеству. По-вашему, нужно бы только закрыть, залѣчить какъ-нибудь снаружи эти, какъ вы называете, общественныя раны, лишь бы только покамѣстъ онѣ не были видны, а внутри пусть свирѣпствуетъ болѣзнь—до того нѣтъ нужды. Нѣтъ нужды, что она можетъ взорваться и обнаружиться такими симптомами, когда уже всякое лѣченіе поздно. До того нѣтъ нужды. Вы не хотите знать того, что безъ глубокой сердечной исповѣди, безъ христіанскаго сознанія грѣховъ своихъ, безъ преувеличенья ихъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ, не въ силахъ мы возвыситься надъ ними, не въ силахъ возлетѣть душой превыше презрѣннаго въ жизни. Вы не хотите знать этого! Пусть глухъ остается человѣкъ, пусть сонно проходитъ жизнь свою, пусть не содрогается, пусть не плачетъ въ глубинѣ сердца, пусть низведетъ до такого усыпленья свою душу, чтобы уже ничто не произвело въ ней потрясенія! Нѣтъ... простите меня! Холодный эгоизмъ движетъ устами, произносящими такія рѣчи, а не святая, чистая любовь къ человѣчеству. *(Уходитъ.)*

Господинъ П.
(послѣ нѣкотораго молчанія).

Что-жъ ты молчишь? Каковъ? Чего не наговорилъ, а?

Господинъ В. *(молчитъ).*

Господинъ П. *(продолжая).*

Онъ можетъ себѣ говорить, что ему угодно, а вѣдь это все-таки наши, такъ сказать, раны.

Господинъ В. *(въ сторону).*

Ну, попались ему на языкъ эти раны. Будетъ онъ толковать о нихъ и встрѣчному, и поперечному!

Господинъ П.

Этакъ, пожалуй, и я могу насказать кучу всего, да вѣдь что-жъ изъ этого?.. А вотъ князь N. Послушай, князь, не уходи!

Князь N.

А что́?

Господинъ П.

Ну, потолкуемъ, остановись! Ну, что́, какъ пьеса?

Князь N.

Да смѣшна.

Господинъ П.

Но, однако жъ, скажи: какъ это представлять? на что́ это похоже...

Князь N.

Почему-жъ не представлять?

Господинъ П.

Ну, да посуди самъ, ну, да какъ же это: вдругъ на сценѣ плутъ —вѣдь это все наши раны.

Князь N.

Какія раны?

Господинъ П.

Да, это наши раны, наши, такъ сказать, общественныя раны.

Князь N. *(съ досадою).*

Возьми ихъ себѣ! Пусть онѣ будутъ твои, а не мои раны! Что́ ты мнѣ ихъ тычешь? Мнѣ пора домой. *(Уходитъ.)*

Господинъ П. *(продолжая).*

И потомъ опять, что за чепуху онъ наговорилъ здѣсь? Говоритъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ можетъ быть гусь. Ну, еще пусть титулярный, это можно допустить...

Господинъ В.

Однако жъ, пойдемъ, полно толковать; я думаю, всѣ проходящіе узнали уже, что ты дѣйствительный статскій совѣтникъ. *(Въ сторону.)* Есть люди, которые имѣютъ искусство все охаять. Твою же мысль, повторивши, они умѣютъ сдѣлать ее такъ пошлою, что самъ краснѣешь. Скажешь глупость, она бы, можетъ-быть, такъ и проскользнула незамѣченной—нѣтъ, отыщется поклонникъ и пріятель, который непремѣнно пуститъ ее въ ходъ и сдѣлаетъ еще глупѣе, чѣмъ она есть. Даже досадно право: точно въ грязь посадилъ. *(Уходятъ.)*

Военный и **статскій** *выходятъ вмѣстѣ.*

Статскій.

Вѣдь вотъ вы какіе, господа военные! Вы говорите: „это нужно выводить на сцену“; вы готовы вдоволь посмѣяться надъ какимъ-нибудь штатскимъ чиновникомъ; а затронь какъ-нибудь

военныхъ, скажи только, что есть въ такомъ-то полку офицеры, не говоря уже о порочныхъ наклонностяхъ, но просто скажи: есть офицеры дурного тона, съ неприличными ухватками,—да вы изъ-за одного этого готовы съ жалобой полѣзть въ самый государственный совѣтъ.

Военный.

Ну, послушайте, за кого же вы меня считаете? Конечно, есть между нами такіе Донкишоты, но повѣрьте также, что есть много истинно-разсудительныхъ людей, которые будутъ рады всегда, если будетъ выведенъ на всеобщее осмѣяніе порочащій свое званіе. Да и въ чемъ здѣсь обида? Подавайте, подавайте намъ его! Мы всякій день готовы смотрѣть.

Статскій *(въ сторону)*.

Этакъ всегда кричитъ человѣкъ: „подавайте! подавайте!" а подашь—такъ и разсердится. *(Уходятъ.)*

Двѣ бекеши.

Первая бекеша.

У французовъ тоже, напримѣръ; но у нихъ все это очень мило. Ну, вотъ, помнишь, во вчерашнемъ водевилѣ: раздѣвается, ложится въ постель, схватываетъ со стола салатникъ и ставитъ его подъ кровать. Оно, конечно, нескромно, но мило. На все это можно смотрѣть, это не оскорбляетъ... У меня жена и дѣти всякій день въ театрѣ. А здѣсь—ну, что̀ это, право?—какой-нибудь мерзавецъ, мужикъ, котораго я бы въ переднюю не пустилъ, развалится съ сапогами, зѣваетъ или ковыряетъ въ зубахъ,—ну что̀ это, право? на что это похоже?

Другая бекеша.

У французовъ другое дѣло. Тамъ société, mon cher! У насъ это невозможно. У насъ вѣдь сочинители совершенно безъ всякаго образованья: все это большею частью воспитывалось въ семинаріи. Онъ и къ вину наклоненъ, онъ и потаскунъ. Къ моему лакею тоже ходилъ въ гости одинъ какой-то сочинитель: гдѣ-жъ ему имѣть понятіе о хорошемъ обществѣ? *(Уходятъ.)*

Свѣтская дама

(въ сопровожденіи двухъ мужчинъ: одного во фракѣ, другого въ мундирѣ).

Но что̀ за люди, что̀ за лица выведены! хотя бы одинъ привлекъ... Ну, отчего не пишутъ у насъ такъ, какъ французы пишутъ, напримѣръ, какъ Дюма и другіе? Я не требую образцовъ добродѣтели; выведите мнѣ женщину, которая бы заблу-

ждалась, которая бы даже измѣнила мужу, предалась, положимъ, самой порочной и непозволенной любви; но представьте это увлекательно, такъ, чтобы я пробуждена была къ ней участьемъ, чтобы я полюбила ее... А вѣдь здѣсь всѣ лица—одинъ отвратительнѣй другого.

Мужчина въ мундирѣ.

Да, тривіально, тривіально.

Свѣтская дама.

Скажите: отчего у насъ въ Россіи все еще такъ тривіально?

Мужчина во фракѣ.

Душа моя, послѣ разскажешь, отчего тривіально: кричатъ нашу карету. *(Уходятъ.)*

Выходятъ **трое мужчинъ** *вмѣстѣ.*

Первый.

Почему-жъ не посмѣяться? смѣяться можно; но что̀ за предметъ для насмѣшки—злоупотребленія и пороки? Какая здѣсь насмѣшка!

Второй.

Такъ надъ чѣмъ же смѣяться? Развѣ надъ добродѣтелями, надъ достоинствами человѣка?

Первый.

Нѣтъ; да это не предметъ для комедіи, мой милый! Это уже нѣкоторымъ образомъ касается правительства. Какъ будто нѣтъ другихъ предметовъ, о чемъ можно писать?

Второй.

Какіе же другіе предметы?

Первый.

Ну, да мало ли есть всякихъ смѣшныхъ свѣтскихъ случаевъ? Ну, положимъ, напримѣръ, я отправился на гулянье на Аптекарскій островъ, а кучеръ меня вдругъ завезъ тамъ на Выборгскую или къ Смольному монастырю. Мало ли есть всякихъ смѣшныхъ сцѣпленій?

Второй.

То-есть, вы хотите отнять у комедіи всякое серьезное значеніе. Но зачѣмъ же издавать непремѣнный законъ? Комедій въ томъ именно вкусѣ, въ какомъ вы желаете, есть множество.

Почему же не допустить существованія двухъ, трехъ такихъ, какова была игранная теперь? Если же вамъ нравятся тѣ, о которыхъ вы говорите, поѣзжайте только въ театръ: тамъ всякій день вы увидите пьесу, гдѣ одинъ спрятался подъ стулъ, а другой вытащилъ его оттуда за ногу.

Третій.

Ну, нѣтъ, послушайте: это не то. Всему есть свои границы. Есть вещи, надъ которыми, такъ сказать, не слѣдуетъ смѣяться, которыя въ нѣкоторомъ родѣ уже святыня.

Второй *(про себя, съ горькой усмѣшкой).*

Такъ всегда на свѣтѣ: посмѣйся надъ истинно-благороднымъ, надъ тѣмъ, что̀ составляетъ высокую святыню души,— никто не станетъ заступникомъ; посмѣйся же надъ порочнымъ, подлымъ и низкимъ, — всѣ закричатъ: „онъ смѣется надъ святыней“.

Первый.

Ну, вотъ видите ли, вы, я вижу, теперь убѣждены: не говорите ни слова. Повѣрьте, нельзя не быть убѣждену: это истина. Я самъ человѣкъ безпристрастный и говорю не то, чтобы... но, просто, это не авторское дѣло, это не предметъ для комедіи. *(Уходятъ.)*

Второй *(про себя).*

Признаюсь, я бы ни за что не захотѣлъ быть на мѣстѣ автора. Прошу угодить! Избери маловажные свѣтскіе случаи, всѣ будутъ говорить: „онъ пишетъ вздоръ, никакой нѣтъ глубокой нравственной цѣли“; избери предметъ, сколько-нибудь имѣющій серьезную нравственную цѣль, будутъ говорить: „не его дѣло, пиши пустяки!“ *(Уходитъ.)*

Молодая дама *(большого свѣта въ сопровожденіи мужа).*

Мужъ.

Карета наша не должна быть далеко, мы можемъ скоро уѣхать.

Господинъ N. *(подходя къ дамѣ).*

Что̀ вижу! Вы пріѣхали смотрѣть русскую пьесу!

Молодая дама.

Что̀-жъ тутъ такого? развѣ я уже ничуть не патріотка?

Господинъ N.

Ну, если такъ, то вы не очень насытили патріотизмъ свой. Вы, вѣрно, браните пьесу.

Молодая дама.

Совсѣмъ нѣтъ. Я нахожу, что многое очень вѣрно: я смѣялась отъ души.

Господинъ N.

Отчего-жъ вы смѣялись? Оттого ли, что любите посмѣяться надъ всѣмъ, что русское?

Молодая дама.

Оттого, что, просто, было смѣшно. Оттого, что выведена была наружу та подлость, низость, которая въ какое бы платье ни нарядилась, хотя бы она была и не въ уѣздномъ городкѣ, а здѣсь, вокругъ насъ,—она была бы такая же подлость или низость: вотъ отчего смѣялась.

Господинъ N.

Мнѣ говорила сейчасъ одна очень умная дама, что она тоже смѣялась, но что при всемъ томъ пьеса произвела на нее грустное впечатлѣніе.

Молодая дама.

Я не хочу знать, что чувствовала ваша умная дама; но у меня не такъ чувствительны нервы, и я всегда рада смѣяться надъ тѣмъ, что внутренно смѣшно. Я знаю, что есть иныя изъ насъ, которыя отъ души готовы посмѣяться надъ кривымъ носомъ человѣка и не имѣютъ духа посмѣяться надъ кривою душою человѣка.

Вдали показывается тоже **молодая дама** *съ мужемъ.*

Господинъ N.

А вотъ идетъ ваша пріятельница. Я бы желалъ знать ея мнѣніе о комедіи. *(Обѣ дамы подаютъ другъ другу руку.)*

Первая дама.

Я видѣла издали, какъ ты смѣялась.

Вторая дама.

Да кто же не смѣялся? Всѣ смѣялись.

Господинъ N.

А не чувствовали вы никакого грустнаго чувства?

Вторая дама.

Признаюсь, мнѣ было, точно, грустно. Я знаю, все это очень вѣрно; я сама тоже видѣла много подобнаго, но при всемъ томъ мнѣ было тяжело.

Господинъ N.

Стало быть, комедія вамъ не понравилась?

Вторая дама.

Ну, послушайте, кто-жъ это говоритъ? Я вамъ говорю уже, что я смѣялась отъ всей души, и больше даже, нежели всѣ другіе; я думаю, меня приняли даже за безумную... Но мнѣ было грустно оттого, что хотѣлось бы отдохнуть хоть на одномъ добромъ лицѣ. Это излишество и множество низкаго...

Господинъ N.

Говорите, говорите!

Вторая дама.

Послушайте, посовѣтуйте автору, чтобы онъ вывелъ хоть одного честнаго человѣка. Скажите ему, что объ этомъ его просятъ, что это будетъ, право, хорошо.

Мужъ первой дамы.

А вотъ же этого именно и не совѣтуйте. Дамамъ хочется непремѣнно рыцаря, чтобы онъ тутъ же твердилъ имъ за всякимъ словомъ о благородствѣ, хотя бы самымъ пошлымъ слогомъ.

Вторая дама.

Совсѣмъ нѣтъ. Какъ вы мало знаете насъ! Вотъ вамъ-то принадлежитъ это! Вы именно любите только одни слова и толки о благородствѣ. Я слышала сужденіе одного изъ васъ: одинъ толстякъ кричалъ такъ, что, я думаю, всѣхъ заставилъ на себя обратиться, — что это клевета, что подобныхъ низостей и подлостей у насъ никогда не дѣлается. А кто говорилъ? — Самый низкій и подлый человѣкъ, который готовъ продать свою душу, совѣсть и все, что хотите. Я не хочу только назвать его по имени.

Господинъ N.

Ну, скажите же, кто это былъ?

Вторая дама.

Зачѣмъ вамъ знать? Да не онъ одинъ; я слышала безпрестанно, какъ около насъ кричали: „Это отвратительная насмѣшка надъ Россіей, насмѣшка надъ правительствомъ! Да какъ это позволить? Да что скажетъ народъ?“ А отчего они кричали? Оттого ли, что въ самомъ дѣлѣ думали и чувствовали это? — Извините. Затѣмъ, чтобы произвести шумъ, чтобы запретили пьесу, потому что въ ней, можетъ быть, отыскали кое-что по-

хожее на самихъ себя. Вотъ каковы ваши настоящіе, не театральные рыцари!

Мужъ первой дамы.

О! да у васъ ужъ начинаетъ рождаться маленькая злость!

Вторая дама.

Злость, именно злость. Да, я зла, очень зла. И нельзя не быть злою, видя, какъ подлость является подъ всякими личинами.

Мужъ первой дамы.

Ну, да: вамъ бы хотѣлось, чтобы сейчасъ выскочилъ рыцарь, прыгнулъ черезъ какую-нибудь пропасть, сломилъ бы себѣ шею...

Вторая дама.

Извините.

Мужъ первой дамы.

Натурально: женщинѣ что̀ нужно?—Ей непремѣнно нужно, чтобы въ жизни былъ романъ.

Вторая дама.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Двѣсти разъ готова говорить: нѣтъ! Это пошлая, старая мысль, которую вы намъ навязываете безпрестанно. У женщины больше истиннаго великодушія, чѣмъ у мужчины. Женщина не можетъ, женщина не въ силахъ сдѣлать тѣхъ подлостей и гадостей, какія дѣлаете вы. Женщина не можетъ тамъ лицемѣрить, гдѣ лицемѣрите вы, не можетъ смотрѣть сквозь пальцы на тѣ низости, на которыя вы смотрите. Въ ней есть довольно благородства для того, чтобы сказать все это, не осматриваясь по сторонамъ, понравится ли это кому-либо, или нѣтъ,—потому что это нужно говорить. Что подло, то подло, какъ вы ни скрывайте и какой ни давайте видъ. Это подло, подло, подло!

Мужъ первой дамы.

Да вы, я вижу, разсердились во всѣхъ отношеніяхъ.

Вторая дама.

Потому что я откровенна и не могу вынести, когда говорятъ неправду.

Мужъ первой дамы.

Ну, не сердитесь же, дайте мнѣ вашу ручку! Я пошутилъ.

Вторая дама.

Вотъ вамъ рука моя, я не сержусь. *(Обращаясь къ г-ну N.)* Послушайте, посовѣтуйте автору, чтобы онъ вывелъ въ комедіи благороднаго и честнаго человѣка.

Господинъ N.

Да какъ же это сдѣлать? Ну, если онъ выведетъ честнаго человѣка, а этотъ честный человѣкъ будетъ похожъ на театральнаго рыцаря?

Вторая дама.

Нѣтъ, если онъ сильно и глубоко чувствуетъ, то герой его не будетъ театральнымъ рыцаремъ.

Господинъ N.

Да вѣдь, я думаю, это не такъ легко сдѣлать.

Вторая дама.

Просто, скажите лучше, что у автора вашего нѣтъ глубокихъ и сильныхъ движеній сердечныхъ.

Господинъ N.

Отчего-жъ такъ?

Вторая дама.

Ну, да ужъ кто безпрестанно и вѣчно смѣется, тотъ не можетъ имѣть слишкомъ высокихъ чувствъ: ему не можетъ быть знакомо то, что чувствуетъ одно только нѣжное сердце.

Господинъ N.

Вотъ хорошо! Стало быть, по-вашему, авторъ не долженъ быть благородный человѣкъ?

Вторая дама.

Ну, вотъ видите, вы сейчасъ перетолковываете въ другую сторону. Я не говорю ни слова о томъ, чтобы у комика не было благородства и строгаго понятія о чести во всемъ смыслѣ слова. Я говорю только, что онъ не могъ бы... выронить сердечную слезу, любить что-нибудь сильно, всей глубиной души.

Мужъ второй дамы.

Но какъ же ты можешь сказать это утвердительно?

Вторая дама.

Могу, потому что знаю. Всѣ люди, которые смѣялись или были насмѣшниками, всѣ они были самолюбивы, всѣ почти эгоисты; конечно, благородные эгоисты, но все же эгоисты.

Господинъ N.

Стало быть, вы рѣшительно предпочитаете только тотъ родъ сочиненій, гдѣ дѣйствуютъ одни высокія движенія человѣка?

Вторая дама.

О, конечно! Я ихъ всегда поставлю выше, и, признаюсь, я больше имѣю душевной вѣры къ такому автору.

Мужъ первой дамы
(обращаясь къ господину N.).

Ну, развѣ ты не видишь—выходитъ опять то же? Это женскій вкусъ. Для нихъ самая пошлая трагедія выше самой лучшей комедіи, ужъ потому только, что она трагедія...

Вторая дама.

Молчите, я опять буду зла. *(Обращаясь къ господину N.)* Ну, скажите, не правду ли я сказала: вѣдь у комика душа непремѣнно должна быть холодная?

Мужъ второй дамы.

Или горячая, потому что раздражительность характера возбуждаетъ тоже къ насмѣшкамъ и сатирамъ.

Вторая дама.

Ну, или раздражительная. Но что же это значитъ? — Это значитъ, что причиною такихъ произведеній все же была желчь, ожесточеніе, негодованіе, можетъ быть, и справедливое во всѣхъ отношеніяхъ. Но нѣтъ того, что бы показывало, что это порождено высокой любовью къ человѣчеству... словомъ, любовью. Не правда ли?

Господинъ N.

Это правда.

Вторая дама.

Ну, скажите: похожъ авторъ комедіи на этотъ портретъ?

Господинъ N.

Какъ вамъ сказать? Я не знаю такъ коротко его, чтобы могъ судить о душѣ его. Но, соображая все, что я о немъ слышалъ, онъ, точно, долженъ быть или эгоистъ, или очень раздражительный человѣкъ.

Вторая дама.

Ну, видите ли, я это хорошо знала.

Первая дама.

Не знаю почему, но мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ былъ эгоистомъ.

Мужъ первой дамы.

А вотъ идетъ нашъ лакей, стало быть, карета готова. Прощайте! *(Пожимая руку второй дамы.)* Вы къ намъ, не правда ли? Чай пьемъ у насъ?

Первая дама *(уходя)*.

Пожалуйста!

Вторая дама.

Непремѣнно.

Мужъ второй дамы.

Кажется, наша карета тоже готова. *(Уходятъ за ними.)*

Выходятъ **двое зрителей.**

Первый.

Вотъ что растолкуйте мнѣ: отчего, разбирая порознь всякое дѣйствіе, лицо и характеръ, видишь: все это правда, живо, взято съ натуры, а вмѣстѣ кажется уже чѣмъ-то громаднымъ, преувеличеннымъ, карикатурнымъ, такъ что, выходя изъ театра, невольно спрашиваешь: неужели существуютъ такіе люди? А между тѣмъ вѣдь они не то, чтобы злодѣи.

Второй.

Ничуть, они вовсе не злодѣи. Они именно то, что говоритъ пословица: „не душой худъ, а просто плутъ".

Первый.

И потомъ еще одно: это громадное накопленіе, это излишество не есть ли уже недостатокъ комедіи? Скажите мнѣ, гдѣ есть такое общество, которое бы состояло все изъ такихъ людей, чтобы не было если не половины, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части порядочныхъ людей? Если комедія должна быть картиной и зеркаломъ общественной нашей жизни, то она должна отразить ее во всей вѣрности.

Второй.

Во-первыхъ, по моему мнѣнію, эта комедія вовсе не картина, а скорѣе фронтисписъ. Вы видите — и сцена, и мѣсто дѣйствія идеальныя. Иначе авторъ не сдѣлалъ бы очевидныхъ погрѣшностей и анахронизмовъ, не вставилъ бы даже инымъ лицамъ тѣхъ рѣчей, которыя по свойству своему и по мѣсту, занимаемому лицами, не принадлежатъ имъ. Только первая раздражительность приняла за личность то, въ чемъ нѣтъ и тѣни личности, и что принадлежитъ болѣе или менѣе личности всѣхъ людей. Это—сборное мѣсто: отовсюду, изъ разныхъ угловъ Рос-

сіи, стеклись сюда исключенія изъ правды, заблужденія и злоупотребленія, чтобы послужить одной идеѣ — произвести въ зрителѣ яркое, благородное отвращеніе отъ многаго кое-чего низкаго. Впечатлѣніе еще сильнѣй оттого, что никто изъ приведенныхъ лицъ не утратилъ своего человѣческаго образа: человѣческое слышится вездѣ. Оттого еще глубже сердечное содроганіе. И, смѣясь, зритель невольно оборачивается назадъ, какъ бы чувствуя, что близко отъ него то, надъ чѣмъ онъ посмѣялся, и что ежеминутно долженъ онъ стоять на стражѣ, чтобы не ворвалось оно въ его собственную душу. Я думаю, забавнѣй всего слышать автору упреки: „зачѣмъ лица и герои его не привлекательны, тогда какъ онъ употребилъ все, чтобы оттолкнуть отъ нихъ. Да если бы хотя одно лицо честное было помѣщено въ комедію и помѣщено со всей увлекательностью, то уже всѣ до одного перешли бы на сторону этого честнаго лица и позабыли бы вовсе о тѣхъ, которые такъ испугали ихъ теперь. Эти образы, можетъ быть, не мерещились бы безпрестанно, какъ живые, по окончаніи представленія; зритель не унесъ бы грустнаго чувства и не говорилъ бы: „Неужели существуютъ такіе люди?“

Первый.

Да. Ну, это однако же не вдругъ поймутъ.

Второй.

Весьма естественно. Смыслъ внутренній всегда постигается послѣ. И чѣмъ живѣе, чѣмъ ярче тѣ образы, въ которые онъ облекся и на которые раздробился, тѣмъ болѣе останавливается всеобщее вниманіе на образахъ. Только сложивши ихъ вмѣстѣ, получишь итогъ и смыслъ созданія. Но разбирать и складывать такія буквы быстро, читать по верхамъ и вдругъ — не всякій можетъ, а до тѣхъ поръ долго будутъ видѣть однѣ буквы. И вы увидите, вотъ я вамъ говорю это впередъ: прежде всего разсердится всякій уѣздный городишка въ Россіи и будетъ утверждать, что это злая сатира, пошлая, низкая выдумка, направленная именно на него. *(Уходятъ.)*

Одинъ чиновникъ.

Это пошлая, низкая выдумка, это сатира, пасквиль!

Другой чиновникъ.

Теперь, значитъ, ужъ ничего не осталось. Законовъ не нужно, служить не нужно. Вицмундиръ, вотъ который на мнѣ,— его, значитъ, нужно бросить: онъ ужъ теперь тряпка.

Бѣгутъ **двое молодыхъ людей.**

Одинъ.

Ну, всѣ разсердились. Я ужъ столько наслышался толковъ, что могу, взглянувши, угадать, что каждый думаетъ о пьесѣ.

Другой.

Ну, что думаетъ вотъ этотъ?

Первый.

Вотъ тотъ, который надѣваетъ шинель въ рукава?

Другой.

Да.

Первый.

Вотъ что онъ думаетъ: „За такую комедію тебя бы въ Нерчинскъ!..“ Однако жъ тронулось, кажется, верхнее населеніе; водевиль, какъ видно, кончился. Сейчасъ нахлынутъ разночинцы. Уйдемъ! *(Оба уходятъ.)*

(Шумъ увеличивается; по всѣмъ лѣстницамъ раздается бѣготня. Бѣгутъ армяки, полушубки, чепцы, нѣмецкіе долгополые кафтаны купцовъ, треугольныя шляпы и султаны, шинели всѣхъ родовъ: фризовыя, военныя, подержанныя и щегольскія—съ бобрами. Толпа сталкиваетъ господина, надѣвающаго въ рукавъ шинель; господинъ посторанивается и продолжаетъ надѣвать ее въ сторонѣ. Показываются въ толпѣ господа и чиновники всѣхъ родовъ и сортовъ. Лакеи въ ливреяхъ прочищаютъ для барынь дорогу. Слышенъ бабій крикъ: „Батюшки, припихнули со всѣхъ сторонъ!“)

Молоденькій чиновникъ уклончиваго свойства *(подбѣгая къ господину, надѣвающему шинель).*

Ваше превосходительство, позвольте, я вамъ подержу!

Господинъ въ шинели.

А, здравствуй! Ты здѣсь? Пришелъ смотрѣть?

Молоденькій чиновникъ.

Да-съ, ваше превосходительство, забавно подмѣчено.

Господинъ въ шинели.

Вздоръ! ничего нѣтъ забавнаго!

Молоденькій чиновникъ.

Это правда, ваше превосходительство, совсѣмъ ничего нѣтъ.

Господинъ въ шинели.

За этакія вещи нужно сѣчь, а не хвалить.

Молоденькій чиновникъ.

Это правда, ваше превосходительство!

Господинъ въ шинели.

Вотъ пускаютъ молодыхъ людей въ театръ. Много полезнаго вынесутъ! Вотъ и ты: теперь ужъ, чай, придешь въ канцелярію, прямо грубить станешь?

Молоденькій чиновникъ.

Какъ можно, ваше превосходительство!.. Позвольте, я вамъ прочищу дорогу впередъ! *(Народу, толкая того и другого.)* Эй, вы, посторонитесь, генералъ идетъ! *(Подходя съ необыкновенною учтивостью къ двумъ щегольски одѣтымъ.)* Господа, сдѣлайте милость, позвольте пройти генералу!

Хорошо одѣтые, *посторониваясь и давая дорогу.*

Первый.

Не знаешь, какой генералъ? Долженъ быть какой-нибудь извѣстный?

Второй.

Не знаю, я никогда не видывалъ его.

Чиновникъ разговорчиваго свойства *(подхватывая сзади).*

Просто, статскій совѣтникъ, по мѣсту только числится въ четвертомъ классѣ. Каково счастье? Въ пятнадцать лѣтъ службы Владиміра, Анну, Станислава, 3.000 рублей жалованья, двѣ тысячи столовыхъ, да отъ совѣта, да отъ комиссіи, да еще по департаменту.

Господа хорошо одѣтые *(одинъ другому).*

Уйдемъ! *(Уходятъ.)*

Чиновникъ разговорчиваго свойства.

Должно быть, матушкины сынки. Чай, въ иностранной коллегіи служатъ. Я не люблю комедій; на мой вкусъ больше нравятся трагедіи. *(Уходитъ.)*

Голосъ изъ толпы.

Экъ народу навалило!

Офицеръ
(пробираясь съ дамой подъ руку).

Эй вы, бороды, что напираете? Развѣ не видишь—дама?

Купецъ *(съ дамой подъ руку).*

У самихъ, батюшка, дама.

Голосъ изъ толпы.

Вотъ она поворотилась, видишь, видишь? Еще теперь подурнѣла, но года три тому назадъ...

Разные голоса.

Да три гривны, слышь ты, взялъ съ него сдачи.—Подлая, скверная пьеса! — Забавная пьеска! — Ты что лѣзешь въ самое горло?

Голосъ въ одномъ концѣ толпы.

Все это вздоръ! Гдѣ могло случиться такое происшествіе? Этакое происшествіе могло только развѣ случиться на Чукотскомъ островѣ.

Голосъ въ другомъ концѣ.

Ну, вотъ точь-въ-точь этакое событіе было въ нашемъ городкѣ. Я подозрѣвалъ, что авторъ если не былъ самъ тамъ, то, вѣроятно, слышалъ.

Голосъ купца.

Оно, вотъ изволите видѣть, оно здѣсь больше, такъ сказать, съ маральной стороны. Конечно, бываютъ, такъ сказать, всякіе-съ. Да вѣдь и то извольте посудить, что и честный человѣкъ, случаемъ придется... А насчетъ маральности, такъ и за дворянами это водится.

Голосъ господина поощрительнаго свойства.

Долженъ быть бестія, пройдоха сочинитель: все извѣдалъ все знаетъ!

Голосъ сердитаго чиновника, но, какъ видно, опытнаго.

Что онъ знаетъ?—чорта онъ знаетъ. И вретъ онъ, вретъ: все это, что ни написалъ онъ, все — враки. И взятки не такъ берутъ, если ужъ пошло на то...

Голосъ другого чиновника изъ толпы.

Да что вы говорите: „смѣшно, смѣшно“! Знаете ли, отчего смѣшно? Вѣдь это все личности. Вѣдь это все онъ вывелъ своихъ бабушекъ да тетушекъ. Вотъ отчего это смѣшно.

Неизвѣстный голосъ.

Стой, украли платокъ!

Два офицера, *узнавшіе другъ друга, переговариваются черезъ толпу.*

Первый.

Мишель, ты туда?

Второй.

Туда.

Первый.

Ну, и я тамъ.

Чиновникъ важной наружности.

Я бы все запретилъ. Ничего не нужно печатать. Просвѣщеньемъ пользуйся, читай, а не пиши. Книгъ ужъ довольно написано, больше не нужно.

Голосъ въ народѣ.

Что-жъ, коли подлецъ, то и подлецъ. Не будь подлецомъ, то и не будутъ надъ тобой смѣяться.

Красивый и плотный господинъ
(говоритъ съ жаромъ невзрачному и низенькому).

Нравственность, нравственность страждетъ, вотъ что главное!

Господинъ низенькій и невзрачный, но ядовитаго свойства.

Да вѣдь нравственность—вещь относительная.

Красивый и плотный господинъ.

Что вы разумѣете подъ именемъ „относительная"?

Невзрачный, но ядовитаго свойства господинъ.

То, что нравственность всякій мѣряетъ относительно къ себѣ. Одинъ называетъ нравственностью сниманье ему шляпы на улицѣ; другой называетъ нравственностью смотрѣнье сквозь пальцы на то, какъ онъ воруетъ; третій называетъ нравственностью услуги, оказываемыя его любовницѣ. Вѣдь, обыкновенно, какъ говоритъ всякій изъ нашей братіи своимъ подчиненнымъ?—Свысока говоритъ: „Милостивый государь, старайтесь исполнить свой долгъ относительно Бога, государя, отечества", а ты, молъ, ужъ тамъ себѣ разумѣй, относительно чего. Впрочемъ, это такъ только въ провинціяхъ водится; въ столицахъ этого не бываетъ, не правда ли? Тутъ если и явится у кого-нибудь въ три года два дома, такъ вѣдь это отчего? Все отъ честности, не такъ ли?

Красивый и полный господинъ *(въ сторону).*

Скверенъ какъ чортъ, а языкъ какъ у змѣи.

Невзрачный, но ядовитаго свойства господинъ *(толкая подъ руку вовсе незнакомаго ему человѣка, говоритъ ему, кивая на красиваго господина).*

Четыре дома въ одной улицѣ; всѣ рядомъ одинъ возлѣ другого, въ шесть лѣтъ выросли! Каково дѣйствуетъ честность на прозябательную силу, а?

Незнакомецъ *(уходя поспѣшно).*

Извините, я не дослышалъ.

Невзрачный, но ядовитаго свойства человѣкъ *(толкая подъ руку незнакомаго сосѣда).*

Глухота-то какъ нынче распространилась въ городѣ, а? Вотъ что значитъ нездоровый и сырой климатъ!

Незнакомый сосѣдъ.

Да вотъ и гриппъ тоже. У меня всѣ дѣти переболѣли.

Невзрачный, но ядовитаго свойства человѣкъ.

Да, и гриппъ, и глухота; свинка тоже въ горлѣ. *(Пропадаетъ въ толпѣ).*

Разговоръ въ группѣ на сторонѣ.

Первый.

А говорятъ, что подобное происшествіе случилось съ самимъ авторомъ: онъ въ какомъ-то городкѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ за долги.

Господинъ съ другой стороны группы *(подхватывая рѣчь).*

Нѣтъ, это не въ тюрьмѣ, это было на башнѣ. Это видѣли тѣ, которые проѣзжали. Говорятъ, это было что-то необыкновенное. Вообразите: поэтъ на высочайшей башнѣ, вокругъ горы, мѣстоположеніе восхитительное, и онъ оттуда читаетъ стихи. Не правда ли, что здѣсь является какая-то особенная черта писателя?

Господинъ положительнаго свойства.

Авторъ долженъ быть умный человѣкъ.

Господинъ отрицательнаго свойства.

Ничуть не умный. Я знаю, онъ служилъ, его чуть не выгнали изъ службы: просьбы не умѣлъ написать.

Простой враль.

Бойкая, бойкая голова! Ему мѣсто долго не давали, такъ что-жъ вы думаете? Онъ прямо написалъ письмо къ министру. Да вѣдь какъ написалъ! — Квинтильяновскимъ манеромъ. Одно ужъ то, какъ началъ: „милостивый государь!“ А потомъ и пошелъ, и пошелъ... страницъ восемь отвалялъ кругомъ. Министръ, какъ прочиталъ: „Ну“, говоритъ, „благодарю, благодарю! Я вижу, у тебя много враговъ. Будь начальникъ отдѣленія!“ И прямо изъ писцовъ махнулъ онъ въ начальники отдѣленія.

Господинъ добродушнаго свойства
(обращаясь къ другому человѣку хладнокровнаго свойства).

Чортъ его знаетъ, кому и вѣрить! И въ тюрьмѣ сидѣлъ, и на башню лазилъ! И выгнали изъ службы, и мѣсто дали!

Господинъ хладнокровнаго свойства.

Да вѣдь это все говорится экспромптомъ.

Господинъ добродушнаго свойства.

Какъ экспромптомъ?

Господинъ хладнокровный.

Такъ. Вѣдь они еще за двѣ минуты не знаютъ сами, что услышатъ отъ себя. Языкъ у нихъ безъ вѣдома хозяина вдругъ брякнетъ новость, а хозяинъ и радъ—возвращается домой, какъ будто бы наѣлся. А на другой день онъ ужъ и позабылъ о томъ, что самъ выдумалъ. Ему кажется, что онъ услышалъ отъ другихъ—и пошелъ передавать ее по городу всѣмъ.

Господинъ добродушный.

Это, однако же, безсовѣстно: лгать и не чувствовать самому.

Господинъ хладнокровный.

Да есть и чувствительные. Есть такіе, которые чувствуютъ, что лгутъ, но считаютъ уже надобностью для разговора: красно поле рожью, а рѣчь ложью.

Дама средняго свѣта.

Но только какой злой насмѣшникъ долженъ быть этотъ авторъ! Я, признаюсь, ни за что бы не хотѣла попасться ему на глаза: этакъ онъ вдругъ замѣтитъ во мнѣ смѣшное.

Господинъ съ вѣсомъ.

Я не знаю, что это за человѣкъ. Это, это, это... Для этого человѣка нѣтъ ничего священнаго: сегодня онъ скажетъ: такой-то

совѣтникъ не хорошъ, а завтра скажетъ, что и Бога нѣтъ. Вѣдь тутъ всего только одинъ шагъ.

Второй господинъ.

Осмѣять! Да вѣдь со смѣхомъ шутить нельзя. Это значитъ разрушить всякое уваженіе — вотъ что это значитъ. Да вѣдь меня послѣ всего этого всякій прибьетъ на улицѣ, скажетъ: „Да вѣдь надъ вами смѣются; а на тебѣ такой же чинъ, такъ вотъ тебѣ затрещина!“ Вѣдь это вотъ что значитъ.

Третій господинъ.

Еще бы! Это серьезная вещь! Говорятъ: „бездѣлушка, пустяки, театральное представленіе“. Нѣтъ, это не простыя бездѣлушки; на это обратить нужно строгое вниманіе. За этакія вещи и въ Сибирь посылаютъ. Да если бы я имѣлъ власть, у меня бы авторъ не пикнулъ. Я бы его въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта Божьяго не взвидѣлъ.

Появляется **группа людей** *Богъ вѣсть, какого свойства, впрочемъ, благородной наружности и прилично одѣтыхъ.*

Первый.

Постоимте лучше здѣсь, покамѣстъ выйдетъ толпа. Ну, что это, право! Затѣвать шумъ, рукоплесканье, какъ будто бы Богъ знаетъ что! Бездѣлка, какая-нибудь пустая театральная пьеса—и подымать такую тревогу, кричать, вызывать автора, — ну, что это такое!

Второй.

Однако жъ, пьеса повеселила, развлекла.

Первый.

Ну, да, повеселила, какъ обыкновенно веселитъ всякая бездѣлка. Но зачѣмъ же изъ этого такіе крики, толки? Разсуждаютъ, какъ будто о какой-нибудь важной вещи, аплодируютъ... Ну, что это такое! Ну, я понимаю, если бы какая-нибудь пѣвица или танцовщица—ну, тамъ я понимаю: тамъ удивляешься искусству, гибкости, проворству, природному таланту. Ну, а здѣсь что? Кричатъ: „литераторъ! литераторъ! писатель!“ Да что такое писатель? Что иной разъ попадается остроумное словцо, да спишетъ кое-что съ натуры... Да что же здѣсь за трудъ? Что-жъ тутъ такого? Вѣдь это все побасенки—и больше ничего.

Второй.

Да, конечно, вещь не важная.

Первый.

Разсудите: ну, танцоръ, напримѣръ: тамъ все-таки искусство, ужъ этого никакъ не сдѣлаешь, что онъ дѣлаетъ. Ну, захоти я, напримѣръ: да у меня, просто, ноги не подымутся. Ну, сдѣлай я антраша—не сдѣлаю ни за что. А вѣдь писать можно, не учившись. Я не знаю, кто такой авторъ, но мнѣ сказывали, что онъ невѣжа совершенный, ничего не знаетъ: его откуда-то, кажется, выгнали.

Второй.

Но, однако жъ, все-таки что-нибудь онъ долженъ знать: безъ этого нельзя писать.

Первый.

Да помилуйте, что-жъ онъ можетъ знать? Вы сами знаете, что такое литераторъ: пустѣйшій человѣкъ! Это всему свѣту извѣстно — на никакое дѣло не годится. Ужъ ихъ пробовали употреблять, да бросили. Ну, посудите сами, ну, что такое они пишутъ? Вѣдь это все пустяки, побасенки! Захоти, я сей же часъ это напишу, и вы напишете, и онъ напишетъ, и всякій напишетъ.

Второй.

Да, конечно, почему-жъ и не написать. Будь только капля ума въ головѣ, такъ ужъ и можно.

Первый.

Да и ума не нужно. Зачѣмъ тутъ умъ? Вѣдь это все побасенки. Ну, если бы еще была, положимъ, какая-нибудь ученая наука, какой-нибудь предметъ, котораго еще не знаешь, а вѣдь это что такое? Вѣдь это всякій мужикъ знаетъ. Это всякій день увидишь на улицѣ. Садись только у окна да записывай все, что ни дѣлается,—вотъ и вся штука!

Третій.

Это правда. Какъ подумаешь, право, на какой вздоръ употребляютъ время!

Первый.

Именно, трата времени—больше ничего. Побасенки, пустяки! Просто бы нужно запретить давать имъ перо и чернила въ руки. Однако жъ, народъ выходитъ, пойдемте! Подымать шумъ, кричать, поощрять! а дѣло, просто, вздоръ! Побасенки! пустяки! побасенки! *(Уходятъ. Толпа рѣдѣетъ, бѣгутъ кое-какіе отставшіе.)*

Добродушный чиновникъ.

А все бы, право, ну, что бы хоть одного честнаго человѣка выставить! Все плуты да плуты.

Одинъ изъ народа.

Слышь ты, жди меня на перекресткѣ! Я забѣгу, возьму рукавицы.

Одинъ изъ господъ *(смотря на часы).*

Однако, скоро часъ. Никогда я такъ поздно не выходилъ изъ театра. *(Уходитъ.)*

Отставшій чиновникъ.

Только время даромъ пропало! Нѣтъ, никогда больше не пойду въ театръ! *(Уходитъ. Сѣни пустѣютъ.)*

Авторъ пьесы *(выходя).*

Я услышалъ болѣе, чѣмъ предполагалъ. Какая пестрая куча толковъ! Счастье комику, который родился среди націи, гдѣ общество еще не слилось въ одну недвижную массу, гдѣ оно не облеклось одной корой стараго предразсудка, заключающаго мысли всѣхъ въ одну и ту же форму и мѣрку, гдѣ что человѣкъ, то и мнѣнье, гдѣ всякій самъ создатель своего характера. Какое разнообразіе въ этихъ мнѣніяхъ, и какъ вездѣ блеснулъ этотъ твердый, ясный русскій умъ! и въ семъ благородномъ стремленіи государственнаго мужа! и въ семъ высокомъ самоотверженьи забившагося въ глушь чиновника! и въ нѣжной красотѣ великодушной женской души! и въ эстетическомъ чувствѣ цѣнителей! и въ простомъ, вѣрномъ чутьѣ народа. Какъ даже въ сихъ недоброжелательныхъ осужденіяхъ много того, что нужно знать комику! Какой живой урокъ! Да, я удовлетворенъ. Но отчего же грустно становится моему сердцу? Странно: мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей пьесѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все продолженіе ея. Это честное, благородное лицо былъ— *смѣхъ.* Онъ былъ благороденъ, потому что рѣшился выступить, несмотря на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтѣ. Онъ былъ благороденъ, потому что рѣшился выступить, несмотря на то, что доставилъ обидное прозваніе комику,—прозваніе холоднаго эгоиста, и заставилъ даже усомниться въ присутствіи нѣжныхъ движеній души его. Никто не вступился за этотъ смѣхъ. Я комикъ, я служилъ ему честно, и потому долженъ стать его заступникомъ. Нѣтъ, смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ, — не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, служащій для празднаго развлеченія и забавы людей; но тотъ смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, — излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно - бьющій родникъ его,

который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возросло бы предъ нимъ въ такой страшной, почти карикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрогаясь: „неужели есть такіе люди?" тогда какъ, по собственному сознанію его, бываютъ хуже люди. Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто возмущаетъ смѣхъ. Возмущаетъ только то, что мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; но, озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу. И тотъ, кто бы понесъ мщеніе противъ злобнаго человѣка, уже почти мирится съ нимъ, видя осмѣянными низкія движенья души его. Несправедливы тѣ, которые говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противъ которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сцену: плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ-современникъ не въ силахъ посмѣяться! Онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что одного низкаго движенья съ его стороны достаточно, чтобы этотъ образъ пошелъ ему въ вѣчное прозвище; а насмѣшки боится даже тотъ, который уже ничего не боится на свѣтѣ. Нѣтъ, засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ можетъ только одна глубоко-добрая душа. Но не слышатъ могучей силы такого смѣха: „что смѣшно, то низко", говоритъ свѣтъ; только тому, что произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, тому только даютъ названье высокаго. Но, Боже, сколько проходитъ ежедневно людей, для которыхъ нѣтъ вовсе высокаго въ мірѣ! Все, что ни творилось вдохновеньемъ, для нихъ пустяки и побасенки; созданія Шекспира для нихъ побасенки; святыя движенья души—для нихъ побасенки. Нѣтъ, не оскорбленное мелочное самолюбіе писателя заставляетъ меня сказать это, не потому, что мои незрѣлыя, слабыя созданія были сейчасъ названы побасенками, — нѣтъ, я вижу свои пороки и вижу, что достоинъ упрековъ; но не могла выносить равнодушно душа моя, когда совершеннѣйшія творенія честились именами пустяковъ и побасенокъ, когда всѣ свѣтила и звѣзды міра признавались творцами однихъ пустяковъ и побасенокъ! Ныла душа моя, когда я видѣлъ, какъ много тутъ же, среди самой жизни, безотвѣтныхъ, мертвыхъ обитателей, страшныхъ недвижнымъ холодомъ души своей и безплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на безчувственныхъ ихъ лицахъ не вздрагивалъ даже ни призракъ выраженія отъ того, что повергало въ небесныя слезы глубоколюбящую душу, и не коснѣлъ языкъ ихъ произнести свое вѣчное слово: „побасенки!" Поба-

сенки!.. А вонъ протекли вѣка, города и народы снеслись и исчезли съ лица земли, какъ дымъ унеслось все, что было, а побасенки живутъ и повторяются понынѣ, и внемлютъ имъ мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ и полный благороднаго стремленія юноша. Побасенки!.. А вонъ стонутъ балконы и перила театровъ: все потряслось снизу до верху, превратясь въ одно чувство, въ одинъ мигъ, въ одного человѣка, всѣ люди встрѣтились, какъ братья, въ одномъ душевномъ движеньи, и гремитъ дружнымъ рукоплесканьемъ благодарный гимнъ тому, котораго уже пятьсотъ лѣтъ какъ нѣтъ на свѣтѣ. Слышатъ ли это въ могилѣ истлѣвшія его кости? Отзывается ли душа его, терпѣвшая суровое горе жизни? Побасенки!.. А вонъ, среди сихъ же рядовъ потрясенной толпы, пришелъ удрученный горемъ и невыносимой тяжестью жизни, готовый поднять отчаянно на себя руку, — и брызнули вдругъ освѣжительныя слезы изъ его очей, и вышелъ онъ примиренный съ жизнью и проситъ вновь у Неба горя и страданій, чтобы только жить и залиться вновь слезами отъ такихъ побасенокъ. Побасенки!.. Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ; обмелѣла бы жизнь, плѣсенью и тиной покрылись бы души. Побасенки!.. О, да пребудутъ же вѣчно святы въ потомствѣ имена благосклонно внимавшихъ такимъ побасенкамъ: чудный перстъ Провидѣнія былъ неотлучно надъ главами творцовъ ихъ. Въ минуты даже бѣдъ и гоненій, все, что было благороднѣйшаго въ государствахъ, становилось прежде всего ихъ заступникомъ: Вѣнчанный Монархъ осѣнялъ ихъ царскимъ щитомъ своимъ съ вышины недоступнаго престола.

Бодрѣй же въ путь! И да не смутится душа отъ осужденій, но да приметъ благодарно указанья недостатковъ, не омрачась даже и тогда, если бы отказали ей въ высокихъ движеньяхъ и въ святой любви къ человѣчеству! Міръ — какъ водоворотъ: движутся въ немъ вѣчно мнѣнья и толки, но все перемалываетъ время: какъ шелуха, слетаютъ ложныя, и, какъ твердыя зерна, остаются недвижныя истины. Что признавалось пустымъ, можетъ явиться потомъ вооруженное строгимъ значеньемъ. Въ глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной могучей любви. И, почему знать, можетъ-быть, будетъ признано потомъ всѣми, что въ силу тѣхъ же законовъ, почему гордый и сильный человѣкъ является ничтожнымъ и слабымъ въ несчастіи, а слабый возрастаетъ, какъ исполинъ, среди бѣдъ, — въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, кто льетъ часто душевныя, глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ!..

Совершенно невѣроятное событіе въ двухъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Агаѳья Тихоновна, купеческая дочь, невѣста.
Арина Пантелеймоновна, тетка.
Ѳекла Ивановна, сваха.
Подколесинъ, служащій надворный совѣтникъ.
Кочкаревъ, другъ его.
Яичница, экзекуторъ.
Анучкинъ, отставной пѣхотный офицеръ.
Жевакинъ, морякъ.
Дуняшка, дѣвочка въ домѣ.
Стариковъ, гостинодворецъ.
Степанъ, слуга Подколесина.

Дѣйствіе первое.

Комната холостяка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Подколесинъ *(одинъ, лежитъ на диванѣ съ трубкой).*

Вотъ, какъ начнешь этакъ одинъ на досугѣ подумывать, такъ видишь, что, наконецъ, точно, нужно жениться. Что въ самомъ дѣлѣ? Живешь, живешь, да такая, наконецъ, скверность становится. Вотъ опять пропустилъ мясоѣдъ. А вѣдь, кажется, все готово, и сваха вотъ ужъ три мѣсяца ходитъ. Право, самому какъ-то становится совѣстно. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Подколесинъ, Степанъ.

Подколесинъ.

Не приходила сваха?

Степанъ.

Никакъ нѣтъ.

Подколесинъ.

А у портного былъ?

Степанъ.

Былъ.

Подколесинъ.

Что жъ, онъ шьетъ фракъ?

Степанъ.

Шьетъ.

Подколесинъ.

И много уже нашилъ?

Степанъ.

Да ужъ довольно, началъ ужъ петли метать.

Подколесинъ.

Что ты говоришь?

Степанъ.

Говорю: началъ ужъ петли метать.

Подколесинъ.

А не спрашивалъ онъ, на что, молъ, нуженъ барину фракъ?

Степанъ.

Нѣтъ, не спрашивалъ.

Подколесинъ.

Можетъ быть, онъ говорилъ: не хочетъ ли баринъ жениться?

Степанъ.

Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ.

Ты видѣлъ, однако жъ, у него и другіе фраки? Вѣдь онъ и для другихъ тоже шьетъ?

Степанъ.

Да, фраковъ у него много виситъ.

Подколесинъ.

Однако жъ, вѣдь сукно-то на нихъ будетъ, чай, похуже, чѣмъ на моемъ?

Степанъ.

Да, это будетъ поприглядистѣе, что на вашемъ.

Подколесинъ.

Что ты говоришь?

Степанъ.

Говорю: это поприглядистѣе, что на вашемъ.

Подколесинъ.

Хорошо. Ну, а не спрашивалъ, для чего, молъ, баринъ изъ такого тонкаго сукна шьетъ себѣ фракъ?

Степанъ.

Нѣтъ.

Подколесинъ.

Не говорилъ ничего о томъ, что не хочетъ ли, дескать, жениться?

Степанъ.

Нѣтъ, объ этомъ не заговаривалъ.

Подколесинъ.

Ты, однако же, сказалъ, какой на мнѣ чинъ и гдѣ служу?

Степанъ.

Сказывалъ.

Подколесинъ.

Что жъ онъ на это?

Степанъ.

Говоритъ: буду стараться.

Подколесинъ.

Хорошо. Теперь ступай.

(Степанъ уходитъ.)

———

Подколесинъ. Рис. П. Боклевскаго.

ЯВЛЕНІЕ III.

Подколесинъ *(одинъ).*

Я того мнѣнія, что черный фракъ какъ-то солиднѣе. Цвѣтные больше идутъ секретарямъ, титулярнымъ и прочей мелюзгѣ,—молокососно что-то. Тѣ, которые чиномъ повыше, должны больше наблюдать, какъ говорится, этого... вотъ позабылъ слово! и хорошее слово, да позабылъ. Да, батюшка, ужъ какъ ты тамъ себѣ ни переворачивай, а надворный совѣтникъ тотъ же полковникъ, только развѣ что мундиръ безъ эполетъ. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Подколесинъ, Степанъ.

Подколесинъ.

А ваксу купилъ?

Степанъ.

Купилъ.

Подколесинъ.

Гдѣ купилъ? Въ той лавочкѣ, про которую я тебѣ говорилъ, что на Вознесенскомъ проспектѣ?

Степанъ.

Да-съ, въ той самой.

Подколесинъ.

Что жъ, хорошая вакса?

Степанъ.

Хороша.

Подколесинъ.

Ты пробовалъ чистить ею сапоги?

Степанъ.

Пробовалъ.

Подколесинъ.

Что жъ, блеститъ?

Степанъ.

Блестѣть-то она блеститъ хорошо.

Подколесинъ.

А когда онъ отпускалъ тебѣ ваксу, не спрашивалъ, для чего, молъ, барину нужна такая вакса?

Степанъ.

Нѣтъ.

Подколесинъ.

Можетъ быть, не говорилъ ли: не затѣваетъ ли, дескать, баринъ жениться?

Степанъ.

Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ.

Ну, хорошо, ступай себѣ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Подколесинъ *(одинъ)*.

Кажется, пустая вещь сапоги, а вѣдь, однако же, если дурно сшиты, да рыжая вакса, ужъ въ хорошемъ обществѣ и не будетъ такого уваженія. Все какъ-то не того... Вотъ еще гадко, если мозоли. Готовъ вытерпѣть, Богъ знаетъ что, только бы не мозоли. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Подколесинъ, Степанъ.

Степанъ.

Чего изволите?

Подколесинъ.

Ты говорилъ сапожнику, чтобы не было мозолей?

Степанъ.

Говорилъ.

Подколесинъ.

Что-жъ онъ говоритъ?

Степанъ.

Говоритъ: хорошо.

(Степанъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Подколесинъ, потомъ **Степанъ.**

Подколесинъ.

А вѣдь хлопотливая, чортъ возьми, вещь—женитьба! То, да сё, да это. Чтобы то, да это было исправно. Нѣтъ, чортъ побери, это не такъ легко, какъ говорятъ. Эй, Степанъ! *(Степанъ входитъ.)* Я хотѣлъ тебѣ еще сказать...

Степанъ.

Старуха пришла.

Подколесинъ.

А, пришла; зови ее сюда. *(Степанъ уходитъ.)* Да, это вещь... вещь, не того... трудная вещь.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Подколесинъ и Өекла.

Подколесинъ.

А, здравствуй, здравствуй, Өекла Ивановна! Ну, что? какъ? Возьми стулъ, садись, да и разсказывай. Ну, такъ какъ же, какъ? Какъ бишь ее: Меланья?..

Өекла.

Агаөья Тихоновна.

Подколесинъ.

Да, да, Агаөья Тихоновна. И вѣрно какая-нибудь сорокалѣтняя дѣва?

Өекла.

Ужъ вотъ нѣтъ, такъ нѣтъ; то-есть, какъ женитесь, такъ каждый день станете похваливать да благодарить.

Подколесинъ.

Да ты врешь, Өекла Ивановна!

Өекла.

Устарѣла я, отецъ мой, чтобы врать; песъ вретъ.

Подколесинъ.

А приданое-то, приданое? Разскажи-ка вновь.

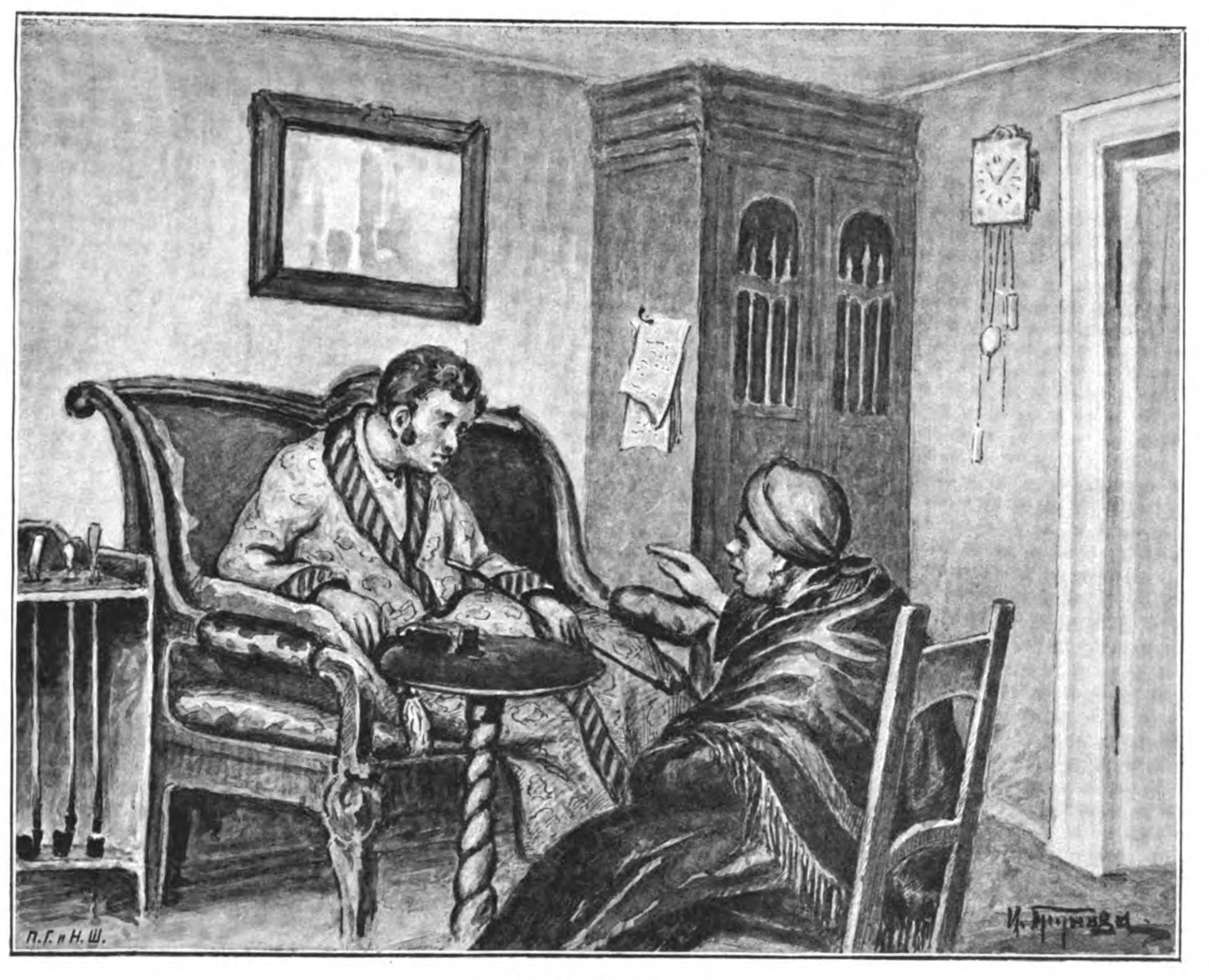
Өекла.

А приданое: каменный домъ въ Московской части, о двухъ елтажахъ, ужъ такой прибыльной, что, истинно, удовольствіе: одинъ лабазникъ платитъ семьсотъ за лавочку; пивной погребъ тоже большое общество привлекаетъ; два деревянныхъ хлигеря—одинъ хлигерь совсѣмъ деревянный, другой на каменномъ фундаментѣ, каждый рублевъ по четыреста приноситъ доходу. Огородъ есть еще на Выборгской сторонѣ. Третьяго года купецъ нанималъ подъ капусту, и такой купецъ трезвый, совсѣмъ не беретъ хмѣльного въ ротъ, и трехъ сыновей имѣетъ: двухъ ужъ поженилъ, „а третій“, говоритъ, „еще молодой, пусть посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговлю было полегче отправлять; а я ужъ“, говоритъ, „старъ, такъ пусть сынъ посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговля шла полегче“.

Подколесинъ.

Да собой-то, какова собой?

Подколесинъ и сваха.

Рис. худ. И. Гугунавы.

Ѳекла.

Какъ рафинатъ! Бѣлая, румяная, какъ кровь съ молокомъ... Сладость такая, что и разсказать нельзя. Ужъ будете вотъ по этихъ поръ довольны *(показывая на горло)*, то-есть и пріятелю, и непріятелю скажете: „Ай да Ѳекла Ивановна, спасибо!“

Подколесинъ.

Да, вѣдь она, однако жъ, не штабъ-офицерша?

Ѳекла.

Купца третьей гильдіи дочь. Да ужъ такая, что и генералу обиды не нанесетъ. О купцѣ и слышать не хочетъ. „Мнѣ“, говоритъ, „какой бы ни былъ мужъ, хоть и собой-то невзраченъ, да былъ бы дворянинъ“. Да, такой великатесъ! А къ воскресному-то какъ надѣнетъ шелковое платье — такъ, вотъ те Христосъ, такъ и шумитъ. Княгиня просто!

Подколесинъ.

Да вѣдь я-то потому тебя спрашивалъ, что я надворный совѣтникъ, такъ мнѣ... понимаешь?

Ѳекла.

Да ужъ обноковенно, какъ не понимать? Былъ у насъ и надворный совѣтникъ, да отказали: не пондравился. Такой ужъ у него нравъ-то странный былъ: что ни скажетъ слово, то и совретъ, а такой на взглядъ видный. Что-жъ дѣлать, такъ ужъ ему Богъ далъ: онъ-то и самъ не радъ, да ужъ не можетъ, чтобы не прилгнуть—такая ужъ на то воля Божія.

Подколесинъ.

Ну, а кромѣ этой, другихъ тамъ нѣтъ никакихъ?

Ѳекла.

Да какой же тебѣ еще? Ужъ это что ни есть лучшая.

Подколесинъ.

Будто ужъ самая лучшая?

Ѳекла.

Хоть по всему свѣту исходи, такой не найдешь.

Подколесинъ.

Подумаемъ, подумаемъ, матушка. Приходи-ка послѣ завтра. Мы съ тобой, знаешь, опять вотъ этакъ: я полежу, а ты разскажешь...

Өекла.

Да помилуй, отецъ! Ужъ вотъ третій мѣсяцъ хожу къ тебѣ, а проку-то ни на сколько: все сидитъ въ халатѣ да трубку, знай себѣ, покуриваетъ.

Подколесинъ.

А ты думаешь, небось, что женитьба все равно что: „эй, Степанъ, подай сапоги!“ натянулъ на ноги, да и пошелъ? Нужно поразсудить, поразсмотрѣть.

Өекла.

Ну, такъ что-жъ? Коли смотрѣть, такъ и смотри. На то товаръ, чтобы смотрѣть. Вотъ прикажи-ка подать кафтанъ, да теперь же, благо утреннее время, и поѣзжай.

Подколесинъ.

Теперь? А вонъ видишь, какъ пасмурно. Выѣду, а вдругъ хватитъ дождемъ.

Өекла.

А тебѣ же худо! Вѣдь въ головѣ сѣдой волосъ ужъ глядитъ, скоро совсѣмъ не будешь годиться для супружескаго дѣла. Невидаль, что онъ придворный совѣтникъ! Да мы такихъ жениховъ приберемъ, что и не посмотримъ на тебя.

Подколесинъ.

Что за чепуху несешь ты? Изъ чего вдругъ угораздило тебя сказать, что у меня сѣдой волосъ? Гдѣ-жъ сѣдой волосъ? *(Щупаетъ свои волосы.)*

Өекла.

Какъ не быть сѣдому волосу,— на то живетъ человѣкъ. Смотри ты! Тою ему не угодишь, другой не угодишь. Да у меня есть на примѣтѣ такой капитанъ, что ты ему и подъ плечо не подойдешь, а говоритъ-то какъ труба, въ алгалантьерствѣ служитъ.

Подколесинъ.

Да врешь, я посмотрю въ зеркало,—гдѣ ты выдумала сѣдой волосъ. Эй, Степанъ, принеси зеркало! Или нѣтъ, постой, я пойду самъ. Вотъ еще, Боже сохрани, это хуже, чѣмъ оспа. *(Уходитъ въ другую комнату.)*

Кочкаревъ. Рис. П. Боклевскаго.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Ѳекла и Кочкаревъ *(вбѣгая)*.

Кочкаревъ.

Что Подколесинъ?.. *(Увидѣвъ Ѳеклу.)* Ты какъ здѣсь? Ахъ, ты!.. Ну, послушай, на кой чортъ ты меня женила?

Ѳекла.

А что-жъ дурного? Законъ исполнилъ.

Кочкаревъ.

Законъ исполнилъ! Экъ невидаль—жена! Безъ нея-то развѣ я не могъ обойтись?

Ѳекла.

Да вѣдь ты-жъ самъ присталъ: жени, бабушка, да и только.

Кочкаревъ.

Ахъ ты крыса старая!.. Ну, а здѣсь зачѣмъ? Неужели Подколесинъ хочетъ..?

Ѳекла.

А что-жъ? Богъ благодать послалъ.

Кочкаревъ.

Нѣтъ? Экъ мерзавецъ, вѣдь мнѣ ничего объ этомъ. Каковъ? Прошу покорно: исподтишка, а?

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Подколесинъ *(съ зеркаломъ въ рукахъ, въ которое вглядывается очень внимательно).*

Кочкаревъ

(подкрадываясь сзади, пугаетъ его).

Пуфъ!

Подколесинъ

(вскрикнувъ и роняя зеркало).

Сумасшедшій! Ну, зачѣмъ... зачѣмъ... Ну, что за глупости! Перепугалъ, право, такъ, что душа не на мѣстѣ.

Кочкаревъ.

Ну, ничего, пошутилъ.

Подколесинъ.

Что за шутки вздумалъ! До сихъ поръ не могу очнуться отъ испуга. И зеркало вонъ разбилъ; вѣдь это вещь не даровая: въ англійскомъ магазинѣ куплено.

Кочкаревъ.

Ну, полно: я сыщу тебѣ другое зеркало.

Подколесинъ.

Да, сыщешь. Знаю я эти другія зеркала: цѣлымъ десяткомъ кажетъ старѣе, и рожа выходитъ косякомъ.

Кочкаревъ.

Послушай, вѣдь я бы долженъ больше на тебя сердиться: ты отъ меня, твоего друга, все скрываешь. Жениться вѣдь вздумалъ?

Подколесинъ.

Вотъ вздоръ, совсѣмъ и не думалъ!

Кочкаревъ.

Да вѣдь улика на лицо. *(Указываетъ на Ѳеклу.)* Вѣдь вотъ стоитъ, извѣстно, что за птица. Ну, что-жъ, ничего, ничего. Здѣсь нѣтъ ничего такого. Дѣло христіанское, необходимое даже для отечества. Изволь, изволь, я беру на себя всѣ дѣла. *(Къ Ѳеклѣ.)* Ну, говори: какъ, что и прочее.—Дворянка, чиновница или въ купечествѣ, что ли, и какъ зовутъ?

Ѳекла.

Агаѳья Тихоновна.

Кочкаревъ.

Агаѳья Тихоновна Брандахлыстова?

Ѳекла.

Анъ нѣтъ—Купердягина.

Кочкаревъ.

Въ Шестилавочной, что ли, живетъ?

Ѳекла.

Ужъ вотъ нѣтъ, будетъ поближе къ Пескамъ, въ Мыльномъ переулкѣ.

Кочкаревъ.

Ну, да, въ Мыльномъ переулкѣ, тотчасъ за лавочкой—деревянный домъ?

Ѳекла.

И не за лавочкой, а за пивнымъ погребомъ.

Кочкаревъ.

Какъ же за пивнымъ,—вотъ тутъ-то я не знаю.

Ѳекла.

А вотъ какъ поворотишь въ проулокъ, такъ будетъ тебѣ прямо будка; и какъ будку минешь, свороти налѣво, и вотъ тебѣ прямо въ глаза, то-есть, такъ вотъ тебѣ прямо въ глаза и будетъ деревянный домъ, гдѣ живетъ швея, что жила прежде

съ сенатскимъ оберъ-секлехтаремъ. Ты къ швеѣ-то не заходи, а сейчасъ за нею будетъ второй домъ, каменный—вотъ этотъ домъ и есть ея, въ которомъ, то-есть, она живетъ, Агаѳья Тихоновна-то, невѣста.

Кочкаревъ.

Хорошо, хорошо. Теперь я все это обдѣлаю, а ты ступай—въ тебѣ больше нѣтъ нужды.

Ѳекла.

Какъ такъ? Неужто ты самъ свадьбу хочешь заправить?

Кочкаревъ.

Самъ, самъ; ты ужъ не мѣшайся только.

Ѳекла.

Ахъ, безстыдникъ какой! Да вѣдь это не мужское дѣло. Отступитесь, батюшка, право!

Кочкаревъ.

Пойди, пойди! Не смыслишь ничего, не мѣшайся. Знай сверчокъ свой шестокъ,—убирайся!

Ѳекла.

У людей только чтобы хлѣбъ отымать, безбожникъ такой! Въ такую дрянь вмѣшался. Кабы знала, ничего бы не сказывала. *(Уходитъ съ досадой).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Подколесинъ и Кочкаревъ.

Кочкаревъ.

Ну, братъ, этого дѣла нельзя откладывать—ѣдемъ.

Подколесинъ.

Да вѣдь я еще ничего. Я такъ только подумалъ...

Кочкаревъ.

Пустяки, пустяки! Только не конфузься: я тебя женю такъ, что и не услышишь. Мы сей же часъ ѣдемъ къ невѣстѣ, и увидишь, какъ все вдругъ.

Подколесинъ.

Вотъ еще! Сейчасъ бы и ѣхать!

Кочкаревъ.

Да зачѣмъ же, помилуй, за чѣмъ дѣло?.. Ну, разсмотри самъ: ну, что изъ того, что ты не женатый? Посмотри на свою комнату: ну, что въ ней? Вонъ невычищенный сапогъ стоитъ, вонъ лоханка для умыванія, вонъ цѣлая куча табаку на столѣ, и ты вотъ самъ лежишь, какъ байбакъ, весь день на боку.

Подколесинъ.

Это правда. Порядка-то у меня, я знаю самъ, что нѣтъ.

Кочкаревъ.

Ну, а какъ будетъ у тебя жена, такъ ты, просто, ни себя, ничего не узнаешь: тутъ у тебя будетъ диванъ, собачонка, чижикъ какой-нибудь въ клѣткѣ, рукодѣлье... И, вообрази, ты сидишь на диванѣ—и вдругъ къ тебѣ подсядетъ бабёночка хорошенькая этакая и ручкой тебя...

Подколесинъ.

А, чортъ, какъ подумаешь, право, какія въ самомъ дѣлѣ бываютъ ручки, вѣдь просто, братъ, какъ молоко.

Кочкаревъ.

Куда тебѣ! Будто у нихъ только что ручки!.. У нихъ, братъ... Ну, да что и говорить, у нихъ, братъ, просто, чортъ знаетъ, чего нѣтъ.

Подколесинъ.

А вѣдь, сказать тебѣ правду, я люблю, если возлѣ меня сидитъ хорошенькая.

Кочкаревъ.

Ну, видишь, самъ раскусилъ. Теперь только нужно распорядиться. Ты ужъ не заботься ни о чемъ. Свадебный обѣдъ и прочее—это все ужъ я... Шампанскаго меньше одной дюжины никакъ, братъ, нельзя, ужъ какъ ты себѣ хочешь. Мадеры тоже полдюжины бутылокъ непремѣнно. У невѣсты, вѣрно, есть куча тетушекъ и кумушекъ,—эти шутить не любятъ. А рейнвейнъ—чортъ съ нимъ, не правда ли? а? А что же касается до обѣда—у меня, братъ, есть на примѣтѣ придворный офиціантъ: такъ, собака, накормитъ, что, просто, не встанешь.

Подколесинъ.

Помилуй, ты такъ горячо берешься, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ ужъ и свадьба.

Кочкаревъ.

А почему-жъ нѣтъ? Зачѣмъ же откладывать? Вѣдь ты согласенъ?

Подколесинъ.

Я? Ну, нѣтъ... я еще не совсѣмъ согласенъ.

Кочкаревъ.

Вотъ тебѣ на! Да вѣдь ты сейчасъ объявилъ, что хочешь.

Подколесинъ.

Я говорилъ только, что не худо бы.

Кочкаревъ.

Какъ, помилуй! да мы ужъ совсѣмъ было все дѣло... Да что? развѣ тебѣ не нравится женатая жизнь, что ли?

Подколесинъ.

Нѣтъ, нравится.

Кочкаревъ.

Ну, такъ что-жъ? За чѣмъ дѣло стало?

Подколесинъ.

Да дѣло ни за чѣмъ не стало. А только странно...

Кочкаревъ.

Что-жъ странно?

Подколесинъ.

Какъ же не странно: все былъ не женатый, а теперь вдругъ женатый.

Кочкаревъ.

Ну, ну... ну, не стыдно ли тебѣ? Нѣтъ, я вижу, съ тобой нужно говорить серьезно: я буду говорить откровенно, какъ отецъ съ сыномъ. Ну, посмотри, посмотри на себя внимательно, вотъ, напримѣръ, такъ, какъ смотришь теперь на меня. Ну, что ты теперь такое? Вѣдь, просто, бревно, никакого значенія не имѣешь. Ну, для чего ты живешь? Ну, взгляни въ зеркало— что ты тамъ видишь? Глупое лицо — больше ничего. А тутъ, вообрази, около тебя будутъ ребятишки, вѣдь не то, что двое или трое, а, можетъ быть, цѣлыхъ шестеро, и всѣ на тебя, какъ двѣ капли воды. Ты вотъ теперь одинъ, надворный совѣтникъ, экспедиторъ или тамъ начальникъ какой, Богъ тебя вѣдаетъ; а тогда, вообрази, около тебя экспедиторчонки, маленькіе этакіе канальчонки, и какой-нибудь пострѣленокъ, про-

тянувши ручонки, будетъ теребить тебя за бакенбарды, а ты только будешь ему по-собачьи: авъ, авъ, ау! Ну, есть ли что-нибудь лучше этого, скажи самъ?

Подколесинъ.

Да вѣдь они только шалуны большіе: будутъ все портить, разбросаютъ бумаги.

Кочкаревъ.

Пусть шалятъ, да вѣдь всѣ на тебя похожи—вотъ штука.

Подколесинъ.

А оно въ самомъ дѣлѣ даже смѣшно, чортъ побери: этакой какой-нибудь пышка, щенокъ этакой, и ужъ на тебя похожъ.

Кочкаревъ.

Какъ не смѣшно,—конечно, смѣшно. Ну, такъ поѣдемъ.

Подколесинъ.

Пожалуй, поѣдемъ.

Кочкаревъ.

Эй, Степанъ! давай скорѣе своему барину одѣваться.

Подколесинъ
(одѣваясь, передъ зеркаломъ).

Я думаю, однако жъ, что нужно бы въ бѣломъ жилетѣ.

Кочкаревъ.

Пустяки, все равно.

Подколесинъ *(надѣвая воротнички).*

Проклятая прачка, такъ скверно накрахмалила воротнички—никакъ не стоятъ. Ты ей скажи, Степанъ, что если она, глупая, такъ будетъ гладить бѣлье, то я найму другую. Она, вѣрно, съ любовниками проводитъ время, а не гладитъ.

Кочкаревъ.

Да ну, братъ, поскорѣе! Какъ ты копаешься!

Подколесинъ.

Сейчасъ, сейчасъ. *(Надѣваетъ фракъ и садится.)* Послушай, Илья Ѳомичъ, знаешь ли что? Поѣзжай-ка ты самъ.

Кочкаревъ.

Ну, вотъ еще: съ ума сошелъ развѣ? Мнѣ ѣхать! Да кто изъ насъ женится, ты или я?

Подколесинъ.

Право, что-то не хочется; пусть лучше завтра.

Кочкаревъ.

Ну, есть ли въ тебѣ капля ума? Ну, не олухъ ли ты? Собрался совершенно—и вдругъ не нужно! Ну, скажи, пожалуйста, не свинья ли ты, не подлецъ ли ты послѣ этого?

Подколесинъ.

Ну, что-жъ ты бранишься? съ какой стати? что я тебѣ сдѣлалъ?

Кочкаревъ.

Куракъ, куракъ набитый, это тебѣ всякій скажетъ. Глупъ, вотъ просто глупъ, хоть и экспедиторъ. Вѣдь о чемъ стараюсь?— О твоей пользѣ; вѣдь изо рта выманятъ кусъ. Лежитъ, проклятый холостякъ! Ну, скажи, пожалуйста, ну, на что ты похожъ?—Ну, ну, дрянь, колпакъ, сказалъ бы такое слово... да неприлично только. Баба! хуже бабы!

Подколесинъ.

И ты хорошъ въ самомъ дѣлѣ. *(Вполголоса.)* Въ своемъ ли ты умѣ? Тутъ стоитъ крѣпостной человѣкъ, а онъ при немъ бранится, да еще этакими словами; не нашелъ другого мѣста!

Кочкаревъ.

Да какъ же тебя не бранить, скажи пожалуйста? Кто можетъ тебя не бранить? У кого достанетъ духу тебя не бранить? Какъ порядочный человѣкъ, рѣшился жениться, послѣдовалъ благоразумію, и вдругъ—просто сдуру, бѣлены объѣлся, деревянный чурбанъ...

Подколесинъ.

Ну, полно, я ѣду—чего-жъ ты раскричался?

Кочкаревъ.

Ѣду! Конечно, что-жъ другое дѣлать, какъ не ѣхать! *(Степану.)* Давай ему шляпу и шинель.

Подколесинъ *(въ дверяхъ).*

Такой, право, странный человѣкъ. Съ нимъ никакъ нельзя водиться: выбранитъ вдругъ ни за что, ни про что. Не понимаетъ никакого обращенія.

Кочкаревъ.

Да ужъ кончено, теперь не браню. *(Оба уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Комната въ домѣ **Агаѳьи Тихоновны.**

Агаѳья Тихоновна *раскладываетъ на картахъ, изъ-за руки глядитъ тетка* **Арина Пантелеймоновна.**

Агаѳья Тихоновна.

Опять, тетушка, дорога! Интересуется какой-то бубновый король... слезы... любовное письмо; съ лѣвой стороны трефовый изъявляетъ большое участіе, но какая-то злодѣйка мѣшаетъ.

Арина Пантелеймоновна.

А кто бы, ты думала, былъ трефовый король?

Агаѳья Тихоновна.

Не знаю.

Арина Пантелеймоновна.

А я знаю, кто.

Агаѳья Тихоновна.

А кто?

Арина Пантелеймоновна.

А хорошій торговецъ, что по суконной линіи, Алексѣй Дмитріевичъ Стариковъ.

Агаѳья Тихоновна.

Вотъ ужъ вѣрно не онъ, я хоть что ставлю, не онъ.

Арина Пантелеймоновна.

Не спорь, Агаѳья Тихоновна, волосъ ужъ такой русый. Нѣтъ другого трефоваго короля.

Агаѳья Тихоновна.

А вотъ же нѣтъ: трефовый король значитъ здѣсь дворянинъ,—купцу далеко до трефоваго короля.

Арина Пантелеймоновна.

Эхъ, Агаѳья Тихоновна, а вѣдь не то бы ты сказала, какъ бы покойникъ-то Тихонъ, твой батюшка, Пантелеймоновичъ былъ живъ. Бывало, какъ ударитъ всей пятерней по столу, да вскрикнетъ: „Плевать я“, говоритъ, „на того, который стыдится быть купцомъ: да не выдамъ же“, говоритъ, „дочь за полковника. Пусть ихъ дѣлаютъ другіе! А и сына“, говоритъ, „не отдамъ на службу. Что“, говоритъ, „развѣ купецъ не служитъ государю

такъ же, какъ и всякій другой?" Да всей пятерней-то такъ по столу и хватитъ. А рука-то въ ведро величиною—такія страсти! Вѣдь, если сказать правду, онъ и усахарилъ твою матушку, а покойница прожила бы подолѣе.

Агаѳья Тихоновна.

Ну, вотъ чтобы и у меня еще былъ такой злой мужъ! Да ни за что не выйду за купца!

Арина Пантелеймоновна.

Да вѣдь Алексѣй-то Дмитріевичъ не такой.

Агаѳья Тихоновна.

Не хочу, не хочу! У него борода: станетъ ѣсть, все потечетъ по бородѣ. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!

Арина Пантелеймоновна.

Да вѣдь гдѣ же достать хорошаго дворянина? Вѣдь его на улицѣ не сыщешь.

Агаѳья Тихоновна.

Ѳекла Ивановна сыщетъ; она обѣщалась сыскать самаго лучшаго.

Арина Пантелеймоновна.

Да вѣдь она лгунья, мой свѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Ѳекла.

Ѳекла.

Ахъ нѣтъ, Арина Пантелеймоновна, грѣхъ вамъ понапрасну поклепъ взводить.

Агаѳья Тихоновна.

Ахъ, это Ѳекла Ивановна! Ну что, говори, разсказывай! Есть?

Ѳекла.

Есть, есть, дай только прежде съ духомъ собраться—такъ ухлопоталася! По твоей комиссіи всѣ дома исходила, по канцеляріямъ, по министеріямъ истаскалась, въ караульни наслонялась... Знаешь ли ты, мать моя, вѣдь меня чуть было не прибили, ей-Богу: старуха-то, что женила Аферовыхъ, такъ было приступила ко мнѣ: „Ты такая и этакая, только хлѣбъ перебиваешь, знай свой кварталъ", говоритъ.—„Да что-жъ", сказала

я напрямикъ: „я для своей барышни, не прогнѣвайся, все готова удовлетворить". Зато ужъ какихъ жениховъ тебѣ припасла! То-есть, и стоялъ свѣтъ, и будетъ стоять, а такихъ еще не было. Сегодня же иные и прибудутъ. Я забѣжала нарочно тебя предварить.

Агаѳья Тихоновна.

Какъ же сегодня? Душа моя, Ѳекла Ивановна, я боюсь.

Ѳекла.

И, не пугайся, мать моя! дѣло житейское. Пріѣдутъ, посмотрятъ, больше ничего. И ты посмотришь ихъ: не пондравятся,—ну, и уѣдутъ.

Арина Пантелеймоновна.

Ну, ужъ, чай, хорошихъ приманила!

Агаѳья Тихоновна.

А сколько ихъ? много?

Ѳекла.

Да человѣкъ шесть есть.

Агаѳья Тихоновна *(вскрикивая)*.

Ухъ!

Ѳекла.

Ну, что-жъ ты, мать моя, такъ вспорхнулась! Лучше выбирать: одинъ не придется, другой придется.

Агаѳья Тихоновна.

Что-жъ они, дворяне?

Ѳекла.

Всѣ, какъ на подборъ, ужъ такіе дворяне, что еще и не было такихъ.

Агаѳья Тихоновна.

Ну, какіе же, какіе?

Ѳекла.

А славные, всѣ такіе хорошіе, аккуратные. Первый, Балтазаръ Балтазаровичъ Жевакинъ, такой славный, во флотѣ служилъ—какъ разъ по тебѣ придется. Говоритъ, что ему нужно, чтобы невѣста была въ тѣлѣ, а поджаристыхъ совсѣмъ не любитъ. А Иванъ-то Павловичъ, что служитъ езекухторомъ, такой важный, что и приступу нѣтъ. Такой видный изъ себя, толстый; какъ закричитъ на меня: „Ты мнѣ не толкуй пустяковъ, что невѣста такая и этакая, ты скажи напрямикъ, сколько за ней движимаго и недвижимаго?"—„Столько-то и столько-то, отецъ

мой“.—„Ты врешь, собачья дочь!“ Да еще, мать моя, вклеилъ такое словцо, что и неприлично тебѣ сказать. Я такъ вмигъ и спознала: э, да это долженъ быть важный господинъ!

Агаѳья Тихоновна.

Ну, а еще кто?

Ѳекла.

А еще Никаноръ Ивановичъ Анучкинъ. Это ужъ такой великатный, а губы, мать моя,—малина, совсѣмъ малина—такой славный. „Мнѣ“, говоритъ, „нужно, чтобы невѣста была хороша собой, воспитанная, чтобы и по французскому умѣла говорить“. Да, тонкаго поведенья человѣкъ, нѣмецкая штука; а самъ-то такой субтильный, и ножки узенькія, тоненькія.

Агаѳья Тихоновна.

Нѣтъ, мнѣ эти субтильные какъ-то не того... не знаю... Я ничего не вижу въ нихъ...

Ѳекла.

А коли хочешь поплотнѣе, такъ возьми Ивáна Павловича. Ужъ лучше нельзя выбрать никóго. Ужъ тотъ, неча сказать, баринъ—такъ баринъ: мало въ эти двери не войдетъ—такой славный.

Агаѳья Тихоновна.

А сколько лѣтъ ему?

Ѳекла.

А человѣкъ еще молодой: лѣтъ пятьдесятъ, да и пятидесяти еще нѣтъ.

Агаѳья Тихоновна.

А фамилія какъ?

Ѳекла.

А фамилія: Иванъ Павловичъ Яичница.

Агаѳья Тихоновна.

Это такая фамилія?

Ѳекла.

Фамилія.

Агаѳья Тихоновна.

Ахъ, Боже мой, какая фамилія! Послушай, Ѳеклуша, какъ же это, если я выйду за него замужъ, и вдругъ буду называться Агаѳья Тихоновна Яичница? Богъ знаетъ, что такое!

Ѳекла.

И, мать моя, да на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь. А пожалуй, коли

не нравится прозвище, то возьми Балтазара Балтазаровича Жевакина—славный женихъ.

Агаѳья Тихоновна.

А какіе у него волосы?

Ѳекла.

Хорошіе волосы.

Агаѳья Тихоновна.

А носъ?

Ѳекла.

Э... и носъ хорошій; все на своемъ мѣстѣ; и самъ такой славный. Только не погнѣвайся: ужъ на квартирѣ одна только трубка и стоитъ, больше ничего нѣтъ—никакой мебели.

Агаѳья Тихоновна.

А еще кто?

Ѳекла.

Акинфъ Степановичъ Пантелеевъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ, немножко заикается, только зато ужъ такой скромный.

Арина Пантелеймоновна.

Ну, что ты все: чиновникъ, чиновникъ; а не любитъ ли онъ выпить, вотъ, молъ, что скажи?

Ѳекла.

А пьетъ; не прекословлю, пьетъ. Что-жъ дѣлать,—ужъ онъ титулярный совѣтникъ! зато такой тихій, какъ шелкъ.

Агаѳья Тихоновна.

Ну, нѣтъ, я не хочу, чтобы мужъ у меня былъ пьяница.

Ѳекла.

Твоя воля, мать моя! Не хочешь одного, возьми другого. Впрочемъ, что-жъ такого, что иной разъ выпьетъ лишнее? Вѣдь не всю же недѣлю бываетъ пьянъ: иной день выберется и трезвый.

Агаѳья Тихоновна.

Ну, а еще кто?

Ѳекла.

Да есть еще одинъ, да тотъ только такой... Богъ съ нимъ! Эти будутъ почище.

Агаѳья Тихоновна.

Ну, да кто же онъ?

Ѳекла.

А не хотѣлось бы и говорить про него. Онъ-то, пожалуй, андворный совѣтникъ и петлицу носитъ, да ужъ на подъемъ куды тяжелъ, не выманишь изъ дому.

Агаѳья Тихоновна.

Ну, а еще кто? Вѣдь тутъ только всего пять, а ты говорила шесть.

Ѳекла.

Да неужто тебѣ еще мало? Смотри ты, какъ тебя вдругъ поразобрало; а вѣдь давича было испугалась.

Арина Пантелеймоновна.

Да что съ нихъ, съ дворянъ-то твоихъ? Хоть ихъ у тебя и шестеро, а, право, купецъ одинъ станетъ за всѣхъ.

Ѳекла.

А нѣтъ, Арина Пантелеймоновна, дворянинъ будетъ почтеннѣй.

Арина Пантелеймоновна.

Да что въ почтеньи-то? А вотъ Алексѣй Дмитріевичъ, да въ собольей шапкѣ, въ санкахъ-то какъ прокатится...

Ѳекла.

А дворянинъ-то съ аполетой пройдетъ навстрѣчу, скажетъ: „Что ты, купчишка? свороти съ дороги!“ или: „покажи, купчишка, бархату самаго лучшаго!“ а купецъ: „Извольте, батюшка!“ — „А сними-ка, невѣжа, шляпу!“ вотъ что скажетъ дворянинъ.

Арина Пантелеймоновна.

А купецъ, если захочетъ, не дастъ сукна; а вотъ дворянинъ-то и голенькій, и не въ чемъ ходить дворянину.

Ѳекла.

А дворянинъ зарубитъ купца.

Арина Пантелеймоновна.

А купецъ пойдетъ жаловаться въ полицію.

Ѳекла.

А дворянинъ пойдетъ на купца къ сенахтору.

Арина Пантелеймоновна.

А купецъ къ губернахтору.

Ѳекла.

А дворянинъ...

Арина Пантелеймоновна.

Врешь, врешь, дворянинъ! Губернахторъ больше сенахтора! Разносилась съ дворяниномъ! А дворянинъ при случаѣ такъ же гнетъ шапку... *(Въ дверяхъ слышенъ звонокъ.)* Никакъ, звонитъ кто-то!

Ѳекла.

Ахти, это они!

Арина Пантелеймоновна.

Кто они?

Ѳекла.

Они... кто-нибудь изъ жениховъ.

Агаѳья Тихоновна *(вскрикиваетъ).*

Ухъ!

Арина Пантелеймоновна.

Святые, помилуйте насъ грѣшныхъ! Въ комнатѣ совсѣмъ не прибрано. *(Схватываетъ все, что ни есть на столѣ, и бѣгаетъ по комнатѣ.)* Да салфетка-то, салфетка на столѣ совсѣмъ черная. Дуняшка, Дуняшка! *(Дуняшка является.)* Скорѣе чистую салфетку! *(Стаскиваетъ салфетку и мечется по комнатѣ.)*

Агаѳья Тихоновна.

Ахъ, тетушка, какъ мнѣ быть? я чуть не въ рубашкѣ.

Арина Пантелеймоновна.

Ахъ, мать моя, бѣги скорѣй одѣваться! *(Мечется по комнатѣ, Дуняшка приноситъ салфетку; въ дверяхъ звонятъ.)* Бѣги, скажи: „сейчасъ!“ *(Дуняшка кричитъ издалека:)* сейчасъ!

Агаѳья Тихоновна.

Тетушка! да вѣдь платье не выглажено.

Арина Пантелеймоновна.

Ахъ, Господи милосердый, не погуби! Надѣнь другое.

Ѳекла *(вбѣгая).*

Что-жъ вы нейдете? Агаѳья Тихоновна, поскорѣй, мать моя! *(Слышенъ звонокъ.)* Ахти! а вѣдь онъ все дожидается.

Арина Пантелеймоновна.

Дуняшка, введи его и проси обождать *(Дуняшка бѣжитъ въ сѣни и отворяетъ дверь. Слышны голоса:* Дома?—Дома, пожалуйте въ комнату. *Всѣ съ любопытствомъ стараются разсмотрѣть въ замочную скважину.)*

Агаѳья Тихоновна *(вскрикиваетъ).*

Ахъ, какой толстый!

Ѳекла.

Идетъ, идетъ! *(Всѣ бѣгутъ опрометью.)*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Иванъ Павловичъ Яичница и Дуняшка.

Дуняшка.

Погодите здѣсь. *(Уходитъ.)*

Яичница.

Пожалуй, пождать—пождемъ, какъ бы только не замѣшкаться: отлучился вѣдь только на минутку изъ департамента. Вдругъ вздумаетъ генералъ: „А гдѣ экзекуторъ?" „Невѣсту пошелъ выглядывать..." Чтобъ не задалъ онъ такой невѣсты... А, однако жъ, разсмотрѣть еще разъ роспись. *(Читаетъ.)* „Каменный двухъэтажный домъ..." *(Подымаетъ глаза вверхъ и осматриваетъ комнату.)* Есть! *(Продолжаетъ читать.)* „Флигеля два: флигель на каменномъ фундаментѣ, флигель деревянный"... Ну, деревянный плоховатъ. „Дрожки; сани парныя съ рѣзьбой подъ большой коверъ и подъ малый". Можетъ быть, такія, что въ ломъ годятся. Старуха, однако жъ, увѣряетъ, что первый сортъ; хорошо, пусть первый сортъ. „Двѣ дюжины серебряныхъ ложекъ..." Конечно, для дома нужны серебряныя ложки. „Двѣ лисьихъ шубы..." Гм! „Четыре большихъ пуховика и два малыхъ". *(Значительно сжимаетъ губы).* „Шесть паръ шелковыхъ и шесть паръ ситцевыхъ платьевъ, два ночныхъ капота, два..." Ну, это статья пустая! „Бѣлье, салфетки..." Это пусть будетъ, какъ ей хочется. Впрочемъ, нужно все это повѣрить на дѣлѣ. Теперь, пожалуй, обѣщаютъ и домъ, и экипажи, а какъ женишься—только и найдешь, что пуховики да перины. *(Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ впопыхахъ черезъ комнату отворять дверь. Слышны голоса:* Дома?—Дома.)

Сваха (изъ ком. „Женитьба“).

Рис. П. Боклевскаго.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Иванъ Павловичъ и Анучкинъ.

Дуняшка.

Погодите тутъ. Они выйдутъ. *(Уходитъ. Анучкинъ раскланивается съ Яичницей.)*

Яичница.

Мое почтеніе!

Анучкинъ.

Не съ папенькой ли прелестной хозяйки дома имѣю честь говорить?

Яичница.

Никакъ нѣтъ, вовсе не съ папенькой. Я даже еще не имѣю дѣтей.

Анучкинъ.

Ахъ, извините, извините!

Яичница *(въ сторону)*.

Физіогномія этого человѣка мнѣ что-то подозрительна: чуть ли онъ не за тѣмъ же сюда пришелъ, зачѣмъ и я. *(Вслухъ.)* Вы, вѣрно, имѣете какую-нибудь надобность къ хозяйкѣ дома?

Анучкинъ.

Нѣтъ, что-жъ... надобности никакой нѣтъ, а такъ зашелъ съ прогулки.

Яичница *(въ сторону)*.

Вретъ, вретъ, съ прогулки! Жениться, подлецъ, хочетъ! *(Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ черезъ комнату отворять двери. Въ сѣняхъ голоса:* Дома?—Дома.)

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Жевакинъ *(въ сопровожденіи дѣвчонки)*.

Жевакинъ *(Дуняшкѣ)*.

Пожалуйста, душенька, почисть меня... Пыли-то, знаешь, на улицѣ попристало немало. Вонъ тамъ, пожалуйста, сними пушинку. *(Поворачивается.)* Такъ! Спасибо, душенька. Вотъ еще посмотри: тамъ какъ будто паучокъ лазитъ! А на подборахъ-то сзади ничего нѣтъ? Спасибо, родимая! Вонъ тутъ еще, кажется. *(Гладитъ рукою рукавъ фрака и поглядываетъ на Анучкина и Ивана Павловича.)* Суконцо-то вѣдь аглицкое! Вѣдь какъ носится! Въ

95 году, когда была эскадра наша въ Сициліи, купилъ я его еще мичманомъ и сшилъ изъ него мундиръ; въ 801, при Павлѣ Петровичѣ, я былъ сдѣланъ лейтенантомъ—сукно было совсѣмъ новешенькое; въ 814 сдѣлалъ экспедицію вокругъ свѣта, и вотъ только по швамъ немного поистерлось; въ 815 вышелъ въ отставку, только перелицевалъ; ужъ десять лѣтъ ношу, до сихъ поръ почти что новый. Благодарю, душенька, м... раскрасоточка! *(Дѣлаетъ ей ручку и, подходя къ зеркалу, слегка взъерошиваетъ волосы.)*

Анучкинъ.

А какъ, позвольте узнать, Сицилія... вотъ вы изволили сказать—Сицилія; хорошая это земля, Сицилія?

Жевакинъ.

А, прекрасная! Мы тридцать четыре дня тамъ пробыли; видъ, я вамъ доложу, восхитительный. Этакія горы, этакъ деревцо какое-нибудь гранатное, и вездѣ итальяночки, такіе розанчики, такъ вотъ и хочется поцѣловать.

Анучкинъ.

И хорошо образованы?

Жевакинъ.

Превосходнымъ образомъ! такъ образованы, какъ вотъ у насъ только графини развѣ. Бывало, пойдешь по улицѣ—ну, русскій лейтенантъ, натурально, здѣсь эполеты *(показываетъ на плеча),* золотое шитье, и этакъ красоточки черномазенькія—у нихъ вѣдь возлѣ каждаго дома балкончики и крыши вотъ, какъ этотъ полъ, совершенно плоски,—бывало, этакъ смотришь, и сидитъ этакой розанчикъ... Ну, натурально, чтобы не ударить лицомъ въ грязь... *(Кланяется и размахиваетъ рукою.)* И она этакъ только. *(Дѣлаетъ рукою движеніе.)* Натурально, одѣта: здѣсь у ней какая-нибудь тафтица, шнуровочка, дамскія разныя сережки... ну, словомъ, такой лакомый кусочекъ...

Анучкинъ.

А какъ,—позвольте еще вамъ сдѣлать вопросъ,—на какомъ языкѣ изъясняются въ Сициліи?

Жевакинъ.

А натурально, всѣ на французскомъ.

Анучкинъ.

И рѣшительно всѣ барышни говорятъ по-французски?

Жевакинъ.

Всѣ-съ рѣшительно. Вы даже, можетъ быть, не повѣрите тому, что я вамъ доложу: мы жили тридцать четыре дня, и во все это время ни одного слова я не слыхалъ отъ нихъ по-русски.

Анучкинъ.

Ни одного слова?

Жевакинъ.

Ни одного слова. Я не говорю уже о дворянахъ и прочихъ синьорахъ, то-есть разныхъ ихнихъ офицерахъ; но возьмите нарочно тамошняго простого мужика, который перетаскиваетъ на шеѣ всякую дрянь, попробуйте, скажите ему: „Дай, братецъ, хлѣба"—не пойметъ, ей-Богу не пойметъ; а скажи по-французски: „Dateci del pane" или: „portate vino"!—пойметъ, и побѣжитъ, и точно принесетъ.

Иванъ Павловичъ.

А любопытная, однако жъ, какъ я вижу, должна быть земля эта Сицилія. Вотъ вы сказали—мужикъ: что мужикъ? какъ онъ? такъ ли совершенно, какъ и русскій мужикъ—широкъ въ плечахъ и землю пашетъ, или нѣтъ?

Жевакинъ.

Не могу вамъ сказать: не замѣтилъ, пашутъ или нѣтъ; а вотъ насчетъ нюханья табаку, такъ я вамъ доложу, что всѣ не только нюхаютъ, а даже за губу-съ кладутъ. Перевозка тоже очень дешева: тамъ все почти вода, и вездѣ гондолы... Натурально, сидитъ этакая итальяночка, такой розанчикъ, одѣта: манишечка, платочекъ!.. Съ нами были и аглицкіе офицеры; ну, народъ такъ же, какъ и наши: моряки... и сначала, точно, было очень странно: не понимаешь другъ друга; но потомъ, какъ хорошо обознакомились, начали свободно понимать. Покажешь, бывало, этакъ на бутылку или стаканъ,—ну, тотчасъ и знаешь, что это значитъ выпить; приставишь этакъ кулакъ ко рту и скажешь только губами: пафъ, пафъ—знаешь: трубку выкурить. Вообще, я вамъ доложу, языкъ довольно легкій,—наши матросы въ три дня какихъ-нибудь стали совершенно понимать другъ друга.

Иванъ Павловичъ.

А преинтересная, какъ вижу, жизнь въ чужихъ краяхъ. Мнѣ очень пріятно сойтись съ человѣкомъ бывалымъ. Позвольте узнать: съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Жевакинъ.

Жевакинъ-съ, лейтенантъ въ отставкѣ. Позвольте съ своей стороны тоже спросить, съ кѣмъ-съ имѣю счастье изъясняться?

Иванъ Павловичъ.

Въ должности экзекутора, Иванъ Павловичъ Яичница.

Жевакинъ *(не дослышавъ).*

Да, я тоже перекусилъ. Дороги-то, знаю, впереди будетъ довольно, а время холодновато: селедочку съѣлъ съ хлѣбцемъ.

Иванъ Павловичъ.

Нѣтъ, кажется, вы не такъ поняли: это фамилія моя— Яичница.

Жевакинъ *(кланяясь).*

Ахъ, извините! я немножко туговатъ на ухо. Я, право, думалъ, что вы изволили сказать, что покушали яичницы.

Иванъ Павловичъ.

Да что дѣлать! Я хотѣлъ было уже просить генерала, чтобы позволилъ называться мнѣ Яичницынъ, да свои отговорили; говорятъ: будетъ похоже на „собачій сынъ".

Жевакинъ.

А это, однако жъ, бываетъ. У насъ вся третья эскадра, всѣ офицеры и матросы,—всѣ были съ престранными фамиліями: Помойкинъ, Ярыжкинъ, Перепрѣевъ лейтенантъ, а одинъ мичманъ, и даже хорошій мичманъ, былъ по фамиліи, просто, Дырка. И капитанъ бывало: „Эй, ты, Дырка, поди сюда!" и, бывало, надъ нимъ всегда пошутитъ: „эхъ ты, дырка этакой!" говоритъ, бывало, ему. *(Слышенъ въ сѣняхъ звонокъ; Ѳекла бѣжитъ черезъ комнату отворять.)*

Яичница.

А, здравствуй, матушка!

Жевакинъ.

Здравствуй, какъ живешь, душа моя?

Анучкинъ.

Здравствуйте, матушка, Ѳекла Ивановна.

Ѳекла *(бѣжитъ впопыхахъ).*

Спасибо, отцы мои, здорова, здорова! *(Отворяетъ дверь; въ сѣняхъ раздаются голоса:* Дома?—Дома. *Потомъ нѣсколько почти неслышныхъ словъ, на которыя Ѳекла отвѣчаетъ съ досадою:* смотри ты какой!)

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же, Кочкаревъ, Подколесинъ и Ѳекла.

Кочкаревъ *(Подколесину).*

Ты помни только куражъ и больше ничего. *(Оглядывается и раскланивается съ нѣкоторымъ изумленіемъ; про себя.)* Фу ты, какая куча народу! Это что значитъ? Ужъ не женихи ли? *(Толкаетъ Ѳеклу и говоритъ ей тихо.)* Съ которыхъ сторонъ понабрала воронъ—а?

Ѳекла *(вполголоса).*

Тутъ тебѣ воронъ нѣтъ, все честные люди.

Кочкаревъ *(ей).*

Гости-то несчитанные, кафтаны общипанные.

Ѳекла.

Гляди налетъ на свой полетъ, а и похвастаться нечѣмъ: шапка въ рубль, а щи безъ крупъ.

Кочкаревъ.

Небось, твои разживные, по дырѣ въ карманѣ. *(Вслухъ.)* Да что она дѣлаетъ теперь? Вѣдь эта дверь, вѣрно, къ ней въ спальню? *(Подходитъ къ двери.)*

Ѳекла.

Безстыдникъ! Говорятъ тебѣ, еще одѣвается.

Кочкаревъ.

Эка бѣда! Что-жъ тутъ такого? Вѣдь только посмотрю и больше ничего. *(Смотритъ въ замочную скважину.)*

Жевакинъ.

А позвольте мнѣ полюбопытствовать тоже.

Яичница.

Позвольте взглянуть мнѣ только одинъ разочекъ.

Кочкаревъ *(продолжая смотрѣть).*

Да ничего не видно, господа! И распознать нельзя, что такое бѣлѣетъ, женщина или подушка. *(Всѣ, однакожъ, обступили дверь и продираются взглянуть.)*

Кочкаревъ.

Чш... кто-то идетъ. *(Всѣ отскакиваютъ прочь.)*

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же, Арина Пантелеймоновна и Агаѳья Тихоновна. *(Всѣ раскланиваются.)*

Арина Пантелеймоновна.

А по какой причинѣ изволили одолжить посѣщеніемъ?

Яичница.

А по газетамъ узналъ я, что желаете вступить въ подряды насчетъ поставки лѣсу и дровъ, и потому, находясь въ должности экзекутора при казенномъ мѣстѣ, я пришелъ узнать, какого роду лѣсъ, въ какомъ количествѣ и къ какому времени можете его поставить.

Арина Пантелеймоновна.

Хоть подрядовъ никакихъ не беремъ, а приходу рады. А какъ по фамиліи?

Яичница.

Коллежскій асессоръ, Иванъ Павловичъ Яичница.

Арина Пантелеймоновна.

Прошу покорнѣйше садиться. *(Обращается къ Жевакину и смотритъ на него.)* А позвольте узнать...

Жевакинъ.

Я тоже, въ газетахъ вижу объявленіе о чемъ-то. Дай-ка, думаю себѣ, пойду. Погода же показалась хорошею, по дорогѣ вездѣ травка...

Арина Пантелеймоновна.

А какъ-съ по фамиліи?

Жевакинъ.

А лейтенантъ морской службы въ отставкѣ, Балтазаръ Балтазаровъ Жевакинъ 2-й. Былъ у насъ еще другой Жевакинъ, да тотъ еще прежде моего вышелъ въ отставку: былъ раненъ, матушка, подъ колѣнкомъ, и пуля такъ странно прошла, что колѣнка-то самаго не тронула, а по жилѣ прохватила—какъ иголкой сшило, такъ что, когда, бывало, стоишь съ нимъ, все кажется, что онъ хочетъ тебя колѣнкомъ сзади ударить.

Арина Пантелеймоновна.

А прошу покорнѣйше садиться. *(Обращаясь къ Анучкину.)* А позвольте узнать, по какой причинѣ?

Анучкинъ.

По сосѣдству-съ. Находясь въ довольно близкомъ сосѣдствѣ...

Арина Пантелеймоновна.

Не въ домѣ ли купеческой жены Тулубовой, что насупротивъ, изволите жить?

Анучкинъ.

Нѣтъ, я покамѣстъ живу еще на Пескахъ, но имѣю, однако же, намѣреніе со временемъ перебраться сюда-съ въ сосѣдство, въ эту часть города.

Арина Пантелеймоновна.

А прошу покорнѣйше садиться. *(Обращаясь къ Кочкареву.)* А позвольте узнать...

Кочкаревъ.

Да неужли вы меня не узнаете? *(Обращаясь къ Агаѳьѣ Тихоновнѣ.)* И вы также, сударыня?

Агаѳья Тихоновна.

Сколько мнѣ кажется, совсѣмъ не видала васъ.

Кочкаревъ.

Однако жъ, припомните: вы меня, вѣрно, гдѣ-нибудь видѣли.

Агаѳья Тихоновна.

Право, не знаю. Ужъ развѣ не у Бирюшкиныхъ ли?

Кочкаревъ.

Именно у Бирюшкиныхъ.

Агаѳья Тихоновна.

Ахъ, вы не знаете: съ ней вѣдь исторія случилась.

Кочкаревъ.

Какъ же, вышла замужъ.

Агаѳья Тихоновна.

Нѣтъ, это бы еще хорошо, а то переломила ногу.

Арина Пантелеймоновна.

И сильно переломила. Возвращалась довольно поздо домой на дрожкахъ, а кучеръ-то былъ пьянъ и вывалилъ съ дрожекъ.

Кочкаревъ.

Да, то-то, я помню, что-то было: или вышла замужъ, или переломила ногу.

Арина Пантелеймоновна.

А какъ по фамиліи?

Кочкаревъ.

Какъ же,—Илья Ѳомичъ Кочкаревъ, въ родствѣ вѣдь мы; жена моя безпрестанно говоритъ о томъ... Позвольте, позвольте *(беретъ за руку Подколесина и подводитъ его):* пріятель мой Подколесинъ, Иванъ Кузьмичъ, надворный совѣтникъ, служитъ экспедиторомъ, одинъ всѣ дѣла дѣлаетъ, усовершенствовалъ отличнѣйше свою часть.

Арина Пантелеймоновна.

А какъ по фамиліи?

Кочкаревъ.

Подколесинъ, Иванъ Кузьмичъ Подколесинъ. Директоръ такъ только, для чина, поставленъ, а всѣ дѣла онъ дѣлаетъ, Иванъ Кузьмичъ Подколесинъ.

Арина Пантелеймоновна.

Такъ-съ. Прошу покорнѣйше садиться.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же и Стариковъ.

Стариковъ.

(кланяясь живо и скоро, по купечески, и слегка берясь въ бока).

Здравствуйте, матушка Арина Пантелеевна! Робята на Гостиномъ дворѣ сказывали, что продаете шерсть, матушка!

Агаѳья Тихоновна.

(отворачиваясь съ пренебреженіемъ, вполголоса, но такъ, что онъ слышитъ).

Здѣсь не купеческая лавка.

Стариковъ.

Вона! Аль не впопадъ пришли? аль и безъ насъ дѣло сварили?

Арина Пантелеймоновна.

Прошу, прошу, Алексѣй Дмитріевичъ; хоть шерсти не продаемъ, а приходу рады. Прошу покорно садиться.

(Всѣ усѣлись. Молчаніе.)

Яичница.

Странная погода нынче: поутру совершенно было похоже на дождикъ, а теперь какъ будто и прошло.

Агаѳья Тихоновна.

Да-съ, ужъ эта погода ни на что не похожа: иногда ясно, а въ другое время совершенно дождливая. Очень большая непріятность.

Жевакинъ.

Вотъ, въ Сициліи, матушка, мы были съ эскадрой въ весеннее время,—если пригонять, такъ выйдетъ къ нашему февралю: выйдешь, бывало, изъ дому—день солнечный, а потомъ этакъ дождикъ, и смотришь, точно, какъ будто дождикъ.

Яичница.

Непріятнѣе всего, когда въ такую погоду сидишь одинъ. Женатому человѣку совсѣмъ другое дѣло—не скучно; а если въ одиночествѣ, такъ это просто...

Жевакинъ.

О, смерть, совершенная смерть!

Анучкинъ.

Да-съ, это можно сказать...

Кочкаревъ.

Какое?—просто терзанье! жизни не будешь радъ! Не приведи Богъ испытать такое положеніе.

Яичница.

А какъ, сударыня, если бы пришлось вамъ избрать предметъ? позвольте узнать вашъ вкусъ. Извините, что я такъ прямо. Въ какой службѣ вы полагаете быть приличнѣе мужу?

Жевакинъ.

Хотѣли ли бы вы, сударыня, имѣть мужемъ человѣка, знакомаго съ морскими бурями?

Кочкаревъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Лучшій, по моему мнѣнію, мужъ есть человѣкъ, который одинъ почти управляетъ всѣмъ департаментомъ.

Анучкинъ.

Почему же предубѣжденіе? Зачѣмъ вы хотите оказать пренебреженіе къ человѣку, который хотя, конечно, служилъ въ пѣхотной службѣ, но умѣетъ, однакожъ, цѣнить обхожденіе высшаго общества.

Яичница.

Сударыня, разрѣшите вы!

Агаѳья Тихоновна *молчитъ.*

Ѳекла.

Отвѣчай же, мать моя, скажи имъ что-нибудь.

Яичница.

Какъ же, матушка?

Кочкаревъ.

Какъ же ваше мнѣніе, Агаѳья Тимоѳеевна? [1])

Ѳекла *(тихо ей).*

Скажи же, скажи: „Благодарствую“, молъ, „съ моимъ удовольствіемъ...“ Не хорошо же такъ сидѣть.

Агаѳья Тихоновна *(тихо).*

Мнѣ стыдно, право стыдно; я уйду, право, уйду. Тетушка, посидите за меня.

Ѳекла.

Ахъ, не дѣлай этого сраму, не уходи; совсѣмъ острамишься. Они ни вѣсть что подумаютъ.

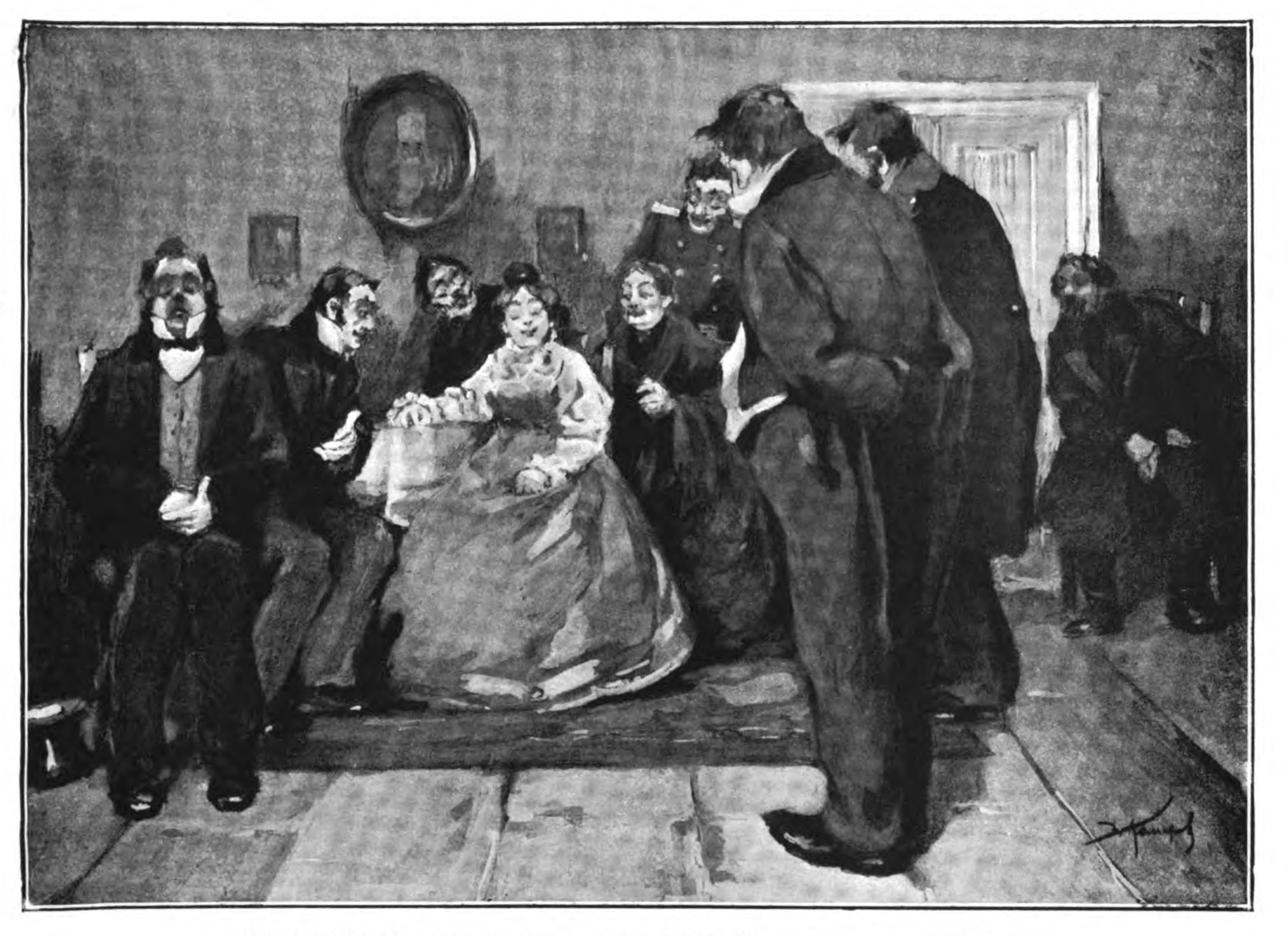
Агаѳья Тихоновна *(такъ же).*

Нѣтъ, право, уйду, уйду, уйду! *(Убѣгаетъ. Ѳекла и Арина Пантелеймоновна уходятъ вслѣдъ за нею.)*

---

[1]) Гоголь, очевидно, намѣренно заставляетъ Кочкарева, только что выдумавшаго, будто онъ знакомъ съ невѣстой, путать ея отчество.

ЯИЧНИЦА. Сударыня, разрѣшите вы! (Агафья Тихоновна молчитъ).

Рис. худ. В. Комарова.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же, кромѣ ушедшихъ.

Яичница.

Вотъ тебѣ на, и ушли всѣ! это что значитъ?

Кочкаревъ.

Что-нибудь, вѣрно, случилось.

Жевакинъ.

Какъ-нибудь насчетъ дамскаго туалетца... Этакъ поправить что-нибудь... манишечку... пришпилить. *(Ѳекла входитъ. Всѣ къ ней навстрѣчу съ вопросами:* что, что такое?)

Кочкаревъ.

Что-нибудь случилось?

Ѳекла.

Какъ можно, чтобы случилось. Ей-Богу, ничего не случилось.

Кочкаревъ.

Да зачѣмъ же она вышла?

Ѳекла.

Да пристыдили, потому и вышла; совсѣмъ исконфузили, такъ что не высидѣла на мѣстѣ. Проситъ извинить: ввечеру-де на чашку чаю чтобы пожаловали. *(Уходитъ.)*

Яичница *(въ сторону).*

Охъ, ужъ мнѣ эта чашка чаю! Вотъ за то не люблю сватаній, пойдетъ возня: сегодня нельзя, да пожалуйте завтра, да еще послѣ завтра на чашку, да нужно еще подумать. А вѣдь дѣло дрянь, ничуть не головоломное. Чортъ побери, я человѣкъ должностной, мнѣ некогда.

Кочкаревъ *(Подколесину).*

А вѣдь хозяйка недурна—а?

Подколесинъ.

Да, недурна.

Жевакинъ.

А вѣдь хозяечка-то хороша?

Кочкаревъ *(въ сторону).*

Вотъ чортъ побери! Этотъ муракъ влюбился. Еще будетъ мѣшать, пожалуй! *(Вслухъ.)* Совсѣмъ не хороша, совсѣмъ не хороша.

Яичница.

Носъ великъ.

Жевакинъ.

Ну, нѣтъ, носа я не замѣтилъ. Она эдакой розанчикъ.

Анучкинъ.

Я самъ того же мнѣнія. Нѣтъ не то, не то... Я даже думаю, что врядъ ли она знакома съ обхожденіемъ высшаго общества. Да и знаетъ ли она еще по-французски?

Жевакинъ.

Да что-жъ вы, смѣю спросить, не попробовали, не поговорили съ ней по-французски? Можетъ быть, и знаетъ?

Анучкинъ.

Вы думаете, я говорю по-французски? Нѣтъ, я не имѣлъ счастія воспользоваться такимъ воспитаніемъ. Мой отецъ былъ мерзавецъ, скотина. Онъ и не думалъ меня выучить французскому языку. Я былъ тогда еще ребенкомъ, меня легко было пріучить, стоило только посѣчь хорошенько, и я бы зналъ, я бы непремѣнно зналъ.

Жевакинъ.

Ну, да теперь же, когда вы не знаете, что-жъ вамъ за прибыль, если она...

Анучкинъ.

А нѣтъ, нѣтъ. Женщина совсѣмъ другое дѣло: нужно, чтобъ она непремѣнно знала, а безъ того у ней и то, и это... *(показываетъ жестами)* все ужъ будетъ не то.

Яичница *(въ сторону).*

Ну, объ этомъ заботься кто другой. А я пойду да осмотрю со двора домъ и флигеля; если только все, какъ слѣдуетъ, такъ сего же вечера добьюсь дѣла. Эти женишки мнѣ не опасны—народъ что-то больно жиденькій. Такихъ невѣсты не любятъ.

Жевакинъ.

Пойти выкурить трубочку. А что, не по дорогѣ ли намъ? Вы гдѣ, позвольте спросить, живете?

Анучкинъ.

А на Пескахъ, въ Петровскомъ переулкѣ.

Жевакинъ.

Да-съ, будетъ крюкъ: я на Острову, въ 18-й линіи; а впрочемъ, все-таки я васъ провожу.

Стариковъ.

Нѣтъ, тутъ что-то спѣсьевато. Ай припомните потомъ, Агаѳья Тихоновна, и насъ! Съ моимъ почтеніемъ, господа! *(Кланяется и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Подколесинъ и Кочкаревъ.

Подколесинъ.

А чего ждемъ и мы?

Кочкаревъ.

Ну, что, вѣдь правда, хозяйка мила?

Подколесинъ.

Да что! Мнѣ, признаюсь, она не нравится.

Кочкаревъ.

Вотъ на! Это что? да вѣдь ты самъ согласился, что она хороша.

Подколесинъ.

Да такъ, какъ-то не того: и носъ длинный, и по-французски не знаетъ.

Кочкаревъ.

Это еще что? тебѣ на что по-французски?

Подколесинъ.

Ну, все-таки невѣста должна знать по-французски.

Кочкаревъ.

Почему-жъ?

Подколесинъ.

Да потому, что... ужъ я не знаю почему, а все ужъ будетъ у ней не то.

Кочкаревъ.

Ну, вотъ; дуракъ сейчасъ одинъ сказалъ, а онъ и уши развѣсилъ. Она—красавица, просто красавица; такой дѣвицы не сыщешь нигдѣ.

Подколесинъ.

Да мнѣ самому сначала она было приглянулась, да послѣ, какъ начали говорить: длинный носъ, длинный носъ,—ну, я разсмотрѣлъ, и вижу самъ, что длинный носъ.

Кочкаревъ.

Эхъ, ты, пирей, не нашелъ дверей! Они нарочно толкуютъ, чтобы тебя отвадить: и я тоже не хвалилъ,—такъ ужъ дѣлается. Это, братъ, такая дѣвица! Ты разсмотри только глаза ея; вѣдь это, чортъ знаетъ, что за глаза: говорятъ, дышатъ. А носъ? я не знаю, что за носъ! бѣлизна—алебастръ! Да и алебастръ не всякій сравнится. Ты разсмотри самъ хорошенько.

Подколесинъ *(улыбаясь)*.

Да теперь-то я опять вижу, что она какъ будто хороша.

Кочкаревъ.

Разумѣется, хороша. Послушай, теперь, такъ какъ они всѣ ушли, пойдемъ къ ней, изъяснимся и все кончимъ.

Подколесинъ.

Ну, этого я не сдѣлаю.

Кочкаревъ.

Отчего-жъ?

Подколесинъ.

Да что-жъ за нахальство? Насъ много; пусть она сама выберетъ.

Кочкаревъ.

Ну, да что тебѣ смотрѣть на нихъ: боишься соперничества, что ли? Хочешь, я ихъ всѣхъ въ одну минуту спроважу?

Подколесинъ.

Да какъ же ты ихъ спровадишь?

Кочкаревъ.

Ну, ужъ это мое дѣло. Дай мнѣ только слово, что потомъ не будешь отнѣкиваться.

Подколесинъ.

Почему-жъ не дать? изволь, я не отпираюсь: я хочу жениться.

Кочкаревъ.

Руку!

Подколесинъ *(подавая)*.

Возьми!

Кочкаревъ.

Ну, этого только мнѣ и нужно. *(Оба уходятъ.)*

Дѣйствіе второе.

Комната въ домѣ Агаѳьи Тихоновны.

ЯВЛЕНІЕ I.

Агаѳья Тихоновна *одна, потомъ* **Кочкаревъ.**

Агаѳья Тихоновна.

Право, такое затрудненіе — выборъ. Если бы еще одинъ, два человѣка, а то четыре—какъ хочешь, такъ и выбирай. Никаноръ Ивановичъ недуренъ, хотя, конечно, худощавъ; Иванъ Кузьмичъ тоже недуренъ. Да если сказать правду, Иванъ Павловичъ тоже, хоть и толстъ, а вѣдь очень видный мужчина. Прошу покорно, какъ тутъ быть? Балтазаръ Балтазаровичъ опять мужчина съ достоинствами. Ужъ какъ трудно рѣшиться, такъ просто разсказать нельзя, какъ трудно! Если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй, прибавить къ этому еще дородности Ивана Павловича—я бы тогда тотчасъ же рѣшилась. А теперь поди, подумай! просто, голова даже стала болѣть. Я думаю, лучше всего кинуть жребій. Положиться во всемъ на волю Божію: кто выкинется, тотъ и мужъ. Напишу ихъ всѣхъ на бумажкахъ, сверну въ трубочки, да и пусть будетъ, что будетъ. *(Подходитъ къ столику, вынимаетъ оттуда ножницы и бумагу, нарѣзываетъ билетики и скатываетъ, продолжая говорить.)* Такое несчастное положеніе дѣвицы, особливо еще влюбленной. Изъ мужчинъ никто не войдетъ въ это, и даже, просто, не хотятъ понять этого. Вотъ они всѣ ужъ готовы. Остается только положить ихъ въ ридикюль, зажмурить глаза, да и пусть будетъ, что будетъ. *(Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ ихъ рукою.)*

Страшно... Ахъ, если бы Богъ далъ, чтобы вынулся Никаноръ Ивановичъ! Нѣтъ, отчего же онъ? лучше-жъ Иванъ Кузьмичъ. Отчего же Иванъ Кузьмичъ? чѣмъ же худы тѣ, другіе?.. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу... какой выберется, такой пусть и будетъ. *(Шаритъ рукою въ ридикюлѣ и вынимаетъ вмѣсто одного всѣ.)* Ухъ, всѣ, всѣ вынулись! А сердце такъ и колотится! Нѣтъ, одного, одного! непремѣнно одного! *(Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ. Въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится позади.)* Ахъ, если бы вынуть Балтазара... что я! хотѣла сказать Никанора Ивановича... Нѣтъ, не хочу, не хочу! Кого прикажетъ судьба.

Кочкаревъ.

Да возьмите Ивана Кузьмича, всѣхъ лучше.

Агаѳья Тихоновна.

Ахъ! *(Вскрикиваетъ и закрываетъ лицо обѣими руками, страшась взглянуть назадъ.)*

Кочкаревъ.

Да чего-жъ вы испугались? Не пугайтесь, это я. Право, возьмите Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна.

Ахъ, мнѣ стыдно: вы подслушали.

Кочкаревъ.

Ничего, ничего! Вѣдь я свой, родня, передо мною нечего стыдиться; откройте же ваше личико.

Агаѳья Тихоновна
(вполовину открывая лицо).

Мнѣ, право, стыдно.

Кочкаревъ.

Ну, возьмите же Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна.

Ахъ! *(Вскрикиваетъ и закрывается вновь руками.)*

Кочкаревъ.

Право, чудо человѣкъ, усовершенствовалъ часть свою... просто, удивительный человѣкъ!

Агаѳья Тихоновна
(понемногу открываетъ лицо).

Какъ же, а другой? а Никаноръ Ивановичъ — вѣдь онъ тоже хорошій человѣкъ.

Кочкаревъ.

Помилуйте, это дрянь противъ Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна.

Отчего же?

Кочкаревъ.

Ясно отчего. Иванъ Кузьмичъ человѣкъ... ну, просто, человѣкъ... человѣкъ, какихъ не сыщешь.

Агаѳья Тихоновна.

Ну, а Иванъ Павловичъ?

Кочкаревъ.

И Иванъ Павловичъ—дрянь, всѣ они—дрянь.

Агаѳья Тихоновна.

Будто бы ужъ всѣ?

Кочкаревъ.

Да вы только посудите, сравните только: это, какъ бы то ни было,—Иванъ Кузьмичъ! а вѣдь то, что ни попало: Иванъ Павловичъ, Никаноръ Ивановичъ, чортъ знаетъ, что такое!

Агаѳья Тихоновна.

А вѣдь, право, они очень... скромные!

Кочкаревъ.

Какое скромные! Драчуны, самый буйный народъ. Охота же вамъ быть прибитой на другой день послѣ свадьбы.

Агаѳья Тихоновна.

Ахъ, Боже мой! Ужъ это, точно, такое несчастье, хуже котораго не можетъ быть.

Кочкаревъ.

Еще бы! хуже этого и не выдумаешь ничего.

Агаѳья Тихоновна.

Такъ, по вашему совѣту, лучше взять Ивана Кузьмича?

Кочкаревъ.

Ивана Кузьмича; натурально, Ивана Кузьмича. *(Въ сторону.)* Дѣло, кажется, идетъ на ладъ. Подколесинъ сидитъ въ кондитерской, пойти поскорѣй за нимъ.

Агаѳья Тихоновна.

Такъ вы думаете—Ивана Кузьмича?

Кочкаревъ.

Непремѣнно Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна.

А тѣмъ другимъ развѣ отказать?

Кочкаревъ.

Конечно, отказать.

Агаѳья Тихоновна.

Да вѣдь какъ же это сдѣлать? какъ-то стыдно.

Кочкаревъ.

Почему-жъ стыдно? Скажите, что еще молоды и не хотите замужъ.

Агаѳья Тихоновна.

Да вѣдь они не повѣрятъ, станутъ спрашивать: да почему, да какъ?

Кочкаревъ.

Ну, такъ, если вы хотите кончить однимъ разомъ, скажите просто: „Пошли вонъ, дураки!"

Агаѳья Тихоновна.

Какъ же можно такъ сказать?

Кочкаревъ.

Ну, да ужъ попробуйте: я васъ увѣряю, что послѣ этого всѣ выбѣгутъ вонъ.

Агаѳья Тихоновна.

Да вѣдь это выйдетъ ужъ какъ-то бранно.

Кочкаревъ.

Да вѣдь вы больше ихъ не увидите, такъ не все ли равно?

Агаѳья Тихоновна.

Да все какъ-то нехорошо... они вѣдь разсердятся.

Кочкаревъ.

Какая же бѣда, если разсердятся? Если бы изъ этого что-нибудь вышло, тогда другое дѣло; а вѣдь здѣсь самое большее, если кто-нибудь изъ нихъ плюнетъ въ глаза,—вотъ и все.

Агаѳья Тихоновна.

Ну, вотъ видите!

Кочкаревъ.

Да что-жъ за бѣда? Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ, ей-Богу! Я знаю тоже одного: прекраснѣйшій собой мужчина, румянецъ во всю щеку; до тѣхъ поръ егозилъ и надоѣдалъ своему начальнику о прибавкѣ жалованья, что тотъ, наконецъ, не вынесъ—плюнулъ въ самое лицо, ей-Богу! „Вотъ тебѣ“, говоритъ, „твоя прибавка, отвяжись, сатана!“ А жалованья однако же все-таки прибавилъ. Такъ что-жъ изъ того, что плюнетъ? Если бы, другое дѣло, былъ далеко платокъ, а то вѣдь онъ тутъ же въ карманѣ — взялъ, да и вытеръ. *(Въ сѣняхъ звонятъ.)* Стучатся: кто-нибудь изъ нихъ, вѣрно; я бы не хотѣлъ теперь съ ними встрѣтиться. Нѣтъ ли у васъ тамъ другого выхода?

Агаѳья Тихоновна.

Какъ же, по черной лѣстницѣ. Но, право, я вся дрожу.

Кочкаревъ.

Ничего, только присутствіе духа. Прощайте! *(Въ сторону.)* Поскорѣй приведу Подколесина.

ЯВЛЕНІЕ II.

Агаѳья Тихоновна и Яичница.

Яичница.

Я нарочно, сударыня, пришелъ немного пораньше, чтобы поговорить съ вами наединѣ, на досугѣ. Ну, сударыня, насчетъ чина, я уже полагаю, вамъ извѣстно: служу коллежскимъ асессоромъ, любимъ начальниками, подчиненные слушаются... недостаетъ только одного: подруги жизни.

Агаѳья Тихоновна.

Да-съ.

Яичница.

Теперь я нахожу подругу жизни. Подруга эта—вы. Скажите напрямикъ: да или нѣтъ? *(Смотритъ ей въ плечо, въ сторону.)* О, она не то, что, какъ бываютъ, худенькія нѣмки—кое-что есть.

Агаѳья Тихоновна.

Я еще очень молода-съ... не расположена еще замужъ.

Яичница.

Помилуйте, а сваха зачѣмъ хлопочетъ? Но, можетъ быть, вы хотите что-нибудь другое сказать — изъяснитесь... *(Слышенъ колокольчикъ.)* Чортъ побери! никакъ не дадутъ дѣломъ заняться.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Жевакинъ.

Жевакинъ.

Извините, сударыня, что я, можетъ быть, слишкомъ рано. *(Оборачивается и видитъ Яичницу.)* Ахъ, ужъ есть... Ивану Павловичу мое почтеніе!

Яичница *(въ сторону).*

Провалился бы ты съ своимъ почтеніемъ! *(Вслухъ.)* Такъ какъ же, сударыня? Скажите одно только слово: да или нѣтъ?.. *(Слышенъ колокольчикъ; Яичница плюетъ съ сердцовъ.)* Опять колокольчикъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Анучкинъ.

Анучкинъ.

Можетъ быть, я, сударыня, ранѣе, чѣмъ слѣдуетъ и повелѣваетъ долгъ приличія... *(Видя прочихъ, испускаетъ восклицаніе и раскланивается.)* Мое почтеніе!

Яичница *(въ сторону).*

Возьми себѣ свое почтеніе! Нелегкая тебя принесла, подломились бы тебѣ твои поджарыя ноги! *(Вслухъ.)* Такъ какъ же, сударыня, рѣшите,—я человѣкъ должностной, времени у меня немного— да или нѣтъ?

Агаѳья Тихоновна *(въ смущеніи).*

Не нужно-съ... не нужно-съ... *(Въ сторону.)* Ничего не понимаю, что говорю.

Яичница.

Какъ не нужно? Въ какомъ отношеніи не нужно?

Агаѳья Тихоновна.

Ничего-съ, ничего... Я не того-съ... *(Собираясь съ духомъ.)* Пошли вонъ! *(Въ сторону, всплеснувши руками.)* Ахъ, Боже мой! Что я такое сказала?

Яичница.

Какъ „пошли вонъ"? Что это такое значитъ: „пошли вонъ"? Позвольте узнать, что вы разумѣете подъ этимъ? *(Подбоченившись, подступаетъ къ ней грозно.)*

Агаѳья Тихоновна
(взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ).

Ухъ, прибьетъ! *(Убѣгаетъ. Яичница стоитъ, разинувъ ротъ. Вбѣгаетъ на крикъ Арина Пантелеймоновна и, взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ тоже:* ухъ, прибьетъ! *и убѣгаетъ.)*

Яичница.

Что за притча такая! Вотъ, право, исторія! *(Въ дверяхъ звенитъ звонокъ и слышны голоса.)*

Голосъ Кочкарева.

Да входи, входи, что-жъ ты остановился?

Голосъ Подколесина.

Да ступай ты впередъ. Я только на минуту: оправлюсь, разстегнулась стремешка.

Голосъ Кочкарева.

Да ты улизнешь опять.

Голосъ Подколесина.

Нѣтъ, не улизну! Ей-Богу, не улизну!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Кочкаревъ.

Кочкаревъ.

Ну вотъ, очень нужно поправлять стремешку.

Яичница *(обращаясь къ нему).*

Скажите, пожалуйста, невѣста дура, что ли?

Кочкаревъ.

А что? случилось развѣ что?

Яичница.

Да непонятные поступки; выбѣжала, стала кричать: „прибьетъ, прибьетъ!" Чортъ знаетъ что такое.

Кочкаревъ.

Ну да, это за ней водится: она дура.

Яичница.

Скажите, вѣдь вы ей родственникъ?

Кочкаревъ.

Какъ же, родственникъ.

Яичница.

А какъ родственникъ? позвольте узнать.

Кочкаревъ.

Право, не знаю; какъ-то тетка моей матери что-то такое ея отцу, или отецъ ея что-то такое моей теткѣ; объ этомъ знаетъ жена моя,—это ихъ дѣло.

Яичница.

И давно за ней водится дурь?

Кочкаревъ.

А еще съ самаго съ-измала.

Яичница.

Да, конечно, лучше, если бы она была умнѣй; а впрочемъ, и дура тоже хорошо; были бы только статьи прибавочныя въ хорошемъ порядкѣ.

Кочкаревъ.

Да вѣдь за ней ничего нѣтъ.

Яичница.

Какъ такъ, а каменный домъ?

Кочкаревъ.

Да вѣдь только слава, что каменный, а знали бы вы, какъ онъ выстроенъ: стѣны вѣдь выведены въ одинъ кирпичъ, а въ срединѣ всякая дрянь—мусоръ, щепки, стружки.

Яичница.

Что вы?

Кочкаревъ.

Разумѣется. Будто не знаете, какъ теперь строятъ дома? Лишь бы только въ ломбардъ заложить.

Яичница.

Однако-жъ, вѣдь домъ не заложенъ?

Кочкаревъ.

А кто вамъ сказалъ? Вотъ въ томъ-то и дѣло, не только заложенъ, да за два года еще проценты не выплачены. Да въ сенатѣ есть еще братъ, который тоже запускаетъ глаза на домъ,—сутяги такого свѣтъ не производилъ: съ родной матери послѣднюю юбку снялъ бы, безбожникъ...

Яичница.

Какъ же мнѣ старуха-сваха... Ахъ, она бестія этакая, извергъ рода человѣ... *(Въ сторону.)* Однако-жъ онъ, можетъ быть, и вретъ. Подъ строжайшій допросъ старуху! и если только правда... ну... я заставлю запѣть ее не такъ, какъ другіе поютъ.

Анучкинъ.

Позвольте васъ побезпокоить тоже вопросомъ. Признаюсь, не зная французскаго языка, чрезвычайно трудно судить самому, знаетъ ли женщина по-французски, или нѣтъ. Какъ хозяйка дома, знаетъ?..

Кочкаревъ.

Ни бельмеса.

Анучкинъ.

Что вы?

Кочкаревъ.

Какъ же? я это очень хорошо знаю. Она училась вмѣстѣ съ женой въ пансіонѣ, извѣстная была лѣнивица, вѣчно въ дурацкой шапкѣ сидитъ. А французскій учитель, просто, билъ ее палкой.

Анучкинъ.

Представьте же, что у меня съ перваго раза, какъ только ее увидѣлъ, было какое-то предчувствіе, что она не знаетъ по-французски.

Яичница.

Ну, чортъ съ французскимъ! Но какъ сваха-то проклятая... Ахъ ты, бестія этакая, вѣдьма! Вѣдь если бы вы знали, какими словами она расписала—живописецъ, вотъ совершенный живописецъ! „Домъ, флигель“, говоритъ, „на фундаментахъ, серебряныя ложки, сани—вотъ садись, да и катайся!“—словомъ, въ романѣ рѣдко выберется такая страница. Ахъ ты, подошва ты старая! попадись только ты мнѣ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и **Ѳекла.** *(Всѣ, увидѣвъ ее, обращаются къ ней съ слѣдующими словами):*

Яичница.

А! вотъ она! А подойди-ка сюда, старая грѣховодница! а подойди-ка сюда!

Анучкинъ.

Такъ-то вы обманули меня, Ѳекла Ивановна?

Кочкаревъ.

Ну-ка, ступай, Варвара, на расправу!

Ѳекла.

И ни слова не разберу: оглушили совсѣмъ.

Яичница.

Домъ строенъ въ одинъ кирпичъ, старая подошва, а ты наврала: и съ мезонинами, и чортъ знаетъ съ чѣмъ.

Ѳекла.

А не знаю, не я строила. Можетъ быть, нужно было въ одинъ кирпичъ, оттого такъ и построили.

Яичница.

Да и въ ломбардъ еще заложенъ! Черти бы тебя съѣли, вѣдьма ты проклятая! *(Притопывая ногой.)*

Ѳекла.

Смотри ты какой! Еще и бранится. Иной бы благодарить сталъ за удовольствіе, что хлопотала о немъ.

Анучкинъ.

Да, Ѳекла Ивановна, вотъ вы и мнѣ тоже насказали, что она знаетъ по-французски.

Ѳекла.

Знаетъ, родимый, все знаетъ, и по-нѣмецкому, и по-всякому; какіе хочешь манеры—все знаетъ.

Анучкинъ.

Ну, нѣтъ, кажется, она только по-русски и говоритъ.

Ѳекла.

Что-жъ тутъ худого? Понятливѣе по-русски, потому и говоритъ по-русски. А кабы умѣла по-басурмански, то тебѣ же хуже, и самъ бы не понялъ ничего. Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь, — рѣчь извѣстно какая: всѣ святые говорили по-русски.

Яичница.

А подойди-ка сюда, проклятая, подойди-ка ко мнѣ.

Ѳекла *(пятясь ближе къ дверямъ).*

И не подойду, я знаю тебя: ты человѣкъ тяжелый, ни зá что прибьешь.

Яичница.

Ну, смотри, голубушка, это не пройдетъ тебѣ. Вотъ я тебя какъ сведу въ полицію, такъ ты у меня будешь знать, какъ обманывать честныхъ людей. Вотъ ты увидишь! А невѣстѣ скажи, что она подлецъ! Слышишь, непремѣнно скажи. *(Уходитъ.)*

Ѳекла.

Смотри ты какой! разсердился какъ! Что толстъ, такъ думаетъ, ему и равнаго никого нѣтъ. А я скажу, что ты самъ подлецъ—вотъ что!

Анучкинъ.

Признаюсь, любезнѣйшая, никакъ не думалъ я, чтобы вы стали такъ обманывать. Знай я, что невѣста съ такимъ образованьемъ, да я... да и нога бы моя, просто, не была здѣсь. Вотъ какъ-съ! *(Уходитъ.)*

Ѳекла.

Бѣлены объѣлись или выпили лишнее. Вишь переборщики нашлись какіе! Свела съ ума глупая грамота!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ѳекла, Кочкаревъ, Жевакинъ.

Кочкаревъ

хохочетъ во все горло, смотря на Ѳеклу и указывая на нее пальцемъ

Ѳекла *(съ досадою).*

Ты что горло дерешь?

Кочкаревъ *продолжаетъ хохотать.*

15

Өекла.

Экъ какъ разобрало его!

Кочкаревъ.

Сваха-то! сваха-то! Мастерица женить, знаетъ, какъ повести дѣло! *(Продолжаетъ хохотать.)*

Өекла.

Экъ его заливается! Знать, покойница свихнула съ ума въ тотъ часъ, какъ тебя рожала. *(Уходитъ съ досадою.)*

ЯѢЛЕНІЕ VIII.

Кочкаревъ, Жевакинъ.

Кочкаревъ *(продолжая хохотать)*

Охъ, не могу; право, не могу! силы не выдержатъ, чувствую, что тресну отъ смѣха! *(Продолжаетъ хохотать.)*

Жевакинъ,
глядя на него, начинаетъ тоже смѣяться.

Кочкаревъ
(въ усталости валится на стулъ).

Охъ, право, выбился изъ силъ! Чувствую, что если засмѣюсь еще, порву послѣднія силы.

Жевакинъ.

Мнѣ нравится веселость вашего нрава. У насъ въ эскадрѣ капитана Болдырева былъ мичманъ Пѣтуховъ, Антонъ Ивановичъ: тоже этакъ былъ веселаго нрава. Бывало, ему ничего больше, покажешь этакъ одинъ палецъ—вдругъ засмѣется, ей-Богу, и до самаго вечера смѣется. Ну, глядя на него, бывало, и самому сдѣлается смѣшно, и смотришь, наконецъ, и самъ точно, этакъ, смѣешься.

Кочкаревъ *(переводя дыханіе).*

Охъ, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Ну, что она вздумала, дура? Ну, куда-жъ ей женить? ей ли женить? Вотъ, я женю, такъ женю!

Жевакинъ.

Нѣтъ? Такъ вы можете не въ шутку женить?

Кочкаревъ.

Еще бы! Кого угодно, на комъ угодно.

Жевакинъ.

Если такъ, жените меня на здѣшней хозяйкѣ.

Кочкаревъ.

Васъ? да зачѣмъ вамъ жениться?

Жевакинъ.

Какъ зачѣмъ? Вотъ, позвольте замѣтить, странный немного вопросъ! а извѣстное дѣло, зачѣмъ.

Кочкаревъ.

Да вѣдь вы слышали, у ней приданаго ничего нѣтъ.

Жевакинъ.

На нѣтъ и суда нѣтъ. Конечно, это дурно, а впрочемъ, съ этакою прелюбезною дѣвицею, съ ея обхожденьями, можно прожить и безъ приданаго. Небольшая комнатка *(размѣриваетъ примѣрно руками),* этакъ здѣсь маленькая прихожая, небольшая ширмочка, или какая-нибудь въ родѣ эдакой перегородки...

Кочкаревъ.

Да что вамъ въ ней такъ понравилось?

Жевакинъ.

А сказать правду, мнѣ понравилась она потому, что полная женщина. Я большой аматёръ со стороны женской полноты.

Кочкаревъ

(поглядывая на него искоса, говоритъ въ сторону).

А вѣдь самъ ужъ куды не пощеголяетъ; точно кисетъ, изъ котораго вытрясли табакъ. *(Вслухъ.)* Нѣтъ, вамъ совсѣмъ не слѣдуетъ жениться.

Жевакинъ.

Какъ такъ?

Кочкаревъ.

Да такъ. Ну, что у васъ за фигура, между нами будь сказано? нога пѣтушья...

Жевакинъ.

Пѣтушья?

Кочкаревъ.

Конечно. Что у васъ за видъ!

Жевакинъ.

То-есть, какъ, однако же, пѣтушья нога?

Кочкаревъ.

Да просто — пѣтушья.

Жевакинъ.

Мнѣ кажется, это, однако жъ, касается насчетъ личности...

Кочкаревъ.

Да вѣдь я говорю потому, что, знаю, вы разсудительный человѣкъ; другому я не скажу. Я васъ женю, извольте, только на другой.

Жевакинъ.

Нѣтъ, ужъ я бы просилъ, чтобы на другой меня не женили. Ужъ будьте этакъ благодѣтельны, чтобы на этой.

Кочкаревъ.

Извольте, женю, только съ условіемъ: вы не мѣшайтесь ни во что и не показывайтесь даже на глаза невѣстѣ,—я все сдѣлаю безъ васъ.

Жевакинъ.

Да какъ, однако же, все безъ меня? Все-таки мнѣ хоть на глаза нужно будетъ показаться.

Кочкаревъ.

Совсѣмъ не нужно. Идите домой и ждите: сего же вечера все будетъ сдѣлано.

Жевакинъ *(потираетъ руки)*.

А вотъ это и ужъ куда бы хорошо! Да не нужно ли аттестатъ, послужной списокъ? Можетъ быть, невѣста захочетъ полюбопытствовать. Я сбѣгаю за ними въ минуту.

Кочкаревъ.

Ничего не нужно, отправляйтесь только домой; я вамъ сегодня же дамъ знать. *(Выпровожаетъ его.)* Да, чорта съ два, какъ бы не такъ! Что-жъ это? Что-жъ это, Подколесинъ не идетъ? Это, однако жъ, странно. Неужли онъ до сихъ поръ поправляетъ свою стремешку? Ужъ не побѣжать ли за нимъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Кочкаревъ, Агаѳья Тихоновна.

Агаѳья Тихоновна *(осматриваясь).*

Что, ушли? никого нѣтъ?

Кочкаревъ.

Ушли, ушли, никого.

Агаѳья Тихоновна.

Ахъ, если бы вы знали, какъ я вся дрожала! Этакого, точно, еще никогда не бывало со мною. Но только какой страшный этотъ Яичница; какой онъ долженъ быть тиранъ для жены. Мнѣ все такъ вотъ и кажется, что онъ сейчасъ воротится.

Кочкаревъ.

О, ни за что не воротится. Я ставлю голову, если который-нибудь изъ нихъ двухъ покажетъ носъ свой здѣсь.

Агаѳья Тихоновна.

А третій?

Кочкаревъ.

Какой третій?

Жевакинъ *(высовывая голову въ двери).*

Смерть хочется знать, какъ она будетъ изъясняться обо мнѣ своимъ ротикомъ... розанчикъ эдакой.

Агаѳья Тихоновна.

А Балтазаръ Балтазаровичъ?

Жевакинъ.

А, вотъ оно, вотъ оно! *(Потираетъ руки.)*

Кочкаревъ.

Фу, ты пропасть! Я думалъ, о комъ вы говорите. Да вѣдь это, просто, чортъ знаетъ что, набитый дуракъ.

Жевакинъ.

Это что такое? Ужъ этого я, признаюсь, никакъ не понимаю.

Агаѳья Тихоновна.

А онъ, однако же, на видъ показался очень хорошимъ человѣкомъ.

Кочкаревъ.

Пьяница!

Жевакинъ.

Ей - Богу, не понимаю!

Агаѳья Тихоновна.

Неужели и пьяница еще?

Кочкаревъ.

Помилуйте, отъявленный мерзавецъ.

Жевакинъ *(громко)*.

Нѣтъ, позвольте, ужъ этого я никакъ не просилъ васъ говорить. Что - нибудь замолвить въ мой профитъ, похвалить— другое дѣло; а чтобы эдакимъ образомъ, эдакими словами, ужъ извольте развѣ кого-нибудь другого, а ужъ я слуга покорный.

Кочкаревъ *(въ сторону)*.

Какъ это угораздило его подвернуться? *(Агаѳьѣ Тихоновнѣ вполголоса.)* Смотрите, смотрите, на ногахъ не держится. Этакое мыслете онъ всякій день пишетъ. Прогоните его, да и концы въ воду! *(Въ сторону.)* А Подколесина нѣтъ, какъ нѣтъ. Экой мерзавецъ! Ужъ я - жъ вымещу на немъ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ X.

Агаѳья Тихоновна и Жевакинъ.

Жевакинъ *(въ сторону)*.

Обѣщался хвалить, а вмѣсто того выбранилъ! Престранный человѣкъ! *(Вслухъ.)* Вы, сударыня, не вѣрьте...

Агаѳья Тихоновна.

Извините, мнѣ нездоровится... болитъ - съ голова *(Хочетъ уйти.)*

Жевакинъ.

Но, можетъ быть, вамъ что-нибудь во мнѣ не нравится? *(Указывая на голову.)* Вы не глядите на то, что у меня здѣсь маленькая плѣшина: это ничего, это отъ лихорадки; волоса сейчасъ вырастутъ.

Агаѳья Тихоновна.

Мнѣ все равно-съ, что бы у васъ тамъ ни было.

Жевакинъ.

У меня, сударыня... если надѣну черный фракъ, такъ цвѣтъ лица будетъ побѣлѣе.

Агаѳья Тихоновна.

Для васъ лучше. Прощайте! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Жевакинъ *(одинъ, говоритъ вслѣдъ ей).*

Сударыня, позвольте, скажите причину, зачѣмъ? почему? Или во мнѣ какой-либо существенный есть изъянъ, что ли?.. Ушла! Престранный случай! Вотъ ужъ никакъ въ семнадцатый разъ случается со мною, и все почти одинакимъ образомъ: кажется, этакъ сначала все хорошо, а какъ дойдетъ дѣло до развязки—смотришь, и откажутъ. *(Ходитъ по комнатѣ въ размышленіи.)* Да... Вотъ эта ужъ будетъ никакъ семнадцатая невѣста! И чего же ей, однакожъ, хочется? Чего бы ей, напримѣръ, этакъ... съ какой стати... *(Подумавъ.)* Темно, чрезвычайно темно! Добро бы былъ нехорошъ чѣмъ. *(Осматривается.)* Кажется, нельзя сказать этого: все, слава Богу, натура не обидѣла. Непонятно! Развѣ не пойти ли домой да порыться въ сундучкѣ? Тамъ у меня были стишки, противъ которыхъ, точно, ни одна не устоитъ... Ей-Богу, уму непонятно! Сначала, кажись, повезло... Видно, приходится поворотить оглобли. А жаль, право жаль. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Подколесинъ и Кочкаревъ *(входятъ и оба оглядываются назадъ).*

Кочкаревъ.

Онъ не замѣтилъ насъ. Видѣлъ, съ какимъ длиннымъ носомъ вышелъ?

Подколесинъ.

Неужели и ему такъ же отказано, какъ и тѣмъ?

Кочкаревъ.

Наотрѣзъ.

Подколесинъ
(съ самодовольной улыбкой).

А преконфузно, однако же, должно быть, если откажутъ.

Кочкаревъ.

Еще бы!

Подколесинъ.

Я все еще не вѣрю, чтобы она прямо сказала, будто предпочитаетъ меня всѣмъ.

Кочкаревъ.

Какое—предпочитаетъ! Она отъ тебя, просто, безъ памяти. Такая любовь: однихъ именъ какихъ надавала, такая страсть,—такъ, просто, и кипитъ.

Подколесинъ *(самодовольно усмѣхается).*

А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, женщина, если захочетъ, какихъ словъ не наскажетъ! вѣкъ бы не выдумалъ: мордашечка, таракашечка, чернушка...

Кочкаревъ.

Что еще эти слова! Вотъ какъ женишься, такъ ты увидишь въ первые два мѣсяца, какія пойдутъ слова; просто, братъ, ну, вотъ такъ и таешь.

Подколесинъ *(усмѣхаясь).*

Будто?

Кочкаревъ.

Какъ честный человѣкъ! Послушай, теперь, однако жъ, скорѣе къ дѣлу. Изъясни ей и открой сію же минуту сердце и требуй руки.

Подколесинъ.

Но какъ же сію минуту? что ты!

Кочкаревъ.

Непремѣнно сію же минуту... а вотъ и она сама.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Агаѳья Тихоновна.

Кочкаревъ.

Я привелъ къ вамъ, сударыня, смертнаго, котораго вы видите. Еще никогда не было такъ влюбленнаго, просто, не приведи Богъ—и непріятелю не пожелаю...

Подколесинъ
(толкая его подъ руку, тихо).

Ну, ужъ ты, братъ, кажется, слишкомъ.

Кочкаревъ *(ему)*.

Ничего, ничего! *(Ей тихо.)* Будьте посмѣлѣе, онъ очень смиренъ, старайтесь быть какъ можно развязнѣе. Этакъ поворотите какъ-нибудь бровями или, потупивши глаза, такъ вдругъ и срѣзать его, злодѣя, или выставьте ему какъ-нибудь плечо, и пусть его, мерзавецъ, смотритъ!—Напрасно, впрочемъ, вы не надѣли платья съ короткими рукавами; да впрочемъ, и это хорошо. *(Вслухъ.)* Ну, я оставляю васъ въ пріятномъ обществѣ! Я на минуточку загляну только къ вамъ въ столовую и на кухню: нужно распорядиться — сейчасъ придетъ официіантъ, которому заказанъ ужинъ; можетъ быть, и вина принесены... До свиданья! *(Подколесину.)* Смѣлѣе! Смѣлѣе! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Подколесинъ и Агаѳья Тихоновна.

Агаѳья Тихоновна.

Прошу покорнѣйше садиться.

(Сидятъ и молчатъ.)

Подколесинъ.

Вы, сударыня, любите кататься?

Агаѳья Тихоновна.

Какъ-съ кататься?

Подколесинъ.

На дачѣ очень пріятно лѣтомъ кататься въ лодкѣ.

Агаѳья Тихоновна.

Да-съ — иногда съ знакомыми прогуливаемся.

Подколесинъ.

Какое-то лѣто будетъ—неизвѣстно.

Агаѳья Тихоновна.

А желательно, чтобы было хорошее.

(Оба молчатъ.)

Подколесинъ.

Вы, сударыня, какой цвѣтокъ больше любите?

Агаѳья Тихоновна.

Который покрѣпче пахнетъ-съ—гвоздику-съ.

Подколесинъ.

Дамамъ очень идутъ цвѣты.

Агаѳья Тихоновна.

Да, пріятное занятіе. *(Молчаніе.)* Въ которой церкви вы были прошлое воскресенье?

Подколесинъ.

Въ Вознесенской, а недѣлю назадъ тому былъ въ Казанскомъ соборѣ. Впрочемъ, молиться все равно, въ какой бы ни было церкви. Въ той только украшеніе лучше. *(Молчать. Подколесинъ барабанитъ пальцами по столу.)* Вотъ скоро будетъ екатерингофское гулянье.

Агаѳья Тихоновна.

Да, черезъ мѣсяцъ, кажется.

Подколесинъ.

Даже и мѣсяца не будетъ.

Агаѳья Тихоновна.

Должно-быть, веселое будетъ гулянье.

Подколесинъ.

Сегодня восьмое число *(считаетъ по пальцамъ);* девятое, десятое, одиннадцатое... чрезъ двадцать два дня.

Агаѳья Тихоновна.

Представьте, какъ скоро!

Подколесинъ.

Я сегодняшняго дня даже не считаю. *(Молчаніе.)* Какой это смѣлый русскій народъ!

Агаѳья Тихоновна.

Какъ?

Подколесинъ.

А работники. Стоятъ на самой верхушкѣ... Я проходилъ мимо дома, такъ штукатурщикъ штукатуритъ и не боится ничего.

Агаѳья Тихоновна.

Да-съ. Такъ это въ какомъ мѣстѣ?

Подколесинъ.

А вотъ по дорогѣ, по которой я хожу всякій день въ департаментъ. Я вѣдь каждое утро хожу въ должность. *(Молчаніе. Подколесинъ опять начинаетъ барабанить пальцами, наконецъ, берется за шляпу и раскланивается.)*

Агаѳья Тихоновна.

А вы уже уходите?..

Подколесинъ.

Да-съ. Извините, что, можетъ быть, наскучилъ вамъ.

Агаѳья Тихоновна.

Какъ-съ можно! Напротивъ, я должна благодарить за подобное препровожденіе времени.

Подколесинъ *(улыбаясь)*.

А мнѣ, такъ, право, кажется, что я наскучилъ.

Агаѳья Тихоновна.

Ахъ, право, нѣтъ!

Подколесинъ.

Ну, такъ, если нѣтъ, такъ позвольте мнѣ и въ другое время, вечеркомъ когда-нибудь...

Агаѳья Тихоновна.

Очень пріятно-съ. *(Раскланиваются. Подколесинъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XV.

Агаѳья Тихоновна *(одна)*.

Какой достойный человѣкъ! Я теперь только узнала его хорошенько; право, нельзя не полюбить: и скромный, и разсудительный. Да, пріятель его давеча справедливо сказалъ; жаль только, что онъ такъ скоро ушелъ, а я бы еще хотѣла его послушать. Какъ пріятно съ нимъ говорить! И вѣдь главное то хорошо, что совсѣмъ не пустословитъ. Я было хотѣла ему тоже словца два сказать, да, признаюсь, оробѣла, сердце такъ стало биться... Какой превосходный человѣкъ! Пойду, разскажу тетушкѣ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Подколесинъ и Кочкаревъ *(входятъ)*.

Кочкаревъ.

Да зачѣмъ домой? Вздоръ какой! Зачѣмъ домой?

Подколесинъ.

Да зачѣмъ же мнѣ оставаться здѣсь? Вѣдь я все уже сказалъ, что слѣдуетъ.

Кочкаревъ.

Стало быть, сердце ей ты ужъ открылъ?

Подколесинъ.

Да, вотъ только развѣ, что сердца еще не открылъ.

Кочкаревъ.

Вотъ-те исторія! Зачѣмъ же не открылъ?

Подколесинъ.

Ну, да какъ же ты хочешь, не поговоря прежде ни о чемъ, вдругъ сказать съ боку-припеку: „Сударыня, дайте я на васъ женюсь!"

Кочкаревъ.

Ну, да о чемъ же вы, о какомъ вздорѣ толковали битыхъ полчаса?

Подколесинъ.

Ну, мы переговорили обо всемъ, и, признаюсь, я очень доволенъ: съ большимъ удовольствіемъ провелъ время.

Кочкаревъ.

Да послушай, посуди ты самъ: когда же все это успѣемъ? вѣдь черезъ часъ нужно ѣхать въ церковь подъ вѣнецъ.

Подколесинъ.

Что ты, съ ума сошелъ? Сегодня подъ вѣнецъ!..

Кочкаревъ.

Почему-жъ нѣтъ?

Подколесинъ.

Сегодня подъ вѣнецъ?

Кочкаревъ.

Да вѣдь ты-жъ самъ далъ слово, сказалъ, что какъ только женихи будутъ прогнаны—сейчасъ готовъ жениться.

Подколесинъ.

Ну, я и теперь не прочь отъ слова, только не сейчасъ же; мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ, нужно дать роздыху.

Кочкаревъ.

Мѣсяцъ!

Подколесинъ.

Да, конечно.

Кочкаревъ.

Да ты съ ума сошелъ, что ли?

Подколесинъ.

Да меньше мѣсяца нельзя.

Кочкаревъ.

Да вѣдь я официанту заказалъ ужинъ, бревно ты! Ну, послушай, Иванъ Кузьмичъ, не упрямься, душенька, женись теперь.

Подколесинъ.

Помилуй, братъ, что ты говоришь? какъ же теперь?

Кочкаревъ.

Иванъ Кузьмичъ! ну, я тебя прошу. Если не хочешь для себя, такъ для меня, по крайней мѣрѣ.

Подколесинъ.

Да, право, нельзя.

Кочкаревъ.

Можно, душа, все можно; ну, пожалуйста, не капризничай, душенька!

Подколесинъ.

Да, право, нѣтъ! неловко, совсѣмъ неловко.

Кочкаревъ.

Да что неловко? кто тебѣ сказалъ это? Ты посуди самъ, вѣдь ты человѣкъ умный; я говорю тебѣ это не съ тѣмъ, чтобы къ тебѣ подольститься, не потому, что ты экспедиторъ, а просто говорю изъ любви... Ну, полно же, душенька, рѣшись, взгляни окомъ благоразумнаго человѣка.

Подколесинъ.

Да если бы было можно, такъ я бы...

Кочкаревъ.

Иванъ Кузьмичъ! лапушка, милочка! Ну, хочешь ли, я стану на колѣни передъ тобой?

Подколесинъ.

Да зачѣмъ же?..

Кочкаревъ *(становясь на колѣни)*.

Ну, вотъ я и на колѣняхъ! Ну, видишь самъ, прошу тебя. Вѣкъ не позабуду твоей услуги, не упрямься, душенька!

Подколесинъ.

Ну, нельзя, братъ, право, нельзя.

Кочкаревъ *(вставая въ сердцахъ)*.

Свинья!

Подколесинъ.

Пожалуй, бранись себѣ.

Кочкаревъ.

Глупый человѣкъ! Еще никогда не было такого.

Подколесинъ.

Бранись, бранись.

Кочкаревъ.

Я для кого же старался? изъ чего бился? Все для твоей, дуракъ, пользы. Вѣдь что мнѣ? я сейчасъ брошу тебя, мнѣ какое дѣло?

Подколесинъ.

Да кто-жъ просилъ тебя хлопотать? Пожалуй, бросай.

Кочкаревъ.

Да вѣдь ты пропадешь, вѣдь ты безъ меня ничего не сдѣлаешь. Не жени тебя, вѣдь ты вѣкъ останешься дуракомъ.

Подколесинъ.

Тебѣ что до того?

Кочкаревъ.

О тебѣ, деревянная башка, стараюсь.

Подколесинъ.

Я не хочу твоихъ стараній.

Кочкаревъ.

Ну, такъ ступай же къ чорту!

Подколесинъ.

Ну, и пойду.

Кочкаревъ.

Туда тебѣ и дорога!

Подколесинъ.

Что-жъ, и пойду.

Кочкаревъ.

Ступай, ступай и чтобы ты себѣ сейчасъ же переломилъ тамъ ногу. Вотъ отъ души посылаю тебѣ желаніе, чтобы тебѣ пьяный извозчикъ въѣхалъ дышломъ въ самую глотку! Тряпка, а не чиновникъ! Вотъ клянусь тебѣ, что теперь между нами все кончилось, и на глаза мнѣ не показывайся!

Подколесинъ.

И не покажусь. *(Уходитъ.)*

Кочкаревъ.

Къ дьяволу, къ своему старому пріятелю! *(Отворяя дверь, кричитъ ему вслѣдъ.)* Дуракъ!

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Кочкаревъ *(одинъ, ходитъ, въ сильномъ движеніи, взадъ и впередъ).*

Ну, былъ ли когда виденъ на свѣтѣ подобный человѣкъ? Эдакой дуракъ! Да если ужъ пошло на правду, то и я хорошъ. Ну, скажите, пожалуйста, вотъ я на васъ всѣхъ сошлюсь: ну, не олухъ ли я, не глупъ ли я? Изъ чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что онъ мнѣ? родня, что ли? И что я ему такое—нянька, тетка, свекруха, кума, что ли? Изъ какого же дьявола, изъ чего, изъ чего я хлопочу о немъ, не даю себѣ покою, нелегкая прибрала бы его совсѣмъ? А просто чортъ знаетъ изъ чего! Поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ что-нибудь дѣлаетъ! Эдакой мерзавецъ! Какая противная, подлая рожа! Взялъ бы тебя, глупую животину, да щелчками бы тебя въ носъ, въ уши, въ ротъ, въ зубы—во всякое мѣсто! *(Въ сердцахъ даетъ нѣсколько щелчковъ въ воздухъ.)* Вѣдь, вотъ что досадно: вышелъ себѣ—ему и горя мало, съ него все это такъ, какъ съ гуся вода,—вотъ что нестерпимо! Пойдетъ къ себѣ на квартиру и будетъ лежать да покуривать трубку. Экое против-

ное созданье! Бываютъ противныя рожи, но вѣдь эдакой, просто, не выдумаешь; не сочинишь хуже этой рожи, ей-Богу, не сочинишь! Такъ вотъ нѣтъ же, пойду, нарочно ворочу его, бездѣльника! Не дамъ улизнуть, пойду, приведу подлеца! *(Убѣгаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Агаѳья Тихоновна *(входитъ).*

Ужъ такъ, право, бьется сердце, что изъяснить трудно. Вездѣ, куда не поворочусь, вездѣ такъ вотъ и стоитъ Иванъ Кузьмичъ. Точно правда, что отъ судьбы никакъ нельзя уйти. Давеча совершенно хотѣла было думать о другомъ, но чѣмъ ни займусь,—пробовала сматывать нитки, шила ридикюль,—а Иванъ Кузьмичъ все такъ вотъ и лѣзетъ въ руку. *(Помолчавъ.)* И такъ, вотъ, наконецъ, ожидаетъ меня перемѣна состоянія! Возьмутъ меня, поведутъ въ церковь... потомъ оставятъ одну съ мужчиною—уфъ! Дрожь такъ меня и пробираетъ. Прощай, прежняя моя дѣвичья жизнь. *(Плачетъ.)* Столько лѣтъ провела въ спокойствіи... Вотъ жила, жила, а теперь приходится выходить замужъ. Однѣхъ заботъ сколько: дѣти, мальчишки, народъ драчливый, а тамъ и дѣвочки пойдутъ, подрастутъ—выдавай ихъ замужъ. Хорошо еще, если выйдутъ за хорошихъ, а если за пьяницъ, или же за такихъ, что готовъ сегодня же поставить на карточку все, что ни есть на немъ! *(Начинаетъ мало-по-малу опять рыдать.)* Не удалось и повеселиться мнѣ дѣвическимъ состояніемъ, и двадцати семи лѣтъ не пробыла въ дѣвкахъ... *(Перемѣняя голосъ.)* Да что-жъ Иванъ Кузьмичъ такъ долго мѣшкается?

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Агаѳья Тихоновна и Подколесинъ *(выталкивается на сцену изъ дверей двумя руками* **Кочкарева**).

Подколесинъ *(запинаясь).*

Я пришелъ вамъ, сударыня, изъяснить одно дѣльцо... только я бы хотѣлъ прежде знать, не покажется ли оно вамъ страннымъ?

Агаѳья Тихоновна *(потупляя глаза).*

Что же такое?

Подколесинъ.

Нѣтъ, сударыня, вы скажите напередъ, не покажется ли вамъ странно?

Агаѳья Тихоновна *(такъ же).*

Не могу знать, что такое.

Подколесинъ.

Но признайтесь: вѣрно вамъ покажется страннымъ то, что я вамъ скажу?

Агаѳья Тихоновна.

Помилуйте, какъ можно, чтобы было странно. Отъ васъ все пріятно слышать.

Подколесинъ.

Но этого вы еще никогда не слыхали. *(Агаѳья Тихоновна потупляетъ еще болѣе глаза; въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится у него за плечами.)* Это вотъ въ чемъ... Но пусть лучше я вамъ скажу когда-нибудь послѣ.

Агаѳья Тихоновна.

А что же это такое?

Подколесинъ.

А это... я хотѣлъ было, признаюсь, теперь объявить вамъ, да все еще какъ-то сомнѣваюсь.

Кочкаревъ *(про себя, складывая руки).*

Господи Ты, Боже мой, что это за человѣкъ! Это просто старый бабій башмакъ, а не человѣкъ, насмѣшка надъ человѣкомъ, сатира на человѣка!

Агаѳья Тихоновна.

Отчего же вы сомнѣваетесь?

Подколесинъ.

Да все какъ-то беретъ сомнѣніе.

Кочкаревъ *(вслухъ).*

Какъ это глупо, какъ это глупо! Да вы, сударыня, видите: онъ проситъ руки вашей, желаетъ объявить, что онъ безъ васъ не можетъ жить, существовать. Спрашиваетъ только, согласны ли вы его осчастливить?

Подколесинъ

(почти испугавшись, толкаетъ его, произнося живо).

Помилуй, что ты!

Кочкаревъ.

Такъ что-жъ, сударыня, рѣшаетесь вы сему смертному доставить счастье?

Агаѳья Тихоновна.

Я никакъ не смѣю думать, чтобъ я могла составить счастье... а, впрочемъ, я согласна.

Кочкаревъ.

Натурально, натурально, такъ бы давно! Давайте ваши руки!

Подколесинъ.

Сейчасъ. *(Хочетъ сказать что-то ему на ухо; Кочкаревъ показываетъ ему кулакъ и хмуритъ брови; онъ даетъ руку.)*

Кочкаревъ *(соединяя руки).*

Ну, Богъ васъ благословитъ! Согласенъ и одобряю вашъ союзъ. Бракъ это есть такое дѣло... Это не то, что взялъ извозчика, да и поѣхалъ куда-нибудь; это обязанность совершенно другого рода, это обязанность... Теперь вотъ только мнѣ времени нѣтъ, а послѣ я разскажу тебѣ, что это за обязанность. Ну, Иванъ Кузьмичъ, поцѣлуй свою невѣсту. Ты теперь можешь это сдѣлать; ты теперь долженъ это сдѣлать. *(Агаѳья Тихоновна потупляетъ глаза.)* Ничего, ничего, сударыня, это такъ должно; пусть цѣлуетъ!

Подколесинъ.

Нѣтъ, сударыня, позвольте, теперь ужъ позвольте *(Цѣлуетъ ее и беретъ за руку.)* Какая прекрасная ручка! Отчего это у васъ, сударыня, такая прекрасная ручка?.. Да позвольте, сударыня, хочу, чтобы сей же часъ было вѣнчанье, непремѣнно сей же часъ.

Агаѳья Тихоновна.

Какъ сейчасъ? Ужъ это, можетъ быть, очень скоро.

Подколесинъ.

И слышать не хочу! Хочу еще скорѣе, чтобъ сію же минуту было вѣнчанье.

Кочкаревъ.

Браво! хорошо! Благородный человѣкъ! Я, признаюсь, всегда ожидалъ отъ тебя много въ будущемъ. Вы, сударыня, въ самомъ дѣлѣ поспѣшите теперь поскорѣе одѣться: я, сказать правду, послалъ уже за каретою и напросилъ гостей; они всѣ теперь поѣхали прямо въ церковь. Вѣдь у васъ вѣнчальное платье готово, я знаю.

Агаѳья Тихоновна.

Какъ же, давно готово. Я въ минуточку одѣнусь.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Кочкаревъ и Подколесинъ.

Подколесинъ.

Ну, братъ, благодарю! Теперь я вижу всю твою услугу. Отецъ родной для меня не сдѣлалъ бы того, что ты. Вижу, что ты дѣйствовалъ изъ дружбы. Спасибо, братъ, вѣкъ буду помнить твою услугу. *(Тронутый.)* Будущей весною навѣщу непремѣнно могилу твоего отца.

Кочкаревъ.

Ничего, братъ, я радъ самъ. Ну, пойди, я тебя поцѣлую. *(Цѣлуетъ его въ одну щеку, а потомъ въ другую.)* Дай Богъ, чтобы ты прожилъ благополучно *(цѣлуются)*, въ довольствѣ и достаткѣ; дѣтей бы нажили кучу...

Подколесинъ.

Благодарю, братъ! Именно, наконецъ, теперь только я узналъ, что такое жизнь; теперь предо мною открылся совершенно новый міръ. Теперь я вотъ вижу, что все это движется, живетъ, чувствуетъ, эдакъ какъ-то испаряется, какъ-то эдакъ, не знаешь даже самъ, что дѣлается. А прежде я ничего этого не видѣлъ, не понималъ, то-есть просто былъ лишенный всякаго свѣдѣнія человѣкъ, не разсуждалъ, не углублялся и жилъ вотъ, какъ и всякій другой человѣкъ живетъ.

Кочкаревъ.

Радъ, радъ! Теперь я пойду, посмотрю только, какъ убрали столъ: въ минуту ворочусь. *(Въ сторону.)* А шляпу все лучше на всякій случай припрятать. *(Беретъ и уноситъ шляпу съ собою.)*

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Подколесинъ *(одинъ)*.

Въ самомъ дѣлѣ, что я былъ до сихъ поръ? Понималъ ли значеніе жизни? Не понималъ, ничего не понималъ. Ну, каковъ былъ мой холостой вѣкъ? Что я значилъ, что дѣлалъ? Жилъ, жилъ, служилъ, ходилъ въ департаментъ, обѣдалъ, спалъ,— словомъ, былъ въ свѣтѣ самый препустой и обыкновенный человѣкъ. Только теперь видишь, какъ глупы всѣ, которые не женятся; а вѣдь, если разсмотрѣть, какое множество людей находится въ такой слѣпотѣ. Если бы я былъ гдѣ-нибудь госу-

дарь, я бы далъ повелѣніе жениться всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, чтобы у меня въ государствѣ не было ни одного холостого человѣка. Право, какъ подумаешь: чрезъ нѣсколько минутъ—и уже будешь женатъ! Вдругъ вкусишь блаженство, какое точно бываетъ только развѣ въ сказкахъ, котораго, просто, даже не выразишь, да и словъ не найдешь, чтобы выразить. *(Послѣ нѣкотораго молчанія.)* Однако жъ, что ни говори, а какъ-то даже дѣлается страшно, какъ хорошенько подумаешь объ этомъ. На всю жизнь, на весь вѣкъ, какъ бы то ни было, связать себя и ужъ послѣ ни отговорки, ни раскаянья, ничего, ничего,—все кончено, все сдѣлано. Ужъ вотъ даже и теперь назадъ никакъ нельзя попятиться: чрезъ минуту и подъ вѣнецъ; уйти даже нельзя—тамъ ужъ и карета, и все стоитъ въ готовности. А будто въ самомъ дѣлѣ нельзя уйти? Какъ же, натурально, нельзя: тамъ въ дверяхъ и вездѣ стоятъ люди; ну, спросятъ: зачѣмъ? Нельзя, нѣтъ! А вотъ окно открыто; что, если бы въ окно? Нѣтъ, нельзя; какъ же, и неприлично, да и высоко. *(Подходитъ къ окну.)* Ну, еще не такъ высоко, только одинъ фундаментъ, да и тотъ низенькій. Ну, нѣтъ, какъ же, со мной нѣтъ даже картуза. Какъ же безъ шляпы? неловко! А неужто, однако же, нельзя безъ шляпы? А что, если бы попробовать—а? Попробовать, что ли? *(Становится на окно и, сказавши:* „Господи, благослови!“ *соскакиваетъ на улицу; за сценой кряхтитъ и охаетъ.)* Охъ! однако жъ, высоко! Эй, извозчикъ!

Голосъ извозчика.

Подавать, что ли?

Голосъ Подколесина.

На Канавку, возлѣ Семеновскаго моста.

Голосъ извозчика.

Да гривенникъ, безъ лишняго.

Голосъ Подколесина.

Давай! Пошелъ! *(Слышенъ стукъ отъѣзжающихъ дрожекъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Агафья Тихоновна *(входитъ въ вѣнчальномъ платьѣ, робко и потупивъ голову).*

И сама не знаю, что со мною такое! Опять сдѣлалось стыдно, и я вся дрожу. Ахъ, если бы его хоть на минутку на эту пору

не было въ комнатѣ, если бы онъ за чѣмъ-нибудь вышелъ! *(Съ робостью оглядывается.)* Да гдѣ-жъ это онъ? Никого нѣтъ. Куда же онъ вышелъ? *(Отворяетъ дверь въ прихожую и говоритъ туда.)* Ѳекла, куда ушелъ Иванъ Кузьмичъ?

Голосъ Ѳеклы.

Да онъ тамъ.

Агаѳья Тихоновна.

Да гдѣ же тамъ?

Ѳекла *(уходя)*.

Да вѣдь онъ тутъ сидѣлъ въ комнатѣ.

Агаѳья Тихоновна.

Да вѣдь нѣтъ его, ты видишь.

Ѳекла.

Ну, да ужъ изъ комнаты онъ тоже не выходилъ,—я сидѣла въ прихожей.

Агаѳья Тихоновна.

Да гдѣ же онъ?

Ѳекла.

Я ужъ не знаю, гдѣ; не вышелъ ли на другой выходъ, по черной лѣстницѣ, или не сидитъ ли въ комнатѣ Арины Пантелевны?

Агаѳья Тихоновна.

Тетушка! тетушка!

ЯВЛЕНIЕ XXIII.

Тѣ же и Арина Пантелеймоновна.

Арина Пантелеймоновна *(разодѣтая)*.

А что такое?

Агаѳья Тихоновна.

Иванъ Кузьмичъ у васъ?

Арина Пантелеймоновна.

Нѣтъ, онъ тутъ долженъ быть; ко мнѣ не заходилъ.

Ѳекла.

Ну, такъ и въ прихожей тоже не былъ, вѣдь я сидѣла.

Агаѳья Тихоновна.

Ну, такъ и здѣсь же нѣтъ его, вы видите.

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Тѣ же и Кочкаревъ.

Кочкаревъ.

А что такое?

Агаѳья Тихоновна.

Да Ивана Кузьмича нѣтъ.

Кочкаревъ.

Какъ нѣтъ? ушелъ.

Агаѳья Тихоновна.

Нѣтъ, и не ушелъ даже.

Кочкаревъ.

Какъ же? и нѣтъ—и не ушелъ?

Ѳекла.

Ужъ куда бы могъ онъ дѣваться, я и ума не приложу. Въ передней я все сидѣла и не сходила съ мѣста.

Арина Пантелеймоновна.

Ну, ужъ по черной лѣстницѣ никакъ не могъ пройти.

Кочкаревъ.

Какъ же, чортъ возьми? Вѣдь пропасть тоже, не выходя изъ комнаты, никакъ онъ не могъ. Развѣ не спрятался ли?.. Иванъ Кузьмичъ! гдѣ ты? Не дурачься, полно, выходи скорѣе! Ну, что за шутки такія? Въ церковь давно пора! *(Заглядываетъ за шкафъ, искоса запускаетъ даже глазъ подъ стулья.)* Непонятно! Но нѣтъ, онъ не могъ уйти, никакимъ образомъ не могъ; онъ здѣсь, въ той комнатѣ и шляпа, я ее нарочно положилъ туда.

Арина Пантелеймоновна.

Ужъ развѣ спросить дѣвчонку, она стояла все на улицѣ, не знаетъ ли она какъ-нибудь... Дуняшка! Дуняшка!..

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Тѣ же и Дуняшка.

Арина Пантелеймоновна.

Гдѣ Иванъ Кузьмичъ, ты не видала?

Дуняшка.

Да они-съ выпрыгнули въ окошко. *(Агаѳья Тихоновна вскрикиваетъ, всплеснувши руками.)*

Всѣ трое.

Въ окошко?

Дуняшка.

Да-съ, а потомъ какъ выскочили, взяли извозчика и уѣхали.

Арина Пантелеймоновна.

Да ты правду говоришь?

Кочкаревъ.

Врешь, не можетъ быть!

Дуняшка.

Ей-Богу, выскочили! Вотъ и купецъ въ мелочной лавочкѣ видѣлъ. Порядили за гривенникъ извозчика и уѣхали.

Арина Пантелеймоновна
(Подступая къ Кочкареву).

Что-жъ вы, батюшка, въ издѣвку-то развѣ, что ли? посмѣяться развѣ надъ нами задумали? на позоръ развѣ мы достались вамъ, что ли? Да я шестой десятокъ живу, а такого страму еще не наживала. Да я за то, батюшка, вамъ плюну въ лицо, коли вы честный человѣкъ. Да вы послѣ этого подлецъ, коли вы честный человѣкъ. Осрамить передъ всѣмъ міромъ дѣвушку! я—мужичка, да не сдѣлаю этого, а еще и дворянинъ! Видно, только на пакости да на мошенничества у васъ хватаетъ дворянства! *(Уходитъ въ сердцахъ и уводитъ невѣсту. Кочкаревъ стоитъ, какъ ошеломленный.)*

Ѳекла.

Что? А, вотъ онъ тотъ, что знаетъ повести дѣло! безъ свахи умѣетъ заварить свадьбу! Да у меня пусть такіе и этакіе женихи, общипанные и всякіе, да ужъ такихъ, чтобы прыгали въ окна, такихъ нѣтъ, прошу простить.

Кочкаревъ.

Это вздоръ, это не такъ; я побѣгу къ нему, я возвращу его! *(Уходитъ.)*

Ѳекла.

Да, поди ты, вороти! Дѣла-то свадебнаго не знаешь, что-ли? Еще если бы въ двери выбѣжалъ—ино дѣло, а ужъ коли женихъ да шмыгнулъ въ окно—ужъ тутъ, просто, мое почтенье!

I.

Кабинетъ; нѣсколько шкафовъ съ книгами; на столѣ разбросаны бумаги. **Иванъ Петровичъ,** дѣловой человѣкъ, потягиваясь, выходитъ въ халатѣ и звонитъ. Изъ передней слышенъ голосъ: „сейчасъ!“ Иванъ Петровичъ звонитъ во второй разъ—опять тотъ же голосъ: „сейчасъ!“ Иванъ Петровичъ съ нетерпѣніемъ звонитъ въ третій разъ; входитъ слуга.

Иванъ Петровичъ.

Что ты, оглохъ?

Лакей.

Никакъ нѣтъ.

Иванъ Петровичъ.

Что-жъ ты не изволилъ являться, когда я звоню въ третій разъ?

Лакей.

Какъ же прикажете: мнѣ нельзя было бросить дѣла,—я сапоги чистилъ.

Иванъ Петровичъ.

А Иванъ что дѣлалъ?

Лакей.

Иванъ мелъ комнату, а потомъ пошелъ въ конюшню.

Иванъ Петровичъ.

Подай сюда собачку! *(Лакей приноситъ собачку.)* Зюзюшка! Зюзюшка! а, Зюзюшка! Вотъ я тебѣ бумажку привяжу. *(Нацѣпляетъ ей на хвостъ бумажку.)*

(Вбѣгаетъ другой лакей). Александръ Ивановичъ!

„Зюзюшка! а, Зюзюшка! Вотъ я тебѣ бумажку привяжу“.

Рис. Н. Пирогова.

Иванъ Петровичъ.

Проси! *(Бросаетъ поспѣшно собаку и развертываетъ Сводъ Законовъ.)*

II.

Иванъ Петровичъ и Александръ Ивановичъ *(также дѣловой человѣкъ).*

Александръ Ивановичъ.

Добраго утра, Иванъ Петровичъ!

Иванъ Петровичъ.

Какъ здоровье ваше, Александръ Ивановичъ?

Александръ Ивановичъ.

Очень благодаренъ. Не помѣшалъ ли я вамъ?

Иванъ Петровичъ.

О, какъ можно? Вѣдь я всегда занятъ. Ну, что, въ которомъ часу пріѣхали домой?

Александръ Ивановичъ.

Часъ шестой былъ. Я, какъ поворотилъ изъ Офицерской, то спросилъ, подъѣзжая къ будочнику: „Не слыхалъ ли, братецъ, который часъ?"—„Да шестой уже", говоритъ, „пробило". Вотъ я и узналъ, что ужъ былъ шестой часъ.

Иванъ Петровичъ.

Представьте, я самъ въ то же почти время! Ну, что, каковъ былъ вистецъ, хе, хе, хе?

Александръ Ивановичъ.

Хе, хе, хе! Да, признаюсь, мнѣ даже во снѣ онъ мерещился.

Иванъ Петровичъ.

Хе, хе, хе, хе! Я гляжу, чтó это значитъ, что онъ кладетъ короля? У меня вѣдь на рукахъ самъ-третей дама крестовъ, а у Лукьяна Өедосѣевича, я давно вижу, что ренонсъ.

Александръ Ивановичъ.

Длиннѣе всего тянулся осьмой робертъ.

Иванъ Петровичъ.

Да! *(Помолчавъ.)* Я уже мигаю Лукьяну Өедосѣевичу, чтобъ онъ козырялъ—нѣтъ. А вѣдь тутъ только козырни—валетъ мой пикъ и беретъ.

Александръ Ивановичъ.

Позвольте, Иванъ Петровичъ, валетъ не беретъ.

Иванъ Петровичъ.

Беретъ.

Александръ Ивановичъ.

Не беретъ, потому что вамъ никоимъ образомъ нельзя взять въ руку.

Иванъ Петровичъ.

А семерка пикъ у Лукьяна Ѳедосѣевича—позабыли развѣ?

Александръ Ивановичъ.

Да развѣ у него была пиковка? Я что-то не помню.

Иванъ Петровичъ.

Конечно, у него были двѣ пики: четверка, которую онъ сбросилъ на даму, и семерка.

Александръ Ивановичъ

Только нѣтъ, позвольте, Иванъ Петровичъ, у него не могло быть больше одной пиковки.

Иванъ Петровичъ.

Ахъ, Боже мой, Александръ Ивановичъ, кому вы это говорите! Двѣ пиковки! я какъ теперь помню: четверка и семерка.

Александръ Ивановичъ.

Четверка была—это такъ; но семерки не было. Вѣдь онъ бы козырнулъ; согласитесь сами, вѣдь онъ бы козырнулъ?

Иванъ Петровичъ.

Ей-Богу, Александръ Ивановичъ, ей-Богу!

Александръ Ивановичъ.

Нѣтъ, Иванъ Петровичъ. Это совершенно невозможное дѣло.

Иванъ Петровичъ.

Да позвольте, Александръ Ивановичъ! Вотъ лучше всего: поѣдемъ завтра къ Лукьяну Ѳедосѣевичу. Согласны ли вы?

Александръ Ивановичъ.

Хорошо.

Иванъ Петровичъ.

Ну, и спросимъ у него лично, была ли на рукахъ у него семерка пикъ?

Александръ Ивановичъ.

Извольте, я не прочь. Впрочемъ, если посудить, странно, что Лукьянъ Ѳедосѣевичъ такъ дурно играетъ. Вѣдь нельзя сказать, чтобы онъ былъ безъ ума. Человѣкъ тонкій и въ обращеніи...

Иванъ Петровичъ.

И прибавьте: большихъ свѣдѣній!—человѣкъ, какихъ, сказать по секрету, у насъ мало на Руси. Были ли у его высокопревосходительства?

Александръ Ивановичъ.

Былъ. Я теперь только отъ него. Сегодня по утру было немножко холодненько. Вѣдь я, какъ думаю, вамъ извѣстно, имѣю обыкновеніе носить лосиную фуфайку: она гораздо лучше фланелевой и притомъ не горячитъ. По этому-то случаю я велѣлъ себѣ подать шубу. Пріѣзжаю къ его высокопревосходительству,—его высокопревосходительство еще спитъ. Однако жъ, я дождался. Ну, тутъ пошли разсказы о томъ и о семъ.

Иванъ Петровичъ.

А про меня не было ничего говорено?

Александръ Ивановичъ.

Какъ же, было и про васъ. Да еще прелюбопытный вышелъ разговоръ.

Иванъ Петровичъ *(оживляется)*.

Что, что такое?

Александръ Ивановичъ.

Позвольте, позвольте разсказать по порядку. Тутъ презанимательная вещь. Его высокопревосходительство, между прочимъ, спросилъ, гдѣ я бываю, что такъ давно онъ меня не видитъ? и пожелалъ узнать о вчерашней вечеринкѣ, и кто былъ. Я сказалъ: „Были, ваше высокопревосходительство, Павелъ Григорьевичъ Борщовъ, Илья Владиміровичъ Бубуницынъ“. Его высокопревосходительство послѣ каждаго слова говорилъ: „гем!“ Я сказалъ: „И еще былъ одинъ извѣстный вашему высокопревосходительству...“

Иванъ Петровичъ.

Кто-жъ это такой?

Александръ Ивановичъ.

Позвольте! Что-жъ бы, вы думали, сказалъ на это его высокопревосходительство?

Иванъ Петровичъ.

Не знаю.

Александръ Ивановичъ.

Онъ сказалъ: кто-жъ бы это такой?—„Иванъ Петровичъ Барсуковъ“, отвѣчалъ я. „Гем!“ сказалъ его высокопревосходительство: „это чиновникъ и притомъ...“ *(Поднимаетъ вверхъ глаза.)* Довольно хорошо у васъ потолки расписаны: на свой или хозяйскій счетъ?

Иванъ Петровичъ.

Нѣтъ, вѣдь это казенная квартира.

Александръ Ивановичъ.

Очень, очень не дурно: корзиночки, лира, вокругъ сухарики, бубны и барабанъ! очень, очень натурально!

Иванъ Петровичъ *(съ нетерпѣніемъ).*

Такъ что же сказалъ его высокопревосходительство?

Александръ Ивановичъ.

Да, я и позабылъ. Что-жъ онъ сказалъ?..

Иванъ Петровичъ.

Сказалъ „гем!“ его высокопревосходительство: „это чиновникъ...“

Александръ Ивановичъ.

Да, да; „это чиновникъ“... ну, „и служитъ у меня“. Послѣ того разговоръ не былъ уже такъ интересенъ и начался объ обыкновенныхъ вещахъ.

Иванъ Петровичъ.

А больше ничего не заговаривалъ обо мнѣ?

Александръ Ивановичъ.

Нѣтъ.

Иванъ Петровичъ *(про себя).*

Ну, покамѣстъ еще не много. Господи, Боже мой! ну, что, если бы сказалъ онъ; „Такого-то Барсукова, въ уваженіе тѣхъ и тѣхъ и прочихъ заслугъ его, представляю...“

III.

Тѣ же и **Шрейдеръ** *(выглядываетъ въ дверь).*

Иванъ Петровичъ.

Войдите, войдите; ничего, пожалуйте сюда: что это—для доклада?

Шрейдеръ.

Для подписанія. Здѣсь отношеніе въ палату и рапортъ управляющему.

Иванъ Петровичъ
(между тѣмъ читаетъ).

„...Господину управляющему...“ Это что значитъ? у васъ поля по краямъ бумаги неровны. Какъ же это? Знаете ли, что васъ можно посадить подъ арестъ?.. *(Устремляетъ на него глубокомысленный взоръ.)*

Шрейдеръ.

Я говорилъ объ этомъ Ивану Ивановичу: онъ мнѣ сказалъ, что министръ не будетъ смотрѣть на эту мелочь.

Иванъ Петровичъ.

Мелочь! Ивану Ивановичу хорошо такъ говорить. Я самъ то же думаю: министръ, точно, не войдетъ въ это. Ну, а вдругъ вздумается.

Шрейдеръ.

Можно переписать; только будетъ поздно. Но такъ какъ изволили сами сказать, что министръ не войдетъ...

Иванъ Петровичъ.

Такъ! это все правда. Я съ вами совершенно согласенъ: онъ не займется этими пустяками. Ну, а въ случаѣ, такъ ему придется: дай-ка посмотрю, велико ли мѣсто оставлено для полей?

Шрейдеръ.

Если такъ, я сейчасъ перепишу.

Иванъ Петровичъ.

То-то „если такъ“. Вѣдь я съ вами говорю и объясняюсь, потому что вы воспитывались въ университетѣ. Съ другимъ бы я не сталъ тратить словъ.

Шрейдеръ.

Я осмѣлился только, потому что г. министръ...

Иванъ Петровичъ.

Позвольте, позвольте! Это совершенная истина: я съ вами не спорю ни на волосъ. Такъ, министръ на это никогда не посмотритъ и не вспомнитъ даже про это. Ну, а вдругъ... что тогда?

Шрейдеръ.

Я перепишу. *(Уходитъ.)*

IV.

Иванъ Петровичъ

(Пожимая плечами, оборачивается къ Александру Ивановичу).

Все еще вѣтеръ ходитъ въ головѣ! Порядочный молодой человѣкъ, недавно изъ университета, но вотъ тутъ *(показывая на лобъ)* нѣтъ. Вы себѣ не можете представить, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, сколькихъ трудовъ мнѣ стоило привесть все это въ порядокъ; посмотрѣли бы вы, въ какомъ видѣ принялъ я нынѣшнее мѣсто! Вообразите, что ни одинъ канцелярскій не умѣлъ порядочно буквы написать. Смотришь: иной *къ* перенесетъ въ другую строку; иной въ одной строкѣ пишетъ: *сі-,* а въ другой: *ятельству.* Словомъ сказать: это былъ ужасъ! столпотвореніе вавилонское! Теперь возьмите вы бумагу: красиво! хорошо! душа радуется, духъ торжествуетъ. А порядокъ?— порядокъ во всемъ.

Александръ Ивановичъ.

Такъ вамъ чины, можно сказать, пòтомъ и кровью достались!

Иванъ Петровичъ *(вздохнувъ).*

Именно, пòтомъ и кровью. Что-жъ будете дѣлать, вѣдь у меня такой характеръ. Чѣмъ бы я теперь не былъ, если бы самъ доискивался? у меня бы мѣста на груди не нашлось для орденовъ. Но, что прикажете? не могу! Стороною я буду намекать часто и экивоки подпускать, но сказать прямо, попросить чего непосредственно для себя... нѣтъ, это не мое дѣло! Другіе выигрываютъ безпрестанно... А у меня ужъ такой характеръ: до всего могу унизиться, но до подлости никогда! *(Вздохнувши.)* Мнѣ бы теперь одного только хотѣлось... если-бъ получить хоть орденокъ на шею. Не потому, чтобы это слишкомъ занимало, но единственно, чтобы видѣли только вниманіе ко мнѣ начальства. Я васъ буду просить, великодушнѣйшій Александръ Ивановичъ, этакъ, при случаѣ, натурально мимоходомъ, намекнуть

его высокопревосходительству, что у Барсукова-де въ канцеляріи такой порядокъ, какой вы рѣдко гдѣ встрѣчали, или что-нибудь подобное.

Александръ Ивановичъ.

Съ большимъ удовольствіемъ, если представится случай...

V.

Тѣ же и **Катерина Александровна** *(жена Ивана Петровича).*

Катерина Александровна
(Увидѣвъ Александра Ивановича).

А! Александръ Ивановичъ! Боже мой, какъ давно мы не видались! Позабыли меня! Что Наталья Ѳоминишна?

Александръ Ивановичъ.

Слава Богу! недѣлю, впрочемъ, назадъ было захворала.

Катерина Александровна.

Э!

Александръ Ивановичъ.

Въ груди подъ ложечкой сдѣлалась колика и стѣсненіе. Докторъ прописалъ очистительное и припарку изъ ромашки и нашатыря.

Катерина Александровна.

Вы бы попробовали омеопатическаго средства.

Иванъ Петровичъ.

Чудно, право, какъ подумаешь, до чего не доходитъ просвѣщеніе. Вотъ, ты говоришь, Катерина Александровна, про меопатію. Недавно былъ я въ представленіи. Что-жъ бы вы думали? Мальчишка, росту—какъ бы вамъ сказать?—вотъ этакого *(показываетъ рукою),* лѣтъ трехъ не больше: посмотрѣли бы вы, какъ онъ пляшетъ на тончайшемъ канатѣ! Я васъ увѣряю сурьезно, что духъ занимается отъ страха.

Александръ Ивановичъ.

Очень хорошо поетъ Меласъ.

Иванъ Петровичъ *(значительно).*

Меласъ? О, да! съ большимъ чувствомъ!

Александръ Ивановичъ.

Очень хорошо.

Иванъ Петровичъ.

Замѣтили ли вы, какъ она ловко беретъ вотъ это... *(Вертитъ рукою передъ глазами.)*

Александръ Ивановичъ.

Именно, это она удивительно хорошо беретъ. Однако, ужъ скоро два часа.

Иванъ Петровичъ.

Куда же это вы, Александръ Ивановичъ?

Александръ Ивановичъ.

Пора! Мнѣ нужно еще мѣста въ три заѣхать до обѣда.

Иванъ Петровичъ.

Ну, такъ до свиданія. Когда-жъ увидимся? Да, я и позабылъ: вѣдь мы завтра у Лукьяна Ѳедосѣевича?

Александръ Ивановичъ.

Непремѣнно! *(Кланяется.)*

Катерина Александровна.

Прощайте, Александръ Ивановичъ!

Александръ Ивановичъ
(Въ лакейской, накидывая шубу).

Не терплю я людей такого рода. Ничего не дѣлаетъ, жирѣетъ только, а прикидывается, что онъ такой, сякой, и то надѣлалъ, и то поправилъ—настоящая добродѣтель! Вишь чего захотѣлъ! ордена! И вѣдь получитъ! Получитъ, мошенникъ! получитъ! Этакіе люди всегда успѣваютъ. А я? а? вѣдь пятью годами старѣе его по службѣ, и до сихъ поръ не представленъ. Какая противная физіономія! И разнѣжился; ему совсѣмъ не хотѣлось бы, но только для того, чтобы показать вниманіе начальства. Еще проситъ, чтобы я замолвилъ за него! Да, нашелъ кого просить, голубчикъ! Я таки тебѣ удружу порядочно, и ты таки ордена не получишь! не получишь! не получишь! *(Подтвердительно ударяетъ нѣсколько разъ кулакомъ по ладони и уходитъ.)*

Кабинетъ.

I.

Пролетовъ, секретарь *(одинъ, сидитъ въ креслахъ и поминутно икаетъ).*

Что это у меня? точно отрыжка! Вчерашній обѣдъ засѣлъ въ горлѣ. Эти грибки да ботвиньи!.. Ѣшь, ѣшь, просто, чортъ знаетъ, чего не ѣшь! *(Икаетъ.)* Вотъ оно! *(икаетъ)* еще! *(икаетъ)* еще разъ! *(Икаетъ.)* Ну, теперь въ четвертый! *(Икаетъ.)* Туды къ чорту, и въ четвертый! Прочитать еще „Сѣверную Пчелу", что тамъ такое? Надоѣла мнѣ эта „Сѣверная Пчела": точь въ точь баба, засидѣвшаяся въ дѣвкахъ. *(Читаетъ и вскрикиваетъ.)* Крахманову награда! а? Петрушкѣ Крахманову! Вотъ какимъ былъ мальчишкой *(показываетъ рукой),* я помѣстилъ самъ его кадетомъ къ корпусъ, а? *(Продолжаетъ читать и вскрикиваетъ, вытаращивъ глаза.)* Что это? Что это? Неужели Бурдюковъ? Да, онъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ, произведенъ! А? каково! Взяточникъ, два раза былъ подъ судомъ, отецъ—воръ, обокралъ казну, гнуснѣйшій человѣкъ, какого только можно представить себѣ—каково? И вѣдь весь свѣтъ почитаетъ его за прямодушнаго человѣка! Подлецъ! Говоритъ: „дѣло Бухтелева рѣшено не такъ, сенатъ не вникнулъ" — а? Просто, подлецъ, узналъ, что на мою долю пришлось двадцать тысячъ, такъ вотъ зачѣмъ не ему! Какъ собака на сѣнѣ: ни себѣ, ни другимъ. Ну, да я знаю тебя, ступай, морочь другихъ, прикидывайся передъ другими. Я слышалъ про тебя кое-что такое. Право, досадно, что заглянулъ въ газету: прочитаешь — чувствуешь тоску, гадость и— больше ничего. Эй, Андрей!

II.

Лакей *(входя).*

Чего изволите-съ?

Пролетовъ.

Возьми вонъ эту газету! И къ чему, зачѣмъ ты принесъ эту газету? Дуракъ этакой! *(Андрей уноситъ газету.)* Каковъ Бурдюковъ, а? Вотъ кого, не говоря дальнихъ словъ, упряталъ бы въ Камчатку. Съ большимъ наслажденіемъ, признаюсь, нагадилъ бы ему, хоть сію минуту, да вотъ до сихъ поръ нѣтъ да и нѣтъ случая. Что прикажешь дѣлать? Разгнѣвался Богъ. А я бы тебя погладилъ, мазнулъ бы тебя по губамъ. Да ужъ и губы зато какія! какъ у вола, у канальи!

Лакей.

Бурдюковъ пріѣхалъ.

Пролетовъ.

Что?

Лакей.

Бурдюковъ пріѣхалъ.

Пролетовъ.

Что ты вздоръ несешь!

Лакей.

Такъ точно-съ.

Пролетовъ.

Врешь ты, дуракъ! Бурдюковъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ?

Лакей.

Нѣтъ, не Павелъ Петровичъ, а другой какой-то.

Пролетовъ.

Какой другой?

Лакей.

Да вотъ извольте сами видѣть: онъ здѣсь.

Пролетовъ.

Проси.

III.

Пролетовъ и Христофоръ Петровичъ Бурдюковъ.

Бурдюковъ.

Прошу извинить за безпокойство, что наношу вамъ. Обстоятельства и дѣла понудили оставить городишку. Пріѣхалъ просить личной помощи, заступничества.

Пролетовъ *(въ сторону).*

Это, точно, другой; а есть, однако же, какое-то сходство. *(Вслухъ.)* Что прикажете? въ чемъ могу быть вамъ полезнымъ?

Бурдюковъ *(съ пожатіемъ плечъ).*

Дѣло, тяжба.

Пролетовъ.

Тяжба? съ кѣмъ?

Бурдюковъ.

Съ роднымъ братомъ.

Пролетовъ.

Прежде позвольте узнать фамилію, а потомъ изъясните свое дѣло. Прошу покорно садиться.

Бурдюковъ.

Фамилія: Бурдюковъ, Христофоръ Петровъ сынъ, а дѣло съ роднымъ братомъ, Павломъ Петровымъ Бурдюковымъ.

Пролетовъ.

Что вы? что? нѣтъ!

Бурдюковъ.

Да что-же вы на меня уставили глаза? или думаете, я бы захотѣлъ оставлять напрасно Тамбовъ и скакать на почтовыхъ.

Пролетовъ.

Господи благослови васъ за такое доброе дѣло! Позвольте съ вами покороче познакомиться. Умнѣе этого дѣла вы не могли никогда бы придумать. Вотъ разсказывай теперь, что нѣтъ великодушія и справедливости, а это что же? Вѣдь вотъ родной братъ, узы крови, связи, а вѣдь не пощадилъ! На брата — процессъ! Позвольте васъ обнять.

Бурдюковъ.

Извольте! Я самъ обниму васъ за такую готовность! *(Обнимаются.)* А прежде, признаюсь, взглянувши на вашу физіогномію, никакъ нельзя было думать, чтобы вы были путный человѣкъ.

Пролетовъ.

Вотъ тебѣ разъ! какъ такъ?

Бурдюковъ.

Да сурьезно. Позвольте спросить: вѣрно, покойница матушка ваша, когда была брюхата вами, перепугалась чего-нибудь?

Пролетовъ.

Что за чепуху несетъ онъ?

Бурдюковъ.

Нѣтъ, я вамъ скажу, вы не будьте въ претензіи, это очень часто случается. Вотъ у нашего засѣдателя вся нижняя часть лица баранья, такъ сказать, какъ будто отрѣзана и поросла шерстью совершенно, какъ у барана. А вѣдь отъ незначительнаго обстоятельства: когда покойница рожала, подойди къ окну баранъ, и нелегкая подстрекни его заблеять.

Пролетовъ.

Ну, оставимъ въ покоѣ засѣдателя и барана!.. Какъ же я радъ!

Бурдюковъ.

А ужъ я какъ радъ, пріобрѣтши такое покровительство! Теперь только, какъ начинаю всматриваться въ васъ, вижу, что лицо ваше какъ будто знакомо: у насъ въ карабинерномъ полку былъ поручикъ, вотъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на васъ! Пьяница страшнѣйшій, то-есть, я вамъ скажу, что дня не проходило, чтобы у него рожа не была разбита.

Пролетовъ *(въ сторону).*

У этого уѣзднаго медвѣдя, какъ видно, нѣтъ совсѣмъ обычая держать языкъ за зубами. Вся дрянь, какая ни есть на душѣ, у него на языкѣ. *(Вслухъ.)* Времени у меня немного, пожалуйста приступимъ же къ дѣлу.

Бурдюковъ.

Позвольте, сидя не разскажешь. Это дѣло казусное! Знавали ли въ Устюжскомъ уѣздѣ помѣщицу Евдокію Малафѣевну Меринову? Не знали? Хорошо. Она доводится родной теткой мнѣ и бестіи, моему брату. У ней ближайшими наслѣдниками я да братъ—изволите видѣть: вотъ оно куды пошло! Кромѣ того, еще сестра, что вышла за генерала Повалищева—ну, о той ни слова: та и безъ того получила слѣдуемую ей часть. Позвольте:

вотъ этотъ мошенникъ, братъ,—онъ на это хоть чорту въ дядьки годится,—вотъ и подъѣхалъ онъ къ ней: „Вы-де, тетушка, уже прожили, слава Богу, семьдесятъ лѣтъ; гдѣ уже вамъ въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ мѣшаться самимъ въ хозяйство: пусть лучше я буду приберегать и кормить". Вона! замѣчайте, замѣчайте! Переѣхалъ къ ней въ домъ, живетъ и распоряжается, какъ настоящій хозяинъ. Да вы слышите ли это?

Пролетовъ.

Слышу.

Бурдюковъ.

То-то! Да. Вотъ занемогаетъ тетушка, отчего—Богъ знаетъ, можетъ-быть, онъ самъ и подсунулъ ей чего-нибудь. Мнѣ даютъ уже знать стороною. Замѣчайте! Пріѣзжаю: въ сѣняхъ встрѣчаетъ меня эта бестія, то-есть братъ, въ слезахъ такъ весь и заливается, и растаялъ, и говоритъ: „Ну", говоритъ, „братецъ, навѣки мы несчастны съ тобою: благодѣтельница наша..."—„Что, отдала Богу душу?" — „Нѣтъ, при смерти". Я вхожу, и, точно, тетушка лежитъ на карачкахъ и только глазами хлопаетъ. Ну, что-жъ? плакать? Не поможетъ. Вѣдь не поможетъ?

Пролетовъ.

Не поможетъ.

Бурдюковъ.

Ну, что-жъ? нечего дѣлать! Такъ, видно, Богу угодно! Я приступилъ поближе. „Ну", говорю, „тетушка, мы всѣ смертны, одинъ Богъ, какъ говорятъ, не сегодня, такъ завтра властенъ въ нашей жизни: такъ не угодно ли вамъ заблаговременно сдѣлать какое-нибудь распоряженіе?" Что-жъ тетушка? Я вижу, не можетъ уже языкомъ поворотить, и только сказала: „э... э... э... э..." А эта шельма, что стоялъ возлѣ кровати ея, братъ, говоритъ: „Тетушка симъ изъясняетъ, что уже распорядилась". Слышите, слышите!

Пролетовъ.

Какой же! Да вѣдь она развѣ сказала это?

Бурдюковъ.

Кой чортъ сказала! Она сказала только: „э... э... э..." Я все подступаю. „Но позвольте же узнать, тетушка, какое же это распоряженіе?" Что-жъ тетушка? Тетушка опять отвѣчаетъ: „э, э, э"... А тотъ подлецъ опять: „тетушка говоритъ, что все распоряженіе по этой части находится въ духовномъ завѣщаніи". Слышите! слышите! Что-жъ мнѣ было дѣлать? Я замолчалъ и не сказалъ ни слова.

Пролетовъ.

Однако жъ, позвольте: какъ же вы не уличили тутъ же ихъ во лжи?

Бурдюковъ.

Что-жъ? *(Размахиваетъ руками.)* Стали божиться, что она, точно, все это говорила—ну, вѣдь... и повѣрилъ.

Пролетовъ.

А духовное завѣщаніе распечатали?

Бурдюковъ.

Распечатали.

Пролетовъ.

Что-жъ?

Бурдюковъ.

А вотъ что. Какъ только все это, какъ слѣдуетъ, христіанскимъ долгомъ было отправлено, я и говорю, что не пора ли прочесть волю умершей. Братъ ничего и говорить не можетъ: страданья, отчаянья такія, что люли только! „Возьмите", говоритъ, „читайте сами". Собрались свидѣтели и прочитали. Какъ же бы вы думали было написано завѣщаніе? А вотъ какъ: „Племяннику моему, Павлу Петрову сыну Бурдюкову",—слушайте!—„въ возмездіе его сыновнихъ попеченій и неотлучнаго себя при мнѣ обрѣтенія до смерти"—замѣчайте!—„оставляю во владѣніе родовое и благопріобрѣтенное имѣніе мое въ Устюжскомъ уѣздѣ",—вона! вона! вона куды пошло! — „пятьсотъ ревизскихъ душъ, угодья и прочее". А? слышите ли вы это? „Племянницѣ моей, Маріи Петровой дочери Повалищевой, урожденной Бурдюковой, оставляю слѣдуемую ей деревню изо ста душъ". „Племяннику",—вона! замѣчайте! вотъ тутъ настоящій типунъ!—„Хрисанфію сыну Петрову Бурдюкову",—слушайте! слушайте!—„на память обо мнѣ",—ого! го! „завѣщаю: три статетовыя юбки и всю рухлядь, находящуюся въ амбарѣ, какъ-то: пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы", и тамъ чортъ знаетъ еще какое тряпье! А? какъ вамъ кажется? Я спрашиваю: на кой чортъ мнѣ стаметовыя юбки?

Пролетовъ.

Ахъ, онъ мошенникъ этакой! Прошу покорно!

Бурдюковъ.

Мошенничество—это такъ, я съ вами согласенъ; но, спрашиваю я васъ: на что мнѣ стаметовыя юбки? Что я съ ними буду дѣлать? развѣ себѣ на голову надѣну?

Пролетовъ.

И свидѣтели подписались при этомъ?

Бурдюковъ.

Какъ же! набралъ какой-то сволочи.

Пролетовъ.

А покойница собственноручно подписалась?

Бурдюковъ.

Вотъ то-то и есть, что подписалась, да чортъ знаетъ какъ!

Пролетовъ.

Какъ?

Бурдюковъ.

А вотъ какъ: покойницу звали Евдокія, а она нацарапала такую дрянь, что разобрать нельзя.

Пролетовъ.

Какъ такъ?

Бурдюковъ.

Чортъ знаетъ, что такое! Ей нужно было написать Евдокія, а она написала: „обмокни“.

Пролетовъ.

Что вы!

Бурдюковъ.

О, я вамъ скажу, что онъ гораздъ на все. „А племяннику моему Хрисанфію Петрову три стаметовыя юбки“.

Пролетовъ *(въ сторону)*.

Молодецъ, однако жъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ: я бы никакъ не могъ думать, чтобы онъ ухитрился такъ.

Бурдюковъ *(размахивая руками)*.

„Обмокни!“ Что-жъ это значитъ? Вѣдь это не имя: „обмокни“?

Пролетовъ.

Какъ же вы намѣрены поступить теперь?

Бурдюковъ.

Я подалъ уже прошеніе объ уничтоженіи завѣщанія, потому что подпись ложная. Пусть они не врутъ: покойницу звали Евдокіей, а не „обмокни“.

Пролетовъ.

И хорошо! Позвольте теперь мнѣ за все это взяться. Я сейчасъ напишу записку къ одному знакомому секретарю, а вы между тѣмъ доставьте мнѣ копію съ завѣщанія вашего.

Бурдюковъ.

Несказанно обязанъ вамъ! *(Берется за шапку.)* А въ которыя двери нужно выходить—въ тѣ, или въ эти?

Пролетовъ.

Пожалуйте въ эти.

Бурдюковъ.

То-то! Я потому спросилъ, что мнѣ нужно еще будетъ по своей надобности. До свиданія, почтеннѣйшій... какъ васъ? я все позабываю.

Пролетовъ.

Александръ Ивановичъ.

Бурдюковъ.

Александръ Ивановичъ! Александръ Ивановичъ есть Проль-дюковскій, вы не знакомы съ нимъ?

Пролетовъ.

Нѣтъ.

Бурдюковъ.

Онъ еще живетъ въ пяти верстахъ отъ моей деревни. Прощайте!

Пролетовъ.

Прощайте, почтеннѣйшій, прощайте.

IV.

Пролетовъ, потомъ **слуга.**

Пролетовъ.

Вотъ неожиданный кладъ! вотъ подарокъ! Просто Богъ на шапку послалъ. Странно сказать, а по душѣ чувствуешь такое какое-то этакое неизъяснимое удовольствіе, какъ будто или жена въ первый разъ сына родила, или министръ поцѣловалъ тебя при всѣхъ чиновникахъ, въ полномъ присутствіи. Ей-Богу, этакое магнетическое какое-то! Эй, Андрей! *(Андрей входитъ.)* Ступай

Христофоръ Бурдюковъ („Тяжба“).

Рис. П. Боклевскаго.

сейчасъ къ моему секретарю и проси его сюда. Слышишь? Да постой: вотъ тебѣ на водку, напейся пьянъ, какъ стелька,—для сегодняшняго дня я тебѣ позволяю; а вотъ еще сыну на пряники. Да скажи секретарю, чтобы—сейчасъ: самонужнѣйшее дѣло... А, наконецъ-таки, насилу! и на нашу улицу пришло веселье! Постой же, теперь я сяду играть, да и посмотримъ, какъ ты будешь подплясывать! А ужъ коли изъ своихъ пріятелей-чиновниковъ наберу оркестръ музыкантовъ, такъ ты у меня такъ запляшешь, что во всю жизнь не отдохнутъ у тебя бока.

I.

Театръ представляетъ переднюю. Направо дверь на лѣстницу, налѣво—въ залъ. На заднемъ занавѣсѣ дверь, нѣсколько сбоку, въ кабинетъ. До самыхъ дверей во всю стѣну длинная скамья. **Петръ, Иванъ и Григорій** сидятъ на ней и спятъ, уткнувши головы одинъ другому въ плечо. Въ дверяхъ съ лѣстницы звенитъ громкій звонокъ. Лакеи пробуждаются.

Григорій.

Ступай, отвори дверь! звонятъ.

Петръ.

Да ты что сидишь? На ногахъ у тебя пузыри, что ли? встать не можешь?

Иванъ *(махнувъ рукой).*

Ну, ужъ я пойду, такъ и быть, отворю! *(Отворяя дверь, вскрикиваетъ.)* Это Андрюшка!

Чужой слуга

Входитъ въ картузѣ, въ шинели и съ узелкомъ въ рукѣ.

Григорій.

А, московская ворона! откуда тебя принесло?

Чужой слуга.

Ахъ, ты, чухонскій сычъ! Побѣгалъ бы ты съ мое. Вонъ *(подымая узелокъ)* къ цвѣточницѣ велѣла снесть, что на Петербургской. Небось, четвертака на извозчика не дастъ. Да и къ вашему тожъ. Что, спитъ?

Григорій.

Кто? медвѣдь? Нѣтъ, еще не рычалъ изъ берлоги.

Петръ.

Правда ли, что барыня ваша даетъ вамъ чулки штопать? *(Всѣ смѣются.)*

Григорій.

Ну, ужъ ты, братъ, будь теперь штопальница. Ужъ мы такъ и звать тебя будемъ.

Чужой лакей.

Врешь, а вотъ же и не штопалъ никогда.

Петръ.

Да вѣдь у васъ извѣстно: дворовый человѣкъ до обѣда поваръ, а послѣ обѣда ужъ онъ кучеръ или лакей, или башмаки шьетъ.

Чужой лакей.

Ну, такъ что-жъ? ремесло другому не помѣшаетъ. Не сидѣть же безъ дѣла. Конечно, я и лакей, да и женскій портной вмѣстѣ. И на барыню шью, и на другихъ тоже—копѣйку добываю. А вы что, вѣдь вотъ ничего-жъ не дѣлаете.

Григорій.

Нѣтъ, братъ, у хорошаго барина лакея не займутъ работой: на то есть мастеровой. Вотъ у графа Булкина тридцать, братъ, человѣкъ слугъ однихъ. И ужъ тамъ, братъ, нельзя такъ: „Эй, Петрушка, сходи-ка туды!“ „Нѣтъ, молъ“, скажетъ, „это не мое дѣло; извольте-съ приказать Ивану“. Вотъ оно какъ! Вотъ оно что значитъ, если баринъ хочетъ жить, какъ баринъ. А вонъ ваша пиголица изъ Москвы пріѣхала, коляска-то орѣхъ раскушенный, веревками хвосты лошадямъ позавязаны. *(Смѣются.)*

Чужой лакей.

Ну, ты, смѣхунъ, смѣхунъ! Что-жъ изъ этого, что лежишь весь день? вѣдь за то-жъ ни копѣйки за душой у тебя нѣтъ.

Григорій.

Да на что-жъ мнѣ твоя копѣйка? А баринъ-то зачѣмъ? Вѣдь жалованье-то ужъ онъ мнѣ выдастъ, хоть я работай или не работай. А копить мнѣ на старость зачѣмъ? Что-жъ за баринъ, коли ужъ пенсіона слугѣ не выдастъ за службу?

Чужой лакей.

Что, говорятъ, ребята балъ затѣяли?

Петръ.

Да. А ты будешь?

Чужой лакей.

Да вѣдь что-жъ этотъ балъ! только, чай, слава, что балъ

Григорій.

Нѣтъ, братъ, балъ будетъ на всю руку. По цѣлковому жертвуютъ и больше. Княжой поваръ далъ пять рублей и самъ берется столъ готовить. Угощенье будетъ—не то, что орѣхи! ужъ полпуда конфектъ купили, мороженаго тоже... *(Слышенъ тоненькій звонокъ изъ барскаго кабинета.)*

Чужой лакей.

Ступай! звонитъ баринъ.

Григорій.

Подождетъ. Лиминацію тоже зажгутъ. Музыку торговали, только не сошлись, баса нѣтъ, а то ужъ было... *(Слышенъ звонокъ изъ кабинета громче прежняго.)*

Чужой лакей.

Ступай, ступай, звонитъ.

Григорій.

Подождетъ! Ну, ты сколько даешь?

Чужой лакей.

Да вѣдь что-жъ этотъ балъ? вѣдь это все такъ.

Григорій.

Ну, развязывай мошну, ты, штопальница! Вонъ, смотри Петрушка, на него, какой онъ... *(Тыкаетъ на него пальцемъ. Въ это время отворяется дверь, и баринъ, въ халатѣ, протянувши руку, схватываетъ Григорія за ухо; всѣ подымаются съ своихъ мѣстъ.)*

II.

Баринъ.

Что вы, бездѣльники? Три человѣка, и хоть бы одинъ поднялся съ своего мѣста! Я звоню, что есть мочи, чуть тесьмы не оборвалъ.

Григорій.

Да ничего не было слышно, судырь!

Баринъ.

Врешь!

Григорій.

Ей-Богу! Что-жъ мнѣ лгать? Вотъ Петрушка тоже сидѣлъ. Ужъ это такой колокольчикъ, судырь, никуды не годится: никогда ничего не слыхать. Нужно будетъ слесаря позвать.

Баринъ.

Ну, такъ позвать слесаря.

Григорій.

Да я ужъ сказывалъ дворецкому. Да вѣдь что-жъ? ему говоришь, а вѣдь онъ еще и выбранитъ за это.

Баринъ *(увидя чужого лакея).*

Это что за человѣкъ?

Григорій.

Это-съ человѣкъ отъ Анны Петровны, зачѣмъ-то пришелъ къ вамъ.

Баринъ.

Что скажешь, братъ?

Чужой лакей.

Барыня приказала кланяться и доложить, что будутъ сегодня къ вамъ.

Баринъ.

Зачѣмъ, не знаешь?

Чужой лакей.

Не могу знать. Онѣ только сказали: „Скажи Ѳедору Ѳедоровичу, что я приказала кланяться и буду къ нимъ“.

Баринъ.

Да когда, въ которомъ часу?

Чужой лакей.

Не могу знать, въ которомъ часу. Онѣ сказали только, что доложи-де, говоритъ, Ѳедору Ѳедоровичу, что я, говоритъ, къ нимъ сама-де, буду у нихъ-съ.

Баринъ.

Хорошо. Петрушка, дай мнѣ поскорѣй одѣться: я иду со двора. А вы—не принимать никого! Слышишь, всѣмъ говорить, что меня нѣтъ дома! *(Уходитъ; за нимъ Петрушка.)*

III.

Чужой лакей *(Григорію)*.

Ну, видишь, вѣдь вотъ и досталось.

Григорій *(махнувъ рукой)*.

А! ужъ служба такая! какъ ни старайся—все выбранятъ. *(Въ дверяхъ, что у лѣстницы, раздается звонокъ.)*

Григорій.

Вотъ опять какой-то чортъ лѣзетъ! *(Ивану.)* Ступай отворяй! что-жъ ты зѣваешь? *(Иванъ отворяетъ дверь; входитъ господинъ въ шубѣ.)*

IV.

Господинъ въ шубѣ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ дома?

Григорій.

Никакъ нѣтъ.

Господинъ.

Досадно. Не знаешь, куда уѣхалъ?

Григорій.

Неизвѣстно. Должно быть, въ департаментъ. А какъ объ васъ доложить?

Господинъ.

Скажи, что былъ Нѣвелещагинъ. Очень, молъ, жалѣлъ, что не засталъ дома. Слышишь? не позабудешь? Нѣвелещагинъ.

Григорій.

Лентягинъ-съ?

Господинъ *(вразумительно)*.

Нѣвелещагинъ.

Григорій.

Да вы нѣмецъ?

Господинъ.

Какой нѣмецъ! просто, русскій: Нѣ-ве-ле-ща-гинъ.

Григорій.

Слышь, Иванъ, не позабудь: Ердащагинъ! *(Господинъ уходитъ.)*

V.

Чужой лакей.

Прощайте, братцы! Пора ужъ и мнѣ.

Григорій.

Да что-жъ на балъ будешь, что ли?

Чужой лакей.

Ну, да ужъ тамъ посмотрю послѣ. Прощай, Иванъ!

Иванъ.

Прощай! *(Идетъ отворять дверь.)*

VI.

Горничная дѣвушка *бѣжитъ бѣгомъ черезъ лакейскую.*

Григорій.

Куды, куды? Удостойте взглядомъ! *(Хватаетъ ее за полу платья.)*

Дѣвушка.

Нельзя, нельзя, Григорій Павловичъ! Не держите меня, совсѣмъ-съ некогда! *(Вырывается и убѣгаетъ въ дверь на лѣстницу.)*

Григорій *(смотря вслѣдъ ей).*

Вонъ она, какъ поплелась! *(Смѣется.)* Хе-хе-хе!

Иванъ *(смѣется).*

Хи-хи-хи. *(Выходитъ баринъ; Григорій и Иванъ вдругъ насупливаютъ рожи и становятся серьезны. Григорій снимаетъ съ вѣшалки шубу и накидываетъ барину на плечи; баринъ уходитъ; Григорій стоитъ среди комнаты, чистя пальцемъ въ носу.)*

Григорій.

Вѣдь вотъ свободное время: баринъ ушелъ, чего бы, кажется, лучше?—нѣтъ, сейчасъ привалитъ этотъ чортъ, брюхачъ-дворецкій.

За сценой слышенъ крикъ дворецкаго: Вѣдь вотъ точно Божеское наказаніе: десять человѣкъ въ домѣ, и хоть бы одинъ что-нибудь прибралъ.

Григорій.

Вотъ ужъ пошелъ кричать толстобрюхій.

VII.

Пузатый дворецкій *(входитъ съ сильными движеньями и размахами рукъ).*

Побоялись бы хоть совѣсти своей, коли Бога не боитесь. Вѣдь ковры до сихъ поръ не выколочены. Вы бы, Григорій Павловичъ, примѣръ другимъ должны бы дать, а вы спите ровно отъ утра до вечера; вѣдь глаза-то у васъ заплыли отъ сна, ей-Богу! Вѣдь вы совсѣмъ подлецъ послѣ этого, Григорій Павловичъ!

Григорій.

Да что-жъ, нешто я не человѣкъ, что ужъ и заснуть нельзя?

Дворецкій.

Да кто-жъ противъ этого и слово говоритъ? Почему-жъ не заснуть? но вѣдь не весь же день спать. Ну, вотъ хоть бы и ты, Петръ Ивановичъ! вѣдь ты, не говоря дурного слова, на свинью похожъ, ей-Богу! Вѣдь что тебѣ заботы? всего два-три какихъ-нибудь подсвѣчника вычистить. Ну, зачѣмъ ты тутъ баишься? *(Петръ медленно уходитъ.)* А тебѣ, Ванька, просто толчка въ затылокъ слѣдуетъ.

Григорій *(уходя).*

Эхъ ты, житье, житье! вставши, да за вытье!

Дворецкій *(оставшись одинъ).*

Въ томъ-то и есть поведенье, что всякій человѣкъ долженъ знать долгъ. Коли слуга, такъ слуга; дворянинъ, такъ дворянинъ; архіерей, такъ архіерей. А то бы, пожалуй, всякій зачалъ... Я бы сейчасъ сказалъ; „Нѣтъ, я не дворецкій, а губернаторъ, или тамъ какой-нибудь отъ инфантеріи“. Да вѣдь за то мнѣ всякій бы сказалъ: „Нѣтъ, врешь, ты дворецкій, а не генералъ“— вотъ что! „Твоя обязанность смотрѣть за домомъ, за поведеньемъ слугъ“—вотъ что! „Тебѣ не то, что бонъ журъ, команъ ву франсе, а веди порядокъ, распоряженье“—вотъ что! Да.

VIII.

Входитъ **Аннушка,** *горничная дѣвушка изъ другого дома.*

Дворецкій.

А, Анна Гавриловна! Насчетъ моего почтенія съ большимъ удовольствіемъ васъ вижу.

„А, московская ворона, откуда тебя принесло?"

Рис. худ. В. Комарова.

Аннушка.

Не безпокойтесь, Лаврентій Павловичъ! Я нарочно зашла къ вамъ на минуту: я встрѣтила карету вашего барина и узнала, что его нѣтъ дома.

Дворецкій.

И очень хорошо сдѣлали: я и жена будемъ очень рады. Пожалуйте, садитесь!

Аннушка *(съвши)*.

Скажите, вѣдь вы знаете что-нибудь о балѣ, который надняхъ затѣвается?

Дворецкій.

Какъ же. Оно, примѣрно, вотъ изволите видѣть, складчина: одинъ человѣкъ, другой, примѣрно также сказать, третій. Конечно, это, впрочемъ, составитъ большую сумму. Я пожертвовалъ вмѣстѣ съ женою пять рублей. Ну, натурально, балъ или, что обыкновенно говорится, вечеринка. Конечно, будетъ угощеніе, примѣрно сказать, прохладительное. Для молодыхъ людей танцы и тому прочія подобныя удовольствія.

Аннушка.

Непремѣннно, непремѣнно буду! Я только зашла за тѣмъ, чтобы узнать, будете ли вы вмѣстѣ съ Агаѳьей Ивановной?

Дворецкій.

Ужъ Агаѳья Ивановна только и говоритъ, что объ васъ.

Аннушка.

Я боюсь только насчетъ общества.

Дворецкій.

Нѣтъ, Анна Гавриловна, у насъ будетъ общество хорошее. Не могу сказать навѣрно, но слышалъ, что будетъ камердинеръ графа Толстогуба, буфетчикъ и кучера князя Брюховецкаго, горничная какой-то княгини... Я думаю, тоже чиновники нѣкоторые будутъ.

Аннушка.

Одно мнѣ только очень не нравится, что будутъ кучера: отъ нихъ всегда запахъ простого табаку или водки; притомъ же всѣ они такіе необразованные, невѣжи.

Дворецкій.

Позвольте вамъ доложить, Анна Гавриловна, что кучера кучерамъ рознь. Оно, конечно, такъ какъ кучера, по обыкнове-

нію больше своему, находятся неотлучно при лошадяхъ, иногда подчищаютъ, съ позволенія сказать, навозъ; конечно, человѣкъ простой, выпьетъ стаканъ водки или, по недостаточности больше, выкуритъ обыкновеннаго бакуну, какой большею частью простой народъ употребляетъ: да, такъ оно натурально, что отъ него иногда, примѣрно сказать, воняетъ навозомъ или водкой,—конечно, все это такъ; да однако жъ, согласитесь сами, Анна Гавриловна, что и есть такіе кучера, которые, хотя и кучера, однако жъ, по обыкновенію своему, больше, примѣрно сказать, конюхи, нежели кучера. Ихъ должность или, такъ выразиться, дирекція состоитъ въ томъ, чтобы отпустить овесъ или укорить въ чемъ, если провинился форейторъ или кучеръ.

Аннушка.

Какъ вы хорошо говорите, Лаврентій Павловичъ! Я всегда васъ заслушиваюсь.

Дворецкій *(съ довольною улыбкой).*

Не стоитъ благодарности, сударыня! Оно конечно, не всякій человѣкъ имѣетъ, примѣрно сказать, рѣчь, то-есть, даръ слова. Натурально, бываетъ иногда... что, какъ обыкновенно говорятъ, косноязычіе... да, или иные прочіе подобные случаи, что, впрочемъ, уже происходитъ отъ натуры... Да не угодно ли вамъ пожаловать въ мою комнату?

(Аннушка идетъ, Лаврентій за нею.)

Комната въ домѣ Марьи Александровны.

Марья Александровна *(пожилыхъ лѣтъ дама)* и **Михайло Андреевичъ** *(ея сынъ).*

Марья Александровна.

Слушай, Миша, я давно хотѣла съ тобою переговорить: тебѣ должно перемѣнить службу.

Миша.

Пожалуй, хоть завтра же.

Марья Александровна.

Ты долженъ служить въ военной.

Миша *(вытаращивъ глаза).*

Въ военной?

Марья Александровна.

Да.

Миша.

Что вы, маменька, въ военной?

Марья Александровна.

Ну, что-жъ ты такъ изумился?

Миша.

Помилуйте, да развѣ вы не знаете: вѣдь нужно начинать съ юнкеровъ?

Марья Александровна.

Ну, да, послужишь годъ юнкеромъ, а потомъ произведутъ въ офицеры—ужъ это мое дѣло.

Миша.

Да что вы нашли во мнѣ военнаго? и фигура моя совершенно не военная. Помилуйте, матушка, право, вы меня совершенно изумили этакими словами, такъ что я... я... я, просто, не знаю, что и подумать... Я, слава Богу, и толстенекъ немножко, а какъ надѣну юнкерскій мундиръ съ короткими хвостиками—совѣстно даже будетъ смотрѣть.

Марья Александровна.

Нѣтъ нужды. Произведутъ въ офицеры, будешь носить мундиръ съ длинными фалдами и совершенно закроешь толщину свою, такъ что ничего не будетъ замѣтно. Притомъ это и лучше, что ты немножко толстъ—скорѣе пойдетъ производство: имъ же будетъ совѣстно, что у нихъ въ полку такой толстый прапорщикъ.

Миша.

Но, матушка, вѣдь мнѣ годъ, всего годъ осталось до коллежскаго асессора. Я ужъ два года, какъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Марья Александровна.

Перестань, перестань! Это слово „титулярный“ тиранитъ мои уши: мнѣ такъ и приходитъ на умъ, Богъ знаетъ, что. Я хочу, чтобы сынъ мой служилъ въ гвардіи. На штафирку, просто, не могу и смотрѣть теперь.

Миша.

Но посудите, матушка, разсмотрите меня хорошенько и наружность мою также: меня еще въ школѣ звали хомякомъ. Въ военной службѣ все же нужно, чтобы и на лошади лихо ѣздилъ, и голосъ бы имѣлъ звонкій, и ростъ бы имѣлъ богатырскій и талію.

Марья Александровна.

Пріобрѣтешь, все пріобрѣтешь. Я хочу, чтобы ты непремѣнно служилъ; на это есть очень важная причина.

Миша.

Да какая же причина?

Марья Александровна.

Ну, ужъ причина важная.

Миша.

Все же-таки скажите, какая причина.

Марья Александровна.

Такая причина... я не знаю даже, поймешь ли ты хорошенько. Губомазова, эта дура, третьяго дни у Рогожинскихъ говоритъ, и нарочно такъ, чтобы я слышала,—а я сижу третьею: передо мной Софи Вотрушкова, княгиня Александрина и за княгиней Александриной сейчасъ я, — что бы ты думалъ, эта негодная осмѣлилась говорить?.. Я, право, такъ и хотѣла встать съ мѣста, и если бы не княгиня Александрина, я бы, не знаю, что я сдѣлала. Говоритъ: „Я очень рада, что на придворныхъ балахъ не пускаютъ штатскихъ. Это такіе все", говоритъ, „mauvais genre, чѣмъ-то неблагороднымъ отъ нихъ отзывается. Я рада", говоритъ, „что мой Алексисъ не носитъ этого сквернаго фрака".—И все это произнесла съ такимъ жеманствомъ, съ такимъ тономъ... такъ, право... я не знаю, что бы я сдѣлала съ нею. А ея сынъ просто дуракъ набитый: только всего и умѣетъ, что подымать ногу. Такая противная мерзавка!

Миша.

Какъ, матушка, такъ въ этомъ вся причина?

Марья Александровна.

Да, я хочу на зло, чтобы мой сынъ тоже служилъ въ гвардіи и былъ бы на всѣхъ придворныхъ балахъ.

Миша.

Помилуйте, матушка, изъ того только, что она дура...

Марья Александровна.

Нѣтъ, ужъ я рѣшилась. Пусть-ка она себѣ треснетъ съ досады, пусть побѣсится.

Миша.

Однако жъ...

Марья Александровна.

О, я ей покажу! Ужъ какъ она хочетъ, я употреблю всѣ старанья, и мой сынъ будетъ тоже въ гвардіи. Ужъ хоть чрезъ это и потеряетъ, а ужъ непремѣнно будетъ. Чтобы я позволила всякой мерзавкѣ дуться предо мною и подымать и безъ того курносый носъ свой! Нѣтъ, ужъ вотъ этого-то никогда не будетъ! Ужъ какъ вы себѣ хотите, Наталья Андреевна!

Миша.

Да развѣ этимъ вы ей досадите?

Марья Александровна.

О, ужъ этого-то не позволю!

Миша.

Если вы этого требуете, маменька, я перейду въ военную; только, право, мнѣ самому будетъ смѣшно, когда увижу себя въ мундирѣ.

Марья Александровна,

Ужъ, по крайней мѣрѣ, гораздо благороднѣе этого фрачишки. Теперь второе: я хочу женить тебя.

Миша.

За однимъ разомъ и перемѣнить службу, и женить?

Марья Александровна.

Что-жъ? Какъ будто нельзя и перемѣнить службу, и жениться?

Миша.

Да вѣдь я и намѣренья еще не имѣлъ. Я еще не хочу жениться.

Марья Александровна.

Захочешь, если только узнаешь, на комъ. Этой женитьбой доставишь ты себѣ счастье и въ службѣ, и въ семейственной жизни. Словомъ, я хочу женить тебя на княжнѣ Шлепохвостовой.

Миша.

Да вѣдь она, матушка, дура первоклассная.

Марья Александровна.

Вовсе не первоклассная, а такая же, какъ и всѣ другія. Прекрасная дѣвушка, вотъ только что памяти нѣтъ: иной разъ забывается, скажетъ невпопадъ; но это отъ разсѣянности, а ужъ зато вовсе не сплетница и никогда ничего дурного не выдумаетъ.

Миша.

Помилуйте, куда ей сплетничать! Она насилу слово можетъ связать, да и то такое, что только руки разставишь, какъ услышишь. Вы знаете сами, матушка, что женитьба дѣло сердечное, нужно, чтобы душа...

Марья Александровна.

Ну, такъ! Я вотъ какъ будто предчувствовала. Послушай, перестань либеральничать. Тебѣ это не пристало, я тебѣ двад-

цать разъ уже говорила. Другому еще это идетъ какъ-то, а тебѣ совсѣмъ нейдетъ.

Миша.

Ахъ, маменька, но когда и въ чемъ я былъ не послушенъ вамъ? Мнѣ ужъ скоро тридцать лѣтъ, а между тѣмъ я, какъ дитя, покоренъ вамъ во всемъ. Вы мнѣ велите ѣхать туда, куда бы мнѣ смерть не хотѣлось ѣхать,—и я ѣду, не показываю даже и вида, что мнѣ это тяжело. Вы мнѣ приказываете потереться въ передней такого-то,—и я трусь въ передней такого-то, хоть мнѣ это вовсе не по сердцу. Вы мнѣ велите танцовать на балахъ,—и я танцую, хоть всѣ надо мною смѣются и надъ моей фигурой. Вы, наконецъ, велите мнѣ перемѣнить службу,—и я перемѣняю службу: въ тридцать лѣтъ иду въ юнкера, въ тридцать лѣтъ я перерождаюсь въ ребенка, въ угодность вамъ, и при всемъ томъ вы мнѣ всякій день колете глаза либеральничествомъ. Не пройдетъ минуты, чтобы вы меня не назвали либераломъ. Послушайте, матушка, это больно; клянусь вамъ, это больно! Я достоинъ за мою искреннюю любовь и привязанность къ вамъ болѣе...

Марья Александровна.

Пожалуйста, не говори этого! Будто я не знаю, что ты либералъ! И знаю даже, кто тебѣ все это внушаетъ: все этотъ скверный Собачкинъ.

Миша.

Нѣтъ, матушка, это ужъ слишкомъ, чтобы Собачкина я даже сталъ слушаться. Собачкинъ мерзавецъ, картежникъ и все, что вы хотите. Но тутъ онъ невиненъ. Я никогда не позволю ему надо мною имѣть и тѣни вліянія.

Марья Александровна.

Ахъ, Боже мой, какой ужасный человѣкъ! Я испугалась, когда его узнала. Безъ правилъ, безъ добродѣтели—какой гнусный, какой гнусный человѣкъ! Если-бъ ты зналъ, что такое онъ разнесъ про меня!.. я три мѣсяца не могла никуда носа показать: что у меня подаютъ сальные огарки; что у меня по цѣлымъ недѣлямъ не вытираются въ комнатахъ ковры щеткою; что я выѣхала на гулянье въ упряжи изъ простыхъ веревокъ на извощичьихъ хомутахъ... Я вся краснѣла, я болѣе недѣли была больна; я не знаю, какъ я могла перенести все это. Подлинно, одна вѣра въ Провидѣніе подкрѣпила меня.

Миша.

И этакій человѣкъ, вы думаете, можетъ имѣть надо мною власть? И, думаете, я позволю?..

Марья Александровна.

Я сказала, чтобы онъ не смѣлъ мнѣ на глаза показываться, и ты однимъ только можешь оправдать себя, когда безъ всякаго упорства сдѣлаешь княжнѣ déclaration сегодня же.

Миша.

Но, матушка, а если нельзя этого сдѣлать?

Марья Александровна.

Какъ нельзя? Это почему?

Миша *(въ сторону).*

Ну, рѣшительная минута!.. *(Вслухъ.)* Позвольте мнѣ хотя здѣсь имѣть свой голосъ, хотя въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ счастіе моей будущей жизни. Вы не спросили еще меня... ну, если я влюбленъ въ другую?

Марья Александровна.

Это, признаюсь, для меня новость. Объ этомъ я еще ничего не слышала. Да кто-жъ такая эта другая?

Миша.

Ахъ, маменька! клянусь, никогда еще не было подобной—ангелъ, ангелъ и лицомъ, и душою.

Марья Александровна.

Да чьихъ она, кто отецъ ея?

Миша.

Отецъ—Александръ Александровичъ Одосимовъ.

Марья Александровна.

Одосимовъ? Фамилія неслышная! Я ничего не знаю про Одосимова... Да что онъ, богатый человѣкъ?

Миша.

Рѣдкій человѣкъ! удивительный человѣкъ!

Марья Александровна.

И богатый?

Миша.

Какъ вамъ сказать? Нужно, чтобъ вы его видѣли. Такихъ достоинствъ души не сыщешь въ свѣтѣ.

Марья Александровна.

Да что онъ, какъ? въ чемъ состоитъ его чинъ, имущество?

Миша.

Я понимаю, маменька, чего вы хотите. Позвольте мнѣ на счетъ этотъ сказать откровенно мои мысли. Вѣдь теперь, какъ бы то ни было, можетъ-быть, во всей Россіи нѣтъ жениха, который бы не искалъ богатой невѣсты. Всякій хочетъ поправиться на счетъ женина приданаго. Ну, пусть еще въ нѣкоторомъ отношеніи это извинительно: я понимаю, что бѣдный человѣкъ, которому не повезло по службѣ или въ чемъ другомъ, которому, можетъ быть, излишняя честность помѣшала составить состояніе,— словомъ, что бы то ни было, но я понимаю, что онъ въ правѣ искать богатой невѣсты, и, можетъ быть, несправедливы бы были родители, если-бъ не отдали должнаго его достоинствамъ и не выдали бы за него дочери. Но вы посудите, справедливъ ли человѣкъ богатый, который будетъ искать тоже богатыхъ невѣстъ,—что-жъ будетъ тогда на свѣтѣ? Вѣдь это все равно, что сверхъ шубы да надѣть шинель, когда и безъ того жарко, когда эта шинель, можетъ быть, прикрыла бы чьи-нибудь плечи. Нѣтъ, маменька, это несправедливо! Отецъ пожертвовалъ всѣмъ имуществомъ на воспитанье дочери.

Марья Александровна.

Довольно, довольно! Больше я не въ силахъ слушать. Все знаю, все: влюбился въ потаскушку, дочь какого-нибудь фурьера, которая, можетъ-быть, Богъ знаетъ чѣмъ занимается.

Миша.

Матушка!..

Марья Александровна.

Отецъ — пьяница, мать — стряпуха, родня — кварташки или служащіе по питейной части... И я должна все это слышать, все это терпѣть, терпѣть отъ родного сына, для котораго я не щадила жизни!.. Нѣтъ, я не переживу этого!

Миша.

Но, матушка, позвольте...

Марья Александровна.

Боже мой, какая теперь нравственность у молодыхъ людей! Нѣтъ, я не переживу этого; клянусь, не переживу этого... Ахъ! что это? у меня закружилась голова! *(Вскрикиваетъ.)* Ахъ, въ

боку колика!.. Машка, Машка, стклянку!.. Я не знаю, проживу ли я до вечера. Жестокій сынъ!

Миша *(бросаясь).*

Матушка, успокойтесь! Вы сами создаете для себя...

Марья Александровна.

И все это надѣлалъ этотъ скверный Собачкинъ. Я не знаю, какъ не выгонятъ до сихъ поръ эту чуму.

Лакей *(въ дверяхъ).*

Собачкинъ пріѣхалъ.

Марья Александровна.

Какъ! Собачкинъ? Отказать, отказать, чтобъ его и духу здѣсь не было!

II.

Тѣ же и Собачкинъ.

Собачкинъ.

Марья Александровна, извините великодушно, что такъ давно не былъ. Ей-Богу, никакъ не могъ! Повѣрить не можете, сколько дѣлъ; зналъ, что будете гнѣваться; право, зналъ... *(Увидя Мишу.)* Здравствуй, братъ! Какъ ты?

Марья Александровна *(въ сторону).*

У меня, просто, словъ недостаетъ! Каковъ! Еще извиняется, что давно не былъ!

Собачкинъ.

Какъ я радъ, что вы, судя по лицу, такъ свѣжи и здоровы! А братца вашего какъ здоровье? Я полагалъ, признаюсь, и его также застать у васъ.

Марья Александровна.

Для этого вы бы могли отправиться къ нему, а не ко мнѣ.

Собачкинъ *(усмѣхаясь).*

Я пріѣхалъ разсказать вамъ одинъ преинтересный анекдотъ.

Марья Александровна.

Я не охотница до анекдотовъ.

Собачкинъ.

Объ Натальѣ Андреевнѣ Губомазовой.

Марья Александровна.

Какъ, объ Губомазовой?.. *(Стараясь скрыть любопытство.)* Такъ это, вѣрно, недавно случилось?

Собачкинъ.

На-дняхъ.

Марья Александровна.

Что-жъ такое?

Собачкинъ.

Знаете ли, что она сама сѣчетъ своихъ дѣвокъ?

Марья Александровна.

Нѣтъ! что вы говорите? Ахъ, какой срамъ! Можно ли это?

Собачкинъ.

Вотъ вамъ крестъ! Позвольте же разсказать. Одинъ разъ велитъ она виноватой дѣвушкѣ лечь, какъ слѣдуетъ, на кровать, а сама пошла въ другую комнату, не помню за чѣмъ-то, кажется, за розгами. Въ это время дѣвушка зачѣмъ-то выходитъ изъ комнаты, а на мѣсто ея приходитъ Натальи Андреевны мужъ, ложится и засыпаетъ. Является Наталья Андреевна, какъ слѣдуетъ, съ розгами, велитъ одной дѣвушкѣ сѣсть ему на ноги, накрыла простыней и высѣкла мужа.

Марья Александровна *(всплеснувъ руками)*.

Ахъ, Боже мой, какой срамъ! Какъ это до сихъ поръ я ничего объ этомъ не знала? Я вамъ скажу, что я почти всегда была увѣрена, что она въ состояніи это сдѣлать.

Собачкинъ.

Натурально. Я это говорилъ всему свѣту. Толкуютъ: „Примѣрная жена, сидитъ дома, занимается воспитаніемъ дѣтей, сама учитъ ихъ по-англійски!“ Какое воспитанье! сѣчетъ всякій день мужа, какъ кошку!.. Какъ мнѣ жаль, право, что я не могу пробыть у васъ подолѣе. *(Раскланивается.)*

Марья Александровна.

Куда-жъ это вы, Андрей Кондратьевичъ? Не совѣстно ли вамъ, столько времени у меня не бывши... Я всегда привыкла васъ видѣть, какъ друга дома: останьтесь! Мнѣ хотѣлось еще съ вами переговорить кое-о-чемъ. Послушай, Миша, у меня въ

комнатѣ дожидается каретникъ: пожалуйста, переговори съ нимъ. Спроси, возьмется ли онъ передѣлать карету къ первому числу. Цвѣтъ чтобы былъ голубой съ свѣтлой уборкой, на манеръ кареты Губомазовой. *(Миша уходитъ.)*

Марья Александровна.

Я нарочно услала сына, чтобы переговорить съ вами наединѣ. Скажите, вы вѣрно знаете: есть какой-то Александръ Александровичъ Одосимовъ.

Собачкинъ.

Одосимовъ?.. Одосимовъ... Одосимовъ... Знаю, есть гдѣ-то Одосимовъ; а впрочемъ, я могу справиться.

Марья Александровна.

Пожалуйста.

Собачкинъ.

Помню, помню, есть Одосимовъ, столоначальникъ или начальникъ отдѣленія... точно, есть.

Марья Александровна.

Вообразите, вышла одна смѣшная исторія... Вы мнѣ можете сдѣлать большое одолженіе.

Собачкинъ.

Вамъ стоитъ только приказать. Для васъ я готовъ на все: вы все сами это знаете.

Марья Александровна.

Вотъ въ чемъ дѣло: мой сынъ влюбился или, лучше, не влюбился, а просто зашло въ голову сумасбродство... Ну, молодой человѣкъ... Словомъ, онъ бредитъ дочерью этого Одосимова.

Собачкинъ.

Бредитъ? А, однако жъ, онъ мнѣ ничего объ этомъ не сказалъ. Да впрочемъ, конечно, бредитъ, если вы говорите.

Марья Александровна.

Я хочу отъ васъ, Андрей Кондратьевичъ, большой услуги: вы, я знаю, нравитесь женщинамъ.

Собачкинъ.

Хе-хе-хе! Да вы почему это думаете? А вѣдь, точно, вообразите; на масляной шесть купчихъ... можетъ быть, вы ду-

маете, что я съ своей стороны какъ-нибудь... волочился или что-нибудь другое... Клянусь, даже не посмотрѣлъ! Да вотъ еще лучше: вы знаете того, какъ бишь его, Ермолай, Ермолай... Ахъ, Боже, Ермолай, вотъ что жилъ на Литейной, недалеко отъ Кирочной?

Марья Александровна.

Не знаю тамъ никого.

Собачкинъ.

Ахъ, Боже мой, Ермолай Ивановичъ, кажется, вотъ хоть убей, позабылъ фамилію. Еще жена его, лѣтъ пять тому назадъ, попала въ исторію... Ну, да вы знаете ее — Сильфида Петровна.

Марья Александровна.

Совсѣмъ нѣтъ; не знаю я никакого ни Ермолая Ивановича, ни Сильфиды Петровны.

Собачкинъ.

Боже мой! онъ еще жилъ недалеко отъ Куропаткина.

Марья Александровна.

Да и Куропаткина я не знаю.

Собачкинъ.

Да вы послѣ припомните. Дочь—богачка страшная, до двухсотъ тысячъ приданаго и не то, чтобы съ надуваньемъ, а еще до вѣнца ломбардный билетъ въ руки.

Марья Александровна.

Что-жъ вы? не женились?

Собачкинъ.

Не женился. Отецъ три дня на колѣняхъ стоялъ, упрашивалъ; и дочь не перенесла, и теперь въ монастырѣ сидитъ.

Марья Александровна.

Почему-жъ вы не женились?

Собачкинъ.

Да такъ какъ-то. Думаю себѣ: отецъ—откупщикъ, родня—что ни попало. Повѣрите, самому, право, было потомъ жалко. Чортъ побери, право, какъ устроенъ свѣтъ; все условія, да приличія. Сколькихъ людей уже погубили!

Марья Александровна.

Ну, да что же вамъ смотрѣть на свѣтъ? *(Въ сторону.)* Прошу покорно! Теперь всякая чуть вылѣзшая козявка уже думаетъ, что онъ аристократъ. Вотъ всего какой-нибудь титулярный, а послушай-ка, какъ говоритъ!

Собачкинъ.

Ну, да нельзя, Марья Александровна, право нельзя. Все какъ-то... Ну, понимаете... станутъ говорить: „Ну, вотъ женился, чортъ знаетъ на комъ...“ Да со мной, впрочемъ, всегда такія исторіи. Иной разъ, право, совсѣмъ не виноватъ, съ своей стороны рѣшительно ничего... ну, что ты прикажешь дѣлать? *(Говоритъ тихо.)* Вѣдь вотъ по вскрытіи Невы всегда находятъ двухъ-трехъ утонувшихъ женщинъ,—я ужъ только молчу, потому что въ такую еще впутаешься исторію... Да, любятъ; а вѣдь за что бы, кажется? лицомъ нельзя сказать, чтобы очень...

Марья Александровна.

Полно, будто вы сами не знаете, что вы хороши.

Собачкинъ *(усмѣхается).*

А вѣдь вообразите, что еще какъ былъ мальчишкой, ни одна, бывало, не пройдетъ безъ того, чтобы не ударить пальцемъ подъ подбородокъ и не сказать: „Плутишка, какъ хорошъ!“

Марья Александровна *(въ сторону).*

Прошу покорно! Вѣдь вотъ насчетъ красоты тоже — вѣдь моська совершенная, а воображаетъ, что хорошъ. *(Вслухъ.)* Ну, такъ послушайте же, Андрей Кондратьевичъ, съ вашею наружностью можно это сдѣлать. Мой сынъ влюбленъ до дурачества и воображаетъ, что она — совершенная доброта и невинность. Нельзя ли какъ-нибудь, знаете, представить ее не въ томъ видѣ, какъ-нибудь этакъ, что называется, немножко замарать... Если вы, положимъ, не произведете на нее дѣйствія и она не сойдетъ съ ума отъ васъ...

Собачкинъ.

Марья Александровна, сойдетъ! Не спорьте, сойдетъ: я голову дамъ отрубить, если не сойдетъ. Я вамъ скажу, Марья Александровна, со мной не такія бывали исторіи... Вотъ еще на-дняхъ...

Марья Александровна.

Ну, какъ бы то ни было, сойдетъ или не сойдетъ, только нужно, чтобы по городу разнеслись слухи, что вы съ нею въ связи... и чтобы это дошло до моего сына.

Собачкинъ.

До вашего сына?

Марья Александровна.

Да, до моего сына.

Собачкинъ.

Да.

Марья Александровна.

Что—да?

Собачкинъ.

Ничего, я такъ сказалъ: *да.*

Марья Александровна.

Развѣ вы находите, что это для васъ трудно?

Собачкинъ.

О, нѣтъ, ничего! Но всѣ эти влюбленные... вы не повѣрите, какія у нихъ несообразности, неумѣстныя ребячества разныя: то пистолеты, то... чортъ знаетъ что такое... Конечно, я не то, чтобы этимъ какъ-нибудь... но, знаете, неприлично въ хорошемъ обществѣ.

Марья Александровна.

О! насчетъ этого будьте покойны. Положитесь на меня, я не допущу его до этого.

Собачкинъ.

Впрочемъ, я такъ только замѣтилъ. Повѣрьте, Марья Александровна, я для васъ, если бы пришлось точно порисковать гдѣ жизнью, то съ удовольствіемъ, ей-Богу, съ удовольствіемъ... Я такъ васъ люблю, что, признаться сказать, даже совѣстно; вы подумать можете, Богъ знаетъ что, а это именно одно только глубочайшее уваженіе. Ахъ, вотъ хорошо, что вспомнилъ! Я попрошу васъ, Марья Александровна, одолжить мнѣ на самое короткое время тысячонки двѣ. Чортъ его знаетъ, какая дурацкая память! Одѣваясь, все думалъ, какъ бы не позабыть книжку, нарочно положилъ на столъ передъ глазами. Что прикажете, все взялъ, табакерку взялъ, платокъ даже лишній взялъ, а книжка осталась на столѣ.

Марья Александровна *(въ сторону).*

Что съ нимъ дѣлать? Дашь—замотаетъ, а не дашь—распуститъ по городу такую чепуху, что мнѣ никуда нельзя будетъ носа показать. И мнѣ нравится, что еще говоритъ: позабылъ книжку! Книжка-то у тебя есть, я знаю, да пуста. А нечего

дѣлать, нужно дать. *(Вслухъ.)* Извольте, Андрей Кондратьевичъ! обождите только здѣсь, я вамъ ихъ сейчасъ принесу.

Собачкинъ.

Очень хорошо, я посижу здѣсь.

Марья Александровна *(уходя, въ сторону).*

Безъ денегъ ничего, мерзавецъ, не можетъ сдѣлать.

Собачкинъ *(одинъ).*

Да, эти двѣ тысячи теперь мнѣ и очень пригодятся. Долговъ-то я отдавать не буду: и сапожникъ подождетъ, и портной подождетъ, и Анна Ивановна тоже подождетъ; конечно, раскричится, ну, да что-жъ дѣлать? нельзя же деньги сорить на все, съ нея довольно и любви моей, а платье, она вретъ, у нея есть. А я сдѣлаю вотъ какъ: скоро будетъ гулянье; колясчонка моя хоть и новая, ну, да ее всякій уже видѣлъ и знаетъ, а есть, говорятъ, у Іохима только что отдѣланная, послѣдней моды, еще онъ даже никому не показываетъ ее. Если прибавлю эти двѣ тысячи къ моей коляскѣ, такъ я могу ее и весьма вымѣнять. Такъ я, знаете, какого задамъ тогда эффекту! Можетъ быть, на всемъ гуляньи всего и будетъ только одна или двѣ такія коляски. Такъ обо мнѣ вездѣ заговорятъ. А между тѣмъ нужно подумать о порученіи Марьи Александровны. Мнѣ кажется, благоразумнѣе всего начать съ любовныхъ писемъ. Написать письмо отъ имени этой дѣвушки, да и выронить какъ-нибудь нечаянно при немъ или позабыть на столѣ въ его комнатѣ. Конечно, можетъ выйти какъ-нибудь плохо. Да, впрочемъ, что-жъ? надаетъ вѣдь только тузановъ? Тузаны, конечно, больно, да все же вѣдь не до такой же степени, чтобы... Да вѣдь я могу и удрать, и если что—въ спальню Марьи Александровны, и прямо подъ кровать, и пусть-ка онъ оттуда меня вытащитъ! Но, главное, какъ написать письмо? Смерть не люблю писать, то-есть, просто, хоть зарѣжь. Чортъ его знаетъ, такъ, кажется, на словахъ все бы славно изъяснилъ, а примешься за перо—просто, какъ будто бы кто-нибудь оплеуху далъ: конфузія, конфузія, не подымается рука, да и полно. Развѣ вотъ что? у меня есть кое-какія письма, еще недавно ко мнѣ писанныя—выбрать которое получше, подскоблить фамилію, а на мѣсто ея написать другую. Что-жъ, чѣмъ же это нехорошо? право! Пошарить въ карманѣ, можетъ быть, тутъ же посчастливится найти именно такое, какъ нужно. *(Вынимаетъ изъ кармана пучокъ писемъ.)* Ну, хоть бы это, напримѣръ. *(Читаетъ.)* „Я очинь слава Богу здарова но за немогаю отъ болѣ. Али вы душенька совсемъ пазабыли. Иванъ

Даниловичъ виделъ васъ душиньку въ тіатѣрѣ и то пришли бы успокоили веселостями разговора". Чортъ возьми! кажется, правописанія нѣтъ. Нѣтъ, этимъ, я думаю, не надуешь. *(Продолжаетъ.)* „Я для васъ душинька вышила подвязку". Ну, и разносилась съ нѣжностями! Что-то буколическаго много, Шатобріаномъ пахнетъ. А вотъ, можетъ быть, не будетъ ли здѣсь чего-нибудь? *(Развертываетъ другое и прищуриваетъ глазъ, стараясь разобрать.)* „Лю-без-ный другъ!" Нѣтъ, это, однако жъ, не любезный другъ; что же, однако жъ? „Нѣжнѣйшій, дражайшій?" Нѣтъ, и не дражайшій, нѣтъ, нѣтъ. *(Читаетъ.)* „Ме, ме, е...рзавецъ". Хм! *(Сжимаетъ губы.)* „Если ты, коварный обольститель моей невинности, не отдашь задолженныя мною въ мелочную лавочку деньги, которыя я по неопытности сердечной для тебя, скверная рожа *(послѣднее слово читаетъ почти сквозь зубы)*... то я тебя въ полицію". Чортъ знаетъ что! Вотъ ужъ, просто, чортъ знаетъ что! Вотъ ужъ именно ничего нѣтъ въ этомъ письмѣ. Конечно, обо всемъ можно сказать, но можно сказать благопристойно, выраженіями такими, которыя бы не оскорбляли человѣка. Нѣтъ, нѣтъ, всѣ эти письма, я вижу, какъ-то не то... совсѣмъ не годятся. Нужно поискать чего-нибудь сильнаго, чтобы виденъ кипятокъ,—кипятокъ, что называютъ. А вотъ, вотъ, посмотримъ это. *(Читаетъ.)* „Жестокій тиранъ души моей!" А, это что-то хорошее, однако жъ. „Тронься сердечной моей участью!" И преблагородно! ей-Богу, преблагородно! Вѣдь вотъ видно воспитаніе! Ужъ по началу видно, кто какъ себя поведетъ. Вотъ какъ нужно писать! Чувствительно, а между тѣмъ и человѣкъ не оскорбленъ. Вотъ это письмо я ему и подсуну. Далѣе уже и читать не нужно; только не знаю, какъ бы выскоблить такъ, чтобы не было замѣтно. *(Смотритъ на подпись.)* Э, э! вотъ хорошо, даже имени не выставлено! Прекрасно! это и подписать. Каково обдѣлалось дѣльцо само собою! А вѣдь, говорятъ, наружность вздоръ: ну, не будь смазливъ, не влюбились бы въ тебя, а не влюбившись, не написали бы писемъ, а не имѣя писемъ, не зналъ бы, какъ взяться за это дѣло. *(Подходя къ зеркалу.)* Еще сегодня какъ-то опустился, а то вѣдь иной разъ, точно, даже что-то значительное въ лицѣ... Жаль только, что зубы скверные, а то бы совсѣмъ былъ похожъ на Багратіона. Вотъ не знаю, какъ запустить бакенбарды: такъ ли, чтобы рѣшительно, вокругъ было бахромкой, какъ говорятъ—сукномъ обшитъ, или выбрить все гольемъ, а подъ губой завести что-нибудь, а?

Дѣла давно минувшихъ дней.

Комната въ городскомъ трактирѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ихаревъ *входитъ въ сопровожденіи трактирнаго слуги* **Алексѣя** *и своего собственнаго,* **Гаврюшки.**

Алексѣй.

Пожалуйте-съ, пожалуйте! Вотъ-съ покойчикъ! ужъ самый покойный, и шуму нѣтъ вовсе.

Ихаревъ.

Шума нѣтъ, да, чай, коннаго войска вдоволь, скакуновъ?

Алексѣй.

То-есть, изволите говорить насчетъ блохъ? ужъ будьте покойны. Если блоха или клопъ укуситъ, ужъ это наша отвѣтственность: ужъ на томъ стоимъ.

Ихаревъ *(Гаврюшкѣ).*

Ступай выносить изъ коляски. *(Гаврюшка уходитъ. Алексѣю.)* Тебя какъ зовутъ?

Алексѣй.

Алексѣй-съ.

Ихаревъ.

Ну, послушай! *(Значительно.)* Разсказывай: кто у васъ живетъ?

Алексѣй.

Да живутъ теперь много. Всѣ номера почти заняты.

Ихаревъ.

Кто-жъ именно?

Алексѣй.

Швохневъ Петръ Петровичъ, Кругель, полковникъ, Степанъ Ивановичъ Утѣшительный.

Ихаревъ.

Играютъ?

Алексѣй.

Да вотъ ужъ шесть ночей сряду играютъ.

Ихаревъ.

Пара цѣлковиковъ! *(Суетъ ему въ руку.)*

Алексѣй *(кланяясь)*.

Покорнѣйше благодарю.

Ихаревъ.

Послѣ еще будетъ.

Алексѣй.

Покорнѣйше-съ благодарю.

Ихаревъ.

Между собой играютъ?

Алексѣй.

Нѣтъ, недавно обыграли поручика Артуновскаго; у князя Шенькина выиграли тридцать шесть тысячъ.

Ихаревъ.

Вотъ тебѣ еще красная бумажка! А если послужишь честно, еще получишь. Признайся, карты ты покупалъ?

Алексѣй.

Нѣтъ-съ, они сами брали вмѣстѣ.

Ихаревъ.

Да у кого?

Алексѣй.

Да у здѣшняго купца Вахрамейкина.

Ихаревъ.

Врешь, врешь, плутъ!

Алексѣй.

Ей-Богу!

Ихаревъ.

Хорошо. Мы съ тобой потолкуемъ ужо. *(Гаврюшка вноситъ шкатулку.)* Ставь ее здѣсь! Теперь ступайте, приготовьте мнѣ умыться и побриться. *(Слуги уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Ихаревъ *(одинъ, отпираетъ шкатулку, всю наполненную карточными колодами).*

Каковъ видъ, а? Каждая дюжина золотая. Пóтомъ, трудомъ досталась всякая. Легко сказать, до сихъ поръ рябитъ въ глазахъ проклятый крапъ. Но вѣдь зато, вѣдь это тотъ же капиталъ. Дѣтямъ можно оставить въ наслѣдство! Вотъ она, заповѣдная колодушка—просто перлъ! Зато-жъ ей и имя дано, да: Аделаида Ивановна. Послужи-ка ты мнѣ, душенька, такъ, какъ послужила сестрица твоя: выиграй мнѣ также восемьдесятъ тысячъ, такъ я тебѣ, пріѣхавши въ деревню, мраморный памятникъ поставлю; въ Москвѣ закажу. *(Услыша шумъ, поспѣшно закрываетъ шкатулку.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Алексѣй и **Гаврюшка** *(несутъ лоханку, рукомойникъ и полотенце).*

Ихаревъ.

Что, эти господа гдѣ теперь? дома?

Алексѣй.

Да-съ, они теперь въ общей залѣ.

Ихаревъ.

Пойду взглянуть на нихъ, что за народъ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Алексѣй и **Гаврюшка.**

Алексѣй.

Что, издалека ѣдете?

Гаврюшка.

А изъ Рязани.

Алексѣй.

А сами тамошней губерніи?

Гаврюшка.

Нѣтъ, сами изъ Смоленской.

Алексѣй.

Такъ-съ. Помѣстье-то, выходитъ, въ Смоленской губерніи?

Гаврюшка.

Нѣтъ, не въ Смоленской. Въ Смоленской сто душъ, да въ Калужской восемьдесятъ.

Алексѣй.

Понимаю, въ двухъ, то-есть, губерніяхъ.

Гаврюшка.

Да, въ двухъ губерніяхъ. У насъ одной дворни: Игнатій буфетчикъ, Павлушка, который прежде съ бариномъ ѣздилъ, Герасимъ лакей, Иванъ тоже опять лакей, Иванъ псарь, Иванъ опять музыкантъ, потомъ поваръ Григорій, поваръ Семенъ, Варухъ садовникъ, Дементій кучеръ, вотъ какъ у насъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Кругель, Швохневъ *(осторожно входя).*

Кругель.

Право, я боюсь, чтобъ онъ насъ не засталъ здѣсь.

Швохневъ.

Ничего, Степанъ Ивановичъ его удержитъ. *(Алексѣю.)* Ступай, братъ, тебя зовутъ! *(Алексѣй уходитъ. Швохневъ, подходя поспѣшно къ Гаврюшкѣ.)* Откуда баринъ?

Гаврюшка.

Да теперь изъ Рязани.

Швохневъ.

Помѣщикъ?

Гаврюшка.

Помѣщикъ.

Швохневъ.

Играетъ?

Гаврюшка.

Играетъ.

Швохневъ.

Вотъ тебѣ красуля. *(Даютъ ему бумажку.)* Разсказывай все!

Гаврюшка.

Да вы не скажете барину?

Оба.

Ни, ни, не бойся!

Швохневъ.

Что, что какъ онъ теперь,—въ выигрышѣ? а?

Гаврюшка.

Да вы полковника Чеботарева не знаете?

Швохневъ.

Нѣтъ, а что?

Гаврюшка.

Недѣли три тому назадъ мы его обыграли на восемьдесятъ тысячъ деньгами, да коляску варшавскую, да шкатулку, да коверъ, да золотые эполеты... одной выжиги дали на 600 рублей.

Швохневъ

(Взглянувъ на Кругеля, значительно).

А? восемьдесятъ тысячъ! *(Кругель покачалъ головою.)* Думаешь—нечисто? Это мы сейчасъ узнаемъ. *(Гаврюшкѣ.)* Послушай: когда баринъ остается дома одинъ, что дѣлаетъ?

Гаврюшка.

Да какъ — что дѣлаетъ? Извѣстно, что дѣлаетъ. Онъ ужъ баринъ, такъ держитъ себя хорошо: онъ ничего не дѣлаетъ.

Швохневъ.

Врешь, чай картъ изъ рукъ не выпускаетъ.

Гаврюшка.

Не могу знать, я съ бариномъ всего двѣ недѣли: съ нимъ прежде все Павлушка ѣздилъ. У насъ тоже есть Герасимъ лакей, опять Иванъ лакей, Иванъ псарь, Иванъ музыкантъ, Дементій кучеръ, да намедни изъ деревни одного взяли.

Швохневъ *(Кругелю.)*

Думаешь—шулеръ?

Кругель.

И очень можетъ быть.

Швохневъ.

А попробовать все-таки попробуемъ. *(Оба убѣгаютъ.)*

ЯВЛЕНIЕ VI.

Гаврюшка *(одинъ).*

Проворные господа! А за бумажку спасибо. Будетъ Матренѣ на чепецъ, да пострѣльчонкамъ тоже по прянику. Эхъ, люблю походную жисть! Ужъ всегда что-нибудь прiобрѣтешь: баринъ пошлетъ купить чего-нибудь,—все ужъ съ рубля гривенничекъ положишь себѣ въ карманъ. Какъ подумаешь, что за житье господамъ на свѣтѣ! куда хошь, катай! Въ Смоленскѣ наскучило, поѣхалъ въ Рязань; не захотѣлъ въ Рязань—въ Казань; въ Казань не захотѣлъ, валяй подъ самый Ярославъ. Вотъ только до сихъ поръ не знаю, который изъ городовъ будетъ партикулярнѣй, Рязань или Казань?—Казань будетъ потому партикулярнѣй, что въ Казани...

ЯВЛЕНIЕ VII.

Ихаревъ, Гаврюшка, *потомъ* **Алексѣй.**

Ихаревъ.

Въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго, какъ мнѣ кажется. А впрочемъ... Эхъ, хотѣлось бы мнѣ ихъ обчистить! Господи Боже, какъ бы хотѣлось! Какъ подумаешь, право, сердце бьется. *(Беретъ щетку, мыло, садится передъ зеркаломъ и начинаетъ бриться.)* Просто рука дрожитъ, никакъ не могу бриться. *(Входитъ Алексѣй.)*

Алексѣй.

Не прикажете ли чего покушать?

Ихаревъ.

Какъ же, какъ же! Принеси закуску на четыре человѣка: икры, семги, бутылки четыре вина. Да накорми сейчасъ его. *(Указывая на Гаврюшку.)*

Алексѣй *(Гаврюшкѣ).*

Пожалуйте въ кухню, тамъ для васъ приготовлено. *(Гаврюшка уходитъ.)*

Ихаревъ *(продолжая бриться).*

Послушай! много они тебѣ дали?

Алексѣй.

Кто-съ?

Ихаревъ.

Ну, да ужъ не изворачивайся, говори!

Алексѣй.

Да-съ, за прислугу пожаловали.

Ихаревъ.

Сколько? пятьдесятъ рублей?

Алексѣй.

Да-съ, пятьдесятъ рублей дали.

Ихаревъ.

А отъ меня не пятьдесятъ, а вонъ, видишь, на столѣ лежитъ сторублевая бумажка, возьми ее. Что боишься, не укуситъ. Отъ тебя не потребуется больше ничего, какъ только честности, понимаешь? Карты пусть будутъ у Вахрамейкина или у другого купца, это не мое дѣло, а вотъ тебѣ въ придачу отъ меня дюжину. *(Даетъ ему запечатанную дюжину.)* Понимаешь?

Алексѣй.

Да ужъ какъ не понять? Извольте положиться, это ужъ наше дѣло.

Ихаревъ.

Да карты спрячь хорошенько, чтобъ какъ-нибудь тебя не ощупали или не увидѣли. *(Кладетъ щетку и мыло и вытирается полотенцемъ. Алексѣй уходитъ.)* Хорошо бы было и очень бы хорошо. А ужъ какъ, признаюсь, хочется поддѣть ихъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Швохневъ, Кругель и Степанъ Ивановичъ Утѣшительный *(входятъ съ поклонами)*.

Ихаревъ *(съ поклономъ къ нимъ на-встрѣчу)*.

Прошу простить. Комната, какъ видите, не красна углами: четыре стула всего.

Утѣшительный.

Привѣтливыя ласки хозяина дороже всякихъ удобствъ.

Швохневъ.

Не съ комнатой жить, а съ добрыми людьми.

Утѣшительный.

Именно правда. Я бы не могъ быть безъ общества. *(Кругелю.)* Помнишь, почтеннѣйшій, какъ я пріѣхалъ сюда: одинъ-одине-

Ихаревъ.

Рис. П. Боклевскаго.

Сохранилось три рисунка Боклевскаго къ „Игрокамъ"; два изъ нихъ впервые помѣщаются здѣсь, остается неизданнымъ портретъ Глова. Интересно, что художникъ при обработкѣ типовъ бралъ за основу извѣстныхъ европейскихъ дѣятелей. Ихаревъ напоминаетъ Наполеона III, Утѣшительный—Бисмарка того времени, Гловъ-отецъ повидимому рисованъ съ Вильгельма. Говорятъ, что Боклевскій любилъ проводить аналогію между сюжетомъ „Игроковъ" и Франко-Прусской войной.

шенекъ. Вообразите: знакомыхъ никого. Хозяйка старуха. На лѣстницѣ какая-то поломойка, уродъ естественнѣйшій; вижу, увивается около нея какой-то армейщина, видно, натощакъ... Словомъ, скука смертная. Вдругъ судьба послала вотъ его, а потомъ случай свелъ съ нимъ... Ну, ужъ какъ я былъ радъ. Не могу, не могу часу пробыть безъ дружескаго общества. Все, что ни есть на душѣ, готовъ разсказать каждому.

Кругель.

Это, братъ, порокъ твой, а не добродѣтель. Излишество вредитъ. Ты, вѣрно, ужъ не разъ былъ обманутъ.

Утѣшительный.

Да, обманывался, обманывался, и всегда буду обманываться. А все-таки я не могу безъ откровенности.

Кругель.

Ну, признаюсь, это для меня непонятно: быть откровенну со всякимъ. Дружба—это другое дѣло.

Утѣшительный.

Такъ; но человѣкъ принадлежитъ обществу.

Кругель.

Принадлежитъ, но не весь.

Утѣшительный.

Нѣтъ, весь.

Кругель.

Нѣтъ, не весь.

Утѣшительный.

Нѣтъ, весь.

Кругель.

Нѣтъ, не весь.

Утѣшительный.

Нѣтъ, весь!

Швохневъ *(Утѣшительному)*.

Не спорь, братъ: ты неправъ.

Утѣшительный *(горячась)*.

Нѣтъ, я докажу. Это обязанность... Это, это, это... это долгъ! это, это, это...

Швохневъ.

Ну, зарапортовался! Горячъ необыкновенно: еще первыя два слова можно понять изъ того, что онъ говоритъ, а ужъ дальше ничего не поймешь.

Утѣшительный.

Не могу, не могу! Если дѣло коснется обязанностей или долга, я ужъ ничего не помню. Я обыкновенно впередъ ужъ объявляю: „господа, если будетъ о чемъ подобномъ толкъ, извините, увлекусь, право увлекусь“. Точно хмель какой-то, а желчь такъ и кипитъ, такъ и кипитъ.

Ихаревъ *(про себя).*

Ну, нѣтъ, пріятель! Знаемъ мы тѣхъ людей, которые увлекаются и горячатся при словѣ „обязанность“. У тебя, можетъ-быть, и кипитъ желчь, да только не въ этомъ случаѣ. *(Вслухъ.)* А что, господа, покамѣстъ споръ о священныхъ обязанностяхъ, не засѣсть ли намъ въ банчикъ?

(Въ продолженіе ихъ разговора приготовленъ на столѣ завтракъ.)

Утѣшительный.

Извольте; если не въ большую игру, почему нѣтъ?

Кругель.

Отъ невинныхъ удовольствій я никогда не прочь.

Ихаревъ.

А что, вѣдь въ здѣшнемъ трактирѣ, чай, есть карты?

Швохневъ.

О, только прикажите!

Ихаревъ.

Карты! *(Алексѣй хлопочетъ около карточнаго стола.)* А между тѣмъ, прошу, господа! *(Указывая рукой на закуску и подходя къ ней.)* Балыкъ, кажется, не того, а икра еще такъ и сякъ.

Швохневъ *(посылая въ ротъ кусокъ).*

Нѣтъ, и балыкъ того.

Кругель *(также).*

И сыръ хорошъ. Икра тоже недурна.

Швохневъ *(Кругелю).*

Помнишь, какой отличный сыръ ѣли мы недѣли двѣ тому назадъ?

Кругель.

Нѣтъ, никогда въ жизни не позабуду я сыра, который ѣлъ я у Петра Александровича Александрова.

Утѣшительный.

Да вѣдь сыръ, почтеннѣйшій, когда хорошъ? Хорошъ онъ тогда, когда сверхъ одного обѣда наворотишь другой—вотъ гдѣ его настоящее значеніе. Онъ все равно, что добрый квартермистръ, говоритъ: „Добро пожаловать, господа, есть еще мѣсто".

Ихаревъ.

Добро пожаловать, господа, карты на столѣ.

Утѣшительный
(подходя къ карточному столу).

А, вотъ оно старина, старина! Слышь, Швохневъ, карты, а? Сколько лѣтъ...

Ихаревъ *(въ сторону).*

Да полно тебѣ корчить!..

Утѣшительный.

Хотите вы держать банчикъ?

Ихаревъ.

Небольшой, извольте, пятьсотъ рублей. Угодно снять? *(Мечетъ банкъ.)*

Начинается игра. Раздаются восклицанія.

Швохневъ.

Четверка, тузикъ,—оба по десяти.

Утѣшительный.

Подай-ка, братъ, мнѣ свою колоду: я выберу себѣ карту на счастье нашей губернской предводительши.

Кругель.

Позвольте присовокупить девяточку.

Утѣшительный.

Швохневъ, подай мѣлъ. Приписываю и списываю.

Швохневъ.

Чортъ побери, пароле!

Утѣшительный.

И пять рублей мазу!

Кругель.

Атанде! позвольте посмотрѣть, кажется, еще двѣ тройки должны быть въ колодѣ.

Утѣшительный
(вскакиваетъ съ мѣста, про себя).

Чортъ побери, тутъ что-то нѐ такъ. Карты другія, это очевидно.

(Игра продолжается.)

Ихаревъ *(Кругелю).*

Позвольте узнать: обѣ идутъ?

Кругель.

Обѣ.

Ихаревъ.

Не возвышаете?

Кругель.

Нѣтъ.

Ихаревъ *(Швохневу).*

А вы что-жъ? не ставите?

Швохневъ.

Позвольте мнѣ эту талію переждать. *(Встаетъ съ стула, торопливо подходитъ къ Утѣшительному и говоритъ скоро).* Чортъ возьми, братъ! И передергиваетъ, и все, что хочешь! Шулеръ первой степени!

Утѣшительный *(въ волненіи).*

Неужели, однако жъ, отказаться отъ восьмидесяти тысячъ?

Швохневъ.

Конечно, нужно отказаться, когда нельзя взять.

Утѣшительный.

Ну, это еще вопросъ, а пока съ нимъ объясниться!

Швохневъ.

Какъ?

Утѣшительный.

Открыться ему во всемъ.

Швохневъ.

Для чего?

Утѣшительный.

Послѣ скажу. Пойдемъ. *(Подходятъ оба къ Ихареву и ударяютъ его съ обѣихъ сторонъ по плечу.)*

Утѣшительный.

Да полно вамъ тратить попусту заряды!

Ихаревъ *(вздрогнувъ)*.

Какъ?

Утѣшительный.

Да что тутъ толковать, свой своего развѣ не узналъ?

Ихаревъ *(учтиво)*.

Позвольте узнать, въ какомъ смыслѣ я долженъ разумѣть?..

Утѣшительный.

Да просто, безъ дальнѣйшихъ словъ и церемоній. Мы видѣли ваше искусство и, повѣрьте, умѣемъ отдавать справедливость достоинству. И потому, отъ лица нашихъ товарищей, предлагаю вамъ дружескій союзъ. Соединя наши познанія и капиталы, мы можемъ дѣйствовать несравненно успѣшнѣе, чѣмъ порознь.

Ихаревъ.

Въ какой степени я долженъ понимать справедливость словъ вашихъ?..

Утѣшительный.

Да вотъ въ какой степени: за искренность мы платимъ искренностью. Мы признаемся тутъ же вамъ откровенно, что сговорились обыграть васъ, потому что приняли васъ за человѣка обыкновеннаго. Но теперь видимъ, что вамъ знакомы высшія тайны. Итакъ, хотите ли принять нашу дружбу?

Ихаревъ.

Отъ такого радушнаго предложенія не могу отказаться.

Утѣшительный.

Итакъ, подадимте же, всякій изъ насъ, другъ другу руки. *(Всѣ поперемѣнно пожимаютъ руку Ихареву.)* Отнынѣ все общее; притворство и церемоніи въ сторону! Позвольте узнать, съ какихъ поръ начали изслѣдовать глубину познаній?

Ихаревъ.

Признаюсь, это уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ было моимъ стремленіемъ. Еще въ школѣ, во время профессорскихъ лекцій, я уже подъ скамьей держалъ банкъ моимъ товарищамъ.

Утѣшительный.

Я такъ и полагалъ. Подобное искусство не можетъ быть пріобрѣтено безъ практики въ лѣта гибкаго юношества. Помнишь, Швохневъ, этого необыкновеннаго ребенка?

Ихаревъ.

Какого ребенка?

Утѣшительный.

А вотъ разскажи!

Швохневъ.

Подобнаго событія я никогда не позабуду. Говоритъ мнѣ его зять *(указывая на Утѣшительнаго),* Андрей Ивановичъ Пяткинъ: „Швохневъ, хочешь видѣть чудо? Мальчикъ одиннадцати лѣтъ, сынъ Ивана Михайловича Кубышева, передергиваетъ съ такимъ искусствомъ, какъ ни одинъ изъ игроковъ. Поѣзжай въ Тетюшевскій уѣздъ и посмотри!“ Я, признаюсь, тотъ же часъ отправился въ Тетюшевскій уѣздъ. Спрашиваю деревню Ивана Михайловича Кубышева и пріѣзжаю прямо къ нему. Приказываю о себѣ доложить. Выходитъ человѣкъ почтенныхъ лѣтъ. Я рекомендуюсь, говорю: „Извините, я слышалъ, что Богъ наградилъ васъ необыкновеннымъ сыномъ“.—„Да, признаюсь“, говоритъ (и мнѣ понравилось то, что безъ всякихъ, понимаете, этихъ претензій и отговорокъ), „да“, говоритъ, „точно, хотя отцу и неприлично хвалить собственнаго сына, но это дѣйствительно въ нѣкоторомъ родѣ чудо. Миша!“, говоритъ, „поди-ка сюда, покажи гостю искусство!“ Ну, мальчикъ, просто, ребенокъ, мнѣ по плечо не будетъ, и въ глазахъ ничего нѣтъ особеннаго. Началъ онъ метать—я просто потерялся. Это превосходитъ всякое описанье.

Ихаревъ.

Неужто ничего нельзя было примѣтить?

Швохневъ.

Ни, ни, никакихъ слѣдовъ! Я смотрѣлъ въ оба глаза.

Ихаревъ.

Это непостижимо!

Утѣшительный!

Феноменъ, феноменъ!

Ихаревъ.

И какъ я подумаю, что при этомъ еще нужны познанія, основанныя на остротѣ глазъ, внимательное изученіе крапа...

Утѣшительный.

Да вѣдь это очень облегчено теперь. Теперь накрапливанье и отмѣтины вышли вовсе изъ употребленія; стараются изучить ключъ.

Ихаревъ.

То-есть, ключъ рисунка?

Утѣшительный.

Да, ключъ рисунка обратной стороны. Есть въ одномъ городѣ, въ какомъ именно—я не хочу назвать, одинъ почтенный человѣкъ, который больше ничѣмъ ужъ и не занимается, какъ только этимъ. Ежегодно получаетъ онъ изъ Москвы нѣсколько сотенъ колодъ, отъ кого именно—это покрыто тайною. Вся обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы разобрать крапъ всякой карты и послать отъ себя только ключъ. Смотри, молъ, у двойки вотъ какъ расположенъ рисунокъ! у такой-то вотъ какъ! За это одно онъ получаетъ чистыми деньгами пять тысячъ въ годъ.

Ихаревъ.

Это, однако жъ, важная вещь.

Утѣшительный.

Да оно, впрочемъ, такъ и быть должно. Это то, что называется въ политической экономіи—распредѣленіе работъ. Все равно—каретникъ: вѣдь онъ не весь же экипажъ дѣлаетъ самъ: онъ отдаетъ и кузнецу, и обойщику. А иначе не стало бы всей жизни человѣческой.

Ихаревъ.

Позвольте вамъ сдѣлать одинъ вопросъ: какъ поступали вы доселѣ, чтобы пустить въ ходъ колоды? Подкупать слугъ вѣдь не всегда можно.

Утѣшительный.

Сохрани Богъ! да и опасно. Это значитъ иногда самого себя продать. Мы дѣлаемъ это иначе. Одинъ разъ мы поступили вотъ какъ. Пріѣзжаетъ на ярмарку нашъ агентъ, останавливается подъ именемъ купца въ городскомъ трактирѣ; лавки еще не успѣлъ нанять; сундуки и вьюки пока въ комнатѣ. Живетъ онъ въ трактирѣ, издерживается, ѣстъ, пьетъ и вдругъ

пропадаетъ, неизвѣстно куда, не заплативши. Хозяинъ шаритъ въ комнатѣ; видитъ, остался одинъ вьюкъ; распаковываетъ— сто дюжинъ картъ. Карты, натурально, сей же часъ проданы съ публичнаго торга; пустили рублемъ дешевле, купцы вмигъ расхватали въ свои лавки; а въ четыре дня проигрался весь городъ.

Ихаревъ.

Это очень ловко.

Швохневъ.

Ну, а у того у помѣщика?

Ихаревъ.

Что у помѣщика?

Утѣшительный.

А это дѣло тоже было поведено не дурно. Не знаю, знаете ли вы, есть помѣщикъ Аркадій Андреевичъ Дерґуновъ, богатѣйшій человѣкъ. Игру ведетъ отличную, честности безпримѣрной, къ поползновенью, понимаете, никакихъ путей, за всѣмъ смотритъ самъ, люди у него воспитаны—камергеры, домъ— дворецъ, деревня, сады,—все это по аглицкому образцу; словомъ, русскій баринъ въ полномъ смыслѣ слова. Мы живемъ ужъ тамъ три дня. Какъ приступить къ дѣлу?—просто, нѣтъ возможности. Наконецъ, придумали. Въ одно утро пролетаетъ мимо самаго двора тройка. На телѣгѣ сидятъ молодцы. Все это пьяно, какъ нельзя больше, оретъ пѣсни и дуетъ во весь опоръ. На такое зрѣлище, какъ водится, выбѣжала вся дворня. Ротозѣютъ, смѣются и замѣчаютъ, что изъ телѣги что-то выпало; подбѣгаютъ, видятъ чемоданъ. Машутъ, кричатъ: „остановись!“ куда! никто не слышитъ, умчались, только пыль осталась по всей дорогѣ.—Развязали чемоданъ, видятъ: бѣлье, кое-какое платье, двѣсти рублей денегъ и дюжинъ сорокъ картъ. Ну, натурально, отъ денегъ не захотѣли отказаться, карты пошли на барскіе столы, и на другой же день, ввечеру, всѣ, и хозяинъ и гости, остались безъ копейки въ карманѣ, и кончился банкъ.

Ихаревъ.

Очень остроумно! Вѣдь вотъ называютъ это плутовствомъ и разными подобными именами, а вѣдь это тонкость ума, развитіе.

Утѣшительный.

Эти люди не понимаютъ игры. Въ игрѣ нѣтъ лицепріятія. Игра не смотритъ ни на что. Пусть отецъ сядетъ со мною въ карты—я обыграю отца: не садись! Здѣсь всѣ равны.

Ихаревъ.

Именно, этого не понимаютъ, что игрокъ можетъ быть добродѣтельнѣйшій человѣкъ. Я знаю одного, который наклоненъ къ передержкамъ и къ чему хотите, но нищему онъ отдастъ послѣднюю копѣйку. А между тѣмъ ни за что не откажется соединиться втроемъ противъ одного обыграть навѣрняка. Но, господа, такъ какъ пошло на откровенность, я вамъ покажу удивительную вещь. Знаете ли вы то, что называютъ сводная или подобранная колода, въ которой всякая карта можетъ быть угадана мною на значительномъ разстояніи?

Утѣшительный.

Знаю, но, можетъ-быть, другого рода.

Ихаревъ.

Могу вамъ похвастаться, что подобной нигдѣ не сыщете. Почти полгода трудовъ. Я двѣ недѣли послѣ того не могъ на солнечный свѣтъ смотрѣть. Докторъ опасался воспаленья въ глазахъ. *(Вынимаетъ изъ шкатулки.)* Вотъ она! За то ужъ, не прогнѣвайтесь, она у меня носитъ имя, какъ человѣкъ.

Утѣшительный.

Какъ, имя?

Ихаревъ.

Да, имя: Аделаида Ивановна.

Утѣшительный *(усмѣхаясь)*.

Слышь, Швохневъ, вѣдь это совершенно новая идея— назвать колоду картъ Аделаидой Ивановной. Я нахожу даже, это очень остроумно.

Швохневъ.

Прекрасно: Аделаида Ивановна! очень хорошо!

Утѣшительный.

Аделаида Ивановна! Нѣмка даже! Слышь, Кругель, это тебѣ жена.

Кругель.

Что я за нѣмецъ? Дѣдъ былъ нѣмецъ, да и тотъ не зналъ по-нѣмецки.

Утѣшительный *(разсматривая колоду)*.

Это, точно, сокровище. Да, никакихъ совершенно признаковъ. Неужели, однако жъ, всякая карта можетъ быть вами угадана на какомъ угодно разстояніи?

Ихаревъ.

Извольте, я стану отъ васъ въ пяти шагахъ и отсюда назову всякую карту. Двумя тысячами готовъ асикурировать, если ошибусь.

Утѣшительный.

Ну, это какая карта?

Ихаревъ.

Семерка.

Утѣшительный.

Такъ точно. Эта?

Ихаревъ.

Валетъ.

Утѣшительный.

Чортъ возьми, да! Ну, эта?

Ихаревъ.

Тройка.

Утѣшительный.

Непостижимо!

Кругель *(пожимая плечами).*

Непостижимо!

Швохневъ.

Непостижимо!

Утѣшительный.

Позвольте еще разъ разсмотрѣть. *(Разсматривая колоду.)* Удивительная вещь! стоитъ того, чтобы назвать ее именемъ. Но, позвольте замѣтить, употребить ее въ дѣло трудно; развѣ съ слишкомъ неопытнымъ игрокомъ; вѣдь это нужно подмѣнить самому.

Ихаревъ.

Да вѣдь это во время самой жаркой игры только дѣлается, когда игра возвысится до того, что и самый опытный игрокъ дѣлается неспокойнымъ, а потеряйся только немного человѣкъ— съ нимъ можно все сдѣлать. Вы знаете, что съ лучшими игроками случается то, что называютъ—заиграться. Какъ поиграетъ два дня и двѣ ночи сряду, не поспавши, ну, и заиграется. Въ азартной игрѣ я всегда подмѣню колоду. Повѣрьте, вся штука въ томъ, чтобы быть хладнокровну тогда, когда другой горячится. А средствъ отвлечь вниманье другихъ—есть тысяча. Придеритесь тутъ же къ кому-нибудь изъ понтеровъ, скажите, что у него не такъ записано: глаза всѣхъ обратятся на него, а въ это время колода уже и подмѣнена.

Утѣшительный.

Но, однако же, я вижу, что, кромѣ искусства, вы владѣете еще достоинствомъ хладнокровія—это важная вещь. Пріобрѣтеніе вашего знакомства теперь стало для насъ еще значительнѣй. Будемъ безъ церемоніи, оставимъ лишніе этикеты и станемъ говорить другъ другу „ты“.

Ихаревъ.

Этакъ бы давно слѣдовало.

Утѣшительный.

Человѣкъ, шампанскаго! Въ память дружескаго союза!

Ихаревъ.

Именно, это стоитъ того, чтобы запить.

Швохневъ.

Да вѣдь вотъ, мы собрались для подвиговъ, орудія всѣ у насъ въ рукахъ, силы есть, одного недостаетъ только.

Ихаревъ.

Именно, именно, крѣпости недостаетъ только, на которую бы итти, вотъ бѣда!

Утѣшительный.

Что-жъ дѣлать? непріятеля пока нѣтъ. *(Смотря пристально на Швохнева.)* Что? у тебя какъ будто лицо такое, которое хочетъ сказать, что есть непріятель.

Швохневъ.

Есть, да... *(Останавливается.)*

Утѣшительный.

Знаю я, на кого ты мѣтишь.

Ихаревъ *(съ живостью)*.

А на кого? на кого? кто это?

Утѣшительный.

Э, вздоръ, вздоръ! Онъ выдумалъ пустяки. Вотъ видите ли, есть здѣсь одинъ пріѣзжій помѣщикъ, Михаилъ Александровичъ Гловъ. Ну, да что объ этомъ толковать, когда онъ не играетъ вовсе? Мы ужъ возились около него... Я мѣсяцъ за нимъ ухаживалъ: и въ дружбу, и въ довѣренность вошелъ, а все ничего не сдѣлалъ.

Ихаревъ.

Ну, да послушай, нельзя ли какъ-нибудь увидѣться съ нимъ? Можетъ-быть, почему знать...

Утѣшительный.

Ну, я тебѣ впередъ говорю, что это будетъ вовсе напрасный трудъ.

Ихаревъ.

Ну, да попробуемъ, попробуемъ еще разъ.

Швохневъ.

Ну, да приведи его по крайней мѣрѣ! Ну, не успѣемъ, поговоримъ просто. Почему не попробовать?

Утѣшительный.

Да пожалуй, мнѣ ничего это не значитъ, я приведу его.

Ихаревъ.

Приведи его теперь же, пожалуйста!

Утѣшительный.

Изволь, изволь! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, кромѣ **Утѣшительнаго.**

Ихаревъ.

Вѣдь, точно, почему знать? Иногда дѣло кажется совсѣмъ невозможное...

Швохневъ.

Я самъ того же мнѣнія. Вѣдь не съ Богомъ здѣсь имѣешь дѣло, а съ человѣкомъ; а человѣкъ — все-таки человѣкъ. Сегодня нѣтъ, завтра нѣтъ, послѣзавтра нѣтъ, а на четвертый день, какъ насядешь на него хорошенько, скажетъ: „да“. Иной вѣдь съ виду корчитъ, что онъ недоступный, а разгляди его поближе, увидишь: просто, даромъ тревогу подымалъ.

Кругель.

Ну, однако жъ, этотъ не таковъ.

Ихаревъ.

Эхъ, если бы... Повѣрить нельзя, какъ возродилась во мнѣ теперь жажда къ дѣятельности. Нужно вамъ знать, что послѣд-

ній мой выигрышъ восемьдесятъ тысячъ у полковника Чеботарева былъ сдѣланъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ практики въ продолженіе цѣлаго мѣсяца Представить не можете, какую испыталъ я скуку во все это время. Скука, скука смертная!

Швохневъ.

Я понимаю это положеніе. Это все равно, что полководецъ: что онъ долженъ чувствовать, когда нѣтъ войны? Это, любезнѣйшій, просто фатальный антрактъ. Я знаю по себѣ, съ этимъ нечего шутить.

Ихаревъ.

Повѣришь ли, приходитъ такъ, что если бы кто сдѣлалъ пять рублей банку—я готовъ сѣсть и играть.

Швохневъ.

Естественная вещь. Этакъ проигрывались иногда искуснѣйшіе игроки: стоскуется, работы нѣтъ, и наскочитъ съ горя на одного изъ тѣхъ, которыхъ называютъ голь и перетыка,—ну, и проиграется ни за что!

Ихаревъ.

А богатъ этотъ Гловъ?

Кругель.

О, деньги есть! Кажется, около тысячи душъ крестьянъ.

Ихаревъ.

Эхъ, чортъ возьми, подпоить развѣ его, шампанскаго велѣть подать?

Швохневъ.

Въ ротъ не беретъ.

Ихаревъ.

Что-жъ съ нимъ дѣлать? Какъ подъѣхать? Но нѣтъ, однакожъ, все я думаю... вѣдь игра — соблазнительная вещь. Мнѣ кажется, если бы онъ подсѣлъ только къ играющимъ, онъ бы не утерпѣлъ потомъ.

Швохневъ.

Да вотъ мы попробуемъ. Мы вотъ здѣсь въ сторонѣ съ Кругелемъ сдѣлаемъ самую маленькую игру. Но не нужно къ нему оказывать большого вниманія: старики подозрительны. *(Садятся въ сторонѣ съ картами.)*

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, Утѣшительный и Михайло Александровичъ Гловъ *(человѣкъ почтенныхъ лѣтъ).*

Утѣшительный.

Вотъ тебѣ, Ихаревъ, рекомендую: Михалъ Александровичъ Гловъ!

Ихаревъ.

Я, признаюсь, давно искалъ этой чести. Живя въ одномъ трактирѣ...

Гловъ.

Мнѣ тоже очень пріятно познакомиться. Жаль только, что это случилось почти на выѣздѣ...

Ихаревъ *(подавая ему стулъ).*

Прошу покорнѣйше!.. Давно изволите жить въ этомъ городѣ?

(Утѣшительный, Швохневъ и Кругель перешептываются между собою.)

Гловъ.

Ахъ, батюшка, ужъ онъ мнѣ такъ надоѣлъ, этотъ городъ. И тѣломъ, и душой радъ бы отсюда поскорѣй вырваться.

Ихаревъ.

Что-жъ, удерживаютъ дѣла?..

Гловъ.

Дѣла, дѣла. Такая комиссія мнѣ эти дѣла!

Ихаревъ.

Вѣроятно, тяжба?

Гловъ.

Нѣтъ, слава Богу, тяжбы нѣтъ, но тѣмъ не менѣе затруднительныя обстоятельства. Выдаю замужъ дочь, батюшка, осьмнадцатилѣтнюю дѣвицу. Понимаете ли вы отцовское положеніе? Пріѣхалъ за разными покупками, а главное — заложить имѣніе. Дѣло бы уже все кончено, да Приказъ денегъ до сихъ поръ не выдаетъ. Даромъ совершенно живу.

Ихаревъ.

А позвольте узнать, въ какую сумму изволили заложить имѣніе?

Гловъ.

Въ двухъ стахъ тысячахъ. На-дняхъ бы должны выдать, да вотъ затянулось. А мнѣ ужъ такъ опротивѣло здѣсь жить. Дома-то, знаете, все это оставилъ на самое короткое время. Дочь—невѣста. Все это ждетъ... Я ужъ рѣшился не дожидаться и бросить все.

Ихаревъ.

Какъ же, и денегъ не хотите дождаться!

Гловъ.

Что же дѣлать, батюшка? Вы разсмотрите и мое положеніе: вѣдь вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ не видался съ женой и дѣтьми; писемъ даже не получаю; Богъ вѣсть, что тамъ дѣлается. Я ужъ все дѣло поручаю сыну, который здѣсь остается. Надоѣло возиться. *(Обращаясь къ Швохневу и Кругелю.)* А что-жъ вы, господа? Я, кажется, вамъ помѣшалъ: вы чѣмъ-то занимались?

Кругель.

Вздоръ. Это такъ. Отъ нечего дѣлать вздумали поиграть.

Гловъ.

Кажется, что-то похожее на банчикъ!

Швохневъ.

Какое! для препровожденія времени, грошовый банчикъ.

Гловъ.

Эхъ, господа, послушайте старика. Вы—молодые люди. Конечно, тутъ ничего нѣтъ худого, больше для развлеченья, да и въ грошовую игру нельзя много проиграть, все это такъ; но все... эхъ, господа, я самъ игралъ и знаю по опыту. Все на свѣтѣ начинается грошовымъ дѣломъ, а смотришь — маленькая игра кончилась большой.

Швохневъ *(Ихареву).*

Ну, пошелъ ужъ старикашка плесть свое. *Глову.)* Ну, вотъ видите, вы ужъ тотчасъ припишете важное слѣдствіе всякому вздору, — это всегда ужъ обыкновенная замашка всѣхъ пожилыхъ людей.

Гловъ.

Да что-жъ, вѣдь я еще не такъ пожилой человѣкъ. Я сужу по опыту.

Швохневъ.

Я не объ васъ буду говорить; но вообще у стариковъ есть это: напримѣръ, если они на чемъ-нибудь обожглись, они твердо увѣрены, что и другой непремѣнно обожжется на томъ же. Если они пошли какой-нибудь дорогою да, зазѣвавшись, шлепнулись о гололедь,—они ужъ кричатъ и выдаютъ правило, что по такой-то дорогѣ никому нельзя ходить, потому что на ней есть въ одномъ мѣстѣ гололедь и всякій непремѣнно на ней шлепнется лбомъ, никакъ не принимая въ уваженье того, что другой, можетъ быть, не зазѣвается, и сапоги у него не на скользкой подошвѣ. Нѣтъ, у нихъ для этого нѣтъ соображенія. Собака укусила человѣка на улицѣ,—всѣ кусаются собаки, и потому никому нельзя выходить на улицу.

Гловъ.

Такъ, батюшка; оно точно, съ одной стороны есть тотъ грѣхъ. Да вѣдь зато-жъ и молодые! Вѣдь ужъ слишкомъ много рыси: того и смотри, что сломитъ шею!

Швохневъ.

Вотъ то-то и есть, что у насъ нѣтъ середины. Молодымъ бѣсится, такъ что невтерпежъ другимъ, а подъ старость прикинется ханжой, такъ что невтерпежъ другимъ.

Гловъ.

Такого-то вы обиднаго мнѣнія насчетъ стариковъ?

Швохневъ.

Да нѣтъ, что за обидное мнѣніе? Это правда, больше ничего.

Ихаревъ.

Позвольте мнѣ замѣтить: твое мнѣніе рѣзко...

Утѣшительный.

Насчетъ картъ я совершенно согласенъ съ Михалъ Александровичемъ. Я самъ игралъ, игралъ сильно; но, благодарю судьбу, бросилъ навсегда, — не потому, чтобы проигрался или былъ вооруженъ противъ судьбы; повѣрьте мнѣ, это еще ничего: проигрышъ не такъ важенъ, какъ важно душевное спокойствіе. Одно это волненіе, чувствуемое во время игры, кто что ни говори, а это сокращаетъ видимо нашу жизнь.

Утѣшительный.

Рис. П. Боклевскаго.

Гловъ.

Такъ, батюшка, ей-Богу! Какъ вы премудро замѣтили! Позвольте сдѣлать вамъ нескромный вопросъ: сколько времени имѣю честь пользоваться вашимъ знакомствомъ, а вотъ до сихъ поръ...

Утѣшительный.

Какой вопросъ?

Гловъ.

Позвольте узнать, хоть струна и щекотливая, который вамъ годъ?

Утѣшительный.

Тридцать девять лѣтъ.

Гловъ.

Представьте! Что-жъ такое тридцать девять лѣтъ? Еще молодой человѣкъ. Ну, что, если бы у насъ въ Россіи было побольше такихъ, которые бы такъ мудро разсуждали? Господи Ты Боже мой, что бы это было! просто, золотой вѣкъ-съ, та же астрея. Ужъ какъ, ей-Богу, благодаренъ судьбѣ я за то, что познакомился съ вами.

Ихаревъ.

Повѣрьте мнѣ, я тоже раздѣляю это мнѣніе. Мальчишкамъ я бы не позволилъ и въ руки взять картъ. Но благоразумнымъ людямъ почему не поразвлечься, не позабавиться? Напримѣръ, почтенному старику, которому нельзя уже ни плясать, ни танцовать?

Гловъ.

Такъ, все такъ; но, повѣрьте, въ жизни нашей есть столько удовольствій, столько обязанностей, такъ сказать, священныхъ. Эхъ, господа, послушайте старика! Нѣтъ для человѣка лучшаго назначенія, какъ семейная жизнь, въ домашнемъ кругу. Все ѐто, что васъ окружаетъ, вѣдь это все волненіе, ей-Богу-съ, волненіе; а прямого-то блага вы не вкусили еще. Вѣдь вотъ я, повѣрите ли, минуты не дождусь, чтобы увидать своихъ, ей-Богу! Какъ воображу: дочь кинется на шею: „папашъ ты мой, милый папашъ!“ Сынъ опять пріѣхалъ изъ гимназіи... полгода не видалъ... Просто, словъ недостаетъ: ей-Богу, такъ. Да послѣ этого на карты смотрѣть не захочешь.

Ихаревъ.

Но зачѣмъ же отеческія чувства мѣшать съ картами? Отеческія чувства сами по себѣ, а карты тоже...

Алексѣй *(входя, говоритъ Глову).*

Вашъ человѣкъ спрашиваетъ насчетъ чемодановъ: прикажете выносить? Лошади ужъ готовы.

Гловъ.

А вотъ я сейчасъ! Извините, господа, на одну минуточку васъ оставлю. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Швохневъ, Ихаревъ, Кругель, Утѣшительный.

Ихаревъ.

Ну, нѣтъ никакой надежды.

Утѣшительный.

Я говорилъ это прежде. Не понимаю, какъ вы не можете видѣть человѣка. Вѣдь стоитъ только взглянуть, чтобы узнать, кто не расположенъ играть.

Ихаревъ.

Ну, да все бы таки насѣсть на него хорошенько. Ну, зачѣмъ ты самъ его поддерживалъ?

Утѣшительный.

Да иначе, братецъ, нельзя. Съ этими людьми нужно тонко поступать, не то какъ разъ догадается, что его хотятъ обыграть.

Ихаревъ.

Ну, да вѣдь что-жъ вышло изъ того? Вѣдь вотъ уѣдетъ— все равно.

Утѣшительный.

Ну, да постой, еще не все дѣло кончено.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Гловъ.

Гловъ.

Покорнѣйше благодарю васъ, господа, за пріятное знакомство. Жаль только, право, что вотъ передъ самымъ концомъ. А впрочемъ, авось приведетъ Богъ опять гдѣ-нибудь столкнуться...

Швохневъ.

О, вѣроятно. Дороги битыя, а люди толкутся, какъ не столкнуться? Захоти только судьба!

Гловъ.

Ей-Богу, такъ, совершенная правда! Судьба захочетъ, такъ завтра же увидимся — совершенная правда. Прощайте, господа! Истинно благодарю! А ужъ вамъ, Степанъ Ивановичъ, такъ обязанъ: право, вы усладили мое уединеніе.

Утѣшительный.

Помилуйте, не за что. Чѣмъ могъ служить, служилъ.

Гловъ.

Ну, ужъ если вы такъ добры, такъ сдѣлайте еще одну милость! Можно ли васъ просить?

Утѣшительный.

Какую? скажите! Все, что угодно, готовъ.

Гловъ.

Успокойте старика-отца!

Утѣшительный.

Какъ?

Гловъ.

Я оставляю здѣсь своего Сашу. Прекрасный малый, добрая душа. Но все еще ненадеженъ: двадцать два года,—ну, что это за лѣта? Почти ребенокъ... Кончилъ учебный курсъ и ужъ больше ни о чемъ и слышать не хочетъ, какъ объ гусарахъ. Я говорю ему: „Рано, Саша, погоди, осмотрись прежде! Что тебѣ въ гусары? почему знать, можетъ быть, у тебя штатскія наклонности. Ты еще не видѣлъ почти свѣта; время не уйдетъ отъ тебя!..“ Ну, сами знаете, молодая натура. Ему ужъ тамъ въ гусарахъ все это блеститъ, шитье, богатый мундиръ. Что-жъ прикажете? Склонностей вѣдь удержать никакъ нельзя... Такъ будьте такъ великодушны, батюшка Степанъ Ивановичъ! Онъ остается теперь одинъ; я возложилъ на него кое-какія дѣлишки. Молодой человѣкъ, все можетъ случиться: чтобы приказные какъ-нибудь его не обманули... мало ли чего... такъ возьмите его подъ свое покровительство, надзирайте надъ его поступками, отвлеките его отъ дурного. Будьте такъ добры, батюшка! *(Беретъ его за обѣ руки.)*

Утѣшительный.

Извольте, извольте. Все, что можетъ сдѣлать отецъ для своего сына, все это я сдѣлаю для него.

Гловъ.

Ахъ, батюшка! *(Обнимаются и цѣлуются.)* Вѣдь какъ видно, когда у человѣка-то доброе сердце, ей-Богу! Богъ васъ наградитъ за это! Прощайте, господа, отъ души желаю вамъ счастливо оставаться.

Ихаревъ.

Прощайте, доброй дороги!

Швохневъ.

Счастливо найти всѣхъ домашнихъ!

Гловъ.

Благодарю васъ, господа!

Утѣшительный.

А я васъ-таки провожу къ самой коляскѣ и посажу!

Гловъ.

Ахъ, батюшка, какъ вы добры! *(Оба уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ.

Улетѣла птица!

Швохневъ.

Да, а было бы чѣмъ поживиться.

Ихаревъ.

Признаюсь, какъ онъ сказалъ: двѣсти тысячъ, — у меня вздрогнуло въ самомъ сердцѣ.

Кругель.

О такой суммѣ и подумать даже сладко.

Ихаревъ.

Вѣдь какъ подумаешь, сколько денегъ пропадаетъ даромъ, безъ всякой совершенно пользы! Ну, что изъ того, что у него

будетъ двѣсти тысячъ? Вѣдь это все такъ пойдетъ, на покупку какихъ-нибудь тряпокъ, ветошекъ.

Швохневъ.

И все это дрянь, гниль.

Ихаревъ.

А вѣдь сколько даже такъ пропадаетъ на свѣтѣ, не обращаясь! Сколько есть мертвыхъ капиталовъ, которые именно, какъ мертвецы, лежатъ въ ломбардахъ! Право, даже жалость. Я бы больше не хотѣлъ имѣть у себя денегъ, какъ столько, сколько лежитъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Швохневъ.

Я помирюсь и на половинѣ.

Кругель.

Я доволенъ буду и четвертью.

Швохневъ.

Ну, не ври, нѣмецъ: захочешь больше.

Кругель.

Какъ честный человѣкъ...

Швохневъ.

Надуешь.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и **Утѣшительный** *(входитъ поспѣшно и съ радостнымъ видомъ).*

Утѣшительный.

Ничего, ничего, господа! Уѣхалъ, чортъ его побери, тѣмъ лучше! Остался сынъ. Отецъ передалъ ему и довѣренность, и всѣ права на полученіе изъ Приказа денегъ и поручилъ надсматривать за всѣмъ мнѣ. Сынъ—молодецъ: такъ и рвется въ гусары. Будетъ жатва! Я пойду и сей же часъ приведу его къ вамъ. *(Убѣгаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XV.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ.

Ай да Утѣшительный!

Швохневъ.

Браво! дѣло возымѣло славный оборотъ! *(Всѣ потираютъ въ радости руки.)*

Ихаревъ.

Молодецъ Утѣшительный! Теперь я понялъ, зачѣмъ онъ подбирался къ отцу и потакалъ ему. И какъ все это ловко, какъ тонко!

Швохневъ.

О, у него на это талантъ необыкновенный!

Кругель.

Способности невѣроятныя!

Ихаревъ.

Признаюсь, когда отецъ сказалъ, что оставляетъ здѣсь сына, у меня у самого промелькнула въ головѣ мысль, да вѣдь только на мигъ, а ужъ онъ тотчасъ... Смѣтливость какая!

Швохневъ.

О, ты еще не знаешь его хорошенько.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же, Утѣшительный и **Гловъ Александръ Михайловичъ** *(молодой человѣкъ)*.

Утѣшительный.

Господа! рекомендую: Александръ Михалычъ Гловъ, отличный товарищъ! Прошу полюбить, какъ меня.

Швохневъ.

Очень радъ... *(Пожимаетъ ему руку.)*

Ихаревъ.

Знакомство ваше намъ...

Кругель.

Позвольте васъ прямо въ наши объятья.

Гловъ.

Господа! я...

Утѣшительный.

Безъ церемоніи, безъ церемоніи. Равенство первая вещь, господа! Гловъ, здѣсь, видишь,—всѣ товарищи, и потому къ чорту всѣ этикеты! Съѣдемъ прямо на „ты“!

Швохневъ.

Именно на „ты“!

Гловъ.

На „ты“! *(Подаетъ имъ всѣмъ руку.)*

Утѣшительный.

Такъ! браво! Человѣкъ, шампанскаго! Замѣчаете, господа, какъ у него даже теперь уже видно что-то гусарское? Нѣтъ, твой отецъ, не говоря дурного слова, большая скотина, извини,—вѣдь мы на ты,—ну, какъ этого молодца вздумалъ было въ чернильную службу? Ну, что, братъ, скоро свадьба сестры твоей?

Гловъ.

Чортъ ее побери съ ея свадьбой! Мнѣ досадно, что изъ-за нея отецъ меня продержалъ три мѣсяца въ деревнѣ.

Утѣшительный.

Ну, послушай, а хороша сестра твоя?

Гловъ.

А такъ хороша... будь она не сестра, ну, ужъ я бы ей не спустилъ.

Утѣшительный.

Браво, браво, гусаръ! Сейчасъ видно гусара! Ну, послушай, а помогъ бы ты мнѣ, если бы я захотѣлъ ее увезти?

Гловъ.

Почему-жъ? помогъ бы.

Утѣшительный.

Браво, гусаръ! Вотъ оно, что называется настоящій гусаръ, чортъ побери! Человѣкъ, шампанскаго! Вотъ это мой рѣшительно вкусъ: этакихъ открытыхъ людей я люблю. Постой, душа, дай, обниму тебя!

Швохневъ.

Дай же и мнѣ обнять его. *(Обнимаетъ его.)*

Ихаревъ.

Пусть же и я обниму его. *(Обнимаетъ.)*

Кругель.

Ну, такъ и я-жъ обниму его, если такъ. *(Обнимаетъ.)*

(Алексѣй несетъ бутылку, придерживая пальцемъ пробку, которая хлопаетъ и летитъ въ потолокъ; наливаетъ бокалы.)

Утѣшительный.

Господа, за здравіе будущаго гусарскаго юнкера! Пусть онъ будетъ первый рубака, первый волокита, первый пьяница, первый... словомъ, пусть его будетъ, что хочетъ!

Всѣ.

Пусть его будетъ, что хочетъ! *(Пьютъ.)*

Гловъ.

За здравіе всего гусарства! *(Подымая бокалъ.)*

Всѣ.

За здравіе всего гусарства! *(Пьютъ.)*

Утѣшительный.

Господа! нужно его теперь же посвятить во всѣ гусарскіе обычаи. Пьетъ онъ, какъ видно, уже сносно; но вѣдь это вздоръ: нужно, чтобы онъ былъ картежникъ во всей силѣ! Играешь въ банкъ?

Гловъ.

Игралъ бы, смерть бы хотѣлось, да денегъ нѣтъ.

Утѣшительный.

Экой вздоръ: нѣтъ денегъ! Было бы только съ чѣмъ сѣсть, а тамъ деньги будутъ, сейчасъ выиграешь.

Гловъ.

Да вѣдь и сѣсть-то не съ чѣмъ.

Утѣшительный.

Да мы тебѣ повѣримъ въ долгъ. Вѣдь у тебя есть довѣренность на полученіе денегъ изъ Приказа. Мы подождемъ; а какъ тебѣ выдадутъ, ты намъ тотчасъ и заплатишь; а до того времени ты можешь намъ дать вексель. Да, впрочемъ, что я говорю? Какъ будто ты ужъ непремѣнно проиграешь! Ты можешь тутъ же выиграть нѣсколько тысячъ чистоганомъ.

Гловъ.

А какъ проиграю?

Утѣшительный.

Стыдись! что-жъ ты за гусаръ послѣ этого? Натурально, одно изъ двухъ: либо выиграешь, либо проиграешь. Да въ этомъ-то и дѣло, въ рискѣ-то и есть главная добродѣтель. А не рискнуть, пожалуй, всякій можетъ; навѣрняка и приказная строка отважится, и жидъ полѣзетъ на крѣпость.

Гловъ *(махнувъ рукой)*.

Чортъ побери! если такъ, играю! Что мнѣ смотрѣть на отца!

Утѣшительный.

Браво, юнкеръ! Человѣкъ, карты! *(Наливаетъ ему въ стаканъ.)* Главное, что нужно?—Нужна отвага, ударъ, сила... Такъ и быть, господа, я вамъ сдѣлаю банчикъ въ двадцать пять тысячъ. *(Мечетъ направо и налѣво.)* Ну, гусаръ... Ты, Швохневъ, что ставишь? *(Мечетъ.)* Какое странное теченіе картъ! Вотъ любопытно для вычисленій! Валетъ убитъ, девятка взяла. Что тамъ, что у тебя? И четверка взяла! А гусаръ, гусаръ-то, каковъ гусаръ? Замѣчаешь, Ихаревъ, какъ ужъ онъ мастерски возвышаетъ ставки? А тузъ все еще не выходитъ. Что-жъ ты, Швохневъ, не наливаешь ему? Вона, вона, вонъ тузъ! Вонъ ужъ Кругель потащилъ себѣ. Нѣмцу всегда везетъ! Четверка взяла, тройка взяла. Браво, браво, гусаръ! Слышишь, Швохневъ? гусаръ уже около пяти тысячъ въ выигрышѣ.

Гловъ *(перегибаетъ карту)*.

Чортъ побери! Пароле пе! да вонъ еще девятка на столѣ, идетъ и она, и пятьсотъ рублей мазу!

Утѣшительный *(продолжая метать)*.

У, молодецъ гусаръ! Семерка уби... ахъ, нѣтъ! пліе, чортъ побери, пліе! опять пліе! А, проигралъ гусаръ. Ну, что-жъ, братъ, дѣлать? Не у всякаго жена Марья, кому Богъ далъ. Кругель, да полно тебѣ разсчитывать! ну, ставь эту, которую выдернулъ. Браво, выигралъ гусаръ! Что-жъ вы не поздравляете его? *(Всѣ пьютъ и поздравляютъ его, чокаясь стаканами.)* Говорятъ, пиковая дама всегда продастъ, а я не скажу этого... Помнишь, Швохневъ, свою брюнетку, что называлъ ты пиковой дамой? Гдѣ-то она теперь, сердечная? Чай, пустилась во всѣ тяжкія! Кругель, твоя убита! *(Ихареву)* и твоя убита! Швохневъ, твоя также убита; гусаръ также лопнулъ.

Гловъ.

Чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣшительный.

Браво, гусаръ! Вотъ она, наконецъ, настоящая гусарская замашка! Замѣчаешь, Швохневъ, какъ настоящее чувство всегда выходитъ наружу? До сихъ поръ все еще въ немъ было видно, что будетъ гусаръ; а теперь видно, что онъ ужъ теперь гусаръ. Вона натура-то какъ того... Убитъ гусаръ.

Гловъ.

Ва-банкъ!

Утѣшительный.

У, браво, гусаръ! на всѣ пятьдесятъ тысячъ! Вотъ оно, что называется великодушіе! Ну, поди-ка, поищи—гдѣ отыщешь этакую черту?.. Это именно подвигъ! Лопнулъ гусаръ.

Гловъ.

Ва-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣшительный.

Ого, го, гусаръ! на сто тысячъ! Каковъ, а? А глазки-то, глазки? Замѣчаешь, Швохневъ, какъ у него глазки горятъ? Барклай-де-Тольевское что-то видно. Вотъ онъ героизмъ! А короля все нѣтъ. Вотъ тебѣ, Швохневъ, бубновая дама! На, нѣмецъ, возьми съѣшь семерку! Руте, рѣшительно руте! просто карта фоска! А короля, видно, въ колодѣ нѣтъ: право даже, странно. А! вотъ онъ, вотъ онъ... Лопнулъ гусаръ!

Гловъ *(горячась)*.

Ва-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣшительный.

Нѣтъ, братъ, стой! Ты ужъ просадилъ двѣсти тысячъ. Прежде заплати, безъ этого нельзя начинать новой игры: мы такъ много не можемъ тебѣ вѣрить.

Гловъ.

Да гдѣ-жъ у меня? у меня теперь нѣтъ.

Утѣшительный.

Дай намъ вексель, подпишись.

Гловъ.

Извольте, я готовъ. *(Беретъ перо.)*

Утѣшительный.

Да и довѣренность на полученіе денегъ тоже отдай намъ.

Гловъ.

Вотъ вамъ и довѣренность.

Утѣшительный.

Теперь подпиши вотъ это, да вотъ это. *(Даютъ ему подписаться.)*

Гловъ.

Извольте, я готовъ все сдѣлать. Ну, вотъ я и подписалъ. Ну, давайте-жъ играть!

Утѣшительный.

Нѣтъ, братъ, постой; покажи-ка прежде деньги!

Гловъ.

Да я вамъ заплачу, ужъ будьте увѣрены.

Утѣшительный.

Нѣтъ, братъ, деньги на столъ!

Гловъ.

Да что-жъ это?.. Вѣдь это, просто, подлость.

Кругель.

Нѣтъ, это не подлость.

Ихаревъ.

Нѣтъ, это совсѣмъ другое дѣло; шансы, братъ, не равны.

Швохневъ.

Этакъ ты, пожалуй, сядешь съ тѣмъ, чтобы обыграть насъ. Дѣло извѣстное: кто садится безъ денегъ, тотъ садится съ тѣмъ, чтобы обыграть навѣрное.

Гловъ.

Ну, что-жъ? чего вы хотите? назначьте какіе-угодно проценты, я на все готовъ. Я вдвое заплачу вамъ.

Утѣшительный.

Что, братъ, намъ съ твоихъ процентовъ? Мы сами готовы тебѣ заплатить какіе-угодно проценты, дай только намъ взаймы.

Гловъ *(отчаянно и рѣшительно).*

Ну, такъ скажите послѣднее слово: не хотите играть?

Швохневъ.

Принеси деньги, сейчасъ станемъ играть.

Гловъ
(вынимая изъ кармана пистолетъ).

Ну, такъ прощайте же, господа! Больше вы меня не встрѣтите на этомъ свѣтѣ. *(Убѣгаетъ съ пистолетомъ.)*

Утѣшительный *(въ испугѣ).*

Ты! ты! что ты? съ ума сошелъ! Побѣжать за нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобъ еще какъ-нибудь не застрѣлился! *(Убѣгаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ.

Еще выйдетъ исторія, если этотъ чортъ вздумаетъ застрѣлиться.

Швохневъ.

Чортъ его возьми, пусть себѣ стрѣляется, да не теперь только: еще деньги не въ нашихъ рукахъ. Вотъ бѣда!

Кругель.

Я всего боюсь. Это такъ возможно...

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же, Утѣшительный и Гловъ.

Утѣшительный
(держа Глова за руку съ пистолетомъ).

Что ты, что ты, братъ, рехнулся? Слышите, слышите, господа, ужъ пистолетъ вздумалъ было всунуть въ ротъ, а? Стыдись!

Всѣ *(приступая къ нему).*

Что ты! что ты! Помилуй, что ты!

Швохневъ.

А еще и умный человѣкъ, изъ дряни вздумалъ стрѣляться!

Ихаревъ.

Этакъ, пожалуй, вся Россія должна застрѣлиться: всякій или проигрался, или намѣренъ проиграться. Да если бы этого не было, такъ какъ же можно выиграть, ты посуди только самъ.

Утѣшительный.

Ты дуракъ просто, позволь тебѣ сказать. Ты счастья своего не видишь. Развѣ ты не чувствуешь, какъ ты выигралъ тѣмъ, что проигралъ?

Гловъ *(съ досадой)*.

Что-жъ вы въ самомъ дѣлѣ меня ужъ за дурака считаете? Какой тутъ выигрышъ—проиграть двѣсти тысячъ, чортъ возьми!

Утѣшительный.

Эхъ ты, простофиля! Да знаешь ли, какую ты этимъ себѣ славу сдѣлаешь въ полку? Слышь, бездѣлица! Еще не будучи юнкеромъ, да ужъ проигралъ двѣсти тысячъ! Да тебя гусары на рукахъ будутъ носить.

Гловъ *(ободрившись)*.

Что-жъ вы думаете? У меня развѣ не станетъ духу наплевать на все это, если ужъ на то пошло? Чортъ побери, да здравствуетъ гусарство!

Утѣшительный.

Браво! Да здравствуютъ гусары! Теремтете! Шампанскаго! *(Несутъ бутылки.)*

Гловъ *(со стаканомъ)*.

Да здравствуютъ гусары!

Ихаревъ.

Да здравствуютъ гусары, чортъ побери!

Швохневъ.

Теремтете! Да здравствуютъ гусары!

Гловъ.

На все плюю, когда такъ!.. *(Ставитъ на столъ стаканъ.)* Вотъ бѣда только: домой какъ пріѣду? Отецъ, отецъ!.. *(Хватаетъ себя за волосы.)*

Утѣшительный.

Да зачѣмъ тебѣ ѣхать къ отцу? не нужно!

Гловъ *(вытаращивъ глаза)*.

Какъ?

Утѣшительный.

Ты отсюда — прямо въ полкъ! Мы тебѣ дадимъ на обмундировку. Нужно, братъ Швохневъ, дать ему теперь рублей двѣсти, пусть его погуляетъ юнкеръ! Тамъ, я ужъ замѣтилъ, у него есть одна... Черномазая-то, а?

Гловъ.

Чортъ побери, побѣгу прямо къ ней, возьму приступомъ!

Утѣшительный.

Каковъ гусаръ, а? Швохневъ, нѣтъ у тебя двухсотрублевой?

Ихаревъ.

Да вотъ ужъ я ему дамъ, пусть его погуляетъ на славу!

Гловъ

(беретъ ассигнацію и помахивая ею на воздухѣ).

Шампанскаго!

Всѣ.

Шампанскаго! *(Несутъ бутылки.)*

Гловъ.

Да здравствуютъ гусары!

Утѣшительный.

Да здравствуютъ!.. Знаешь ли, Швохневъ, что мнѣ пришло на умъ? Покачаемъ его на рукахъ, такъ, какъ у насъ качали въ полку! Ну, приступай, бери его! *(Всѣ приступаютъ къ нему, схватываютъ его за руки и ноги, качаютъ, припѣвая на извѣстный припѣвъ извѣстную пѣсню):*

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь начальникъ ты нашъ вѣчно!
Наши ты зажегъ сердца,
Мы въ тебѣ видимъ отца!

Гловъ *(съ поднятой рюмкой).*

Ура!

Всѣ.

Ура! *(Становятъ его на землю. Гловъ хлопнулъ рюмку о полъ, всѣ разбиваютъ тоже свои рюмки, кто о каблукъ своего сапога, кто о полъ.)*

Гловъ.

Иду прямо къ ней!

Утѣшительный.

А намъ нельзя за тобой, а?

Гловъ.

Ни, никому! А кто сколько-нибудь... раздѣлка на сабляхъ!

Утѣшительный.

А, рубака какой! а? Ревнивъ и задоренъ, какъ чортъ. Я думаю, господа, что изъ него просто выйдетъ Бурцовъ іора, забіяка. Ну, прощай, прощай, гусаръ! Не держимъ тебя.

Гловъ.

Прощайте.

Швохневъ.

Да приходи намъ послѣ разсказать. *(Гловъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же, кромѣ **Глова.**

Утѣшительный.

Нужно его покамѣстъ ласкать, пока еще деньги не въ нашихъ рукахъ; а тамъ чортъ съ нимъ!

Швохневъ.

Одного боюсь я, чтобъ какъ-нибудь не затянулась въ Приказѣ выдача денегъ.

Утѣшительный.

Да, это будетъ скверно; а впрочемъ... вѣдь, на это, сами знаете, есть понукатели. Какъ ни ворочай, а все-таки придется всунуть въ руку тому и другому для соблюденія порядка.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же и чиновникъ Замухрышкинъ *(высовываетъ голову въ дверь, одѣтъ въ нѣсколько поношенномъ фракѣ).*

Замухрышкинъ.

Позвольте узнать: не здѣсь ли Гловъ, Александръ Михайловичъ?

Швохневъ.

Нѣтъ, онъ сейчасъ вышелъ. А что вамъ угодно?

Замухрышкинъ.

Да вотъ по дѣлу ихъ насчетъ выдачи денегъ.

Утѣшительный.

А вы кто?

Замухрышкинъ.

Да я чиновникъ изъ Приказа.

Утѣшительный.

А, милости просимъ! Прошу покорнѣйше садиться! Въ этомъ дѣлѣ мы всѣ принимаемъ живѣйшее участіе, тѣмъ болѣе, что заключили кое-какія дружелюбныя сдѣлки съ Александромъ Михайловичемъ. И потому можете понять, что вотъ и отъ него, и отъ него, и отъ него *(указывая пальцами на всѣхъ)* будетъ искреннѣйшая благодарность. Дѣло въ томъ только, чтобы скорѣе, какъ можно, получить изъ Приказа деньги.

Замухрышкинъ.

Да ужъ, какъ хотите, раньше двухъ недѣль никакъ нельзя.

Утѣшительный.

Нѣтъ, это страшно далеко. Вѣдь вы все позабываете, что со стороны нашей благодарность...

Замухрышкинъ.

Да ужъ это само собой. Все это пріемлется. Какъ это позабыть? Мы потому и говоримъ: „двѣ недѣли“, а то бы, пожалуй, вы и три мѣсяца у насъ провозились. Деньги къ намъ придутъ не раньше, какъ черезъ полторы недѣли, а теперь во всемъ Приказѣ ни копѣйки. На прошлой недѣлѣ получили полтораста тысячъ, всѣ роздали,—три помѣщика ожидаютъ, еще съ февраля заложили имѣніе.

Утѣшительный.

Ну, это такъ для другихъ, а для насъ по дружбѣ... Нужно, чтобы мы съ вами покороче познакомились... Ну, да что?.. да и люди свои! Ну, какъ васъ зовутъ? какъ? Фентефлей Перпентьичъ, что ли?

Замухрышкинъ.

Псой Стахичъ-съ.

Утѣшительный.

Ну, все одно почти. Ну, такъ послушайте, Псой Стахичъ! Будемъ такъ, какъ давніе пріятели Ну, что, какъ вы? Какъ дѣлишки, какъ служба ваша?

Замухрышкинъ.

Да что служба? Извѣстное дѣло—служимъ.

Утѣшительный.

Ну, а доходовъ по службѣ этихъ, знаете, разныхъ... а просто, много ли берете?

Замухрышкинъ.

Конечно, сами посудите, чѣмъ же и жить?

Утѣшительный.

Ну, что, какъ въ Приказѣ у васъ, скажите откровенно: всѣ хапуги?

Замухрышкинъ.

Ну, что! Вы ужъ, я вижу, смѣетесь! Эхъ, господа!.. Вѣдь вотъ тоже и господа сочинители все подсмѣиваются надъ тѣми, которые берутъ взятки; а какъ разсмотришь хорошенько, такъ взятки берутъ и тѣ, которые повыше насъ. Ну, да вотъ хоть и вы, господа, только развѣ что придумали названья поблагороднѣй: пожертвованье тамъ, или тамъ, Богъ вѣдаетъ, что такое; а на дѣлѣ выходитъ—такія же взятки; тотъ же Савка, да на другихъ санкахъ.

Утѣшительный.

Вотъ ужъ Псой Стахичъ и обидѣлся, какъ я вижу. Вотъ что значитъ задѣть за честь!

Замухрышкинъ.

Да вѣдь честь, сами знаете, дѣло щекотливое. А сердиться тутъ не изъ чего. Я ужъ, батюшка, прожилъ свое.

Утѣшительный.

Ну, полно, поговоримте по-дружески, Псой Стахичъ! Ну, что-жъ, какъ вы? Какъ у васъ? Какъ поживаете? Какъ маячитесь на свѣтѣ? Есть женушка, дѣтки?

Замухрышкинъ.

Слава Богу, Богъ наградилъ. Двое сыновей ужъ въ уѣздное училище ходятъ; два другихъ поменьше. Одинъ бѣгаетъ пока въ рубашонкѣ, а другой на карачкахъ ползаетъ.

Утѣшительный.

Ну, а ручонками, я чай, ужъ всѣ этакъ *(показываетъ рукою, какъ будто беретъ деньги)* умѣютъ?

Замухрышкинъ.

Вѣдь вотъ вы, право, какіе, господа! Вѣдь вотъ опять начали!

Утѣшительный.

Ничего, ничего, Псой Стахичъ! Вѣдь это по дружбѣ. Ну, что-жъ тутъ такого? свои! Эй, дай-ка бокалъ шампанскаго Псою Стахичу! скорѣй! Мы вѣдь теперь должны быть, какъ короткіе знакомые. Вотъ мы къ вамъ соберемся тоже въ гости.

Замухрышкинъ *(принимая бокалъ).*

А, милости просимъ, господа! Откровенно вамъ скажу, что такого чаю, какъ вы будете пить у меня, вы у губернатора не сыщете.

Утѣшительный.

Небось, даровой, отъ купца?

Замухрышкинъ.

Отъ купца-съ, выписной изъ Кяхты.

Утѣшительный.

Да какъ же, Псой Стахичъ? Вѣдь вы дѣлъ съ купцами не имѣете.

Замухрышкинъ *(выпивъ бокалъ и упираясь руками въ колѣни).*

А вотъ какъ: купецъ здѣсь больше по причинѣ глупости своей долженъ былъ приплатиться. Помѣщикъ Фракасовъ, если изволите знать, закладываетъ имѣніе; все ужъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ, завтра остается получить деньги. Затѣяли они заводъ какой-то въ половинѣ съ купцомъ. Ну, намъ-то, понимаете, какое дѣло знать, на заводъ ли, или на что другое нужны деньги, и съ кѣмъ онъ въ половинѣ? Это не наша часть. Да купецъ по глупости своей и проговорись въ городѣ, что онъ съ нимъ въ половинѣ и ждетъ отъ него съ часу на часъ денегъ. Мы и подослали къ нему сказать, что вотъ пришли двѣ тысячи, сейчасъ выдадутъ деньги, а не то—будешь ждать! А ужъ къ нему на фабрику привезли, понимаете, и котлы, и посуду, ожидаютъ только задатковъ. Купецъ видитъ, плетью обуха не перешибешь, заплатилъ двѣ тысячи, да по три фунтика чаю каждому изъ насъ. Скажутъ—взятки, да вѣдь за дѣло: не будь глупъ; кто его толкалъ, языка развѣ не могъ придержать?

Утѣшительный.

Послушайте, Псой Стахичъ, ну, пожалуйста же насчетъ этого дѣльца. Мы ужъ вамъ дадимъ, а вы ужъ тамъ съ на-

чальниками своими сдѣлайтесь, какъ слѣдуетъ. Только ради Бога, Псой Стахичъ, поскорѣе, а?

Замухрышкинъ.

Да будемъ стараться. *(Вставая.)* Но откровенно скажу вамъ: такъ скоро, какъ вы хотите, нельзя: предъ Богомъ, въ Приказѣ ни копѣйки денегъ. А будемъ стараться.

Утѣшительный.

Ну, какъ васъ тамъ спросить?

Замухрышкинъ.

Такъ и спросите: Псой Стахичъ Замухрышкинъ. Прощайте, господа! *(Идетъ къ дверямъ.)*

Швохневъ.

Псой Стахичъ, а Псой Стахичъ! *(оглядывается)* постарайтесь!

Утѣшительный.

Псой Стахичъ, Псой Стахичъ! выручайте поскорѣе!

Замухрышкинъ *(уходя).*

Да ужъ сказалъ: будемъ стараться.

Утѣшительный.

Чортъ побери, какъ это долго! *(Бьетъ себя рукой по лбу.)* Нѣтъ, побѣгу, побѣгу за нимъ, авось что-нибудь успѣю, не пожалѣю денегъ. Чортъ его побери! три тысячи дамъ ему своихъ. *(Убѣгаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ.

Конечно, лучше, если бы получить поскорѣе.

Швохневъ.

Да ужъ намъ какъ нужно! какъ намъ нужно!

Кругель.

Эхъ, если бы онъ уломалъ его какъ-нибудь!

Ихаревъ.

Да что, развѣ ваши дѣла...

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ же и Утѣшительный.

Утѣшительный *(входитъ съ отчаяніемъ).*

Чортъ побери! раньше четырехъ дней никакъ не можетъ. Я готовъ просто лобъ расшибить себѣ объ стѣну.

Ихаревъ.

Да что тебѣ такъ приспичило? Неужто четырехъ дней нельзя обождать?

Швохневъ.

Въ томъ-то и штука, братъ, что для насъ это слишкомъ важно.

Утѣшительный.

Обождать! Да знаешь ли, что насъ въ Нижнемъ съ часу на часъ ждутъ? Мы тебѣ не сказывали еще, а ужъ четыре дня назадъ тому мы имѣемъ извѣстіе спѣшить какъ можно скорѣе, добывши во что бы ни стало хоть сколько-нибудь денегъ. Купецъ привезъ на шестьсотъ тысячъ желѣза. Во вторникъ окончательная сдѣлка, и деньги получаетъ чистоганомъ; да вчера пріѣхалъ одинъ съ пенькой на полмилліона.

Ихаревъ.

Ну, такъ что-жъ?

Утѣшительный.

Какъ—что-жъ? Да вѣдь старики-то остались дома, а выслали вмѣсто себя сыновей.

Ихаревъ.

Да будто сыновья ужъ непремѣнно станутъ играть?

Утѣшительный.

Да гдѣ ты живешь, въ китайскомъ государствѣ, что ли? Не знаешь, что такое купеческіе сынки? Вѣдь купецъ какъ воспитываетъ сына?—или чтобъ онъ ничего не зналъ, или чтобы зналъ то, что нужно дворянину, а не купцу. Ну, натурально, онъ ужъ такъ и глядитъ: ходитъ подъ руку съ офицерами, кутитъ.—Это, братъ, для насъ самый выгодный народъ. Они, дурачье, не знаютъ, что за всякій рубль, который они выплутуютъ у насъ, они намъ платятъ тысячами. Да это счастье наше, что купецъ только и думаетъ о томъ, чтобы выдать дочь за генерала, а сыну доставить чинъ.

Ихаревъ.

И дѣла совершенно вѣрныя?

Утѣшительный.

Какъ не вѣрныя! Ужъ насъ не увѣдомляли бы. Все почти въ нашихъ рукахъ; теперь всякая минута дорогà.

Ихаревъ.

Эхъ, чортъ возьми! что-жъ мы сидимъ? Господа, а вѣдь условіе-то дѣйствовать вмѣстѣ!

Утѣшительный.

Да, въ этомъ наша польза. Послушай, что мнѣ пришло на умъ. Тебѣ вѣдь спѣшить пока еще не зачѣмъ. Деньги у тебя есть—восемьдесятъ тысячъ. Дай ихъ намъ, а отъ насъ возьми векселя Глова. Ты вѣрныхъ получаешь полтораста тысячъ, стало быть, ровно вдвое, а насъ ты даже одолжишь еще, потому что деньги намъ теперь такъ нужны, что мы съ радостью готовы платить алтынъ за всякую копѣйку.

Ихаревъ.

Извольте, почему нѣтъ; чтобы доказать вамъ, что узы товарищества... *(Подходитъ къ шкатулкѣ и вынимаетъ кипу ассигнацій.)* Вотъ вамъ восемьдесятъ тысячъ!

Утѣшительный.

А вотъ тебѣ и векселя! Теперь я побѣгу сейчасъ за Гловымъ: нужно его привесть и все устроить по формѣ. Кругель, отнеси деньги въ мою комнату, вотъ тебѣ ключъ отъ моей шкатулки. *(Кругель уходитъ.)* Эхъ, если бы такъ устроить, чтобы къ вечеру можно было ѣхать! *(Уходитъ.)*

Ихаревъ.

Натурально, натурально; тутъ и минуты не зачѣмъ терять.

Швохневъ.

А тебѣ совѣтую тоже не засиживаться. Какъ только деньги получишь, сейчасъ пріѣзжай къ намъ. Съ двумя стами тысячъ, знаешь, что можно сдѣлать? Просто, ярмарку можно подорвать... Ахъ, я и позабылъ сказать Кругелю пренужное дѣло. Погоди, я сейчасъ возвращусь. *(Поспѣшно уходитъ.)*

—

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Ихаревъ *(одинъ)*.

Каковъ ходъ приняли обстоятельства! А? Еще поутру было только восемьдесятъ тысячъ, а къ вечеру уже двѣсти. А? Вѣдь это для иного вѣкъ службы, трудовъ, цѣна вѣчныхъ сидѣній, лишеній, здоровья, а тутъ въ нѣсколько часовъ, въ нѣсколько минутъ—владѣтельный принцъ! Шутка—двѣсти тысячъ! Да гдѣ теперь найдешь двѣсти тысячъ? Какое имѣніе, какая фабрика дастъ двѣсти тысячъ? Воображаю, хорошъ бы я былъ, если бы сидѣлъ въ деревнѣ, да возился съ старостами да мужиками, собирая по три тысячи ежегоднаго дохода. А образованье-то развѣ пустая вещь? Невѣжество-то, которое пріобрѣтешь въ деревнѣ, вѣдь его ножомъ послѣ не обскоблишь. А время-то на что было бы утрачено? На толки съ старостой, съ мужикомъ... Да я хочу съ образованнымъ человѣкомъ поговорить! Теперь вотъ я обезпеченъ, теперь время у меня свободно. Могу заняться тѣмъ, что споспѣшествуетъ къ образованью. Захочу поѣхать въ Петербургъ—поѣду и въ Петербургъ: посмотрю театръ, монетный дворъ, пройдусь мимо дворца, по Аглицкой набережной, въ Лѣтнемъ саду. Поѣду въ Москву, пообѣдаю у Яра. Могу одѣться по столичному образцу, могу стать наравнѣ съ другими, исполнить долгъ просвѣщеннаго человѣка. А что всему причина? чему обязанъ?—именно тому, что называютъ плутовствомъ. И вздоръ, вовсе не плутовство! Плутомъ можно сдѣлаться въ одну минуту, а вѣдь тутъ практика, изученье. Ну, положимъ—плутовство. Да вѣдь необходимая вещь: что-жъ можно безъ него сдѣлать? Оно нѣкоторымъ образомъ предостерегательство. Ну, не знай я, напримѣръ, всѣхъ тонкостей, не постигни всего этого, меня бы какъ разъ обманули. Вѣдь вотъ же хотѣли обмануть, да увидѣли, что дѣло не съ простымъ человѣкомъ имѣютъ, сами прибѣгнули къ моей помощи. Нѣтъ, умъ великая вещь. Въ свѣтѣ нужна тонкость. Я смотрю на жизнь совершенно съ другой точки. Этакъ прожить, какъ дуракъ проживетъ, это не штука; но прожить съ тонкостью, съ искусствомъ, обмануть всѣхъ и не быть обмануту самому—вотъ настоящая задача и цѣль!

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Ихаревъ и Гловъ *(вбѣгающій торопливо).*

Гловъ.

Гдѣ-жъ они? Я сейчасъ былъ въ комнатѣ, тамъ пусто.

Ихаревъ.

Да они сію минуту здѣсь были; на минуту вышли.

Гловъ.

Какъ, вышли ужъ? И деньги у тебя взяли?

Ихаревъ.

Да, мы съ ними сдѣлались, за тобою остановка.

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Тѣ же и Алексѣй.

Алексѣй *(обращаясь къ Глову).*

Изволили спрашивать, гдѣ господа?

Гловъ.

Да.

Алексѣй.

Да они ужъ уѣхали.

Гловъ.

Какъ уѣхали?

Алексѣй.

Да такъ-съ. Ужъ у нихъ съ полчаса стояла телѣжка и готовыя лошади.

Гловъ *(всплеснувъ руками).*

Ну, мы надуты оба!

Ихаревъ.

Что за вздоръ! Я не могу понять ни одного слова. Утѣшительный сію минуту долженъ возвратиться сюда. Вѣдь ты знаешь, что теперь долженъ весь долгъ твой заплатить мнѣ. Они перевели.

Гловъ.

Какой чортъ долгъ? Получишь ты долгъ! Развѣ ты не чувствуешь, что въ дуракахъ и проведенъ, какъ пошлый пень?

Ихаревъ.

Что ты за чепуху несешь? У тебя, видно, до сихъ поръ въ головѣ хмель распоряжается.

Гловъ.

Ну, видно, хмель у обоихъ насъ. Да проснись ты! Думаешь, я Гловъ? Я такой же Гловъ, какъ ты китайскій императоръ.

Ихаревъ *(безпокойно)*.

Что ты, помилуй, что за вздоръ? И отецъ твой... и...

Гловъ.

Старикъ-то? Во-первыхъ, онъ и не отецъ, да и чорта ли и будутъ отъ него дѣти! А во-вторыхъ, тоже не Гловъ, а Крыницинъ, да и не Михалъ Александровичъ, а Иванъ Климычъ, изъ ихъ же компаніи.

Ихаревъ.

Послушай ты! говори серьезно! этимъ не шутятъ.

Гловъ.

Какія шутки! Я самъ участвовалъ и такъ же обманутъ. Мнѣ обѣщали три тысячи за труды.

Ихаревъ *(подходя къ нему запальчиво)*.

Эй, не шути, говорю тебѣ! Думаешь, я ужъ дуракъ такой!.. И довѣренность, и Приказъ... и чиновникъ сейчасъ былъ изъ Приказа, Псой Стахичъ Замухрышкинъ. Ты думаешь, я не могу за нимъ сейчасъ послать?

Гловъ.

Во-первыхъ, онъ и не чиновникъ изъ Приказа, а отставной штабсъ-капитанъ изъ ихъ же компаніи; да и не Замухрышкинъ, а Мурзафейкинъ, да и не Псой Стахичъ, а Флоръ Семеновичъ.

Ихаревъ *(отчаянно)*.

Да ты кто? чортъ ты? Говори: кто ты?

Гловъ.

Да кто я? Я былъ благородный человѣкъ, поневолѣ сталъ плутомъ: меня обыграли въ пухъ, рубашки не оставили. Что-жъ мнѣ дѣлать? не умирать же съ голода! За три тысячи я взялся участвовать, провести и обмануть тебя. Я говорю тебѣ это прямо: видишь, я поступаю благородно.

Ихаревъ *(въ бѣшенствѣ схватываетъ его за воротникъ).*

Мошенникъ ты...

Алексѣй *(въ сторону).*

Ну, дѣло-то, видно, пошло на потасовку. Нужно отсюда убраться. *(Уходитъ.)*

Ихаревъ *(таща его).*

Пойдемъ, пойдемъ!

Гловъ.

Куда, куда?

Ихаревъ *(въ изступленіи).*

Куда? къ правосудью! къ правосудью!

Гловъ.

Помилуй, не имѣешь никакого права.

Ихаревъ.

Какъ? не имѣю права? Обворовать, украсть деньги... среди дня... мошенническимъ образомъ! Не имѣю права? Дѣйствовать плутовскими средствами! Не имѣю права? А вотъ ты у меня въ тюрьмѣ, въ Нерчинскѣ скажешь, что не имѣю права! Вотъ погоди—переловятъ всю вашу мошенническую шайку! Будете вы знать, какъ обманывать довѣріе и честность добродушныхъ людей. Законъ! законъ! законъ призову! *(Тащитъ его.)*

Гловъ.

Да вѣдь законъ ты могъ бы призвать тогда, если бы самъ не дѣйствовалъ противозаконннымъ образомъ. Но вспомни: вѣдь ты соединился вмѣстѣ съ ними съ тѣмъ, чтобы обмануть и обыграть навѣрное меня. И колоды были твоей же собственной фабрики. Нѣтъ, братъ, въ томъ и штука, что ты не имѣешь никакого права жаловаться.

Ихаревъ *(въ отчаяньи бьетъ себя рукой по лбу).*

Чортъ побери, въ самомъ дѣлѣ! *(Въ изнеможеніи упадаетъ на стулъ. Гловъ между тѣмъ убѣгаетъ.)* Но только какой дьявольскій обманъ!

Гловъ *(выглядывая въ дверь).*

Утѣшься! Вѣдь тебѣ еще съ полугоря: у тебя есть Аделаида Ивановна! *(Исчезаетъ.)*

Ихаревъ *(въ ярости).*

Чортъ побери Аделаиду Ивановну! *(Схватываетъ Аделаиду Ивановну и швыряетъ ею въ дверь, дамы и двойки летятъ на полъ.)*

Вѣдь существуютъ же, къ стыду и поношенью человѣковъ, этакіе мошенники! Но только я просто готовъ сойти съ ума—какъ это все было чертовски разыграно, какъ тонко! И отецъ, и сынъ, и чиновникъ Замухрышкинъ! и концы всѣ запрятаны! и жаловаться даже не могу! *(Схватывается со стула и въ волненіи ходитъ по комнатѣ.)* Хитри послѣ этого! Употребляй тонкость ума! Изощряй, изыскивай средства!.. Чортъ побери, не стоитъ, просто, ни благороднаго рвенья, ни трудовъ! Тутъ же, подъ бокомъ, отыщется плутъ, который тебя переплутуетъ! мошенникъ, который за одинъ разъ подорветъ строеніе, надъ которымъ работалъ нѣсколько лѣтъ! *(Съ досадой махнувъ рукой.)* Чортъ возьми! Такая ужъ надувательная земля! Только и лѣзетъ тому счастье, кто глупъ, какъ бревно, ничего не смыслитъ, ни о чемъ не думаетъ, ничего не дѣлаетъ, а играетъ только по грошу въ бостонъ подержанными картами!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

„Къ Ревизору".

1.

Отрывокъ изъ письма, писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора" къ одному литератору.

...Ревизоръ сыгранъ,—и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно тягостное облекло меня. Мое же созданіе мнѣ показалось противно, дико и какъ будто вовсе не мое. Главная роль пропала; такъ я и думалъ. Дюръ ни на волосъ не понялъ, что такое Хлестаковъ. Хлестаковъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ Альнаскарова, чѣмъ-то въ родѣ цѣлой шеренги водевильныхъ шалуновъ, которые пожаловали къ намъ повертѣться съ парижскихъ театровъ. Онъ сдѣлался, просто, обыкновеннымъ вралемъ,—блѣдное лицо, въ продолженіе двухъ столѣтій являющееся въ одномъ и томъ же костюмѣ. Неужели въ самомъ дѣлѣ не видно изъ самой роли, что такое Хлестаковъ? Или мною овладѣла довременно слѣпая гордость, и силы мои совладѣть съ этимъ характеромъ были такъ слабы, что даже и тѣни, и намека въ немъ не осталось для актера? А мнѣ онъ казался яснымъ. Хлестаковъ вовсе не надуваетъ; онъ не лгунъ по ремеслу; онъ самъ позабываетъ, что лжетъ, и уже самъ почти вѣритъ тому, что говоритъ. Онъ развернулся, онъ въ духѣ: видитъ, что все идетъ хорошо, его слушаютъ, и по тому одному онъ говоритъ плавнѣе, развязнѣе, говоритъ отъ души, говоритъ совершенно откровенно и, говоря ложь, выказываетъ именно въ ней себя такимъ, какъ есть. Вообще у насъ актеры совсѣмъ не умѣютъ лгать. Они воображаютъ, что лгать значитъ просто нести болтовню. Лгать значить говорить ложь тономъ такъ близкимъ къ истинѣ, такъ естественно, такъ наивно, какъ можно только говорить одну истину;—и здѣсь-то заключается именно все комическое лжи. Я почти увѣренъ, что Хлестаковъ болѣе бы выигралъ, если бы я назначилъ эту роль одному изъ самыхъ безталанныхъ актеровъ и сказалъ бы ему только, что Хлестаковъ есть человѣкъ ловкій, совершенный comme il faut, умный и даже, пожалуй, добродѣтельный, и что ему остается представить его именно такимъ. Хлестаковъ лжетъ вовсе не холодно, или фанфаронски-театрально: онъ лжетъ съ чувствомъ; въ глазахъ его выражается наслажденіе, получаемое имъ отъ этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута въ его жизни—почти родъ вдохновенія. И хоть бы что-нибудь изъ этого было выражено! Никакого тоже характера, т.-е. лица, т.-е. видимой наружности, т.-е. физіономіи—рѣшительно не дано было бѣдному Хлестакову. Конечно, несравненно легче карикатурить старыхъ чиновниковъ, въ поношенныхъ вицмундирахъ съ потертыми воротни-

ками; но схватить тѣ черты, которыя довольно благовидны и не выходятъ острыми углами изъ обыкновеннаго свѣтскаго круга,—дѣло мастера сильнаго. У Хлестакова ничего не должно быть означено рѣзко. Онъ принадлежитъ къ тому кругу, который, повидимому, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ молодыхъ людей. Онъ даже хорошо иногда держится, даже говоритъ иногда съ вѣсомъ, и только въ случаяхъ, гдѣ требуется или присутствіе духа, или характеръ, выказывается его отчасти подленькая, ничтожная натура. Черты роли какого-нибудь городничаго болѣе неподвижны и ясны. Его уже обозначаетъ рѣзко собственная, неизмѣняемая, черствая наружность и отчасти утверждаетъ собою его характеръ. Черты роли Хлестакова слишкомъ подвижны, болѣе тонки и потому труднѣе уловимы. Что такое, если разобрать, въ самомъ дѣлѣ Хлестаковъ? Молодой человѣкъ, чиновникъ, и пустой, какъ называютъ, но заключающій въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. Выставить эти качества въ людяхъ, которые не лишены, между прочимъ, хорошихъ достоинствъ, было бы грѣхомъ со стороны писателя, ибо онъ тѣмъ поднялъ бы ихъ на всеобщій смѣхъ. Лучше пусть всякій отыщетъ частицу себя въ этой роли и въ то же время осмотрится вокругъ безъ боязни и страха, чтобы не указалъ кто-нибудь на него пальцемъ и не назвалъ бы его по имени. Словомъ, это лицо должно быть типомъ многаго, разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадается и въ натурѣ. Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но, натурально, въ этомъ не хочетъ только признаться; онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только, конечно, въ кожѣ другого, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется подчасъ Хлестаковымъ. Словомъ, рѣдко кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни, — дѣло только въ томъ, что вслѣдъ затѣмъ очень ловко повернется, и какъ будто бы и не онъ.

Итакъ, неужели въ моемъ Хлестаковѣ не видно ничего этого? Неужели онъ—просто блѣдное лицо, а я, въ порывѣ минутно-горделиваго расположенія, думалъ, что когда-нибудь актеръ обширнаго таланта возблагодаритъ меня за совокупленіе въ одномъ лицѣ толикихъ разнородныхъ движеній, дающихъ ему возможность вдругъ показать всѣ разнообразныя стороны своего таланта. И вотъ Хлестаковъ вышелъ дѣтская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно.

Съ самаго начала представленія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и пріемѣ публики я не заботился. Одного только судьи изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся, — и этотъ судья былъ я самъ. Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы, которые заглушили всѣ другіе. А публика вообще была довольна. Половина ея приняла пьесу даже съ участіемъ; другая половина, какъ водится, ее бранила по причинамъ, однакожъ, не относящимся къ искусству. Какимъ образомъ бранила, мы объ этомъ поговоримъ при первомъ свиданіи съ вами: тутъ есть много поучительнаго и не мало смѣшного. Я даже кое-что записалъ; но это въ сторону.

Вообще съ публикою, кажется, совершенно примирилъ „Ревизора“ городничій. Въ этомъ я былъ увѣренъ и прежде, ибо для таланта, каковъ у Сосницкаго, ничего не могло остаться необъясненнымъ въ этой роли. Я радъ, по крайней мѣрѣ, что доставилъ ему возможность выказать во всей ширинѣ талантъ свой, объ коемъ уже начинали отзываться равнодушно и ставили его на одну доску со многими актерами, которые награждаются такъ щедро рукоплесканіями во вседневныхъ водевиляхъ и прочихъ забавныхъ пьесахъ.

На слугу того же надѣялся, потому что замѣтилъ въ актерѣ большое вниманіе къ словамъ и замѣчательность. Зато оба наши пріятели, Бобчинскій и Добчинскій, вышли сверхъ ожиданія дурны. Хотя я и думалъ, что они будутъ дурны, ибо, создавая этихъ двухъ маленькихъ чиновниковъ, я воображалъ въ ихъ кожѣ Щепкина и Рязанцова, но все-таки я думалъ, что ихъ наружность и положеніе, въ которомъ они находятся, ихъ какъ-нибудь вынесетъ и не такъ обкарикатуритъ. Сдѣлалось напротивъ: вышла именно карикатура. Уже предъ началомъ представленія, увидѣвши ихъ костюмированными, я ахнулъ. Эти два человѣка, въ существѣ своемъ довольно опрятные, толстенькіе, съ прилично-приглаженными волосами, очутились въ какихъ-то нескладныхъ, превысокихъ сѣдыхъ парикахъ, всклоченные, неопрятные, взъерошенные, съ выдернутыми огромными манишками; а на сценѣ оказались до такой степени кривляками, что, просто, было невыносимо. Вообще костюмировка большей части пьесы была очень плоха и карикатурна. Я какъ бы предчувствовалъ это, когда просилъ, чтобъ сдѣлать одну репетицію въ костюмахъ; но мнѣ стали говорить, что это вовсе не нужно и не въ обычаѣ, и что актеры ужъ знаютъ свое дѣло. Замѣтивши, что цѣны словамъ моимъ давали не много, я оставилъ ихъ въ покоѣ. Еще разъ повторяю: тоска, тоска! Не знаю самъ, отчего одолѣваетъ меня тоска.

Во время представленія я замѣтилъ, что начало четвертаго акта холодно; кажется, какъ будто теченіе пьесы, дотолѣ плавное, здѣсь прервалось или влечется лѣниво. Признаюсь, еще во время чтенія свѣдущій и опытный актеръ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что не такъ ловко, что Хлестаковъ начинаетъ первый просить денегъ взаймы, и что было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили. Уважая замѣчаніе довольно тонкое, имѣющее свои справедливыя стороны, я, однако же, не видѣлъ причины, почему Хлестаковъ, будучи Хлестаковымъ, не могъ просить первый. Но замѣчаніе было сдѣлано: „стало-быть",—сказалъ я самъ въ себѣ,—„я плохо выполнилъ эту сцену". И точно, теперь, во время представленія, я увидѣлъ ясно, что начало четвертаго акта блѣдно и носитъ признакъ какой-то усталости. Возвратившись домой, я тотъ же часъ принялся за передѣлку. Теперь, кажется, вышло немного сильнѣе, по крайней мѣрѣ, естественнѣе и болѣе идетъ къ дѣлу. Но у меня нѣтъ силъ хлопотать о включеніи этого отрывка въ пьесу. Я усталъ; и какъ вспомню, что для этого нужно ѣздить, просить и кланяться, то Богъ съ нимъ,—пусть лучше при второмъ изданіи или возобновленіи „Ревизора".

Еще слово о послѣдней сценѣ. Она совершенно не вышла. Занавѣсъ закрывается въ какую-то смутную минуту, и пьеса, кажется, какъ будто не кончена. Но я не виноватъ. Меня не хотѣли слушать. Я и теперь говорю, что послѣдняя сцена не будетъ имѣть успѣха до тѣхъ поръ, пока не поймутъ, что это просто нѣмая картина, что все это должно представлять одну окаменѣвшую группу, что здѣсь оканчивается драма и смѣняетъ ее онѣмѣвшая мимика, что двѣ-три минуты не долженъ опускаться занавѣсъ, что совершиться все это должно въ тѣхъ же условіяхъ, какихъ требуютъ такъ называемыя *живыя картины*. Но мнѣ отвѣчали, что это свяжетъ актеровъ, что группу нужно будетъ поручить балетмейстеру, что нѣсколько даже унизительно для актера, и пр., и пр., и пр. Много еще другихъ *прочихъ* увидѣлъ я на минахъ, которыя были досаднѣе словесныхъ. Несмотря на всѣ эти *прочія*, я стою на своемъ и сто разъ говорю: „нѣтъ, это не свяжетъ нимало, это не унизительно". Пусть даже балетмейстеръ сочинитъ и составитъ группу, если только онъ въ силахъ почувствовать настоящее положеніе всякаго лица. Таланта не остановятъ указанныя ему границы, какъ не остановятъ рѣку гранитные берега; напротивъ, вошедши въ нихъ, она быстрѣе

и полнѣе движетъ свои волны. И въ данной ему позѣ чувствующій актеръ можетъ выразить все. На лицо его здѣсь никто не положилъ оковъ, размѣщена только одна группировка; лицо его свободно выразить всякое движеніе. И въ этомъ онѣмѣніи для него бездна разнообразія. Испугъ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ не похожъ одинъ на другой, какъ не похожи ихъ характеры и степень боязни и страха, вслѣдствіе великости надѣланныхъ каждымъ грѣховъ. Инымъ образомъ остается пораженъ городничій, инымъ образомъ поражена жена и дочь его. Особеннымъ образомъ испугается судья, особеннымъ образомъ попечитель, почтмейстеръ, и пр., и пр. Особеннымъ образомъ останутся пораженными Бобчинскій и Добчинскій, и здѣсь не измѣнившіе себѣ и обратившіеся другъ къ другу съ онѣмѣвшимъ на губахъ вопросомъ. Одни только гости могутъ остолбенѣть одинакимъ образомъ: но они даль въ картинѣ, которая очерчивается однимъ взмахсмъ кисти и покрывается однимъ колоритомъ. Словомъ, каждый мимически продолжитъ свою роль и, несмотря на то, что, повидимому, покорилъ себя балетмейстеру, можетъ всегда остаться высокимъ актеромъ. Но у меня недостаетъ больше силъ хлопотать и спорить. Я усталъ и душою, и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними, со всѣми! мнѣ опротивѣла моя пьеса. Я хотѣлъ бы убѣжать теперь, Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія, далекія небеса могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего. Ради Бога, пріѣзжайте скорѣе. Я не поѣду, не простившись съ вами. Мнѣ еще нужно много сказать вамъ того, что не въ силахъ сказать несносное, холодное письмо.

1836 г. Мая 25.
С.-Петербургъ.

2.

Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора".

1.

(Начальныя страницы, переписанныя самимъ Гоголемъ набѣло.)

Больше всего надобно опасаться, чтобы не впасть въ карикатуру. Ничего не должно быть преувеличеннаго или тривіальнаго даже въ послѣднихъ роляхъ. Напротивъ, нужно особенно стараться актеру быть скромнѣй, проще и какъ бы благороднѣй, чѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ есть то лицо, которое представляется. Чѣмъ меньше будетъ думать актеръ о томъ, чтобы смѣшить и быть смѣшнымъ, тѣмъ болѣе обнаружится смѣшное взятой имъ роли. Смѣшное обнаружится само собою именно въ той сурьезности, съ какою занято своимъ дѣломъ каждое изъ лицъ, выводимыхъ въ комедіи. Всѣ они заняты хлопотливо, суетливо, даже жарко своимъ дѣломъ, какъ бы важнѣйшею задачею своей жизни. Зрителю только со стороны виденъ пустякъ ихъ заботы. Но они сами совсѣмъ не шутятъ и уже никакъ не думаютъ о томъ, что надъ ними кто-нибудь смѣется. Умный актеръ, прежде чѣмъ схватить мелкія причуды и мелкія особенности внѣшнія доставшагося ему лица, долженъ стараться поймать общечеловѣческое выраженіе роли... долженъ разсмотрѣть, зачѣмъ призвана эта роль; долженъ разсмотрѣть главную и преимущественную заботу каждаго лица, на которую издерживается жизнь его, которая составляетъ постоянный предметъ мыслей, вѣчный гвоздь, сидящій въ головѣ.— Поймавши эту главную заботу выведеннаго лица, актеръ дол-

женъ въ такой силѣ исполниться ею самъ, (чтобы) мысли и стремленія взятаго имъ лица какъ бы усвоились ему самому и пребывали бы въ головѣ его неотлучно во все время представленія пьесы. О частныхъ сценахъ и мелочахъ онъ не долженъ много заботиться: онѣ выйдутъ сами собою удачно и ловко, если только онъ не выброситъ ни на минуту изъ головы этого гвоздя, который засѣлъ въ голову его героя. Всѣ эти частности и разныя мелкія принадлежности, — которыми такъ счастливо умѣетъ пользоваться даже и такой актеръ, который умѣетъ дразнить и схватывать походку и движенье, но не создавать цѣликомъ роли,— суть не болѣе, какъ краски, которыя нужно класть уже тогда, когда рисунокъ сочиненъ и сдѣланъ вѣрно. Они—платье и тѣло роли, а не душа ея. Итакъ, прежде слѣдуетъ схватить именно эту душу роли, а не платье ея.

Одна изъ главныхъ ролей есть Городничій. Человѣкъ этотъ болѣе всего озабоченъ тѣмъ, чтобы не пропускать того, что плыветъ въ руки. Изъ-за этой заботы ему некогда было взглянуть построже на жизнь или же осмотрѣться получше на себя. Изъ-за этой заботы онъ сталъ притѣснителемъ и очерствѣлъ непримѣтно для самого себя, потому что злобнаго желанья притѣснять въ немъ нѣтъ; есть только (просто) желанье прибирать все, что ни видятъ глаза. Просто онъ позабылъ, что это въ тягость другому, и что отъ этого трещитъ у иного спина. Онъ вдругъ простилъ купцовъ, замышлявшихъ погубить его, когда тѣ предложили заманчивое предложеніе, потому что эти заманчивыя блага жизни обуяли имъ и сдѣлали то, что въ немъ очерствѣло и огрубѣло чутье слышать положенье и страданье другого. Онъ чувствуетъ, что грѣшенъ; онъ ходитъ въ церковь; онъ думаетъ даже, что въ вѣрѣ твердъ. Онъ даже помышляетъ когда-нибудь потомъ покаяться. Но великъ соблазнъ всего того, что плыветъ въ руки, и заманчивы блага жизни, и (велика набившаяся привычка хватать все, не пропуская ничего).

Русскій человѣкъ—который не то, чтобы былъ извергъ, но въ которомъ извратилось понятье правды, который сталъ весь ложь, уже даже и самъ того не замѣчая. Поэтому онъ и резонерствуетъ, степененъ и даже важенъ и даже не безъ одушевленья скажетъ иное слово. Можетъ быть, онъ даже одинъ изъ тѣхъ людей, который, если бы увидѣлъ, что всѣ вокругъ его стали честны, что честность—этого требов...

2.

(Полный черновой текстъ.)

Больше всего надобно опасаться впасть въ карикатуру. Ничего не должно быть карикатурнаго. Чѣмъ больше простоты въ игрѣ, тѣмъ... Чѣмъ меньше будетъ думать актеръ о томъ, чтобы смѣшить и быть смѣшнымъ, тѣмъ болѣе самое лицо выйдетъ смѣшнымъ. Въ сурьезности всѣхъ лицъ, съ какой каждое изъ нихъ занято само, своимъ, сдѣлается... Прежде чѣмъ схватить причуды и мелкія внѣшнія особенности всякаго лица, актеръ долженъ поймать общечеловѣческое выраженіе роли. (Прежде самаго характера лица) нужно разсмотрѣть призваніе, зачѣмъ оно призвано, въ чемъ состоятъ заботы и хлопоты всякаго лица, на которые издерживается, около чего именно ворочается его жизнь, къ чему и куда стремятся постоянно всѣ его мысли и стремленія. Поймавши эту главную заботу выведеннаго лица, актеръ долженъ самъ наполниться этою заботою, усвоить себѣ всѣ мысли и стремленья такъ, чтобы они были въ его головѣ неотлучно во все время представленія; о частныхъ сценахъ онъ не долженъ даже и думать. Онѣ выльются сами собою хорошо, если только онъ будетъ занятъ сурьезно и жарко тѣмъ самымъ дѣломъ, которымъ, не шутя, занято выведенное лицо.

Одна изъ главныхъ ролей есть Городничій, человѣкъ, больше всего озабоченный тѣмъ, чтобы не пропускать, что плыветъ въ руки. Изъ-за этой заботы ему некогда было взглянуть построже на жизнь или осмотрѣться на себя. Изъ-за этой заботы онъ, можетъ быть, и самъ не чувствуя, какъ, сдѣлался притѣснителемъ, потому что злобнаго желанія притѣснять въ немъ нѣтъ. Въ немъ есть только желанье прибирать въ руки все, что ни видятъ глаза. Онъ позабылъ, что отъ этого трещитъ спина у ближняго. Временами онъ однакожъ чувствуетъ, что грѣшенъ, молится, ходитъ въ церковь, думаетъ даже, что въ вѣрѣ твердъ, и думаетъ даже когда-нибудь покаяться. Но великъ соблазнъ того, что плыветъ въ руки, и велика набившаяся привычка. Его поразилъ распространившійся слухъ о Ревизорѣ, еще болѣе поразило его то, что этотъ Ревизоръ—incognito, неизвѣстно, когда будетъ, съ которой стороны подступитъ. Онъ находится отъ начала до конца пьесы въ положеніяхъ свыше тѣхъ, въ которыхъ ему случалось бывать въ другіе дни жизни. Нервы его напряжены. Переходя отъ страха къ надеждѣ и радости, взглядъ его нѣсколько распаленъ отъ того, и онъ сталъ податливѣе на обманъ, и его, котораго въ другое время не скоро можно бы было..., обмануть становится возможнымъ. Увидѣвши, что Ревизоръ въ его рукахъ не страшенъ и даже съ нимъ вступилъ въ родню, онъ предается буйной радости при одной мысли о томъ, какъ понесется отнынѣ его жизнь среди пированій, попоекъ, какъ будетъ онъ раздавать мѣста, требовать на станціяхъ лошадей и заставлять ждать въ переднихъ городничихъ, важничать, задавать тонъ. Поэтому-то внезапное объявленіе о пріѣздѣ настоящаго Ревизора для него больше, чѣмъ для всѣхъ другихъ, громовый ударъ, и положенье становится истинно трагическимъ.

Судья—человѣкъ меньше грѣшный во взяткахъ. Онъ даже не охотникъ творить неправду, но (велика) страсть ко псовой охотѣ... Что жъ дѣлать! у всякаго человѣка есть какая-нибудь страсть... изъ-за нея онъ надѣлаетъ множество разныхъ неправдъ, не подозрѣвая самъ того. Онъ занятъ собой и умомъ своимъ и безбожникъ только потому, что на этомъ поприщѣ просторъ ему выказать себя. Для него всякое событіе, даже и то, которое навело страхъ для другихъ, есть находка, потому что даетъ пищу его догадкамъ и соображеніямъ, которыми онъ доволенъ, какъ артистъ своимъ трудомъ. Это самоуслажденье должно выражаться на лицѣ актера. Онъ говоритъ и въ то же время смотритъ, какой эффектъ производятъ на другихъ его слова. Онъ ищетъ выраженій.

Земляника—человѣкъ толстый, но плутъ тонкой. Несмотря на необъятную толщину свою, онъ имѣетъ много увертливаго и льстиваго въ оборотахъ, поступкахъ. На вопросъ Хлестакова, какъ называлась съѣденная рыба, онъ подбѣгаетъ съ легкостью 22-лѣтняго франта, затѣмъ, чтобы у самаго его носа сказать: „Лабарданъ-съ". Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые, желая вывернуться сами, не находятъ другого средства, (какъ) чтобы топить другихъ, и потому торопливы на всякія каверзничества и доносы, не принимая въ стр... ни кумовства, ни дружбы, помышляя только о томъ, какъ бы вынести себя. Несмотря на неповоротливость и толщину, всегда поворотливъ. А умный актеръ не пропуститъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ услуга толстаго человѣка будетъ особенно смѣшна въ глазахъ зрителей, безъ всякаго желанья сдѣлать изъ этого карикатуру.

Смотритель училищъ—ничего болѣе, какъ только напуганный человѣкъ частыми ревизовками и выговорами, неизвѣстно за что; а потому боится, какъ огня, всякихъ посѣщеній и трепещетъ, какъ листъ, при вѣсти о Ревизорѣ, хотя и не знаетъ самъ, въ чемъ грѣшенъ. Играющему это лицо актеру остается только выразить одинъ постоянный страхъ.

Почтмейстеръ — простодушный до наивности человѣкъ, глядящій на жизнь, какъ на собраніе интересныхъ исторій, для препровожденія времени, которыя онъ начитываетъ въ распечатываемыхъ письмахъ. Это лицо доступно съ перв... [1]) Ничего больше не остается дѣлать актеру, какъ быть простодушну, сколько возможно.

Но два городскіе болтуна, Бобчинскій и Добчинскій, (требуютъ особенно, чтобы) были сыграны хорошо. Ихъ долженъ себѣ очень хорошо опредѣлить актеръ. Это люди, которыхъ жизнь заключилась вся въ бѣганьяхъ по городу съ засвидѣтельствованіемъ почтенья (всѣмъ до единаго) и въ размѣнѣ вѣстей. Все у нихъ стало...... Страсть разсказать поглотила всякое другое занятіе. И эта страсть стала ихъ движущею страстью и стремленіемъ жизни. Нужно, чтобы видно было то удовольствіе, когда, наконецъ, добьется того, что ему позволятъ о чемъ-нибудь разсказать. Торопливость и суетливость у нихъ единственно отъ боязни, чтобы кто-нибудь не перебилъ и не помѣшалъ ему разсказать. Любопытны — отъ желанья имѣть о чемъ разсказать. Отъ этого Бобчинскій даже немножко заикается (отъ желанія пересказать скорѣе). Они оба низенькіе, коротенькіе, чрезвычайно похожи другъ на друга, оба съ небольшими брюшками. Оба круглолицы, одѣты чистенько, съ приглаженными волосами. У Добчинскаго даже небольшая лысинка на серединѣ головы: видно, что онъ не холостой человѣкъ, какъ Бобчинскій, но уже женатый. Но при всемъ томъ Бобчинскій беретъ верхъ надъ нимъ, по причинѣ большей живости, и даже нѣсколько управляетъ его умомъ. (Всѣ мелкіе атрибуты) долженъ бросить въ сторону актеръ, если хочетъ хорошо исполнить эту роль, и представлять себѣ только то, что онъ самъ боленъ необыкновенной чесоткой языка. Словомъ, это люди, выброшенные судьбою для чужихъ надобностей, а не для своихъ собственныхъ.

Всѣ прочія лица: купцы, гости, полицейскіе и просители всѣхъ родовъ суть ежедневно проходящія предъ нашими глазами лица, а потому могутъ быть легко схвачены всякимъ умѣющимъ замѣчать особенности въ рѣчахъ и ухваткахъ человѣка всякаго сословія. То же самое можно сказать и о слугѣ, несмотря на то, что эта роль значительнѣе прочихъ. Русскій слуга пожилыхъ лѣтъ,—который смотритъ нѣсколько внизъ, грубитъ барину, смекнувши, что баринъ щелкоперъ и дрянцо, и который любитъ себѣ самому читать нравоученье для барина, который молча плутъ, однако, очень умѣетъ воспользоваться въ такихъ случаяхъ, когда можно мимоходомъ поживиться,— извѣстенъ всякому. Потому эта роль игралась всегда хорошо. Равномѣрно всякой можетъ почувствовать, какое впечатлѣніе способенъ пріѣздъ Ревизора произвести на каждое изъ этихъ лицъ.

Не нужно только позабывать того, что въ головѣ всѣхъ сидитъ Ревизоръ. Всѣ заняты Ревизоромъ. Около Ревизора кружатся страхи и надежды всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. У однихъ надежда (на правосудіе), на избавленіе отъ дурныхъ городничихъ и всякаго рода хапугъ. У другихъ паническій страхъ при видѣ того, что главнѣйшіе сановники и передовые люди общества въ страхѣ. У прочихъ же, которые смотрятъ на всѣ дѣла міра спокойно, чистя у себя въ носу, любопытство, не безъ нѣкоторой тайной боязни, увидѣть, наконецъ, то лицо, которое причинило столько тревогъ и, стало быть, неминуемо должно быть слишкомъ необыкновеннымъ и важнымъ лицомъ.

Всѣхъ труднѣе роль того, который принятъ испуганнымъ городомъ за Ревизора. Хлестаковъ, самъ по себѣ, ничтожный человѣкъ. Даже пустые люди называютъ его пустѣйшимъ. Никогда бы ему въ жизни не случилось сдѣлать дѣла, способнаго обратить чье-нибудь вниманіе. Но сила всеобщаго

[1]) Не дописано.

страха создала изъ него замѣчательное комическое лицо. Страхъ, отуманивши глаза всѣхъ, далъ ему поприще для комической роли. Обрываемый и обрѣзываемый доселѣ во всемъ, даже и въ замашкѣ пройтись козыремъ по Невскому проспекту, онъ почувствовалъ просторъ, и вдругъ развернулся неожиданно для самого себя. Въ немъ все сюрпризъ и неожиданность (для него самого). Онъ даже весьма долго не въ силахъ догадаться, отчего къ нему такое вниманіе, уваженіе. Онъ почувствовалъ только пріятность и удовольствіе, видя, что его слушаютъ, угождаютъ, исполняютъ все, что онъ хочетъ, ловятъ съ жадностью все, что ни произноситъ онъ. Онъ разговорился, никакъ не зная въ началѣ разговора, куда поведетъ его рѣчь. Темы для разговоровъ ему даютъ вывѣдывающіе. Они сами какъ бы кладутъ ему все въ ротъ и создаютъ разговоръ. Онъ чувствуетъ только то, что вездѣ можно хорошо порисоваться, если ничто не мѣшаетъ. Онъ чувствуетъ, что онъ и въ литературѣ господинъ, и на балахъ не послѣдній, и самъ даетъ балы и, наконецъ, что онъ—государственный человѣкъ. Онъ ни отъ чего не прочь, о чемъ бы ему ни..... Обѣдъ со всякими лабарданами и винами далъ словоохотность и краснорѣчіе его языку. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе входитъ всѣми чувствами въ то, что говоритъ, и потому выражаетъ многое почти съ жаромъ. Не имѣя никакого желанья надувать, онъ позабываетъ самъ, что лжетъ. Ему уже кажется, что онъ дѣйствительно все это производилъ (о чемъ вретъ). Поэтому сцена, когда онъ говоритъ о себѣ, какъ о государственномъ человѣкѣ (и навела такой) страхъ (на всякаго) чиновника. Вотъ отчего, особенно въ то время, когда онъ разсказываетъ, какъ распекалъ всѣхъ до единаго въ Петербургѣ, является въ лицѣ важность и всѣ атрибуты и все, что угодно. Видя, какъ распекаютъ, испытавши и самъ это, потому что бывалъ неоднократно распекаемъ, онъ (*это долженъ мастерски изобразить въ рѣчахъ*): онъ почувствовалъ въ это время особенное удовольствіе (распечь, наконецъ, и самому) другихъ, хотя въ (разсказахъ). Онъ бы и подальше добрался въ рѣчахъ своихъ, но языкъ его уже не оказался больше годнымъ, по какой причинѣ чиновники нашлись принужденными отвести его съ почтеньемъ и страхомъ на отведенный ночлегъ. Проснувшись, онъ тотъ же Хлестаковъ, какимъ и былъ прежде. Онъ даже не помнитъ, чѣмъ напугалъ всѣхъ. Въ немъ попрежнему никакого соображенія и глупость во всѣхъ поступкахъ. Влюбляется онъ и въ мать, и въ дочь почти въ одно... Проситъ денегъ, потому что это какъ-то само собой срывается съ языка, и потому, что уже у перваго онъ попросилъ и тотъ съ готовностью предложилъ. Только къ концу акта онъ догадывается, что его принимаютъ за кого-то повыше. Но если бы не Осипъ, которому кое-какъ удалось ему нѣсколько растолковать, что такой обманъ не долго можетъ продолжаться, онъ бы преспокойно дождался толчковъ и проводовъ со двора не съ честью. Словомъ, это—фантасмагорическое лицо, которое, какъ лживый, олицетворенный обманъ, унеслось вмѣстѣ съ тройкою, Богъ вѣсть куда. Но тѣмъ не менѣе нужно, чтобъ эта роль досталась лучшему актеру, какой ни есть, потому что она всѣхъ труднѣе. Этотъ пустой человѣкъ и ничтожный характеръ заключаетъ въ себѣ собраніе многихъ тѣхъ качествъ, которыя водятся и не за ничтожными людьми. Актеръ особенно не долженъ упустить изъ виду это желанье порисоваться, которымъ болѣе или менѣе заражены всѣ люди, и которое больше всего отразилось въ Хлестаковѣ,—желаніе ребяческое, но оно (бываетъ) у многихъ умныхъ и старыхъ людей, такъ что рѣдкому на вѣку своемъ не случалось въ какомъ-либо дѣлѣ от..... его. Словомъ, актеръ для этой роли долженъ имѣть очень многосторонній талантъ, который бы умѣлъ выражать разныя черты человѣка, а не какія-нибудь постоянныя, однѣ и тѣ же. Онъ долженъ быть очень ловкимъ свѣтскимъ человѣкомъ, иначе не будетъ въ

силахъ выразить наивно и простодушно ту пустую свѣтскую вѣтренность, которая несетъ человѣка во всѣ стороны поверхъ всего, которая въ такомъ значительномъ количествѣ досталась Хлестакову.

Послѣдняя сцена „Ревизора“ должна быть особенно сыграна умно. Здѣсь уже не шутка, и положеніе многихъ лицъ почти трагическое. Положеніе городничаго всѣхъ разительнѣй. Какъ бы то ни было, но увидѣть себя вдругъ такъ обманутымъ и притомъ пустѣйшимъ и ничтожнѣйшимъ мальчишкой, который даже видомъ и фигурой не взялъ, будучи похожъ на спичку (Хлестаковъ, какъ извѣстно, тоненькой, прочіе всѣ толсты),—быть имъ обманутымъ: это не шуточное. Обмануться такъ грубо тому, который умѣлъ проводить умныхъ людей и даже искуснѣйшихъ плутовъ! Возвѣщенье о пріѣздѣ, наконецъ, настоящаго Ревизора для него громовой ударъ. Онъ окаменѣлъ. Распростертыя его руки и закинутая назадъ голова остались неподвижны, и вокругъ него вся дѣйствующая группа составляетъ въ одно мгновенье окаменѣвшую группу въ разныхъ положеніяхъ.

Вся эта сцена есть нѣмая картина, а потому должна быть такъ же составлена, какъ составляются живыя картины. Всякому лицу должна быть назначена поза, сообразная съ его характеромъ, со степенью боязни его и съ потрясеніемъ, которое должны произвести слова, возвѣстившія о пріѣздѣ настоящаго Ревизора. Нужно, чтобы эти позы никакъ не встрѣтились между собою и были бы разнообразны и различны; а потому слѣдуетъ, чтобы каждый помнилъ свою и могъ бы вдругъ ее принять, какъ только поразится его слухъ роковымъ извѣстіемъ. Сначала выйдетъ это принужденно и будетъ походить на автоматовъ; но потомъ, послѣ нѣсколькихъ репетицій, по мѣрѣ того, какъ каждый актеръ войдетъ поглубже въ положеніе свое, данная поза ему усвоится, станетъ естественной, принадлежащей ему. Деревянность и неловкость автоматовъ исчезнетъ, и покажется, какъ бы сама собой вышла онѣмѣвшая картина.

Сигналомъ перемѣны положеній можетъ послужить тотъ небольшой звукъ, который исходитъ изъ груди у женщинъ при какой нибудь внезапности. Одни понемногу приходятъ въ положеніе, данное для нѣмой картины, начиная (переходить) въ него уже при появленіи вѣстника съ роковымъ извѣстіемъ: это—которые меньше; другіе вдругъ—это тѣ, которые больше поражены. Не дурно первому актеру оставить на время свою позу и посмотрѣть самому нѣсколько разъ на эту картину въ качествѣ зрителя для того, чтобы видѣть, что нужно ослабить, усилить, смягчить, дабы вышла картина естественнѣй.

Картина должна быть установлена почти такъ:

Посрединѣ Городничій, совершенно онѣмѣвшій и остолбенѣвшій. По правую его руку жена и дочь, обращенныя къ нему съ испугомъ на лицѣ. За ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ. За нимъ Лука Лукичъ, весь блѣдный, какъ мѣлъ. По лѣвую сторону городничаго Земляника съ приподнятыми кверху бровями и пальцами, поднесенными ко рту, какъ человѣкъ, который чѣмъ-то сильно обжегся. За нимъ судья, присѣвшій почти до земли и сдѣлавшій губами гримасу, какъ бы говоря: „Вотъ тебѣ, бабушка, и...“. За ними Добчинскій и Бобчинскій, уставивши глаза и разинувши ротъ, глядятъ другъ на друга. Гости раздѣляются на двѣ группы по обѣимъ сторонамъ: одна принимаетъ одно общее движенье (стараясь) заглянуть въ лицо городничаго. (Почти цѣлую минуту продолжается эта нѣмая сцена, покуда не опускается, наконецъ, занавѣсъ.) Чтобы завязалась группа ловче и непринужденнѣй, всего лучше поручить (искусному) художнику, умѣющему сочинять группы, сдѣлать рисунокъ и держать рис...

Если только каждый изъ актеровъ вошелъ, хоть сколько-нибудь, во всѣ положенія ролей своихъ во все продолженіе представленія піесы, то они выразятъ также и въ этой нѣмой сценѣ положенье разительное ролей своихъ, увѣнчая этой сценой еще болѣе совершенство игры своей. Если же они пребывали холодны и натянуты во время представленія, то останутся такъ же холодны и натянуты и здѣсь, съ тою разницей, что въ этой нѣмой сценѣ еще болѣе обнаружится ихъ неискусство.

3.

Предувѣдомленіе

къ предполагавшимся изданіямъ „Ревизора" въ пользу бѣдныхъ.

Почти всѣ наши русскіе литераторы жертвовали чѣмъ-нибудь отъ трудовъ своихъ въ пользу неимущихъ: одни издавали съ этою цѣлью сами книги, другіе не отказывались участвовать въ изданіяхъ, собираемыхъ изъ общихъ трудовъ, третьи, наконецъ, составляли нарочно для этого публичныя чтенія. Одинъ я отсталъ отъ прочихъ. Желая, хотя поздно, загладить свой проступокъ, назначаю въ пользу неимущихъ четвертое и пятое изданія „Ревизора", нынѣ напечатанныя въ одно и то же время въ Москвѣ и въ Петербургѣ, съ присовокупленіемъ новой, неизвѣстной публикѣ піесы: „Развязка Ревизора". По разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ піеса эта не могла быть доселѣ издана и въ первый разъ помѣщается здѣсь.

Деньги, выручаемыя за оба эти изданія, назначаются только въ пользу тѣхъ неимущихъ, которые, находясь на самыхъ незамѣтныхъ маленькихъ мѣстахъ, получаютъ самое небольшое жалованье и этимъ небольшимъ жалованьемъ, едва достаточнымъ на собственное прокормленіе, должны помогать, а иногда даже и содержать еще бѣднѣйшихъ себя родственниковъ своихъ,—словомъ, въ пользу тѣхъ, которымъ досталась горькая доля тянуть двойную тягость жизни. А потому прошу всѣхъ моихъ читателей, которые сдѣлали уже начало доброму дѣлу покупкой этой книги, сдѣлать ему и доброе продолженіе, а именно: собирать, по возможности и по мѣрѣ досуга, свѣдѣнія обо всѣхъ, наиболѣе нуждающихся какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, не пренебрегая скучнымъ дѣломъ входить самому лично въ ихъ трудныя обстоятельства и доставлять всѣ таковыя свѣдѣнія тѣмъ, на которыхъ возложена раздача вспомоществованія.

Много происходитъ вокругъ насъ страданій, намъ неизвѣстныхъ; часто въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одной и той же улицѣ, въ одномъ и томъ же съ нами домѣ изнываетъ человѣкъ, сокрушенный весь тяжкимъ игомъ нужды и ею порожденнаго суроваго внутренняго горя, котораго вся участь, можетъ быть, зависѣла отъ одного нашего пристальнаго на него взгляда; но взгляда на него мы не обратили: безпечно и беззаботно продолжаемъ жизнь свою, почти равнодушно слышимъ о томъ, что такой-то, жившій съ нами рядомъ, погибнулъ,—не подозрѣвая того, что причиной этой погибели было именно то, что мы не дали себѣ труда пристально взглянуть на него. Ради Самого Христа, умоляю не пренебрегать разговорами съ тѣми, которые молчаливы, неразговорчивы, которые скорбятъ тихо, претерпѣваютъ тихо и умираютъ тихо, такъ что даже рѣдко и по смерти ихъ узнается, что они умерли отъ невыносимаго бремени своего горя. Всѣхъ же тѣхъ моихъ читателей, которые, будучи заняты обязанностями и должностями высшими и важнѣйшими, не имѣютъ черезъ то досуга входить непосредственно въ поло-

женіе бѣдныхъ, прошу не оставить посильнымъ денежнымъ вспоможеніемъ, препровождая его къ одному изъ раздавателей такихъ вспомоществованій, которыхъ имена и адресы приложены въ концѣ сего предувѣдомленія.

Считаю обязанностью при этомъ увѣдомить, что избраны мною для этого дѣла тѣ изъ мною знаемыхъ лично людей, которые, не будучи озабочены излишне собственными хлопотами и обязанностями, лишающими нужнаго досуга для подобныхъ занятій, влекутся сверхъ того собственной душевной потребностью помогать другому и которые взялись радостно за это трудное дѣло, несмотря на то, что оно отнимаетъ отъ нихъ множество пріятныхъ удовольствій свѣтскихъ, которыми неохотно жертвуетъ человѣкъ. А потому всякъ изъ дающихъ можетъ быть увѣренъ, что помощь, имъ произведенная, будетъ произведена съ разсмотрѣніемъ: не бросится изъ нея и копейка напрасно. Не помогутъ они до тѣхъ поръ человѣку, пока не узнаютъ его близко, не взвѣсятъ всѣхъ обстоятельствъ, его окружающихъ, и не получатъ такимъ образомъ вразумленія полнаго, какимъ совѣтомъ и напутствіемъ сопроводить поданную ему помощь. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ страждущій самъ виной тяжелой участи своей, и въ дѣло его бѣдствія замѣшалось дѣло его собственной совѣсти, помощь произведутъ они не иначе, какъ черезъ руки опытныхъ священниковъ и вообще такихъ духовниковъ, которые не въ первый разъ имѣли дѣло съ душою и совѣстью человѣка. Хорошо, если бы всякъ изъ тѣхъ, которые будутъ собирать свѣдѣнія о бѣдныхъ, взялъ на себя трудъ изъясниться объ этомъ съ раздавателями суммъ лично, а не посредствомъ переписки: въ разговорахъ объясняются легко всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя всегда остаются въ письмахъ. Всякъ можетъ усмотрѣть самъ, уже по роду самаго дѣла, къ кому изъ означенныхъ лицъ ему будетъ приличнѣй, ловче и лучше обратиться, принимая въ соображеніе и то, въ какомъ дѣлѣ особенно нужно сострадательное участіе женщины, а въ какомъ твердое, братски подкрѣпляющее слово мужа. Лучше, если для такихъ переговоровъ будетъ назначенъ разъ навсегда одинъ опредѣленный часъ, хотя, положимъ, отъ 11 до 12, который вообще для всѣхъ, для большинства людей, есть удобнѣйшій; если жъ кому онъ и не удобенъ, то все-таки, пришедши въ этотъ часъ, можно получить освѣдомленіе о другомъ, удобнѣйшемъ.

Имена принявшихъ на себя раздачу вспомоществованія:

Въ Москвѣ:

Авдотья Петровна Елагина.
Катерина Александровна Свербѣева.
Вѣра Сергѣевна Аксакова.
Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.
Николай Филипповичъ Павловъ.
Петръ Васильевичъ Кирѣевскій.

Въ Петербургѣ:

Ольга Степановна Одоевская.
Графиня Анна Михайловна Вьельгорская.
Графиня Дашкова.
Аркадій Осиповичъ Россети.
Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ.
Владиміръ Алексѣевичъ Мухановъ.

II.

Ревизоръ.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

(Одинъ изъ раннихъ текстовъ.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Прочуханскій, городничій.
Анна Андреевна, жена его.
Марья Антоновна, дочь его.
Аммосъ Ѳедоровичъ Припекаевъ, судья.
Артемій Филипповичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, попечитель богоугодныхъ заведеній.
Лука Лукичъ Земляника, директоръ училищъ.
Иванъ Кузьмичъ Псекинъ, почтмейстеръ.
Петръ Ивановичъ Добчинскій } городскіе помѣщики.
Петръ Ивановичъ Бобчинскій }
Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, чиновникъ изъ Петербурга.
Осипъ, слуга его.
Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, уѣздный лѣкарь.
Ѳедоръ Андреевичъ Люлюковъ }
Иванъ Лазаревичъ Растаковскій } отставные чиновники, почетныя лица въ городѣ.
Степанъ Ивановичъ Коробкинъ }
Илья Ильичъ Погоняевъ }
Игнатій Ильичъ Уховертовъ, частный приставъ.
Квартальные { Свистуновъ. Пуговицынъ. Кнутъ. Держиморда.
Макрина Иванова, унтеръ-офицерская вдова.
Февронья Петровна Пашлепкина, слесарша.
Мишка, слуга городничаго.
Слуга трактирный.
Гости, купцы, мѣщане, просители.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа... вотъ и Артемія Филипповича, и Аммоса Ѳедоровича, Луку Лукича и Христіана Ивановича... съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ одно пренепріятное извѣстіе. Меня увѣдомляютъ, что отправился инкогнито изъ Петербурга чиновникъ съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать въ нашей губерніи все относящееся по части гражданскаго управленія.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Что вы говорите? Чиновникъ инкогнито?

Артемій Филипповичъ *(въ испугѣ)*. Изъ Петербурга, съ секретнымъ предписаніемъ?

Лука Лукичъ. Обревизовать гражданское устройство?

Городничій. Я признаюсь вамъ откровенно, что я очень потревожился... Я какъ будто предчувствовалъ: сегодня во снѣ мнѣ всю ночь снились какія-то собаки. Право, какія-то этакія необыкновенныя собаки: черныя, не борзыя, однакожъ и не лягавыя; пришли, понюхали и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое я получилъ отъ Андрея Ивановича Пшекина, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: „любезный другъ, кумъ и благодѣтель *(бормочетъ вполголоса, пробѣгая скоро глазами)*... и увѣдомить тебя". А! вотъ: „спѣшу между прочимъ увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ. Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ больше представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки, то совѣтую тебѣ взять предосторожность и поудержаться на время отъ прибыточной стрижки, какъ называешь ты взносы со стороны просителей и непросителей, ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито... Вчерашняго дня я..." Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: „сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ", и прочее, и прочее... Такъ вотъ какое обстоятельство! А что, какихъ вы мыслей объ этомъ, господа?

Артемій Филипповичъ. Я думаю, что это просто скверно.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Въ самомъ дѣлѣ чрезвычайное происшествіе!

Лука Лукичъ. Скажите, пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, отъ чего это? Зачѣмъ это къ намъ ревизоръ? Вѣдь нашъ городъ ужъ, кажется, такъ далеко отъ всего, что объ немъ бы и заботиться нечего.

Городничій *(испуская вздохъ)*. Говорите же вы! До сегодняшняго дня Богъ миловалъ. Случалось, правда, по газетамъ слышать, что въ такомъ-то мѣстѣ того-то посадили за взятки, того-то отдали въ судъ за потворство и воровство или за подлогъ, но все это случалось, благодареніе Богу, въ другихъ мѣстахъ; а къ намъ до сихъ поръ никто не пріѣзжалъ и никакихъ ревизовокъ не было.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ, Россія хочетъ вести

войну съ турками или съ австрійцами, и потому министерія нарочно отправляетъ чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій. Изъ вашихъ словъ видѣть можно, что и умный человѣкъ можетъ ошибиться. Куда нашему уѣздному городишкѣ! Другое дѣло, если бы онъ былъ пограничнымъ, тогда бы еще было такъ и сякъ; но будучи въ такой глуши, чортъ знаетъ гдѣ: двадцать тысячъ верстъ, я думаю, будетъ отъ Турціи или Австріи...

Аммосъ Өедоровичъ. Нѣтъ, я вамъ скажу: начальство имѣетъ тонкіе виды. Даромъ что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Городничій. Ну, теперь и намъ нужно поостеречься. По крайней мѣрѣ я сдѣлалъ свое дѣло и нарочно собралъ васъ объявить вамъ объ этой новости, дабы вы могли хорошенько обдумать, что и какъ вамъ нужно поступать. Я съ своей стороны почитаю необходимымъ сообщить вамъ кое-какія замѣчанія. Я уже по своей части, то-есть въ отношеніи устройства городового и полиціи, сдѣлалъ приказаніе; совѣтую и вамъ такъ же поступить. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ. Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія, и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему въ будни; и тамъ, какъ слѣдуетъ, надписать предъ каждою кроватью по латыни или на какомъ другомъ языкѣ... какъ признается нужно... это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ... всякую болѣзнь; и когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа, какъ найдете лучше. Но вообще я долженъ замѣтить, что не хорошо, если больныхъ слишкомъ много. Лучше, если ихъ меньше, потому что это тотчасъ отнесутъ или къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

Артемій Филипповичъ. Мы ужъ съ Христіаномъ Ивановичемъ такъ распорядились на счетъ этотъ, какъ нужно. Да и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ убыточиться и выписывать дорогія лѣкарства для какого-нибудь инвалида? Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ; притомъ и Христіану Ивановичу очень затруднительно бы было съ ними изъясняться, потому что онъ не знаетъ по-русски. Лучше же сберегу я казенный интересъ и уменьшеніемъ расходовъ увеличу сумму. Тогда и начальство, видя мое усердіе, безъ сомнѣнія, представитъ меня къ ордену въ поощреніе прочимъ *(обращаясь къ Христіану Ивановичу)*, то-есть я разумѣю, что при этомъ и вамъ будетъ какое-нибудь благоволеніе.

Христіанъ Ивановичъ *(издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву* и, *нѣсколько...)* [1]).

Городничій. Ну, какъ знаете. Теперь я вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Өедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусятами, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завесть его, только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ. Также этотъ народъ имѣетъ обыкновеніе развѣшивать на дверяхъ для сушки свои онучки и листья табаку, называемаго бакуномъ. Оно, конечно, дѣлается для того, чтобы высушить, но я нѣсколько разъ хотѣлъ вамъ замѣтить, что воздухъ въ присутственныхъ мѣстахъ очень густъ... Кромѣ того, дурно, что виситъ у васъ въ самомъ присутствіи охот-

1) Фраза не дописана.

ничій арапникъ и рогъ; конечно, я знаю, вы любите охоту; но все, знаете, на время его лучше принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, такъ вы опять его можете повѣсить. Также подсудокъ [1]) вашъ: онъ, можетъ быть, очень хорошій человѣкъ и свѣдущій въ своемъ дѣлѣ, но отъ него, знаете, такой запахъ, какъ будто бы онъ только что вышелъ изъ винокуреннаго завода. Это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, развлеченъ чѣмъ-то. Есть этакія средства, которыя могутъ это нѣсколько поправить. Можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными средствами или медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать. Впрочемъ, это у него ужъ природный запахъ: онъ говоритъ, что какъ то въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ того времени отдаетъ отъ него совершенно какъ водкою.

Городничій. Да я такъ только замѣтилъ вамъ. Насчетъ внутренняго распоряженія и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать; да и странно говорить, потому что нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Какъ же вы говорите, Антонъ Антоновичъ, грѣшки? Грѣшки грѣшкамъ рознь. У меня если есть грѣшки, то самые невинные. Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, беру взятки борзыми щенками.

Городничій. Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Э, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ, это совсѣмъ не то. Вотъ у васъ, напримѣръ, шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да...

Городничій. Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы въ Бога не вѣруете, вы въ церковь никогда не ходите; а я, по крайней мѣрѣ, въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы... я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, то просто волосы дыбомъ поднимаются.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничій. Ну, въ этомъ случаѣ Богъ знаетъ: ежели слишкомъ много ума, то бываетъ иной разъ хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а оно врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ, какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно насчетъ учителей; они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально, неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, вотъ этотъ... какъ его?.. что имѣетъ очень толстое лицо... не вспомню его фамилію... никакъ не можетъ обойтись, взошедши на каѳедру, чтобы не сдѣлать гримасу—вотъ эдакъ *(дѣлаетъ гримасу)*, и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего: можетъ быть, оно тамъ и нужно такъ, я этого не знаю; но, вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю. Это можетъ быть очень худо. Г. ревизоръ или другой кто можетъ принять это на свой счетъ,—изъ этого чортъ знаетъ что можетъ произойти. Или тотъ бишь, который читаетъ краснорѣчіе и риторику, тоже имѣетъ странную привычку. Онъ, напримѣръ, читаетъ:

---

[1]) Засѣдатель.

„прекрасное есть, гм. гм. тфу!“... и плюнетъ; „изящное, гм. гм. тфу!“... и плюнетъ. Оно, конечно, для науки не вредитъ, но со стороны совершенно другое, и я признаюсь, когда стоялъ въ классѣ по близости, то онъ мнѣ обчихалъ весь мундиръ. Хорошо, что тогда мундиръ былъ на мнѣ старый. То же я долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова, это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ объ ассиріянахъ и вавилонянахъ—еще ничего; а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ дѣлалось: я думалъ, что пожаръ, ей Богу: сбѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хвать стуломъ объ полъ. Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ. Да, онъ горячъ, я ему нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Право, я не знаю, что и дѣлать. Развѣ его привязать немного къ столу?

Городничій. Ну, пожалуй, можно и привязать; только нужно такъ, чтобы это не было замѣтно. Да, таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ, что умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую состроитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ. Это, право, хлопотливое дѣло!

Городничій. Это бы еще ничего, хлопоты; худо, что не знаешь, съ которой стороны ожидать его, когда и въ какое время. Вдругъ заглянетъ: „А кто здѣсь?“ Анъ тутъ мы, голубчики.—„А кто въ богоугодномъ заведеніи начальникъ?“—Ляпкинъ-Тяпкинъ.—„А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!—„А кто здѣсь смотритель училищъ?“—Земляника.—„А подайте сюда Землянику!“ Вотъ что худо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Городничій. Здравствуйте, Иванъ Кузьмичъ! Я нарочно посылалъ за вами, чтобы сообщить вамъ очень важную новость.

Почтмейстеръ. Я слышалъ уже отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ былъ у меня сегодня въ почтовой конторѣ.

Городничій. Ну, что, какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ. А что думаю? война съ турками будетъ.

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не то.

Почтмейстеръ. Право, война съ турками. Это все французы гадятъ.

Городнчій. Какая тутъ война съ турками! Гдѣ тутъ турки? Тутъ, просто, намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это уже извѣстно: меня увѣдомляетъ достовѣрный человѣкъ, что именно ѣдетъ чиновникъ съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть въ нашемъ городѣ все гражданское устройство.

Почтмейстеръ. А можетъ быть, очень можетъ быть, и это правда.

Городничій. Ну, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ? А меня даже немного по кожѣ подираетъ.

Почтмейстеръ. Да я и самъ чувствую небольшую какъ будто лихорадку. А вы боитесь?

Городничій. Чего жъ бояться! Боязни нѣтъ, а такъ какъ-то неловко, чортъ знаетъ, какъ неловко! Я, признаться сказать, ужъ слишкомъ подстригъ здѣшнее купечество и гражданство, такъ что врядъ ли и ножницы такія въ свѣтѣ найдутся, которыя бы могли еще что-нибудь захватить;

на меня то они всѣ теперь... такъ вотъ бы съѣли, попадись я только имъ. Пожалуйте сюда, Иванъ Кузьмичъ, я вамъ кое-что скажу. *(Отводитъ его въ сторону.)* Вотъ въ чемъ дѣло: можетъ быть, онъ если не пріѣхалъ, то находится близко отсюда. Я, признаюсь вамъ, имѣю основательныя причины думать, не жаловался ли кто-нибудь на меня: отчего жъ такая напасть на нашъ городъ? Да притомъ еще инкогнито? чортъ знаетъ, что такое инкогнито? Вѣдь начальство же есть въ городѣ, къ чему жъ тутъ инкогнито? Такъ вамъ нужно, Иванъ Кузьмичъ, для общей нашей пользы всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору,—входящія и исходящія,— знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать: не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія или просто переписки? Если же нѣтъ, то можно опять запечатать. Для этого снять какъ-нибудь изъ глины слѣпокъ, или даже можно и такъ отдать письмо—распечатанное.

Почтмейстеръ. Объ этомъ не безпокойтесь. Я это дѣлаю всегда и безъ того,—не то чтобы изъ предосторожности, а больше изъ любопытства. Я, признаюсь, очень люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это весьма интересное чтеніе. Ей Богу! Иное письмо съ большимъ удовольствіемъ прочтешь: такъ хорошо описываются разные этакіе пассажи... назидательные даже. Ей Богу! Гораздо лучше, нежели въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. А вы никогда не читали?

Городничій. Нѣтъ, не читалъ. Я однакожъ радъ, что вы это дѣлаете: это въ жизни хорошо. Скажите: тамъ вы до сихъ поръ ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтмейстеръ. О петербургскихъ ничего нѣтъ, а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль однакожъ, что вы никогда не читали писемъ: есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно читалъ я: одинъ поручикъ пишетъ къ одному пріятелю своему, и описалъ балъ и жизнь свою съ такимъ искусствомъ... очень хорошо! „Барышень“, говоритъ „много, музыка играетъ, штандаръ скачетъ“; съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ! Вотъ, если хотите, я вамъ дамъ его прочесть. Я нарочно оставилъ его у себя.

Городничій. Покорнѣйше благодарю. Теперь, ей Богу, мнѣ не до того. Такъ, сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ, какъ только получите какое-нибудь извѣстіе, сейчасъ ко мнѣ; также если какая-нибудь жалоба или донесеніе, то задержите.

Почтмейстеръ. Съ удовольствіемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Эка, въ самомъ дѣлѣ какое печальное, непредвидѣнное извѣстіе! А я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчивать васъ собачонкою: родная сестра этому кобелю, котораго вы знаете. У меня теперь завели тяжбу два помѣщика-сосѣда, и я теперь могу травить зайцевъ на земляхъ и у того, и у другого.

Городничій. Богъ съ ними теперь, со всякими зайцами! У меня, право, въ ухѣ такъ, какъ будто бы сверчокъ! Такъ, право, и ожидаешь, что вдругъ отворятся двери и войдетъ онъ самъ...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Бобчинскій и Добчинскій *(оба входятъ запыхавшись).*

Бобчинскій. Чрезвычайное... ухъ... ухъ... ухъ... происшествіе!

Добчинскій. Неожиданное извѣ... ухъ, ухъ... ѣстье!

Всѣ. Что, что такое?

Добчинскій. Непредвидѣнное дѣло. Приходимъ въ гостиницу...

Бобчинскій *(перебивая)*. Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостиницу...

Добчинскій. Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я разскажу.

Бобчинскій. Э, нѣтъ, позвольте ужъ я... позвольте, позвольте, вы ужъ и слога такого не имѣете...

Добчинскій. А вы не помните всѣхъ обстоятельствъ, вы сейчасъ собьетесь.

Бобчинскій. Э, нѣтъ! Помню, помню, ей-Богу, помню! Ужъ не мѣшайте, пусть я разскажу!

Городничій. Да что такое? Говорите, ради Бога: что такое? Садитесь, господа! Сдѣлайте милость, садитесь! Возьмите стулья, пожалуйста, садитесь. Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулъ! *(Всѣ усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей.)* Ну, что такое?

Бобчинскій. Позвольте, я сейчасъ по порядку: какъ только вышелъ я отъ васъ... Э, не мѣшайте, Петръ Ивановичъ! Не говорите ужъ ничего, сдѣлайте милость! Я ужъ самъ знаю... Какъ только вышелъ я отъ васъ, то побѣжалъ тотчасъ къ Коробкину, а не заставши Коробкина дома, побѣжалъ къ Растаковскому; а не заставши Растаковскаго, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему эту новость, да, идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

Добчинскій. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

Бобчинскій. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Слышали ли вы, говорю я Петру Ивановичу, о той новости, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма? А Петръ Ивановичъ уже услышали объ этомъ отъ ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю зачѣмъ-то, была послана къ Филиппу Антиповичу Мартоплясу...

Добчинскій. За бочонками для французской водки.

Бобчинскій. За бочонками для французской водки... Вотъ мы пошли съ Петромъ Ивановичемъ къ Мартоплясу... Э, сдѣлайте одолженіе, Петръ Ивановичъ, не перебивайте! пожалуйста, не перебивайте!.. Пошли къ Мартоплясу, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ мнѣ: „Сегодни, я знаю, привезли въ трактиръ свѣжей семги, такъ пойдемъ, закусимъ“. Только что мы въ гостиницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ...

Добчинскій. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ...

Бобчинскій. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходитъ по комнатѣ, и въ лицѣ такое разсужденіе и физіономія, такіе важные поступки и такъ здѣсь *(вертитъ рукою около лба)* много, много всего. Я такъ, какъ будто предчувствовалъ, и говорю себѣ: здѣсь что-нибудь да не даромъ. А Петръ Ивановичъ тотчасъ мигнули пальцемъ и подозвали трактирщика... трактирщика Власа... У него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой хорошій мальчикъ, большія подаетъ надежды и со-временемъ такъ же, какъ отецъ, будетъ содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ спросилъ потихоньку: „кто такой этотъ молодой человѣкъ?“ А Власъ говоритъ: „Это“, говоритъ... Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйста, не перебивайте! Вы не разскажете; ей Богу, не разскажете: вы немного шепелявите, у васъ одинъ зубъ со свистомъ... „что этотъ молодой человѣкъ—чиновникъ, ѣдущій изъ Петербурга, Иванъ Александровичъ Перепелкинъ [1]), и что чрезвычайно странно себя аттестуетъ: больше полторы недѣли живетъ, дальше не ѣдетъ, беретъ все наборъ, денегъ совсѣмъ не платитъ“. Меня въ одну минуту вразумило. „Э!“ говорю я Петру Ивановичу...

[1]) Хлестаковъ.

Добчинскій. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ: „э“!

Бобчинскій. Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. „Э!“ сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ: „съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ Богъ знаетъ куды: въ Саратовскую губернію, въ городъ Белебей? Это вѣрно не кто другой, какъ тотъ самый чиновникъ“...

Городничій. Что вы говорите? Не можетъ быть! *(Придвигаетъ поближе стулъ.)* Это вамъ такъ показалось. Это кто-нибудь другой.

Добчинскій. Помилуйте, какъ не онъ! И денегъ не платитъ, и не ѣдетъ! Кому же бы быть, какъ не ему! И съ какой стати жилъ бы онъ здѣсь, когда ему прописана подорожная въ Саратовъ?

Бобчинскій. Онъ, онъ, ей Богу онъ! Я ставлю Богъ знаетъ что... Такой наблюдательный: все обсмотрѣлъ, и по угламъ вездѣ, и даже заглянулъ въ тарелки къ намъ—полюбопытствовать, что ѣдимъ. Такой осмотрительный, что Боже сохрани!

Городничій. И онъ тамъ въ гостиницѣ до сихъ поръ?

Добчинскій. Въ 5 № подъ лѣстницей.

Бобчинскій. Въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прошлаго года подрались пріѣзжіе офицеры.

Городничій. И давно живетъ?

Добчинскій. Ужъ будетъ полторы недѣли. Пріѣхалъ на Василія Египтянина.

Городничій. Полторы недѣли! Что вы! *(Въ сторону.)* Ай, ай, ай! *(Почесывая ухо.)* Въ эти полторы недѣли высѣчена офицерская [1]) жена! Ай, ай, ай! Въ эти полторы недѣли арестантамъ никакой провизіи не выдавали! О, Боже мой, Боже мой! На улицахъ кабакъ и нечистота! О, Боже мой, Боже мой!..

Артемій Филипповичъ. Мнѣ кажется, Антонъ Антоновичъ, намъ теперь поскорѣй одѣться въ мундиры и сей же часъ ѣхать прямо къ нему въ гостиницу.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, нужно больше параду. Нужно пригласить купечество, впередъ пустить голову: онъ человѣкъ видной. Не дурно бы тоже и священство: это имѣетъ глубокое и тайное значеніе; вотъ и въ книгѣ: „Дѣянія Іоанна Масона“...

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ; позвольте ужъ мнѣ самому это обдѣлать. *(Обращаясь къ Бобчинскому.)* Вы говорите, что онъ человѣкъ молодой?

Бобчинскій. Молодой, лѣтъ 23-хъ или четырехъ съ небольшимъ.

Городничій. Ну, это хорошо, что молодой человѣкъ. Мы вотъ какъ сдѣлаемъ: вы теперь приготовляйте, каждый по своей части, наскоро, что можете, къ принятію; а я отправлюсь самъ, или вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, приватно, — такъ, какъ бы просто для прогулки, или будто бы навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе какихъ-нибудь недостатковъ или непріятностей въ гостиницѣ. А вамъ совѣтую сей же часъ воспользоваться временемъ. Эй, Свистуновъ!

Свистуновъ. Что угодно?

Городничій. Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ... или нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно поскорѣе ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда. *(Квартальный бѣжитъ впопыхахъ.)*

Артемій Филипповичъ. Идемъ, идемъ, Аммосъ Ѳедоровичъ! Въ самомъ дѣлѣ, можетъ случиться бѣда.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вамъ-то еще ничего: у васъ вѣдь все въ исправности.

1) Унтеръ-офицерская.

Артемій Филипповичъ. Кой чортъ въ исправности! Плохо, чрезвычайно плохо.

(Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и почтмейстеръ уходятъ и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Городничій, Бобчинскій, Добчинскій и квартальный.

Городничій. Что, дрожки тамъ стоятъ?

Квартальный. Стоятъ.

Городничій. Ступай на улицу... или нѣтъ, постой! Ступай, принеси... Да другіе-то гдѣ? Неужели ты только одинъ здѣсь? Вѣдь я приказывалъ чтобы и Кнутъ былъ здѣсь. Гдѣ Кнутъ?

Квартальный. Кнутъ въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ.

Городничій. Какъ такъ?

Квартальный. Да такъ: привезли его по-утру мертвецки. Вотъ ужъ два ушата воды вылили, до сихъ поръ не протрезвился.

Городничій. Ахъ, Боже мой, Боже мой! Спупай скорѣе на улицу... или нѣтъ, бѣги прежде въ комнату, слышь, и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петръ Ивановичъ, поѣдемъ!

Бобчинскій. И я, и я! Позвольте и мнѣ, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, нельзя! Втроемъ не годится, да и въ дрожки не помѣстимся.

Бобчинскій. Ничего, ничего: я такъ, пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ такъ только, посмотрѣть въ щелочку, такъ, знаете, изъ дверей только увидѣть, какъ тамъ онъ эдакъ... больше сущность и поступки его... а я ничего!

Городничій *(принимая шпагу, къ квартальному)*. Бѣги сейчасъ, займи десятскихъ, да пусть каждый изъ нихъ возьметъ... экъ, шпага какъ исцарапалась! Проклятой купчишка Авдулинъ — видитъ, что у городничаго старая шпага, не прислалъ новой! О, лукавый народъ! А такъ, мошенники, я думаю, тамъ ужъ просьбы изъ-подъ полы и готовятъ... Пусть каждый возьметъ въ руки по улицѣ... чортъ возьми: по улицѣ!—по метлѣ, и вымели бы всю улицу, что идетъ къ трактиру, и вымели бы начисто. Слышишь? Да смотри: ты, ты!.. Я знаю тебя: ты тамъ кумаешься да крадешь въ ботфорты серебряныя ложечки... Смотри: у меня ухо востро!.. Что ты сдѣлалъ съ купцомъ Черняевымъ, а? Онъ тебѣ на мундиръ далъ два аршина сукна, а ты стянулъ всю штуку. Ты, дуракъ, съ меня примѣра не бери! Ступай!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и частный приставъ.

Городничій. А, Степанъ Ильичъ, скажите, Бога ради: куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный приставъ. Я былъ тутъ сейчасъ за воротами.

Городничій. Ну, слушайте же, Степанъ Ильичъ. Вамъ теперь нужно все ужъ прежнее бросить: вѣдь чиновникъ-то изъ Петербурга пріѣхалъ. Какъ вы тамъ распорядились?

Частный приставъ. Да такъ, какъ приказывали: квартальнаго Пуговицына я послалъ съ десятскими подчищать тротуаръ.

Городничій. А Держиморда гдѣ?

Частный приставъ. Держиморда поѣхалъ на пожарной трубѣ.

Городничій. А Кнутъ пьянъ?

Частный приставъ Пьянъ.

Городничій. Какъ же вы это такъ допустили?

Частный приставъ. Да Богъ его знаетъ. Вчерашняго дня случилась за городомъ драка,—поѣхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ.

Городничій. Послушайте жъ, вы сдѣлайте вотъ что: квартальный Пуговицынъ... онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ для благоустройства на мосту. Да разметать наскоро старый заборъ, что возлѣ сапожника, и поставить соломенную вѣху, чтобъ было похоже на планировку. Оно чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности градоправителей. Ахъ, Боже мой, Боже мой! Я и позабылъ, что возлѣ того забора навалено на сорокъ телѣгъ всякаго сору. Что это за скверный городъ! только гдѣ-нибудь поставь какой-нибудь заборъ или памятникъ, — чортъ ихъ знаетъ, откудова и нанесутъ всякой дряни! Охъ, Боже мой, Боже мой! *(Вздыхаетъ.)* Да если пріѣзжій чиновникъ будетъ спрашивать службу: „довольны ли?“ чтобы говорили: „всѣмъ довольны, ваше благородіе“; а который будетъ недоволенъ, то ему послѣ дамъ такого неудовольствія... О, Боже мой, Боже мой! грѣшенъ, во многомъ грѣшенъ. *(Беретъ вмѣсто шляпы коробку.)* Дай только Боже, чтобы сошло съ рукъ поскорѣе, а тамъ-то я поставлю ужъ такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ, каждому бестіи купцу наложу доставить по три пуда воску. О, Боже мой, Боже мой! Ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! *(Надѣваетъ вмѣсто шляпы коробку на голову.)* Ѣдемъ!

Частный приставъ Ваше Высокоблагородіе! у васъ на головѣ коробка.

Городничій *(бросаетъ ее.)* Чортъ съ ней! Да если спросятъ, отчего не выстроена церковь при богоугодномъ заведеніи, на которую назадъ тому пять лѣтъ была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что началась строиться, но сгорѣла. Я объ этомъ и рапортъ представлялъ, что большущій былъ пожаръ. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, скажетъ, что она и совсѣмъ не начиналась. Да сказать Держимордѣ, чтобы не слишкомъ давалъ воли кулакамъ своимъ: я знаю, онъ имѣетъ обычай для порядка всѣмъ ставить фонари подъ глазами, и правому, и виноватому. Ѣдемъ, ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! *(Уходитъ и возвращается.)* Да не выпускать солдатъ на улицу безъ всего: эта дрянная гарниза надѣнетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ. *(Всѣ уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анна Андреевна и **Марья Антоновна** *(вбѣгаютъ на сцену)*.

Анна Андреевна. Гдѣ жъ, гдѣ жъ они? Ахъ, Боже мой!.. *(Отворяя дверь.)* Мужъ! Антоша! Антонъ! *(Говоритъ скоро.)* А все ты, а все за тобой! И пошла копаться: „я булавочку, я косынку! я сейчасъ, я сейчасъ!“... Вотъ тебѣ и „сейчасъ“. *(Подбѣгаетъ къ окну и кричитъ.)* Антонъ, куда? куда? Что, пріѣхалъ? Ревизоръ? Что онъ, статской? Съ усами? Съ какими усами?

Голосъ городничаго. Послѣ, послѣ, матушка!

Анна Андреевна. Послѣ? Вотъ новости: послѣ! Я не хочу послѣ... Мнѣ только одно слово: что онъ, полковникъ? А? *(Съ пренебреженіемъ.)* О, глу-

пой! уѣхалъ! Постой же ты, проклятой Антошка! Дрянь такую надвинулъ на глупыя уши, треугольную свою шляпу, и уѣзжаетъ со двора, такъ какъ будто и не онъ! А носъ—какъ картофель! Я тебѣ вспомню это. А все эта: „маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку! я сейчасъ!“ Вотъ тебѣ и сейчасъ! Вотъ тебѣ ничего не узнали! А все проклятое кокетство: услышала, что почтмейстеръ здѣсь, и давай передъ зеркаломъ жеманиться: и съ той стороны, и съ этой стороны подойдетъ. Воображаетъ, что онъ за ней волочится, а онъ просто тебѣ дѣлаетъ рожу, когда ты отвернешься.

Марья Антоновна. Да что дѣлать, маменька? Все равно: вѣдь черезъ 2 часа мы все узнаемъ.

Анна Андреевна. Черезъ 2 часа! Покорнѣйше благодарю. Вотъ одолжила отвѣтомъ! Какъ ты не догадалась сказать, что черезъ мѣсяцъ еще лучше можно узнать? *(Свѣшивается въ окно.)* Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала: тамъ пріѣхалъ кто-то? А? Генералъ?

Голосъ Авдотьи. Ей Богу, сударыня, ничего не услышала.

Анна Андреевна. Глупая какая!

Голосъ Авдотьи. Подкинулась было къ квартальному: руками только машетъ, какъ угорѣлый.

Анна Андреевна. Ну, что жъ? Пусть машетъ, а ты все бы таки его разспросила. Не могла этого узнать! Въ головѣ чепуха: все женихи сидятъ. А? Что? Скоро уѣхали? Да ты бы побѣжала за дрожками. Ступай, ступай сейчасъ! Слышишь, побѣги, разспроси, куда поѣхали. Да разспроси хорошенько: что за пріѣзжій, какой онъ,—слышишь! Подсмотри въ щелку и узнай все, и глаза какіе—черные или нѣтъ; и сію же минуту возвращайся назадъ — слышишь! *(Обѣ остаются смотрящими въ окно; занавѣсъ опускается.)*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Маленькая комната въ гостиницѣ. Постель, столъ, чемоданъ, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

ЯВЛЕНІЕ I.

Осипъ *(лежитъ на барской постели)*. Чортъ побери, ѣсть такъ хочется и въ животѣ трескотня такая, какъ будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы! Вотъ, мать моя ты Божія, не доѣдемъ да и только домой! Что ты прикажешь дѣлать? Второй мѣсяцъ пошелъ, какъ изъ Питера; всего вѣдь треть верстъ осталось. Профинтилъ дорогою денежки, голубчикъ, теперь сидитъ и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы и очень бы стало на прогоны. Нѣтъ, вишь ты, нужно въ каждомъ губернскомъ городѣ показать себя! „Эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату лучшую, да обѣдъ спроси самый лучшій: я не могу ѣсть дурного обѣда, мнѣ нуженъ лучшій обѣдъ“. Добро бы было въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное, а то вѣдь елистратишка простой. Вотъ тебѣ и дообѣдался! Съ проѣзжающимъ знакомится, а потомъ въ картишки—вотъ тебѣ и доигрался! Эхъ, надоѣла такая жизнь! Ей Богу, въ деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше: возьмешь себѣ бабу, да и лежи весь вѣкъ на полатахъ, да ѣшь пироги. Ну, кто жъ споритъ, конечно, если пойдетъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кѣятры, собаки тебѣ танцуютъ и все, что хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству не уступитъ. Пойдешь на Щукинъ, — купцы тебѣ кричатъ: „почтенный!“ На перевозѣ въ

лодкѣ съ чиновникомъ сядешь. Компаніи захотѣлъ, — ступай въ лавочку; тамъ тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери и объявитъ, что всякая звѣзда значитъ на небѣ,—такъ вотъ, какъ на ладонѣ все видишь. Старуха офицерша забредетъ; горничная иной разъ заглянетъ такая... фу! фу! фу! (*Усмѣхается и вертитъ головою.*) Растаканье, канальство! Галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь; всякой тебѣ говоритъ: вы. Наскучило идти—берешь извозчика и сидишь себѣ, какъ баринъ; а не хочешь заплатить ему,— изволь: у каждаго дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ. Одно плохо: иной разъ славно наѣшься, а въ другой чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь, напримѣръ. А все онъ виноватъ. Что съ нимъ сдѣлаешь? — Батюшка пришлетъ денежки, чѣмъ бы ихъ попридерживать, и куды!.. пошелъ кутить: ѣздитъ на извозчикѣ, каждый день ты ему доставай въ кѣятръ билетъ. А тамъ черезъ недѣлю—глядь, и посылаетъ на толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки продастъ, такъ что на немъ всего останется сертучишка да шинельчонка. Ей Богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! Рублевъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спуститъ рублей за двадцать; а о брюкахъ и говорить нечего—ни по чемъ идутъ; карпетки 10 коп. за пару. А отчего? — оттого, что дѣломъ не занимаешься: вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по прешпекту, въ картишки играетъ, извозчиковъ надуваетъ. Эхъ, если бы узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а, поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бъ четыре ты почесывался. Коли служить, такъ служи! Вотъ теперь трактирщикъ сказалъ, что „не дамъ вамъ ѣсть, пока не заплотите за прежнее“. Ну, а коли не заплотимъ? (*Со вздохомъ.*) Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія-нибудь щи! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ. Стучится; вѣрно, это онъ идетъ. (*Поспѣшно схватывается съ постели.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Осипъ и Хлестаковъ.

Хлестаковъ (*ходитъ по комнатѣ*). Посмотри, тамъ въ картузѣ табаку нѣтъ?

Осипъ. Да гдѣ жъ ему быть, табаку! Вы еще четвертаго дни послѣднее выкурили.

Хлестаковъ (*насвистываетъ, потомъ, обращаясь къ нему, говоритъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ*). Послушай, эй, Осипъ!

Осипъ. Чего изволите?

Хлестаковъ (*громкимъ, но не столь рѣшительнымъ*). Ты ступай туда...

Осипъ. Куда?

Хлестаковъ (*голосомъ не рѣшительнымъ и не громкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ*). Внизъ, въ буфетъ... Тамъ скажи... чтобы мнѣ дали пообѣдать: супъ, соусъ или еще что-нибудь... поскорѣй!

Осипъ. Да нѣтъ, я и ходить не хочу.

Хлестаковъ. Какъ ты смѣешь, дуракъ?

Осипъ. Да такъ; все равно, хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать.

Хлестаковъ. Это вздоръ! Ты скажи ему, что онъ не можетъ этого сдѣлать.

Осипъ. „Еще“, говоритъ, „и къ городничему пойду, третью недѣлю баринъ долговъ не платитъ. Вы де съ бариномъ“, говоритъ, „мошенники,

и баринъ твой плутъ. Мы де“, говоритъ, „этакихъ широмыжниковъ уже видали“.

Хлестаковъ. Ну, онъ дуракъ—больше ничего!

Осипъ. Говоритъ: „Этакъ всякой пріѣдетъ, обживется, задолжается, послѣ и выгнать нельзя. Я“, говоритъ, „шутить не буду, я прямо съ жалобой, чтобы на съѣзжую, да въ тюрьму“...

Хлестаковъ. Ну, ну, ну!.. А ты ужъ всякой вздоръ радъ пересказывать. Ступай, скажи, что я... Ступай, ступай, скажи ему...

Осипъ. Да я лучше самого хозяина позову къ вамъ.

Хлестаковъ. На что жъ хозяинъ? Ты поди, самъ скажи...

Осипъ. Да право, сударь...

Хлестаковъ. Ну, ступай, чортъ съ тобой, позови хозяина! *(Осипъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ *(одинъ)*. Ужасно какъ хочется ѣсть! Такъ немножко прошелся; думаю, не пройдетъ ли аппетитъ,—нѣтъ, чортъ возьми, не проходитъ. Да, если бъ въ Пензѣ я не покутилъ такъ, то очень бы стало денегъ доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ больше всего меня поддѣлъ. Однако жъ, нечего сказать, кто что ни говори, а удивительно, бестія, штоссы срѣзываетъ. Чортъ его знаетъ: всего только двѣ таліи прокинулъ и все забралъ. Нужно когда-нибудь поучиться у него. Да, впрочемъ, какъ же поучиться? Когда же случай доведетъ съ нимъ встрѣтиться? Охъ, когда бы въ самомъ дѣлѣ уже скорѣе доѣхать домой! Надоѣло въ дорогѣ! И какъ нарочно такой мерзкой городишка: въ другихъ по крайней мѣрѣ что-нибудь бываетъ, а здѣсь ничего совершенно нѣтъ. Въ овощной лавкѣ балыки еще сносны, да проклятые сидѣльцы очень мало даютъ на пробу. *(Насвистываетъ сначала изъ „Роберта“, потомъ изъ русской пѣсни, а наконецъ ни се, ни то).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестаковъ, Осипъ и трактирный слуга.

Слуга. Хозяинъ приказалъ спросить, что вамъ угодно?

Хлестаковъ. Здравствуй, братецъ! Ну, что, ты здоровъ?

Слуга. Слава Богу!

Хлестаковъ. Ну, что, какъ у васъ въ гостиницѣ? Хорошо ли все идетъ?

Слуга. Да, слава Богу, все хорошо.

Хлестаковъ. Много проѣзжающихъ?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаковъ. Послушай, любезный, тамъ мнѣ до сихъ поръ обѣда не приносятъ, такъ, пожалуйста, поторопи, чтобъ поскорѣе; видишь, мнѣ сейчасъ послѣ обѣда нужно кое-чѣмъ заняться.

Слуга. Да хозяинъ сказалъ, что не будетъ больше отпускать. Онъ никакъ хотѣлъ идти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаковъ. Вотъ вздоръ какой! По крайней мѣрѣ, онъ долженъ мнѣ дать ѣсть. Ты посуди самъ, любезный другъ, какъ же мнѣ быть безъ обѣда? Вѣдь этакъ я могу отощать совсѣмъ.

Слуга. Такъ-съ. Да онъ приказалъ, что „поди“, говоритъ, „скажи, что у меня“, говоритъ, „нѣтъ для него стола, и что я пойду жаловаться“.

Хлестаковъ. Да что жъ жаловаться? Ну, жаловаться пусть идетъ, пожалуй. Но онъ мнѣ не смѣетъ не дать обѣдать. Я, ей Богу, не шутя хочу ѣсть, сильно хочу ѣсть.

Слуга. Такъ-съ. Онъ говорилъ: „я ему обѣдать не дамъ, покамѣстъ онъ не заплотитъ мнѣ за прежнее". Таковъ ужъ отвѣтъ его былъ.

Хлестаковъ. Ты пойди, ему скажи, урезонь его.

Слуга. Да что жъ такое ему говорить?

Хлестаковъ. Ну, разскажи ему все то, вотъ что отъ меня слышалъ... чтобъ онъ мнѣ далъ... что онъ долженъ дать... А о деньгахъ пусть не безпокоится: деньги сами собою... Такъ просто и скажи, что онъ не смѣетъ не дать, потому что я точно хочу ѣсть.

Слуга. Пожалуй, я скажу.

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ *(одинъ)*. Это скверно однако жъ, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ ѣсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Что тутъ, право, дѣлать? Развѣ изъ платья что-нибудь продать? Что жъ бы такое? Жилетъ, панталоны? Нѣтъ... нѣтъ... ужъ лучше поголодаю, но зато, по крайней мѣрѣ, пріѣду домой въ петербургскомъ костюмѣ. Ну, одна только эта мысль какъ-нибудь еще утѣшительна. А вѣдь какъ, если посудить, просвѣщеніе въ губернскихъ городахъ отстало отъ столичнаго! Вѣдь эти свиньи помѣщики, я знаю, носятъ мѣшки вмѣсто фраковъ. Я ставлю, Богъ знаетъ, что, если не буду между ними одинъ только въ модномъ костюмѣ. Эхъ, если бы какую-нибудь теперь котлетку! Хоть вотъ этакій бы кусочекъ говядины! Нѣтъ, чортъ побери, лучше какъ-нибудь поголодаю. Жаль, что Іохимъ не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы пріѣхать домой въ каретѣ! Очень бы недурно было подкатить къ какому-нибудь сосѣду помѣщику съ фонарями подъ крыльцо, а Осипа сзади одѣть въ ливрею. Господи, Боже мой, какъ бы переполошилось все! „Кто такой? что такое?" А лакей входитъ: „Иванъ Александровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга, прикажете принять?" Они, свиньи, и не знаютъ, что такое значитъ: „прикажете принять?" Къ нимъ если пріѣдетъ какой-нибудь телепень помѣщикъ, ту же минуту вылазитъ изъ брички и, не говоря ни слова, такъ прямо, медвѣдь, и валится въ гостиную. *(Подходитъ къ зеркалу, смотритъ въ него и дѣлаетъ одобрительный знакъ.)* Гм, гм! хорошо, хорошо! Да оно, если разсудить, есть-таки на что заглядѣться! Кусишко довольно лакомый! Гм, хорошо, хорошо! Когда бы только добраться скорѣй домой! Тьфу *(плюетъ)*, даже тошнитъ,—такъ ѣсть хочется!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хлестаковъ, Осипъ, потомъ **слуга.**

Хлестаковъ. А что?

Осипъ. Несетъ обѣдъ.

Хлестаковъ. Несетъ? Ну, хорошо!

Слуга *(съ тарелками и салфеткой)*. Хозяинъ въ послѣдній разъ уже даетъ.

Хлестаковъ. Ну, давай сюда! Что тамъ такое?

Слуга. Супъ и жаркое.

Хлестаковъ. Какъ, только два блюда?

Слуга. Только-съ.

Хлестаковъ. Вотъ вздоръ какой! Я это не принимаю... Ты скажи ему: что это въ самомъ дѣлѣ такое?.. Этого мало.

Слуга. Нѣтъ, хозяинъ говоритъ, что еще много.

Хлестаковъ. А соуса почему нѣтъ?

Слуга. Соуса нѣтъ.

Хлестаковъ. Отчего же нѣтъ? Я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, какъ готовилась рыба и котлеты.

Слуга. Да это, можетъ быть, для тѣхъ, которые почище-съ.

Хлестаковъ. Ахъ, ты дуракъ!

Слуга. Да-съ.

Хлестаковъ. Вотъ прекрасно!.. Какое же они имѣютъ право? Отчего же я не могу? Да что, чортъ возьми, развѣ они не такіе же проѣзжающіе, какъ и я?

Слуга. Да ужъ извѣстно, что не такіе.

Хлестаковъ. Какіе же?

Слуга. Они деньги плотятъ.

Хлестаковъ. Я съ тобою, дуракъ, не хочу разсуждать. *(Наливаетъ супъ и ѣстъ.)* Что это за супъ? Ты просто воды налилъ въ чашку; никакого вкуса нѣтъ, только воняетъ. Я не хочу этого супа, дай мнѣ другого.

Слуга. Мы примемъ-съ; хозяинъ сказалъ: коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаковъ. Ну, ну, ну... оставь, дуракъ! Ты привыкъ такъ обращаться съ тѣми: я, братъ, не такого рода! Со мной, братецъ, я шутокъ не совѣтую тебѣ дѣлать. *(Ѣстъ.)* Боже мой, какой супъ! *(Продолжаетъ ѣсть.)* Я думаю, еще ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не ѣдалъ такого супа. Какія-то перья плаваютъ вмѣсто масла. *(Рѣжетъ курицу.)* Ай, ай, ай, какая курица! Давай жаркое! Тамъ супу немного осталось—Осипъ, возьми себѣ. *(Рѣжетъ жаркое.)* Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что-жъ такое?

Хлестаковъ. Чортъ его знаетъ, что такое, только не жаркое; это топоръ, зажаренный вмѣсто говядины. *(Ѣстъ.)* Мошенники! Канальи! Чѣмъ они кормятъ! И зубовъ не останется, если съѣшь одинъ такой кусокъ. *(Ковыряетъ пальцемъ въ зубахъ.)* Совершенно какъ деревянная кора—ничѣмъ вытащить нельзя! И челюсти заболятъ послѣ этихъ блюдъ, какія они, подлецы, даютъ мнѣ. Мошенники! *(Вытираетъ ротъ салфеткой.)* Больше ничего нѣтъ?

Слуга. Нѣтъ.

Хлестаковъ. Канальи! Подлецы! И даже больше ничего нѣтъ!

Слуга *(убираетъ и уноситъ тарелки, вмѣстѣ съ Осипомъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хлестаковъ, *потомъ* **Осипъ.**

Хлестаковъ. Право, какъ будто и не ѣлъ, только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынокъ и купить хотя сайку.

Осипъ *(входитъ)*. Тамъ чего-то городничій пріѣхалъ, освѣдомляется и спрашиваетъ о васъ.

Хлестаковъ *(испугавшись)*. Вотъ тебѣ на! Бездѣльникъ трактирщикъ не шутилъ! Я, ей Богу, никакъ не думалъ про это! Непріятно, очень непріятно, если онъ въ самомъ дѣлѣ потащитъ въ тюрьму. О, вздоръ! Какъ

же онъ смѣетъ меня потащить?.. Впрочемъ, если благороднымъ образомъ, еще ничего: я, пожалуй, пойду... Что жъ дѣлать? Но вотъ худо, если онъ вздумаетъ такъ, чтобы завязать на рукѣ веревочку, да на веревочкѣ повесть, чортъ съ нимъ!.. Тамъ вчера, когда я прохаживался, смотрѣли на меня двѣ хорошенькія купеческія дочки, ну, и, вѣроятно,—гдѣ жъ имъ увидѣть другого изъ Петербурга?—вѣроятно, влюбились; а тутъ вдругъ меня поведутъ, можетъ быть, передъ ихъ же окнами... это ужъ очень! Нѣтъ, онъ этого не смѣетъ сдѣлать, или ужъ онъ будетъ такая скотина... Зачѣмъ мнѣ ужъ было надѣвать тогда новаго фрака и франтить такъ? Было бы потихоньку пройти подъ стѣнкою!.. О, вздоръ! Онъ меня никакъ не смѣетъ и не можетъ: вѣдь я дворянинъ... Я изъ Петербурга, служу тамъ. Онъ побоится. Да вѣдь чиновника нельзя вести на веревочкѣ, это можно какого-нибудь мѣщанина или ремесленника. О, не поддаваться! Ей Богу, не поддаваться! *(Показываетъ однако жъ движеніе подлѣзть подъ столъ, но въ это время отворяется дверь.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Входитъ **городничій** *и* **Добчинскій.** *(Городничій, взошедъ, останавливается. Оба смотрятъ въ испугѣ одинъ на другого, выпучивъ глаза.)*

Городничій *(немного оправившись и протянувъ руки по швамъ)*. Желаю здравствовать!

Хлестаковъ. Слава Богу, ѣлъ, ѣлъ...

Городничій. Извините, что осмѣлился...

Хлестаковъ. Ничего, ничего!

Городничій. Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій...

Хлестаковъ *(перебивая; сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко)*. Да что жъ дѣлать? Я не виноватъ... Я, право... я заплачу: мнѣ пришлютъ изъ деревни—у меня доходъ большой... Онъ больше виноватъ: онъ меня, мерзавецъ, кормилъ такъ гадко; говядину онъ мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ только названіе носитъ супа, а я ни одной ложки не ѣлъ его, долженъ былъ выбросить за окошко. Онъ меня морилъ голодомъ по цѣлымъ днямъ. Чай даетъ такой странный: воняетъ рыбою, а не чаемъ. Вотъ новости! Да я еще долженъ и отвѣчать?.. Я ему заплачу, объ этомъ нечего безпокоиться.

Городничій *(робѣя)*. Извините, я, право, не виноватъ. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую говядину; на рынкѣ у меня всегда хорошая. Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

Хлестаковъ. Нѣтъ, я не хочу: я знаю, что значитъ „на другую квартиру“, т.-е., это—въ тюрьму. Нѣтъ, я не хочу... Зачѣмъ же меня?.. Я, я.. я заплачу. Вы не имѣете права меня... Я покажу вамъ и подорожную: я чиновникъ, я губернскій секретарь. Я ѣду въ собственную мою деревню въ Екатеринославскую губернію, я служу по министерству финансовъ. Я... Вы меня не смѣете... Я буду жаловаться на васъ министру.

Городничій *(въ сторону)*. Ай, ай, ай, какой сердитый! Вѣрно, узналъ что-нибудь! Донесли проклятые купцы!

Хлестаковъ *(храбрясь)*. Да какъ вы смѣете? Я хоть вамъ и кажусь... однако жъ меня самъ министръ знаетъ... Я и по службѣ получаю отличія, мнѣ къ новому году выйдетъ... прибавка жалованья... Да... Нѣтъ, я не пойду! Ей Богу, не пойду, вотъ вамъ перекрещусь, хоть вы со всей

своей командой... Не поддаваться! Ей Богу, не поддаваться! Взять въ руки эту бутылку *(беретъ рукою сзади бутылку)*, и если что, то, ей Богу бутылкою...

Городничій *(вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ)*. Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія... Не сдѣлайте несчастнымъ человѣка!..

Хлестаковъ. Нѣтъ, я не хочу... Вотъ еще! Мнѣ какое дѣло? Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ идти въ тюрьму! Нѣтъ... благодарю покорно, я не хочу.

Городничій. Перемѣните гнѣвъ на милость. По неопытности, ей Богу, по неопытности... Недостаточность состоянія... Казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если жъ и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь да на пару платья; что же до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей Богу, клевета! Это выдумали злодѣи мои, ей Богу! Это такой народъ, что готовы покуситься на жизнь мою.

Хлестаковъ. Да... конечно... *(Въ размышленіи.)* Я не знаю однако жъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ или о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ... Я не знакомъ съ нею. Да мнѣ и дѣла нѣтъ къ ней. Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь. До этого вамъ далеко... Я заплачу, я заплачу вамъ деньги... У меня только теперь нѣтъ... Я потому и сижу здѣсь такъ долго, что ни копейки нѣтъ денегъ.

Городничій *(въ сторону)*. О, тонкая штука! Экъ, куда метнулъ! Какого тумана напустилъ! Разбери, кто хочетъ! Теперь я вижу, что значитъ столичныя доки. Боже упаси! Никакъ не хочетъ показать, зачѣмъ пріѣхалъ: и о деньгахъ говоритъ, и увѣряетъ, что заплотитъ—Богъ его знаетъ, что! Ну, какъ не потерять ума? Именно не знаешь, какъ и хватиться. Однако жъ попробовать на авось... Если вы, точно, имѣете нужду въ деньгахъ или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность—помогать проѣзжающимъ, останавливающимся въ подвѣдомственномъ моему распоряженію городѣ.

Хлестаковъ. А, такъ вы согласны дать мнѣ взаймы! О, если такъ, то я сейчасъ готовъ расплатиться. Сдѣлайте милость, мнѣ хоть двѣсти рублей—раздѣлаться только съ трактирщикомъ; а тамъ я, какъ только въ деревню, я вамъ сейчасъ пришлю. У меня это вдругъ.

Городничій. Помилуйте, я готовъ ждать, сколько угодно. Какъ можно, чтобы я осмѣлился назначать срокъ! Вотъ тутъ ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаковъ. А, хорошо! Покорнѣйше васъ благодарю. *(Беретъ ассигнаціи и, скомкавши, кладетъ ихъ въ карманъ).*

Городничій *(въ сторону)*. Ну, слава Богу, по крайней мѣрѣ деньги взялъ! Теперь дѣло, можетъ быть, на ладъ пойдетъ. Я таки ему, вмѣсто двухсотъ, четыреста ввернулъ.

Хлестаковъ. Эй, Осипъ! *(Осипъ входитъ.)* Позови сюда трактирнаго слугу! *(Къ городничему и Добчинскому)*. А что жъ вы стоите? Сдѣлайте милость, садитесь. *(Добчинскому)*. Садитесь, прошу покорнѣйше.

Городничій. Ничего, я и такъ постою.

Хлестаковъ. Садитесь, пожалуйста, я васъ прошу. *(Къ Добчинскому.)* Садитесь. *(Городничій и Добчинскій садятся.)*

Городничій *(въ сторону)*. Нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Нужно такъ прикинуться, какъ будто бы совсѣмъ не знаешь, что онъ за человѣкъ. *(Вслухъ.)* Мы такъ сегодня поутру прохаживались здѣсь: все утро хлопотали по должности, а потомъ вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостиницу, чтобы освѣдомиться, хорошо ли содержатся про-

ѣзжающіе, потому что я не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ, лишь бы ему было хорошо; но я кромѣ должности еще по христіанскому человѣколюбію хочу, чтобы всякому смертному оказывался хорошій пріемъ, и потому зашелъ тотъ же часъ въ гостиницу и обязанъ этому пріятнымъ знакомствомъ съ вами.

Хлестаковъ. Да я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: я, право, совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

Городничій *(въ сторону)*. Да, разсказывай себѣ! *(Вслухъ.)* Осмѣлюсь ли спросить, куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

Хлестаковъ. Я ѣду въ Саратовскую губернію, въ собственную деревню.

Городничій *(въ сторону, дѣлая ироническую гримасу)*. Въ Саратовскую губернію!.. хе, хе, хе! Да, какъ разъ! *(Вслухъ.)* Да, пріятная прогулка для ума и сердца. Въ дорогѣ способности хорошо развиваются... И вы, вѣрно, такъ только, по своей охотѣ, ѣдете туда, для своего удовольствія?

Хлестаковъ. Да, батюшка меня требуетъ: хочетъ меня видѣть возлѣ себя.

Городничій *(въ сторону, смѣясь и прищуривъ глазъ)*. Батюшка требуетъ! Хе, хе, хе!.. *(Вслухъ.)* И на долгое время изволите ѣхать туда?

Хлестаковъ. Да я полагаю, навсегда. Я ужъ давно подалъ въ отставку хочется пожить на волѣ.

Городничій *(въ сторону, дѣлая гримасу)*. Подалъ въ отставку! *(Вслухъ.)* Это хорошо вы дѣлаете, очень хорошо! Что служба? Однѣ хлопоты: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда неизвѣстно еще когда будетъ. *(Окидываетъ глазами комнату.)* Что это, какъ будто бы тамъ въ углахъ пятна—похожи нѣсколько на течь? Вѣрно, бываетъ сыро? Вотъ стѣны ужъ слишкомъ низенькія. Мнѣ кажется, эта комната для васъ не слишкомъ удобна.

Хлестаковъ. Да, очень скверная комната. Я никогда не останавливался въ такой дурной комнатѣ. Тамъ вездѣ по дорогѣ, гдѣ проѣзжалъ я, было хорошо: живопись и люстры; а здѣсь ничего нѣтъ, и клопы такіе, какихъ еще не видывалъ нигдѣ: такъ, канальи, какъ собаки, кусаютъ.

Городничій. Да вонъ и паутина виситъ! Кажется, и мухи нѣсколько опачкали, и такъ,—сколько на мои слабые глаза,—даже нѣсколько темновато.

Хлестаковъ. Да, совсѣмъ темно, и хозяинъ завелъ такое скверное обыкновеніе—не отпускать совсѣмъ свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣлать, почитать, или такъ придетъ фантазія сочинить что-нибудь; но никакъ не можно, оттого, что вовсе темно.

Городничій. Позвольте попросить васъ переѣхать ко мнѣ въ домъ. У меня есть для васъ очень удобная комната.

Хлестаковъ. А, я очень радъ. А что, у васъ развѣ хорошая комната?

Городничій. Прекрасная комната; и столъ тоже вы будете у меня имѣть, хоть не такой, какъ въ столицѣ: припасы все свѣжіе, — не такіе, какіе отпускаютъ въ трактирѣ за деньги. Не откажите! А я ужъ такъ буду радъ гостю! У меня такой нравъ: гостепріимство съ самаго дѣтства; все, что ни есть, радъ предложить, особливо, если еще притомъ гость такой образованный. Я, признаюсь, сейчасъ ощутилъ къ вамъ самую сильную привязанность.

Хлестаковъ. Покорно благодарю васъ. Мнѣ тоже вы очень понравились.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и трактирный слуга, *сопровождаемый Осипомъ.* **Бобчинскій** *выглядываетъ въ дверь.*

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаковъ. Да, подай счетъ.

Слуга. Я ужъ давеча подалъ вамъ другой счетъ.

Хлестаковъ. Я ужъ не помню.

Слуга. Вы изволили въ первый день спросить двѣ бутылки шампанскаго, обѣдъ и ужинъ, а на другой день одинъ обѣдъ, на третій день только закусили семги и потомъ пошли все въ долгъ брать.

Хлестаковъ. Ну, да всего-то сколько слѣдуетъ?

Городничій. Да вы не изволите безпокоиться: онъ подождетъ. *(Слугѣ.)* Пошелъ вонъ! тебѣ пришлютъ.

Хлестаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, и то правда. *(Слуга уходитъ; въ дверь выглядываетъ Бобчинскій.)*

ЯВЛЕНІЕ X.

Городничій, Хлестаковъ, Добчинскій.

Городничій. Не угодно ли будетъ вамъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ-то: богоугодныя и другія?

Хлестаковъ. А что тамъ такое?

Городничій. А такъ, посмотрите, какой у насъ порядокъ, какъ у насъ идетъ все это теченіе дѣлъ... Знаете, это для наблюдательнаго ума хорошо: тутъ можно вывести много полезнаго.

Хлестаковъ. Извольте, съ большимъ удовольствіемъ; я готовъ. *(Бобчинскій выставляетъ голову въ дверь.)*

Городничій. Также, если будетъ ваше желаніе, оттуда въ уѣздное училище—осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

Хлестаковъ. Извольте, извольте.

Городничій. Потомъ, если пожелаете, посѣтить острогъ и городскія тюрьмы,—разсмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

Хлестаковъ. Нѣтъ... тюрьмы и острогъ... я не... Лучше я посмотрю богоугодныя заведенія.

Городничій. Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, въ своемъ экипажѣ или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

Хлестаковъ. Да, я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

Городничій *(Добчинскому).* Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь нѣтъ мѣста.

Добчинскій. Ничего, я такъ...

Городничій. Вы побѣгите наскоро ко мнѣ и скажите женѣ моей... или лучше я дамъ вамъ записочку. *(Хлестакову.)* Осмѣлюсь ли я попросить позволенія написать въ вашемъ присутствіи одну только строчку къ женѣ, чтобы она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя?

Хлестаковъ. О, помилуйте, зачѣмъ безпокоиться! Впрочемъ, извольте, напишите: вотъ тутъ и чернила есть, только бумаги не знаю... Развѣ на этомъ счетѣ?..

Городничій. Я здѣсь напишу. *(Пишетъ и отдаетъ Добчинскому, который подходитъ къ двери; но въ это время дверь обрывается, и подслушивавшій съ другой стороны Бобчинскій летитъ вмѣстѣ съ нею на сцену. Всѣ издаютъ восклицанія: „ухъ!" Бобчинскій подымается.)*

Хлестаковъ. Что, не зашиблись ли вы гдѣ-нибудь?

Бобчинскій. Ничего, ничего, вашество! Только сверху носа небольшая нашлепка. Я забѣгу къ Крестьяну Ивановичу: онъ дастъ мнѣ пластырь, и все пройдетъ.

Городничій *(дѣлаетъ Бобчинскому укоритeльный знакъ; Хлестакову).* Прошу покорнѣйше, пожалуйте! А слугѣ вашему я скажу, чтобы принесъ чемоданъ. *(Осипу.)* Любезнѣйшій! ты переноси все ко мнѣ, къ городничему; тебѣ всякой покажетъ. Прошу покорнѣйше! *(Пропускаетъ впередъ Хлестакова и слѣдуетъ за нимъ; но, оборотившись, говоритъ съ укоризной Бобчинскому.)* Ужъ и вы! Не нашли другого мѣста упасть! *(Уходитъ, за нимъ Бобчинскій. Занавѣсъ опускается.)*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Андреевна *и* **Марья Антоновна** *(стоятъ у окна въ тѣхъ же самыхъ положеніяхъ).*

Анна Андреевна. Ну, вотъ ужъ цѣлый часъ дожидаемся. А все глупое это жеманство: одѣлась вѣдь, совершенно одѣлась—нѣтъ, еще нужно: „я, маменька, косыночку, я булавочку"... Было не слушать ее вовсе! Экая досада! Какъ нарочно ни души! Какъ будто вымерло все. Хотя бы по крайней мѣрѣ что-нибудь узнать теперь—одно слово только! Ну, по крайней мѣрѣ, кто пріѣхалъ!

Марья Антоновна. Да, право, маменька, черезъ минуты двѣ все узнаемъ: ужъ скоро Авдотья должна придти.

Анна Андреевна. Черезъ минуту, мнѣ хочется — черезъ минуту! Я и безъ того уже часъ битой дожидаюсь. Желательно знать, что эта сквернавка тамъ дѣлаетъ. Вѣдь сорокъ лѣтъ, если не больше, а если послать куда, ни за что не побѣжитъ, какъ слѣдуетъ: и начнетъ финтить и этою рукою, и другою, и назадъ поворачивается: воображаетъ, что позадь забора стоитъ Земляникинъ кучеръ. И кучеръ такой негодный пьяница! Я ей скажу, чтобъ она и въ умъ ничего не забирала себѣ. Негодная вертопрашка! Какъ, право, до сихъ поръ... Хоть бы что-нибудь узнать!

Марья Антоновна. Маменька, маменька! Кто-то идетъ, вонъ въ концѣ улицы.

Анна Андревна. Гдѣ идетъ? У тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи. Ну, да, идетъ. Кто жъ это идетъ? Небольшого роста... во фракѣ... Кто жъ это? А? это однако жъ досадно! Кто жъ бы это такой былъ?

Марья Антоновна. Это Добчинскій, маменька.

Анна Андреевна. Какое Добчинскій! Тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое! Совсѣмъ не Добчинскій. *(Машетъ платкомъ.)* Эй, вы, ступайте сюда скорѣе!

Марья Антоновна. Право, маменька, Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, вотъ; такъ нарочно, чтобы только поспорить. Говорятъ тебѣ: не Добчинскій.

Марья Антоновна. А что? А что, маменька? Видите, что Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну да, Добчинскій; теперь я вижу; изъ чего же ты споришь? *(Кричитъ въ окно.)* Скорѣй, скорѣй! *(Слышенъ издали невнятный голосъ: А?.)*—Я говорю: скорѣе, скорѣе! Вы тихо идете.

Голосъ Добчинскаго. Нѣтъ, я не тихо иду.

Анна Андреевна. Ну что, гдѣ они? Пріѣхалъ? А? Что жъ тамъ? что тамъ такое? Да говорите же оттуда, все равно. Что? Строгой? А? А мужъ, мужъ? *(Немного отступя отъ окна, съ досадою.)* Такой глупый: до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ комнату, ничего не разскажетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же *и* Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, скажите пожалуйста: ну, не совѣстно ли вамъ? Я на васъ однихъ полагалась, какъ на порядочнаго человѣка: всѣ вдругъ выбѣжали, и вы туда жъ за ними! И я вотъ ни отъ кого до сихъ поръ толку не доберусь. Не стыдно ли вамъ! Я у васъ крестила вашего Ваничку и Лизаньку, а вы вотъ какъ со мною поступили!

Добчинскій. Ей Богу, кумушка, такъ бѣжалъ засвидѣтельствовать почтеніе, что не могу духу перевесть. Мое почтеніе, Марья Антоновна!

Марья Антоновна. Здравствуйте, Петръ Ивановичъ!

Анна Андреевна. Ну, что? Ну, разсказывайте: что и какъ тамъ?

Добчинскій. Антонъ Антоновичъ прислалъ вамъ записочку.

Анна Андреевна. Ну, да онъ кто такой? Генералъ?

Добчинскій. Нѣтъ, не генералъ, а не уступитъ генералу: такое образованіе и важные поступки!

Анна Андреевна. А, такъ это точно тотъ чиновникъ, про котораго мужу писано?

Добчинскій. Настоящій. Я это первый открылъ—вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ.

Анна Андреевна. Ну, разскажите: что, какъ?

Добчинскій. Да, слава Богу, все благополучно. Сначала онъ принялъ Антона Антоновича немного сурово, сердился и говорилъ, что и въ гостиницѣ все нехорошо, и къ нему не поѣдетъ, и что онъ не хочетъ сидѣть за него въ тюрьмѣ; но потомъ, какъ узналъ невинность Антона Антоновича и какъ покороче разговорился съ нимъ, тотчасъ перемѣнилъ мысли и, слава Богу, все пошло... хорошо пошло. Они теперь поѣхали осматривать богоугодныя заведенія... А то, признаюсь, Антонъ Антоновичъ думали, не было ли тайнаго доноса. Я самъ тоже перетрухнулъ немножко.

Анна Андреевна. Да вамъ-то отчего бояться? Вѣдь вы не служите.

Добчинскій. Да такъ, знаете, когда вельможа говоритъ, то чувствуешь страхъ.

Анна Андреевна. Ну, что жъ... Это все однако жъ вздоръ... Разскажите, каковъ онъ собою: что, старъ или молодъ?

Добчинскій. Молодой, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ, а совсѣмъ такъ говоритъ, какъ старикъ. „Извольте", говоритъ, „я поѣду туда и туда"... Такъ это все славно! „Я", говоритъ, и „написать, и почитать люблю, но мѣшаетъ, что въ комнатѣ", говоритъ, „очень темно".

Анна Андреевна. Ну, что, какъ онъ: брюнетъ или блондинъ?

Добчинскій. Нѣтъ, больше шантретъ [1]), и глаза такіе быстрые, какъ звѣрки, такъ въ смущеніе даже приводятъ.

---

[1]) Шатенъ.

Анна Андреевна. Что тутъ пишетъ онъ мнѣ въ запискѣ?—„Спѣшу тебя увѣдомить, душенька, что состояніе мое было весьма печальное, но, уповая на милосердіе Божіе... за два соленые огурца особенно и полпорціи икры—рубль двадцать пять копеекъ“... *(Останавливается.)* Я ничего не понимаю: къ чему же тутъ соленые огурцы и икра?

Добчинскій. А! это Антонъ Антоновичъ писали на черновой бумагѣ по скорости: тамъ какой-то счетъ былъ написанъ.

Анна Андреевна. А, да, да, точно; такъ, стало быть, нужно читать, что написано чернилами потемнѣе. *(Продолжаетъ читать.)* „Но, уповая на милосердіе Божіе, кажется, все будетъ къ хорошему концу. Приготовь поскорѣе комнату для важнаго гостя,— ту, что выклеена желтыми бумажками; къ обѣду прибавлять не трудись, потому что закусимъ въ богоугодномъ заведеніи у Артемія Филипповича. А вина вели побольше; скажи купцу Авдулину, чтобы прислалъ самаго лучшаго, а не то я перерою весь его погребъ. Цѣлую, душенька, твою ручку, остаюсь твой Антонъ Сквозникъ-Прочуханскій“. Ахъ, Боже мой! Это однако жъ нужно поскорѣй! Эй, кто тамъ? Мишка!

Добчинскій *(бѣжитъ и кричитъ въ дверь)*. Мишка! Мишка! Мишка! *(Мишка входитъ.)*

Анна Андреевна. Послушай, бѣги къ купцу Авдулину... постой, я дамъ тебѣ записку. *(Садится къ столу, пишетъ записку и между тѣмъ говоритъ.)* Эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтобы онъ пошелъ съ нею къ купцу Авдулину и привезъ оттуда вина. А самъ поди, сейчасъ прибери хорошенько эту комнату для гостя. Тамъ поставить кровать, и скажи Авдотьѣ— приставить все, что слѣдуетъ: рукомойникъ и прочее.

Добчинскій. Ну, Анна Андреевна, я побѣгу теперь поскорѣе посмотрѣть, какъ тамъ онъ обозрѣваетъ.

Анна Андреевна. Ступайте, ступайте! Я не держу васъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ну, Машенька, намъ нужно теперь заняться туалетомъ. Онъ—столичная штука: Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмѣялъ! Тебѣ приличнѣе всего надѣть твое голубое платье съ мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маменька, голубое! Мнѣ совсѣмъ не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходитъ въ голубомъ, и дочь Земляники тоже въ голубомъ. Нѣтъ, я лучше цвѣтное...

Анна Андреевна. Цвѣтное!.. Право, говоритъ лишь бы только наперекоръ! Оно тебѣ будетъ гораздо лучше, потому что и я хочу надѣть палевое: я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, вамъ нейдетъ палевое.

Анна Андреевна. Мнѣ палевое нейдетъ?

Марья Антоновна. Нейдетъ; я, что угодно, даю, нейдетъ; для этого нужно, чтобы глаза ужъ слишкомъ были хороши и совсѣмъ темные.

Анна Андреевна. Вотъ хорошо! А у меня глаза развѣ не темные?— самые темные. Какой вздоръ говоритъ! Какъ же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму?

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, вы больше червонная дама!

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. А что касается до того, хороши ли мои глаза, то я и теперь скажу смѣло, что никогда и не было ни у кого, и не будетъ такихъ

глазъ; пусть другое что-нибудь не такъ и не хорошо,—я съ этимъ не буду спорить,—но что до глазъ моихъ, то извините, сударыня! Это можно только сказать человѣку безтолковому, а всякій со вкусомъ бываетъ совершенно очарованъ. Когда жила у насъ полковница, которая ужъ такая была модница, какой я именно не знаю,—выписывала все платье изъ Москвы,—бывало мнѣ нѣсколько разъ повторяетъ: „Сдѣлайте милость, Анна Андреевна, откройте мнѣ эту тайну, отчего ваши глаза просто говорятъ".—И всѣ, бывало, въ одинъ голосъ: „Съ вами, Анна Андреевна, довольно побыть минуту, чтобы отъ вашей любезности позабыть всѣ дѣла и обстоятельства". А стоявшій въ то время штабъ-ротмистръ Ставрокопытовъ,—онъ, не помню, проживалъ за ремонтомъ, что ли? Красавецъ! Лицо свѣжее, румянецъ—какъ я не знаю что, глаза черные-черные, а воротнички рубашки его—это батистъ такой, какого никогда еще купцы наши не подносили намъ,—онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ: „Клянусь вамъ, Анна Андреевна, что не только не видалъ, не начитывалъ даже такихъ глазъ! Я не знаю, что со мною дѣлается, когда гляжу на васъ"... На мнѣ еще тогда была тюлевая пелеринка, вышитая виноградными листьями съ колосками, обложенная тонкою, не больше, какъ въ палецъ, блондою: это просто было обвороженіе! Такъ говоритъ, бывало: „Я, Анна Андреевна, такое чувствую удовольствіе, когда гляжу на васъ, что самая страсть моя изныѣваетъ и"... Я ужъ не могу теперь припомнить, что онъ мнѣ говорилъ. Куды жъ! Онъ послѣ того такую поднялъ исторію: хотѣлъ непремѣнно застрѣлиться, да, говорятъ, какъ-то въ разсѣянности позабылъ зарядить пистолетъ, да и порохъ тотъ часъ куда-то запропастился, потому только и остался живъ; а случись порохъ, его давно бы уже не было на свѣтѣ.

Марья Антоновна. Я не знаю, маменька... Мнѣ однако жъ кажется, что у васъ нижняя часть лица гораздо лучше, нежели глаза.

Анна Андреевна. Никогда, никогда! Вотъ этого уже нельзя сказать! Что вздоръ, то вздоръ.

Марья Антоновна. Нѣтъ, право, маменька!.. Когда вы этакъ говорите или сидите въ профили, у васъ губы все...

Анна Андреевна. Пожалуйста, не толкуй этакого вздора! Такая несносная! Боже сохрани, какъ-нибудь не поспорить! Хоть что-нибудь наперекоръ! Вотъ, что у матери ея хорошіе глаза, такъ ужъ ей и завидно. За этими спорами я заболталась съ тобой. Того и гляди, что онъ пріѣдетъ и застанетъ насъ одѣтыми, Богъ знаетъ какъ. *(Поспѣшно уходитъ, за ней Марья Антоновна.)*

(По уходѣ ихъ отворяются двери, и Мишка выбрасываетъ изъ нихъ щеткою соръ. Изъ другихъ дверей входитъ Осипъ съ чемоданомъ на головѣ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мишка и Осипъ.

Осипъ. Куда тутъ?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда!

Осипъ. Постой, прежде дай отдохнуть. Ахъ, ты горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что, дядюшка, скажите пожалуйста: скоро будетъ генералъ?

Осипъ. Какой генералъ?

Мишка. Да баринъ вашъ.

Осипъ. Баринъ? Да какой онъ генералъ?

Мишка. А развѣ не генералъ?

Осипъ. Генералъ, да только съ другой стороны.

Мишка. Что жъ, это больше или меньше настоящаго генерала?

Осипъ. Больше.

Мишка. Вишь ты какъ! То-то у насъ сумятицу подняли.

Осипъ. Послушай, малой: ты, я вижу, проворный парень—приготовь-ка тамъ чего-нибудь поѣсть.

Мишка. Да для васъ, дядюшка, еще ничего не готово: простого блюда вы не будете кушать; вотъ какъ баринъ вашъ сядетъ за столъ, такъ и вамъ того же кушанья отпустятъ.

Осипъ. Ну, а простого-то что есть у васъ?..

Мишка. Щи, каша, да пироги.

Осипъ. Давай ихъ: щи, кашу, пироги! Ничего, все будемъ ѣсть. Ну, понесемъ чемоданъ! Что тамъ другой выходъ есть?

Мишка. Есть.

(Оба несутъ чемоданъ въ боковую комнату.)

ЯВЛЕНІЕ V.

(Квартальные отворяютъ обѣ половинки дверей. Входитъ Хлестаковъ; за нимъ городничій, далѣе попечитель богоугоднаго заведенія, смотритель училищъ, Добчинскій и Бобчинскій съ краснымъ носомъ и пластыремъ. Городничій указываетъ квартальному на полу бумажку, который бѣжитъ и снимаетъ ее.)

Хлестаковъ. Очень благодаренъ вамъ, господа, за то, что показали мнѣ свои заведенія. Хорошія заведенія! Скажите, пожалуйста: у васъ ужъ, вѣрно, такъ водится, чтобы показывать проѣзжающимъ все въ городѣ? Это хорошо. Въ другихъ городахъ мнѣ ничего не показывали.

Городничій. Въ другихъ городахъ, осмѣлюсь доложить вамъ, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользѣ. А здѣсь, можно сказать, нѣтъ другого помышленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностію заслужить вниманіе начальства.

Хлестаковъ. Завтракъ тоже былъ очень не дуренъ. Что, у васъ каждый день бываетъ такой завтракъ или по нѣкоторымъ днямъ?

Городничій. Нарочно для такого пріятнаго гостя.

Хлестаковъ. Покорнѣйше благодарю. Я тоже васъ прошу, господа, если пріѣдете ко мнѣ въ деревню... Вина тоже были у васъ очень хороши. Я никакъ не полагалъ, чтобы въ уѣздномъ городишкѣ могли быть они. А это какая была рыба? Кажется, не лососина?

Артемій Филипповичъ. Лабарданъ.

Хлестаковъ. Очень, очень вкусная; я давно такой не ѣлъ. Гдѣ это мы завтракали? Кажется, въ больницѣ?

Артемій Филипповичъ. Такъ точно-съ, въ богоугодномъ заведеніи.

Хлестаковъ. Да, именно, тамъ стояли кровати. Что, больные, вѣрно, выздоровѣли? Тамъ что-то ихъ было немного.

Артемій Филипповичъ. Человѣкъ десять осталось, не больше, а прочіе всѣ выздоровѣли. Это ужъ такъ устроено, такой порядокъ съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ начальство: можетъ быть, вамъ покажется невѣроятнымъ, но всѣ, какъ мухи, выздоравливаютъ. Больной не успѣетъ войти въ лазаретъ, какъ уже и здоровъ, и не столько медикаментами, сколько честностью и порядкомъ содержанія.

Городничій. Ужъ на что, осмѣлюсь доложить вамъ, многотрудна и головоломна обязанность здѣшняго градоначальника! Столько лежитъ

всякихъ дѣлъ относительно одной чистоты, починки, поправки, такъ что у иного голова бы перевернулась; но, благодареніе Богу, все идетъ благополучно, и въ 10 лѣтъ столько сдѣлано для блага общественнаго, что узнать нельзя. Если бы изволили навѣстить прежде нашъ городъ, то возымѣли бы самое дурное понятіе. Конечно, иной, будучи въ моей должности, бралъ бы взятки и составилъ бы тѣмъ себѣ состояніе; но я имѣю совсѣмъ другой образъ мыслей. Вѣрите ли, что, когда ложусь даже спать, все думаешь: „Господи Боже Ты мой! какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно?...“ Наградитъ ли оно или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, по крайней мѣрѣ я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало... то чего же мнѣ больше? Ей Богу, и почестей никакихъ не хочу! Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета.

Артемій Филипповичъ *(въ сторону)*. Эка, бездѣльникъ, какъ расписываетъ! Далъ же Богъ этакой даръ!

Хлестаковъ. Да, я и самъ люблю этакъ иногда заумствоваться и философствовать; такъ, знаете, иногда прозой, а иногда напишешь стишки— хоть и въ водевиль.

Бобчинскій *(Добчинскому)*. Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ! Замѣчанія такія... видно, что наукамъ учился.

Хлестаковъ. Скажите, пожалуйста: нѣтъ ли у васъ тутъ такихъ обществъ, гдѣ бы можно было, напримѣръ, этакъ поиграть въ карты?

Городничій *(въ сторону)*. Эге! Знаемъ, голубчикъ, куда это перо летитъ! *(Вслухъ)*. Боже сохрани! Здѣсь и слуха нѣтъ о такихъ обществахъ. Я карты въ руки никогда не бралъ, ей Богу! и даже не знаю, какъ тамъ играть въ эти карты. Даже никогда не могъ смотрѣть на нихъ; и если случится увидѣть этакъ какого-нибудь бубноваго короля и что-нибудь другое, то такое омерзѣніе нападаетъ, что просто плюнешь *(плюетъ.)* Разъ какъ-то, случилось, выстроилъ, забавляя дѣтей, будку изъ картъ, да послѣ того всю ночь снились, проклятыя. Богъ съ ними! Какъ можно, чтобы такое драгоцѣнное время убивать на нихъ!

Лука Лукичъ *(въ сторону)*. А у меня, подлецъ, вчера сто рублей выигралъ.

Городничій. Лучше жъ я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаковъ. Да, конечно... Впрочемъ, вы напрасно говорите: иногда очень заманчиво поиграть въ карты. Мнѣ случилось...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій. Осмѣлюсь представить Вамъ семейство мое: жена и дочь.

Хлестаковъ *(раскланиваясь)*. Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю удовольствіе васъ видѣть!

Анна Андреевна. Намъ еще болѣе пріятно видѣть... такую особу...

Хлестаковъ. Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе встрѣтить въ васъ такую свѣтскую любезность, и, ужъ какъ вы хотите, я долженъ вамъ сказать...

Анна Андреевна. Прошу покорнѣйше садиться.

Хлестаковъ. Возлѣ васъ стоять уже есть счастіе; впрочемъ, если вы такъ ужъ непремѣнно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что, наконецъ, сижу возлѣ васъ такъ близко!..

Анна Андреевна. Я никакъ не смѣю подумать или принять на свой счетъ... Я думаю, вамъ послѣ столицы дорога ваша показалась очень скучною?

Хлестаковъ. Чрезвычайно скучна. Знаете, сдѣлавши привычку жить въ свѣтѣ, пользоваться всѣми удобствами, и вдругъ послѣ этого въ какой-нибудь скверной дорогѣ! Вездѣ такая чепуха; не встрѣтишься съ образованнымъ человѣкомъ, съ которымъ бы можно поговорить о чемъ-нибудь; станціонные смотрители такіе невѣжи, народъ безъ воспитанія... Если бы, признаюсь, не случай, который меня вознаградилъ совершенно (*посматриваетъ на Анну Андреевну*), то я не знаю, что бы со мною было.

Анна Андреевна. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ должно быть непріятно!

Хлестаковъ. Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень пріятно.

Анна Андреевна. Вы дѣлаете много чести... Я этого не заслуживаю.

Хлестаковъ. Отчего не заслуживаете? Вы, сударыня, очень заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу въ деревнѣ...

Хлестаковъ. Да, конечно, это не то, что въ городѣ. Впрочемъ, деревня тоже пріятна: ручейки, хижинки, зефиры...

Анна Андреевна. А тамъ зато, я думаю, все въ магазинахъ самыя модныя вещи и съ самымъ тонкимъ вкусомъ.

Хлестаковъ. О, да, тамъ найдете все, что захотите. Одѣнутъ васъ. Портные тамъ удивительно шьютъ. Если вамъ понадобится, напримѣръ, сдѣлать себѣ фракъ и панталоны, вы просто приходите къ нему и скажите: „Вотъ мнѣ нужны фракъ и панталоны", и можете быть увѣрены, что фрака такого вамъ нигдѣ не сошьютъ.

Анна Андреевна. Скажите, какъ скоро!

Хлестаковъ. Да, я служу тамъ съ большою выгодою. Это правда, что на мнѣ небольшой чинъ: ужъ никакъ не больше коллежскаго асессора, даже немножко меньше. Но зато меня ужъ вся канцелярія знаетъ, и начальникъ отдѣленія совершенно со мной на дружеской ногѣ: этакъ ударитъ по плечу: „приходи, братецъ, обѣдать!" Я, можно сказать, одинъ у насъ завѣдываю всѣми дѣлами. Въ канцеляріи безъ меня былъ бы страшный ералашъ. А я, знаете, только приду, скажу: „это вотъ такъ, это вотъ этакъ"; тотчасъ наскоро напишу отношеніе изъ одного отдѣленія въ другое—все это такъ живо! Мнѣ тамъ ужъ и кресло стоитъ особенно, какъ будто столоначальнику, право! (*Городничему.*) Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь. Я не церемонный.

Городничій. Чинъ такой, что еще можно постоять.
Артемій Филипповичъ. Мы постоимъ.
Лука Лукичъ. Не извольте безпокоиться!
} *Вмѣстѣ.*

Хлестаковъ. Безъ чиновъ, прошу садиться. (*Городничій и всѣ садятся.*) А какой странный со мною анекдотъ случился во время проѣзда въ гостиницѣ. Пріѣзжаю я вотъ въ этакую самую пору... только нѣтъ, правда, это было около вечера... только вижу, въ гостиницѣ дожидается какой-то этакой молодой человѣкъ, которыхъ называютъ (*вертитъ рукою*) фу, фу! въ козырькѣ какомъ-то эдакомъ залихвацкомъ. Я ужъ какъ только вошелъ: „ну", думаю себѣ, „хорошъ ты гусь!" Нужно вамъ знать, что мнѣ ѣсть страшнымъ образомъ хотѣлось. Только трактирщикъ приходитъ и говоритъ: „Ну, господа, какъ хотите, только и есть всего одна куропатка: когда хотите, подѣлитесь поровну, а нѣтъ—такъ который-нибудь одинъ долженъ съѣсть". Ну, дѣлить-то я, думаю себѣ, ни за что не хочу. Зачѣмъ же дѣлить, чортъ возьми! Ему дать даромъ куропатку! А къ тому жъ

аппетитъ—проклятый просто. Вотъ я думаю: „Постой же ты, голубчикъ, я тебя подбрею".—„Ну, милостивый государь, видите ли: кому-нибудь изъ насъ нужно съѣсть. Не хотите ли, мы вотъ какъ сдѣлаемъ: пусть каждый изъ насъ заснетъ теперь и кто увидитъ изъ насъ лучшій сонъ—того куропатка".—„Пожалуй, пожалуй!" Вотъ трактирщикъ сейчасъ прибѣжалъ: „Не прикажете ли диванъ?"—„Да зачѣмъ?—„Помилуйте, помилуйте! Какъ такъ спать, Иванъ Александровичъ? Иванъ Александровичъ, вамъ будетъ неловко!" —„Ничего," говорю себѣ: „я человѣкъ походный—привыкъ ужъ". Только мой молодчикъ въ козырьку, смотрю я, растянулся на всемъ диванѣ и свою венгерку... и венгерку ему шилъ какой-то дрянной портнишка, совсѣмъ не Ручъ,—храпитъ такъ, что... [1]) А я, нужно сказать, облокотился на стулѣ и такъ сдѣлалъ знакъ, совершенно какъ будто сплю. Только жъ замѣтилъ, что онъ совсѣмъ спитъ, я сейчасъ потихоньку накинулъ на себя халатъ, потихоньку къ шкапу и—преспокойно съѣлъ себѣ куропатку. Только по утру просыпается мой молодецъ въ венгеркѣ, будитъ меня: „Вставайте! я видѣлъ сонъ такой, какого вамъ никогда не удастся видѣть". И вретъ чепуху мнѣ такую... дмется, такъ расписываетъ, что его и на небо подняли и въ самый рай внесли. „Ну, братецъ", я говорю: „я какъ увидѣлъ, что тебя подняли въ рай, такъ думалъ, что ты ужъ совсѣмъ не воротишься на землю, да и съѣлъ куропатку". Если бы вы увидѣли, въ какое бѣшенство впалъ мой франтъ! „Ужъ этотъ", говоритъ, „Хлестаковъ! Всегда онъ надѣлаетъ такихъ штукъ". (*Городничій и всѣ почтительно смѣются.*)

Анна Андреевна. Какъ это забавно! Какой простакъ вашъ пріятель!

Хлестаковъ. Да, этакихъ молодчиковъ много есть на свѣтѣ; мнѣ часто случалось имѣть съ ними дѣло... Я въ Петербургѣ бываю во всѣхъ лучшихъ обществахъ. Меня даже разъ, когда я шелъ пѣшкомъ, приняли за Дибича-Забалканскаго, право! И удивительно то, что даже на мнѣ не было военной шинели: всѣ солдаты выскочили изъ гауптвахты и сдѣлали ружьемъ. Послѣ уже ихъ офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говоритъ мнѣ: „ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за Дибича-Забалканскаго".

Анна Андреевна. Скажите, какъ!

Хлестаковъ. Да, меня уже вездѣ знаютъ. Я на всѣхъ гуляньяхъ бываю, въ театрѣ... Съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже литературою занимаюсь: на сцену разные водевильчики даю и довольно, знаете, этакъ удачно. Литераторовъ часто вижу. А какъ странно сочиняетъ Пушкинъ! Вообразите себѣ: передъ нимъ стоитъ въ стаканѣ ромъ, славнѣйшій ромъ,—рублей по сту бутылка, какого только для одного Австрійскаго императора берегутъ, — и потомъ, ужъ какъ начнетъ писать, такъ перо только: тр... тр... тр... Недавно онъ такую написалъ піесу: „Лѣкарство отъ холеры", что просто волосы дыбомъ становятся. У насъ одинъ чиновникъ съ ума сошелъ, когда прочиталъ: того же самаго дня пріѣхала за нимъ кибитка, и взяли его въ больницу. Съ Булгаринымъ обѣдаю.

Анна Андреевна. Такъ вы и пишете? Какъ это должно быть пріятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

Хлестаковъ. Да, какъ же, я помѣщаю разные водевили и такія разныя театральныя штучки. Моихъ впрочемъ много есть сочиненій: Женитьба Фигарова, Сумбека... Вотъ и Фенелла—тоже мое сочиненіе, Робертъ... И все это такъ, по случаю. Я даже не хотѣлъ ихъ, признаюсь, писать, но театральная дирекція говоритъ: „Пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь". Думаю себѣ: „пожалуй, изволь, братецъ"; и тутъ же, въ канцеляріи, началъ одну изъ нихъ. Да и въ журналахъ помѣщаю сочи-

[1]) Одно слово не разобрано.

ненія: въ „Московскомъ Телеграфѣ“ и въ „Библіотекѣ для чтенія“. Да, если сказать правду, то я самъ почти все тамъ дѣлаю. Вотъ эти всѣ статьи, что были тамъ Брамбеуса, это мои.

Анна Андреевна. Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ!

Хлестаковъ. Да, это все мои: и Марлинскіе и другія разныя сочиненія. Мнѣ Смирдинъ двадцать пять тысячъ плотитъ. Какъ же! Я тамъ главный распорядитель въ его журналѣ. У меня все это... Безъ меня ничто тамъ не помѣщается; я тамъ всѣ статьи переправляю.

Анна Андреевна Такъ вѣрно, это „Юрій Милославскій“ ваше сочиненіе?

Хлестаковъ. Да, это мое сочиненіе.

Анна Андреевна. Да, я сейчасъ догадалась.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, тамъ написано: это г. Загоскина сочиненіе.

Анна Андреевна. Ну вотъ, я такъ и знала: даже здѣсь будетъ спорить!

Хлестаковъ. Ахъ, да, это правда, это точно Загоскина; а есть другой „Юрій Милославскій“, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андреевна. Ну, это, вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

Хлестаковъ. Да, я за словесность получаю сорокъ тысячъ въ годъ. Я этимъ составилъ себѣ состояніе. У меня два дома есть въ Петербургѣ, и если бы вы подошли къ моему дому, то вы бы подумали, что дворецъ. А я нарочно ужъ такъ велѣлъ архитектору, чтобы далъ самый лучшій видъ: такъ вездѣ колонны и вазы. Я самъ даю балы даже иногда.

Анна Андреевна. Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даются балы!

Хлестаковъ. Да, балы тамъ такіе!.. Вотъ напримѣръ, былъ у графа Кочубея: ему кушанье присылаютъ прямо изъ Лондона, даже этакъ какъ принесутъ съ корабля, то маленькій паръ еще слышенъ. Да, батюшка, тамъ каждая десертная тарелочка такъ это, я вамъ скажу, просто объядѣніе! Одинъ рябчикъ стоитъ восемь сотъ рублей, да какая-нибудь перепелка рублей тысячу. Подадутъ вамъ какой-нибудь этакой пирогъ, что самъ онъ горячъ такъ, что вы не можете взять въ ротъ, а въ серединѣ мороженое, холодное, вотъ какъ ледъ. Да, я каждый разъ бываю на этихъ балахъ. Тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ финансовъ, министръ юстиціи, французскій посланникъ и я. И какъ только иногда какъ-нибудь замѣшкаюсь, то ужъ министры говорятъ: „Да гдѣ жъ Иванъ Александровичъ? Послать за Иваномъ Александровичемъ!“ И какъ начнемъ играть, то, просто, я вамъ скажу, что ужъ ни на что не похоже: дня два, не сходя со стула, играемъ! И такъ уморишься, такъ уморишься, что какъ взбѣжишь къ себѣ на лѣстницу въ четвертый этажъ, то просто сбросишь съ себя шинель кухаркѣ и скажешь только: „На, Маврушка!“ А потъ такъ въ три ручья и льется! И на другой день въ должность ужъ никакъ не хочешь идти. „Осипъ, и не буди меня!“ бывало, говорю: „ей Богу, не пойду!“ Впрочемъ, я это такъ только говорю, а у меня должность тутъ же на дому, и чиновники всегда ко мнѣ приходятъ. А любопытно очень видѣть, если бы нарочно заглянули, когда я проснусь: въ передней у меня графы и князья толкутся и жужжатъ такъ, какъ шмели; только слышно: ж... ж... ж... „Да подите“, думаю себѣ, „къ...“ Ну, нечего дѣлать, нужно однако жъ выйти къ нимъ. И нельзя, впрочемъ: иной разъ министръ, не то, чтобы всегда, а иногда заѣдетъ. *(Городничій и прочіе съ робостью встаютъ съ своихъ стульевъ.)* Всѣмъ нужда ко мнѣ: я вѣдь имѣю самое прибыточное мѣсто. Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ

иногда: „Ваше Превосходительство"; у меня и звѣзда есть: небольшая только, маленькая—вотъ такая. *(Показываетъ рукою на фракъ.)* Я одинъ разъ даже управлялъ министерствомъ, право! И такъ это странно случилось! Министръ куда-то уѣхалъ, всѣ думали: кому дать исправлять должность? кто будетъ? какъ и что? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ, бывало:—„нѣтъ, мудрено!" Кажется, и легко на видъ, а разсмотришь—нѣтъ, чортъ возьми, трудно! Да послѣ видятъ, что нечего дѣлать—ко мнѣ. „Иванъ Александровичъ", говорятъ, „можетъ это сдѣлать". И тотчасъ фельдъ-егерь скачетъ: „Иванъ Александровичъ! Иванъ Александровичъ! ступайте министерствомъ управлять!" Я, признаюсь, немного смутился: вышелъ въ халатѣ,—ну, ужъ отказаться, да думаю себѣ: дойдетъ до государя... непріятно. Ну, да и не хотѣлось испортить свой послужной списокъ. „Извольте", говорю, „господа, я принимаю должность, только ужъ у меня прошу не такъ, ужъ теперь ни, ни, ни!.. Ужъ у меня ухо востро держите!.. Я ужъ..." И точно: бывало, какъ прохожу, то у меня чиновники всѣ вотъ такъ трясутся. *(Городничій и прочіе трясутся отъ страха.)* Я и въ Государственномъ Совѣтѣ присутствую, и во дворецъ: если тамъ иногда маленькіе балы случатся, то за мной ужъ посылаютъ. Да меня даже хотѣли сдѣлать... *(не могши придумать, останавливается).* Да! А какія есть хорошенькія магазинщицы на Невскомъ проспектѣ!..

Городничій *(подходя и трясясь всѣмъ тѣломъ, силится выговорить).* А ва... ва... в... ва...

Хлестаковъ. Что такое? Вы что говорите?

Городничій. А ва... ва... ва... ва...

Хлестаковъ. Не разберу ничего.

Городничій. Ва...ва...ва...шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. Вотъ и комната, и все, что нужно...

Хлестаковъ. А, хорошо, хорошо! Мнѣ точно что-то немного зѣвается. *(Встаетъ.)* Вы меня извините, сударыня: право, чрезвычайно хочется спать. Завтракъ былъ у васъ хорошъ. *(Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, кромѣ Хлестакова и городничаго.

Бобчинскій *(Добчинскому).* Вотъ это, Петръ Ивановичъ, какой важный человѣкъ! Я, ей Богу, никогда еще не былъ въ присутствіи такой важной персоны. Я чуть не умеръ со страху, ей Богу! Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой?

Добчинскій. Я думаю, что чуть ли не генералъ.

Бобчинскій. А я такъ думаю, что генералъ ему и въ подметки не станетъ; а когда генералъ, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ, ей Богу! И во дворецъ ѣздитъ!.. Пойдемъ, Петръ Ивановичъ, разскажемъ Аммосу Өедоровичу и Коробкину: они еще ничего объ этомъ не знаютъ. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинскій. Прощайте, кумушка!

Артемій Филипповичъ *(Лукѣ Лукичу).* Шутите! Съ этакою молодостію да такія должности отправляетъ! Я еще, признаюсь, никогда такого ревизора не видѣлъ. Прощайте, сударыня! *(Уходитъ, за нимъ Лука Лукичъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ахъ, какой пріятный!

Марья Антоновна. Ахъ, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращеніе! Сейчасъ можно увидѣть столичную штучку: пріемы и все это такое... Ахъ, какъ хорошо! Я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! Я просто безъ памяти... Онъ однако жъ меня очень понравилъ [1]): я замѣтила, все на меня поглядывалъ.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, видите ли, какія вы! Онъ больше на меня глядѣлъ.

Анна Андреевна. Пожалуйста, съ своимъ вздоромъ подальше! Это здѣсь вовсе неумѣстно.

Марья Антоновна. Нѣтъ, маменька, право...

Анна Андреевна. Ну вотъ! Боже сохрани, чтобъ не поспорить! Нельзя, нельзя, да и полно! Гдѣ ему смотрѣть на тебя? И съ какой же стати ему смотрѣть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маменька, все смотрѣлъ: и какъ началъ говорить о литературѣ, то взглянулъ на меня, и потомъ, когда разсказывалъ, какъ игралъ въ вистъ съ министромъ, и тогда посмотрѣлъ на меня.

Анна Андреевна. Ну, можетъ быть, одинъ какой-нибудь разъ, да и то такъ ужъ, вѣрно, лишь бы только... „А!“ говоритъ себѣ: „дай ужъ посмотрю на нее!“

Марья Антоновна. Ей Богу, маменька, на васъ меньше глядѣлъ, чѣмъ на меня. Вы, можетъ быть, не видали, и оттого вамъ такъ кажется.

Анна Андреевна. Сама ты „кажется“. Досаднѣе всего, когда начнетъ этакія разсужденія... Ты просто дура—и больше ничего. Тебѣ не слѣдуетъ мнѣ этакъ говорить; ты можешь это сказать своей Парашкѣ. Какія въ самомъ дѣлѣ глупости! Нельзя же ему дѣлать мнѣ прямо глазки: онъ знаетъ, что я женщина замужняя, да притомъ и дурачина мужъ мой тутъ же стоялъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и городничій.

Городничій *(входитъ на цыпочкахъ)*. Тс...тс...

Анна Андреевна. Что?

Городничій. Прилегъ отдохнуть. Боже васъ сохрани тутъ какъ-нибудь шумѣть!

Анна Андреевна. Послушай, да зачѣмъ же ты пригласилъ его въ комнату? Вѣдь нужно обѣдать; сейчасъ обѣдъ готовъ.

Городничій *(разставляя руки и задумываясь)*. Обѣдать?

Анна Андреевна. Да какъ же! Съ какой стати ты предложилъ ему спать?

Городничій. Ну, матушка, признаюсь, я и самъ не знаю, отчего я ему предложилъ спать. Такъ совсѣмъ ошеломило! Страхъ такой напалъ: еще такого никогда не было ревизора. *(Задумывается.)* Съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чортъ его знаетъ, не знаешь, что и дѣлается въ головѣ: какъ будто стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить.

[1]) Провинціализмъ, вмѣсто: я ему понравилась.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощущаю робости. Я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона человѣка; а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ.

Городничій. Ну, ужъ вы женщины — все кончено: одного этого слова достаточно. Вамъ все это — тралала. Вдругъ брякнутъ ни изъ того, ни изъ другого словцо — васъ высѣкутъ да и только, а мужа и поминай какъ звали! Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ будто съ какимъ-нибудь Добчинскимъ.

Анна Андреевна. Объ этомъ я ужъ совѣтую вамъ не безпокоиться. Мы кой-что знаемъ такое...

Городничій. Ну, ужъ съ вами говорить!.. Эка въ самомъ дѣлѣ оказія! До сихъ поръ не могу очнуться отъ страха. *(Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь.)* Мишка, позови квартальныхъ Свистунова и Держиморду: они тутъ недалеко гдѣ-нибудь за воротами. *(Послѣ небольшого молчанія.)* Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: народъ все тоненькой, поджаристый такой,—никакъ не узнаешь, что онъ важная особа. Однако жъ какъ онъ ни скрывался, а, наконецъ таки, не выдержалъ и все разсказалъ: видно, что человѣкъ молодой.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Осипъ.

(Всѣ бѣгутъ къ нему навстрѣчу и киваютъ ему пальцемъ.)

Анна Андреевна. Подойди сюда, любезный!

Городничій. Чш!.. Что, что? спитъ?

Осипъ. Нѣтъ еще, немножко потягивается.

Анна Андреевна. Послушай, какъ тебя зовутъ?

Осипъ. Осипъ, сударыня.

Городничій. Полно, полно вамъ! Ну, что, другъ, тебя накормили хорошо?

Осипъ. Накормили, покорнѣйше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна. Ну, что, скажи: къ твоему барину слишкомъ, я думаю, много ѣздитъ графовъ и князей?

Осипъ *(въ сторону.)* А что говорить! Коли теперь накормили хорошо, значитъ, послѣ еще лучше накормятъ. *(Вслухъ.)* Да, бываютъ графы и князья.

Анна Андреевна. А какою каретою баринъ твой ѣздитъ, если случится, во дворецъ—голубою или желтою?

Марья Антоновна. Душенька Осипъ! Какой твой баринъ хорошенькій!

Анна Андреевна. А государь къ нему ѣздитъ?

Городничій. Да перестаньте, пожалуйста! Вы этакими пустыми рѣчами только мнѣ мѣшаете... Ну, что, другъ?..

Анна Андреевна. А чинъ какой на твоемъ баринѣ?

Осипъ. Чинъ обыкновенно какой; извѣстно, что ужъ чинъ важный.

Городничій. Ахъ, Боже мой! Вы все съ своими глупыми разспросами! Не дадите ни слова поговорить о дѣлѣ. Ну, что, другъ, что? какъ тамъ твой баринъ?.. Что, строгъ? Любитъ этакъ распекать или нѣтъ?

Осипъ. Да, порядокъ любитъ. Ужъ ему чтобы все было въ исправности.

Городничій. А мнѣ очень нравится твое лицо, другъ; ты долженъ быть хорошій человѣкъ. Ну, что?..

Анна Андреевна. А маскерады?..

Городничій. Полно вамъ, право! Трещотки какія! Здѣсь нужная вещь: дѣло идетъ о жизни человѣка... *(Къ Осипу.)* Ну, что, сосѣдъ, имѣешь ты хозяйку?

Осипъ. Нѣтъ, сударь, еще не женатъ.

Городничій. Право, мнѣ ты очень нравишься. Послушай, въ дорогѣ не мѣшаетъ, знаешь, чайку выпить лишній стаканчикъ,—оно теперь холодновато,—такъ вотъ тебѣ пара цѣлковиковъ на чай.

Осипъ *(принимая деньги)*. А, покорнѣйше благодарю, сударь. Дай Богъ вамъ всякаго здоровья! Бѣдный человѣкъ, помогли ему.

Городничій. Хорошо, хорошо, я и самъ радъ. А что, другъ?..

Анна Андреевна. Послушай, Осипъ, а какіе глаза больше всего нравятся твоему барину?..

Марья Антоновна. Осипъ, душенька!..

Городничій. Да постойте, дайте мнѣ! *(Къ Осипу.)* А что, другъ, скажи пожалуйста: на что больше баринъ твой обращаетъ вниманіе, то есть, что ему на дорогѣ больше всего нравится?

Осипъ. Любитъ онъ по разсмотрѣнію, что какъ придется. Больше всего любитъ, чтобы его приняли хорошо, угощеніе чтобъ было хорошее.

Городничій. Хорошее?

Осипъ. Вотъ ужъ на что я—крѣпостной человѣкъ, но и то смотритъ, чтобъ и мнѣ было хорошо: Ей Богу! Бывало, заѣдемъ куда-нибудь: „Что, Осипъ, хорошо тебя угостили?" — „Плохо, ваше высокоблагородіе!" — „Э", говоритъ: „это не хорошій человѣкъ—хозяинъ; ты, говоритъ, напомни мнѣ, какъ пріѣду". А, думаю себѣ, *(махнувъ рукой)* Богъ съ нимъ! Я человѣкъ простой.

Городничій. Хорошо, хорошо, и дѣло ты говоришь. Тамъ я тебѣ далъ на чай, такъ вотъ еще, сверхъ того, на баранки.

Осипъ. За что жалуете, ваше высокоблагородіе? *(Прячетъ деньги.)* Развѣ ужъ выпью за ваше здоровье.

Анна Андреевна. Приходи, Осипъ, ко мнѣ, тоже получишь.

Марья Антоновна. Осипъ, скажи, пожалуйста... *(Слышенъ изъ другой комнаты небольшой кашель Хлестакова.)*

Городничій. Чш!.. *(Поднимается на цыпочки. Вся сцена вполголоса.)* Боже васъ сохрани шумѣть! Идите, идите себѣ! Полно ужъ вамъ...

Анна Андреевна. Пойдемъ, Машенька! Я тебѣ скажу что-то такое: я замѣтила у гостя такое, что намъ вдвоемъ только можно сказать.

Городничій. О, ужъ тамъ наговорятъ! Я думаю, поди только да послушай, и уши потомъ заткнешь. *(Обращаясь къ Осипу.)* Ну, другъ...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, Держиморда и Свистуновъ.

Городничій. Чш! Экіе косолапые медвѣди стучатъ ногами! Такъ и валится, какъ будто сорокъ пудъ сбрасываетъ кто-нибудь съ телѣги! Гдѣ васъ чортъ таскаетъ?

Держиморда. Былъ по приказанію...

Городничій *(закрываетъ ему ротъ)*. Экъ какъ каркнула ворона! *(Дразнитъ его.)* „Былъ по приказанію!" Какъ изъ бочки, такъ рычитъ. *(Къ Осипу.)* Ну, другъ, ты ступай, приготовляй тамъ, что нужно для барина: все, что ни есть на дому, требуй. *(Осипъ уходитъ.)* А вы — стоять на

крыльцѣ и ни съ мѣста! И никого не впускать въ домъ сторонняго, Боже васъ сохрани! особенно купцовъ. Какъ только одного изъ нихъ впустите— то... я даже и говорить не хочу, что вамъ за это достанется. Какъ только увидите, что идетъ кто-нибудь съ просьбою, а хоть и не съ просьбою, да похожъ на такого человѣка, что хочетъ подать на меня просьбу, то въ-зашей такъ прямо и толкайте! Такъ его, хорошенько! *(Показываетъ ногою.)* Слышите, Боже васъ сохрани! Чш... чш... *(Уходитъ на цыпочкахъ вслѣдъ за квартальными.)*

(Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Хлестаковъ *(одинъ)*. Мнѣ нравится здѣшній городокъ: жители такіе гостепріимные... Этакъ я люблю жить. А много значитъ побыть нѣсколько времени въ Петербургѣ: даже не будь помощникомъ столоначальника, а просто канцелярскимъ чиновникомъ, а всѣ ужъ къ тебѣ чувствуютъ почтеніе. Городничій бѣгаетъ, услуживаетъ, всѣ заведенія показываетъ. И если что говоришь, то говоришь отъ души: ничѣмъ не связанъ; никто тебя не перебьетъ, именно духу придаетъ, чувствуешь, какъ будто значишь что-нибудь важное. Дочка у него очень хорошенькая: такая свѣженькая, розовыя губки... такъ у ней и то... и то... *(вертитъ рукою)* — изрядный каленкоръ. Да и матушка такая, что еще можно бы... Я люблю этакъ проводить время! А городничій долженъ быть совсѣмъ разсѣянный, я думаю даже — глупъ: вмѣсто двухъ сотъ рублей, какъ я разсмотрѣлъ теперь, онъ мнѣ далъ четыреста. Не худо. Будетъ чѣмъ домой доѣхать. А если ужъ онъ такъ глупъ, то не мѣшало бы еще попробовать: авось либо онъ еще дастъ взаймы. Дорога вѣдь такая вещь, что на всякой случай не худо запастись деньгами. Можетъ быть, придется опять, канальство, попробовать счастія! Вѣдь не всѣ жъ такіе, какъ пѣхотный капитанъ! Можетъ быть, наскочу на такого простофилю, что рубашенку только ему оставлю.

ЯВЛЕНІЕ II.

Хлестаковъ и почтмейстеръ
(входитъ, вытянувшись, въ мундирѣ, придерживая шпагу).

Почтмейстеръ. Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпекинъ.

Хлестаковъ. А, хорошо! Прошу покорнѣйше садиться... Я знакомъ съ вашимъ начальникомъ: славный человѣкъ! А какъ въ вистъ отлично играетъ! Съ нимъ никто не можетъ [играть]: онъ знаетъ впередъ—еще вы не пойдете, а онъ ужъ вамъ скажетъ, съ чего вы пойдете. „Вы“, говоритъ, „съ дамы пойдете“; и точно. И не то, чтобы какъ-нибудь были накраплены карты—нѣтъ, вы съ собою принесите новую колоду... *(Въ сторону.)* У этого, мнѣ кажется, у почтмейстера можно занять денегъ взаймы! *(Вслухъ.)* Такъ вы здѣшній почтмейстеръ?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Вообразите, какой странный случай со мною! Выѣхавши изъ Петербурга, я разсчиталъ, какъ нарочно, все это самымъ аккуратнѣйшимъ образомъ. — „Вотъ это“, думаю себѣ, „на прогоны, это на издержки для себя, это ямщикамъ на водку, это для моего крѣпостного человѣка“,— и все, какъ нельзя лучше. Но, къ величайшему изумленію, стало мнѣ всего только на половину дороги, и теперь недостаетъ какой-нибудь бездѣлицы. Не можете ли вы мнѣ снабдить на самое короткое время сколько-нибудь денегъ?

Почтмейстеръ. Сколько прикажете?

Хлестаковъ. Да рублей хоть сто на первый случай. Я завтра даже... или очень скоро возвращу.

Почтмейстеръ. Сейчасъ. *(Вынимаетъ изъ бумажника деньи и подаетъ Хлестакову.)*

Хлестаковъ. Покорнѣйше благодарю! *(Въ сторону.)* Почтмейстеръ, кажется, хорошій человѣкъ.

Почтмейстеръ *(встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпагу)*. Не смѣя долѣе безпокоить своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія?

Хлестаковъ. Прощайте, прощайте! Хорошо, хорошо!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ *и* **Аммосъ Ѳедоровичъ** *(въ мундирѣ, вытянувшись и придерживаетъ рукою шпагу).*

Аммосъ Ѳедоровичъ. Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій ассессоръ Припекаевъ.

Хлестаковъ. А, сдѣлайте милость, садитесь! Мнѣ очень хорошо знакомъ вашъ начальникъ. Что, вы давно занимаете тутъ мѣсто?

Аммосъ Ѳедоровичъ. Съ 816-го былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ. Это хорошо. Я самъ тоже служу. Что, вы получали награды?

Аммосъ Ѳедоровичъ. За три трехлѣтія удостоенъ Владиміра 4 степени и одобренія со стороны начальства.

Хлестаковъ. Да это, впрочемъ, еще довольно счастливо. У насъ есть одинъ такой, что̀ пятнадцать лѣтъ служитъ и только получилъ одну пряжку. Скажите, пожалуйста... мнѣ, право, нѣсколько и совѣстно, да нечего дѣлать... Со мной странный случай: въ дорогѣ совершенно истратился... Не можете ли вы одолжить мнѣ на малое время рублей сто? Я вамъ, можетъ быть, завтра же отдамъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Сейчасъ. *(Вынимаетъ поспѣшно изъ бумажника деньи.)*

Хлестаковъ. Очень вамъ благодаренъ. Въ дорогѣ, знаете, этакъ разныя потребности могутъ случиться—нельзя предвидѣть: въ одномъ мѣстѣ захочешь поѣсть, въ другомъ купить что-нибудь. Оно хоть и бездѣлица, а все составляетъ счетъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(раскланиваясь)*. Не смѣя безпокоить своимъ присутствіемъ, имѣю честь пребыть...

Хлестаковъ. А вы уже идете? Зачѣмъ же такъ рано? Посидите еще! Мнѣ очень пріятно съ вами побесѣдовать.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Не смѣю безпокоить...

Хлестаковъ. Ну, когда такъ, то прощайте. Покорно благодарю васъ за то, что навѣстили меня. *(Выпровожаетъ Аммоса Ѳедоровича.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестаковъ *и* **Артемій Филипповичъ** *(въ мундирѣ, со шпагою).*

Артемій Филипповичъ. Имѣю честь представиться: попечитель богоугодныхъ заведеній, надворный совѣтникъ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ. Здравствуйте, прошу покорно садиться. Я знакомъ съ вашимъ начальникомъ...

Артемій Филипповичъ. Имѣлъ честь вчера сопровождать васъ и принимать лично во ввѣренныхъ моему смотрѣнію богоугодныхъ заведеніяхъ.

Хлестаковъ. А, да, помню. Вы очень хорошо угостили насъ завтракомъ.

Артемій Филипповичъ. Радъ стараться на службу отечеству.

Хлестаковъ. Да и вина были очень хороши. Послѣ того я хотя и отдохнулъ немного, но никакъ не могъ обѣдать: за обѣдомъ ужъ почти ни одной рюмки не пилъ, а въ головѣ все, чортъ знаетъ, какъ ходенемъ пошло! Скажите, пожалуйста: какъ ваша фамилія? Я все позабываю.

Артемій Филипповичъ. Надворный совѣтникъ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ. А да, Ляпкинъ-Тяпкинъ... Ляпкинъ-Тяпкинъ... У васъ, вѣрно, и родственники есть?

Артемій Филипповичъ. Никакъ нѣтъ.

Хлестаковъ. Что же это мнѣ показалось, какъ будто у васъ есть родственники?

Артемій Филипповичъ. Можетъ быть, вы изволили о комъ другомъ слышать.

Хлестаковъ. А да, точно, можетъ быть! *(Издаетъ небольшую отрыжку.)*

Артемій Филипповичъ. Изволили что-то сказать?

Хлестаковъ. Ничего. *(Помолчавъ.)* А впрочемъ, если ужъ вамъ такъ послышалось, то я попросилъ бы у васъ взаймы нѣсколько денегъ.

Артемій Филипповичъ *(берется за карманъ).* Сколько прикажете?

Хлестаковъ. Рублей полтораста, а если въ случаѣ при васъ отыщется и двѣсти, то, конечно, лучше ужъ двѣсти.

Артемій Филипповичъ. Сейчасъ. *(Вынимая и вручая деньги.)* Могу сказать, что должность свою исполняю ревностно. *(Придвигая стулъ ближе, говоритъ вполголоса.)* Вотъ здѣшній почтмейстеръ совершенно ничего не дѣлаетъ. Всѣ дѣла въ большомъ запущеніи, посылки задерживаются, — вотъ извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, — который только что былъ передъ моимъ приходомъ — ѣздитъ только за зайцами, въ присутственныхъ мѣстахъ держитъ собакъ, и поведенія, если признаться передъ вами, — конечно, для пользы отечества я долженъ это сдѣлать, хотъ онъ мнѣ родня и пріятель, — поведенія самаго предосудительнаго; тутъ есть одинъ помѣщикъ Добчинскій, котораго вы изволили видѣть: и какъ только этотъ Добчинскій куда-нибудь выйдетъ изъ дому, то онъ тамъ ужъ и сидитъ у жены его. Я присягнуть готовъ... И нарочно посмотрите на дѣтей: ни одно изъ нихъ не похоже на Добчинскаго; но всѣ, даже дѣвочка маленькая, какъ вылитый судья.

Хлестаковъ. Скажите, пожалуйста! А я никакъ этого не думалъ.

Артемій Филипповичъ. Да и безбожникъ: больше десяти лѣтъ, какъ не исповѣдывался. Вотъ и смотритель здѣшняго училища Земляника... Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность: онъ хуже, чѣмъ якобинецъ, и такія внушаетъ юношеству неблагонамѣренныя правила, что если бы только узнали...

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ *и* **Лука Лукичъ** *(въ мундирѣ, при шпагѣ).*

Лука Лукичъ. Имѣю честь представиться: смотритель здѣшняго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ Земляника.

Артемій Филипповичъ. Позвольте мнѣ удалиться. Я лучше послѣ зайду къ вамъ и постараюсь изъяснить все это на бумагѣ.

Хлестаковъ. Хорошо, прощайте. *(Къ Лукѣ Лукичу.)* Прошу покорно садиться. Я очень хорошо знакомъ съ вашимъ начальникомъ... Теперь я вспомнилъ, что вчера васъ видѣлъ.

Лука Лукичъ. Такъ точно, когда изволили заѣзжать въ училище.

Хлестаковъ. Да, я былъ въ училищѣ. Только вы, кажется, были какъ будто немножко ниже ростомъ—не правда ли?

Лука Лукичъ. Очень можетъ быть.

Хлестаковъ. Вашъ начальникъ любезный старичокъ—такой добрякъ! Мы съ нимъ... вѣдь это по Адмиралтейству вы служите? Да, я его знаю... Мы даже, если сказать вамъ, волочились вмѣстѣ за одною прехорошенькою. Ну, натурально, куды жъ ему? — старикъ. Бывало всегда, какъ встрѣтитъ меня... я ужъ у Полицейскаго моста, а онъ еще у Аничкина... подниметъ палецъ и кричитъ: „Злодѣй! счастливецъ, каналья!" А тамъ хорошо: въ вечеру если пойдешь по Невскому проспекту, иногда очень много встрѣтишь хорошенькихъ. *(Небольшое молчаніе.)*

Лука Лукичъ. Не смѣя безпокоить присутствіемъ, имѣю честь засвидѣтельствовать почтеніе! *(Откланивается.)*

Хлестаковъ. Прощайте, прощайте! *(Выпровожаетъ его, потомъ подбѣгаетъ къ дверямъ и кричитъ.)* Эй, вы! Какъ васъ? Позвольте на одно слово... Я все позабываю ваше имя.

Лука Лукичъ *(возвращаясь).* Лука Лукичъ.

Хлестаковъ. Лука Лукичъ? Посмотрите, сдѣлайте милость, Лука Лукичъ, въ бумажникъ вашъ: нѣтъ ли при васъ рублей полтораста денегъ? Я вамъ на-дняхъ и возвращу. А, что, есть?

Лука Лукичъ. Есть. *(Вынимаетъ изъ бумажника.)*

Хлестаковъ. А, скажите, какъ кстати! А я думалъ сегодня по утру: гдѣ бы мнѣ взять? — Очень благодарю васъ; прошу и впредь продолжать знакомство. *(Выпровожаетъ Луку Лукича.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хлестаковъ *и* **Растаковскій** *(въ Екатерининскомъ мундирѣ, съ эксельбантомъ).*

Растаковскій. Имѣю честь рекомендоваться: житель здѣшняго города, помѣщикъ, отставной секундъ-маіоръ Растаковскій.

Хлестаковъ. А, прошу покорнѣйше садиться; очень радъ. Я очень хорошо знакомъ съ вашимъ начальникомъ.

Растаковскій *(сѣлъ).* А, такъ вы изволили знать Задунайскаго?

Хлестаковъ. Какого Задунайскаго?

Растаковскій. Графа Румянцева-Задунайскаго, Петра Александровича: вѣдь это мой бывшій начальникъ.

Хлестаковъ. А, такъ вы служили уже давно! Очень радъ... Мнѣ очень пріятно.

Растаковскій. Находился во время осады подъ Силистріей въ 773 году. Очень жаркое было дѣло. Турокъ былъ вотъ такъ, какъ этотъ

столъ передъ нами. Я былъ тогда сержантомъ, а секундъ-маіоръ былъ въ нашемъ полку,—не изволите ли знать?—Гвоздевъ, Петръ Васильевичъ.

Хлестаковъ. Гвоздевъ? Какой это?

Растаковскій. Петръ Васильевичъ. Онъ былъ по Высочайшему повелѣнію покойной Императрицы переведенъ потомъ въ драгуны.

Хлестаковъ. Нѣтъ, не знаю.

Растаковскій. Я такъ и полагалъ, что вы не знаете, потому что ужъ больше тридцати лѣтъ, какъ онъ умеръ. Вотъ здѣсь недалеко, верстахъ въ двадцати отъ города, осталась его внучка, что вышла замужъ за Ивана Васильевича Рогатку.

Хлестаковъ. За Рогатку? скажите! Я этого совсѣмъ не полагалъ.

Растаковскій. Такъ турокъ стоялъ передъ нами вотъ такъ, какъ бы этотъ столъ. Зима и снѣгъ, и сумятица была такая, какъ въ томъ году, когда французъ подступалъ подъ Москву. Въ нашемъ полку былъ тоже секундъ-маіоромъ—Фухтель-Кнабе, нѣмецъ. Звали его Сихфридъ Ивановичъ, но генералъ-аншефъ тогдашній, Потемкинъ, велѣлъ переименовать: „ты", говоритъ, „не Сихфридъ, а Супъ; такъ будь ты Супомъ Ивановичемъ"; и съ той поры такъ и осталось его имя — Супъ Ивановичъ. Такъ этотъ Супъ Ивановичъ и секундъ-маіоръ Гвоздевъ, о которомъ я говорилъ, были посланы за фуражемъ. Къ нимъ былъ прикомандированъ я и еще квартермистръ, если изволите знать, Трепакинъ, Автономъ Павловичъ: онъ также, я думаю, уже будетъ лѣтъ двадцать, какъ умеръ.

Хлестаковъ. Трепакинъ? Нѣтъ, не знаю. А вотъ я хотѣлъ бы...

Растаковскій *(не слушая)*. Видной мущина, русый волосъ, золотой эксельбантъ!.. Ловко танцовалъ польскій: хлопнетъ бывало рукою и отобьетъ пару у самаго полковника. И какъ только дѣвушки... хе, хе, хе... У насъ бывали тогда палатки, и какъ только заглянешь къ нему въ палатку... хе, хе, хе... тамъ ужъ сидитъ; и на утро деньщикъ выводитъ какъ будто драгуна въ треугольной шляпѣ... хе, хе, хе... и портупея виситъ... хе, хе, хе!

Хлестаковъ. Я хотѣлъ васъ попросить...

Растаковскій *(наставляя ухо)*. А?

Хлестаковъ. Я хотѣлъ попросить у васъ взаймы.

Растаковскій *(не разслышавъ)*. Полковой квартермистеръ.

Хлестаковъ. Да рублей триста на десять минутъ... взаймы триста рублей—я вамъ завтра отдамъ.

Растаковскій. Триста рублей? Можетъ, и есть триста рублей. *(Вынимая.)* Сегодня казначей выдалъ пенсіонъ—и не считалъ еще, сколько... Иногда водятъ, мѣсяца по три не выдаютъ, да теперь, благодаря вашему пріѣзду, вдругъ выдали. Вотъ триста рублей.

Хлестаковъ. Покорнѣйше благодарю.

Растаковскій. Я къ вамъ пришелъ съ убѣдительною просьбою.

Хлестаковъ. А что, о чемъ?

Растаковскій. Долженъ получить прибавочнаго пенсіона, такъ я просилъ бы, чтобы замолвили тамъ сенаторамъ или кому другому.

Хлестаковъ. Извольте, извольте.

Растаковскій. Я самъ подавалъ просьбу, да только, можетъ, не туда, куда слѣдуетъ.

Хлестаковъ. А какъ давно вы подавали просьбу?

Растаковскій. Я то подавалъ еще въ 1801 году, да вотъ ужъ тридцать лѣтъ нѣтъ никакой резолюціи. Я послалъ чрезъ Сосулькина, Ивана Петровича, который ѣхалъ тогда въ Петербургъ; да онъ то не слишкомъ надежный человѣкъ: выпить любитъ. Можетъ быть, онъ просьбу не туда

отнесъ, куда нужно. А оно, правда, уже немного и ждать остается: тридцать лѣтъ прошло, стало быть, теперь скоро дѣло рѣшится.

Хлестаковъ. Да, натурально, разумѣется. Будьте покойны: я тамъ прикажу все это разыскать.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хлестаковъ, Бобчинскій и Добчинскій.

Бобчинскій. Имѣю честь представиться: житель здѣшняго города Петръ Ивановъ Бобчинскій.

Добчинскій. Помѣщикъ Петръ Ивановъ Добчинскій.

Хлестаковъ. А, да я ужъ васъ видѣлъ. Вы, кажется, тогда упали. Что, какъ вашъ носъ?

Добчинскій. Слава Богу! Не извольте безпокоиться, присохъ, теперь совсѣмъ присохъ.

Хлестаковъ. А, хорошо, что присохъ. Я радъ... *(Вдругъ и отрывисто.)* Денегъ нѣтъ у васъ?

Бобчинскій. Денегъ? Какъ денегъ?

Хлестаковъ *(громко и скоро)*. Взаймы рублей тысячу.

Бобчинскій. Такой суммы, ей Богу, нѣтъ! А нѣть ли у васъ, Петръ Ивановичъ?

Добчинскій. Нѣтъ; а если есть, то въ Приказѣ общественнаго призрѣнія.

Хлестаковъ. Досадно... Ну, если тысячи нѣтъ, въ такомъ случаѣ хоть рублей сто.

Бобчинскій. У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня только двадцать пять.

Добчинскій *(смотря въ бумажникъ)*. Сорокъ ассигнаціями.

Бобчинскій. А у меня двадцатипятирублевая. А вотъ, можетъ быть, есть мелочь... Сейчасъ поищу. *(Копается въ карманахъ.)* Три двугривенныхъ!

Хлестаковъ. Ну, толковать объ этомъ, впрочемъ, нечего. Какъ случилось; я не буду слишкомъ досчитываться. Давайте ихъ — все равно. *(Принимаетъ деньги.)* Я вамъ завтра...

Добчинскій. Я осмѣливаюсь попросить васъ относительно одного очень тонкаго обстоятельства.

Хлестаковъ. А что это?

Добчинскій. Дѣло очень тонкаго свойства: старшій сынъ рожденъ мною еще до брака.

Хлестаковъ. Да?

Добчинскій. То есть, оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ бы и въ бракѣ: и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ потомъ законными узами супружества. Такъ я хочу, чтобы онъ теперь уже былъ совсѣмъ законнымъ моимъ сыномъ и назывался бы такъ, какъ я: Добчинскій. Теперь это запрещено, я знаю, но потому только, что объ этомъ просятъ большею частію маленькіе люди; а если большой человѣкъ попроситъ, то оно сейчасъ сдѣлается.

Хлестаковъ. Хорошо, я...

Добчинскій. Я бы и не безпокоилъ васъ, да жаль очень, такой мальчишка... большія надежды подаетъ: наизусть стихи разные разскажетъ и этакъ, если гдѣ попадетъ ножикъ, то сейчасъ сдѣлаетъ маленькія дрожечки,—такъ искусно, какъ лучшій фокусникъ. Вотъ и Петръ Ивановичъ знаетъ.

Бобчинскій. Да, большія способности имѣетъ.

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо! Я объ этомъ постараюсь, я буду говорить... и вы надѣйтесь, что все будетъ сдѣлано,—я скажу министру. *(Обращаясь къ Бобчинскому.)* Не имѣете ли и вы чего-нибудь сказать мнѣ?

Бобчинскій. Какъ же, имѣю очень нижайшую просьбу.

Хлестаковъ А что, о чемъ?

Бобчинскій. Я прошу васъ покорнѣйше: какъ поѣдете въ Петербургъ, такъ скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ, что вотъ живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите, что живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ. Очень хорошо.

Бобчинскій. Да если этакъ и государю придется, то скажите и государю, что „вотъ молъ, Ваше Императорское Величество, въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій".

Хлестаковъ. Очень хорошо.

Добчинскій. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Бобчинскій. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Хлестаковъ. Ничего, ничего! Мнѣ очень пріятно. *(Выпровожаетъ ихъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ и Гибнеръ.

Гибнеръ. Ich habe die Ehre mich zu rekommandiren: Doctor der Armen-Anstalten, Hiebner.

Хлестаковъ. Прошу покорнѣйше садиться.

Гибнеръ. Es freuet mich sehr die Ehre zu haben, einen so würdigen Mann zu sehen, den die hohe Obrigkeit bevollmächtigt hat.

Хлестаковъ. Нѣтъ, я по-нѣмецки... не такъ... Лучше по-русски. Скажите, пожалуйста: теперь вообще время хорошее на все — не обзавелись ли вы деньгами?

Гибнеръ. Денгъ?.. Ишто денги?..

Хлестаковъ. Да. Если вы обзавелись, то я бы попросилъ у васъ. Вы мнѣ giebt взаймы, а я вамъ послѣ назадъ отгибаю.

Гибнеръ. Денг... Нѣтъ деньги... *(Вынимаетъ бумажникъ и вытряхиваетъ.)* Sehen sie! Нѣтъ... Одна сигаръ... большъ нѣтъ...

Хлестаковъ. Ну, нечего дѣлать! На нѣтъ и суда нѣтъ.

Гибнеръ *(прячетъ бумажникъ, потомъ опять берется за карманъ)*. Wollen sie eine Sigarre rauchen? *(Вынимаетъ и подаетъ сигару)*.

Хлестаковъ. А, хорошо, gut! Дайте сюда, giebt! *(Беретъ и раскуриваетъ.)* Хорошая сигарка: это, вѣрно, изъ Петербурга? *(Пускаетъ дымъ.)*

Гибнеръ. Нѣтъ... изъ... Рига.

Хлестаковъ. Изъ Риги? Да, я такъ и думалъ.

Гибнеръ *(вставая со стула и кланяясь)*. Ich darf Sie nicht mehr zu beunruhigen und Ihnen die theuere Zeit zu berauben, die Sie den Staatsgeschäften widmen. *(Откланивается.)*

Хлестаковъ. Прощайте, радъ познакомиться.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Хлестаковъ *(одинъ).*

Хлестаковъ. Хорошо и цигарку выкурить. Какъ много здѣсь чиновниковъ! Городишка таки населенъ довольно. *(Разсматриваетъ ассигнаціи.)* Эка, чортъ возьми, сколько денегъ! Думалъ прежде, гдѣ бы достать; теперь не знаешь, куда дѣвать. Удивительно, какой щедрый народъ здѣсь! Я думаю, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ такого нѣтъ. А какая, право, разница въ нравахъ здѣсь и въ Петербургѣ! Тамъ какой-нибудь Ручъ ни зачто не сошьетъ тебѣ въ долгъ фрака; а здѣсь, заикнись только,—ужъ всѣ тебѣ вынимаютъ бумажники. Даже срока не назначаютъ! Должны быть, впрочемъ, дураки большіе: въ головѣ только посвистываетъ. Нужно, право, написать объ этомъ къ Тряпичкину. Онъ тамъ сочиняетъ по словесности разныя статейки,—пускай-ка ихъ обкритикуетъ хорошенько! Это будетъ славно. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и чернила!

Осипъ *(выглядываетъ изъ-за дверей).* Сейчасъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

Хлестаковъ и Осипъ *(съ чернилами и бумагой).*

Хлестаковъ *(пишетъ).* Послушай, Осипъ. *(Продолжаетъ писать.)* Ты вотъ, какъ я напишу письмо, отнесешь его сей же часъ на почту, да возьми подорожную и потребуй лошадей, самыхъ лучшихъ... А ямщикамъ скажи, что я буду теперь давать по цѣлковому на водку—съ тѣмъ, чтобы только везли лихо и пѣсни затягивали бы самыя залихватскія,—такъ, какъ фельдъ-егеря скачутъ. *(Продолжая писать.)* Воображаю, какъ Тряпичкинъ будетъ смѣяться: онъ вѣдь такой остроумный! *(Запечатываетъ и надписываетъ адресъ.)* Не съѣхалъ ли съ квартиры? Онъ вѣдь тоже любитъ переѣзжать и не доплачивать. На, отдай поскорѣе.

Осипъ. Я, сударь, отправлю чрезъ человѣка, а самъ лучше буду укладываться, чтобы не пропало понапрасну время.

Хлестаковъ. Хорошо, отдай чрезъ человѣка.

Осипъ *(уходитъ и говоритъ за сценой).* Эй, послушай, братъ! Отнеси вотъ это письмо на почту и скажи почтмейстеру, чтобы онъ принялъ его безъ денегъ. Да скажи, чтобы сейчасъ привели къ барину самую лучшую тройку—курьерскую: „а прогону", скажи, „баринъ не плотитъ; прогонъ, молъ", скажи, „казенный". Да скажи тамъ, чтобы все живѣе, а не то баринъ сердится, что не скоро дѣлается. *(Входя.)* Сказалъ.

За сценой.

Голосъ квартальнаго Держиморды. Куда лѣзешь, борода? Говорятъ тебѣ: никого не велѣно пускать.

Голоса купцовъ. Допустите, батюшка! Допустите! Вы не можете не допустить: мы за дѣломъ пришли.

Голосъ Держиморды. Говорятъ вамъ: нельзя. Подите, подите! Не принимаетъ, никого не принимаетъ: спитъ.

Голосъ купцовъ. Да мы ужъ слышали это, батюшка, со вчерашняго дня, да дѣло-то такой важности, что намъ нужно видѣть его милость.

Держиморда. Ну, чего жъ ты, брюхатый дуракъ, лѣзешь? Хочешь, такъ тебѣ поставлю тумака въ затылокъ?

Купецъ. Ты не бранись, братъ: и я тебя такъ ругну, что выплюнешь. Ишь, ты, кварташка длиннохвостый! Я тѣ не посмотрю, что у тебя портупея.

Держиморда. Ну, пошелъ, пошелъ! говорятъ тебѣ.

Купецъ. Пошелъ ты самъ, коровій пометъ!

Голоса купцовъ. Ребята, не отставай! *(Стукъ въ калитку.)*

Хлестаковъ. Что тамъ такое? Посмотри, Осипъ!

Осипъ *(смотря въ окно)*. Купцы какіе-то хотятъ войти, да не допускаетъ квартальный... Машутъ бумагами: вѣрно, васъ хотятъ видѣть.

Хлестаковъ *(подходя къ окну)*. А, что вы, любезные?

Голоса купцовъ. Къ твоей милости прибѣгаемъ. Прикажи, государь, просьбу принять.

Хлестаковъ. Впустите ихъ, впустите! Пусть идутъ! *(Принимаетъ изъ окна просьбы, разворачиваетъ одну изъ нихъ и читаетъ:)* „Его высокоблагородному свѣтлости, Господину Кавалеру Финансову отъ купца Арбахузина“... Чортъ знаетъ, что такое: и чина такого совсѣмъ нѣтъ! Взять нарочно для смѣху.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и купцы.

Хлестаковъ. А, что вы, любезные?

Купцы. Челомъ бьемъ вашей милости.

Хлестаковъ. А что вамъ нужно?

Купцы. Не губи, государь! Обижательство терпимъ совсѣмъ понапрасну.

Хлестаковъ. Отъ кого?

Купцы. Да все отъ городничаго здѣшняго. Такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинитъ, что описать нельзя! Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полѣзай. И не только насчетъ того, что ему, то есть, долженъ принесть, а сверхъ того самъ еще беретъ все, что ни вздумается, и такъ поступаетъ, что разсказать страшно. Схватитъ за бороду, говоритъ: „Ахъ, ты татаринъ!“ Ей Богу! Если бъ мы, то есть, чѣмъ-нибудь не уважили его; но мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ и все, что слѣдуетъ: каждый подаритъ на пару платья,—это ужъ дѣло извѣстное, — супружницѣ его и дочкѣ — мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, вишь ты, ему всего этого мало! Ей Богу! Придетъ въ лавку, и что ни попадется ему, все беретъ. Сукна увидитъ штуку, говоритъ: „Э, милый, это хорошее суконцо, снеси-ка его ко мнѣ“. Нечего дѣлать, и несешь; а въ штукѣ-то будетъ безъ малаго аршинъ пятьдесятъ.

Хлестаковъ. Неужели? Ахъ, какой же онъ мошенникъ!

Купцы. Ей Богу! Такого никто не запомнитъ городничаго, право. Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То есть, не то ужъ говоря, чтобъ какую деликатность, всякую дрянь беретъ: черносливъ такой, что лѣтъ уже по семи лежитъ въ бочкѣ, что у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть, а онъ цѣлую горсть туда запуститъ. Именины его бываютъ на Антона, и ужъ, кажись, чего ему больше? всего нанесемъ, ни въ чемъ не нуждается. Нѣтъ, ему еще подавай: говоритъ, и на Ануфрія его именины. Ей Богу! Что дѣлать? И на Ануфрія несешь подарки.

Хлестаковъ. Да это просто разбойникъ!

Купцы. Ей Богу! А попробуй прекословить — наведетъ къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой. Позоветъ къ себѣ, да и двери велитъ запе-

реть. „Я тебя“, говоритъ, „не буду“, говоритъ, „подвергать тѣлесному наказанію или пыткой пытать—это“, говоритъ, „запрещено закономъ, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки“! Да пристукнетъ ногой. „Нѣтъ“, говоритъ, „ѣшь!“ Да послѣ дня на два запретъ и не дасть пить, то это, я вамъ скажу, такое средство, что сейчасъ согласишься, на что ни захочетъ. Ей Богу!

Хлестаковъ Ахъ, какой мошенникъ! Да за это просто въ Сибирь!

Купцы. Да ужъ куда милость твоя ни запровадитъ его, все будетъ хорошо, лишь бы, то есть, отъ насъ подальше. Не побрезгуй, отецъ нашъ, хлѣбомъ и солью. Кланяемся тебѣ сахарцомъ и кузовкомъ вина.

Хлестаковъ. Нѣтъ, нѣтъ! Вы этого не думайте, я не беру совсѣмъ никакихъ взятковъ. Вотъ, если бы вы, напримѣръ, предложили мнѣ взаймы рублей 300,—ну, тогда, совсѣмъ другое: взаймы я могу взять.

Купцы. Изволь, отецъ нашъ! *(Вынимаютъ деньги.)* Да что триста! Лучше ужъ пятьсотъ возьми, помоги только.

Хлестаковъ. Извольте, взаймы—я ни слова: я возьму.

Купцы *(подносятъ ему на серебряномъ подносѣ деньги)*. Ужъ, пожалуйста, и подносикъ вмѣстѣ возьмите.

Хлестаковъ. Ну, и подносикъ можно.

Купцы *(кланяясь)*. Такъ ужъ возьмите за однимъ разомъ и сахару.

Хлестаковъ. О, нѣтъ, нѣтъ! Я взятковъ никакихъ...

Осипъ. Ваше высокоблагородіе! зачѣмъ вы не берете? Возьмите: въ дорогѣ все пригодится. Давай сюда головы и кулекъ, подавай все! Все пойдетъ въ прокъ. Что тамъ? Веревочка? Давай и веревочку! И веревочка въ дорогѣ пригодится; телѣжка обломается или что другое—подвязать можно.

Купцы. Такъ ужъ сдѣлайте такую милость, ваше сіятельство! Если уже вы, то есть, не поможете въ нашей просьбѣ, то ужъ не знаемъ, какъ и быть: просто, хоть въ петлю полѣзай!

Хлестаковъ. Непремѣнно, непремѣнно! Я ужъ не люблю шутить, обманывать. Ступайте съ Богомъ. *(Купцы идутъ; въ дверяхъ слышенъ крикъ женскій:* Нѣтъ, ты не смѣешь не допустить меня! Я на тебя пожалуюсь ему самому. Ты не толкайся такъ больно!)

Хлестаковъ Кто тамъ? *(Подходитъ къ окну.)* А, что ты, матушка?

Унтеръ-офицерская жена. Милости твоей, отецъ мой, прошу. Повели, государь, выслушать!

Хлестаковъ Пропустите ее.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Хлестаковъ, унтеръ-офицерша и слесарша.

Унтеръ-офицерша и слесарша *(обѣ валятся въ ноги)*. Помилуй, отецъ нашъ! Милости твоей просимъ, государь!

Хлестаковъ. Вставайте, вставайте! Что тамъ? Кто вы таковы?

Унтеръ-офицерша. Мѣщанка здѣшняго города, унтеръ-офицерская жена Мокрина Иванова.

Слесарша. Слесарша, здѣшняя мѣщанка, Февронья Петрова Пашлепкина, отецъ мой.

Хлестаковъ. Ну, зачѣмъ же вы пришли?

Обѣ вмѣстѣ *(кланяясь)*. Обиду, отецъ мой, обиду!..

Хлестаковъ. Ну, стой, по порядку. Ты первая. Ну, кто тебѣ тамъ обиду?

Унтеръ-офицерша. Да кто такой! Вѣстимо городничій здѣшній: кому же больше другому?

Хлестаковъ. Ахъ, какой плутъ этотъ городничій!

Унтеръ-офицерша. Тяжкую обиду нанесъ: высѣкъ, мой кормилецъ!

Хлестаковъ. Какъ? За что?

Унтеръ-офицерша. А Богъ его знаетъ, за что. Говоритъ, будто бы для порядка; а оно-то совсѣмъ за другое, и я въ немъ ни душою, ни тѣломъ. Тутъ было квартировалъ одинъ офицеръ и женился на купеческой дочери—здѣшняго купца. Такъ городничій говоритъ: „Это ты, каналья, всему причиною: если бъ", говоритъ, „не ты, то онъ бы женился на моей дочери". А ему, слышь ты, донесъ кто-то, что будто бы я была свахой и сосватала купеческую дочь; а я вовсе и заикать не заикалась и совсѣмъ не знала, что его милости нуженъ женихъ. И какъ приказалъ онъ, кормилецъ мой, взять меня десятскимъ и такъ больно отрапортовалъ меня кругомъ, что три дня не могла сидѣть. Ей Богу!

Хлестаковъ. Ахъ, какой мошенникъ! Да его за это въ каторгу!

Унтеръ-офицерша. Ей Богу! Если не вѣришь, кормилецъ, я тебѣ, пожалуй, знаки покажу.

Хлестаковъ. Не нужно, не нужно, матушка! Я и безъ того вѣрю. Ну, а ты?

Слесарша. Милости прошу вашей. На городничаго челомъ бью! Пошли ему Богъ всякое зло—чтобы ни дѣтямъ его, ни ему, мошеннику, ни дядямъ, ни теткамъ его ни въ чемъ никакого прибытку не было!

Хлестаковъ. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказалъ забрить лобъ въ солдаты. И очередь-то на насъ не припадала, мошенникъ такой, да и по закону нельзя: онъ женатый.

Хлестаковъ. Какъ же онъ могъ это сдѣлать?

Слесарша. Сдѣлалъ, мошенникъ, сдѣлалъ! Побей Богъ его и на томъ и на этомъ свѣтѣ! Чтобы ему, если тетка есть, то и теткѣ всякая пакость; и отецъ, если живъ у него, то чтобы и онъ, каналья, околѣлъ или поперхнулся на вѣки. Мошенникъ такой! Слѣдовало взять сына портного, онъ же и пьянюшка былъ, да родители богатый подарокъ дали, такъ онъ и присыкнулся къ сыну купчихи Пантелѣевой; а Пантелѣева тоже подослала къ супругѣ полотна три штуки, такъ онъ ко мнѣ. „На что", говоритъ, „тебѣ мужъ? онъ ужъ тебѣ не годится".—Да я то знаю, годится или не годится; это мое дѣло, мошенникъ такой! „Онъ", говоритъ, „воръ: хоть онъ теперь и не укралъ, да все равно", говоритъ, „онъ украдетъ, его и безъ того на слѣдующій годъ возьмутъ въ рекруты". Да мнѣ-то каково безъ мужа, мошенникъ такой! Я слабый человѣкъ, подлецъ ты такой! Чтобъ всей роднѣ твоей не довелось видѣть свѣта Божіяго! И если есть теща, то чтобы и тещѣ...

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо, матушка! Ступайте, ступайте! Я ему это все... Ступайте съ Богомъ! *(Выпровожаетъ старухъ.)*

Обѣ вмѣстѣ *(уходя)*. Не позабудь, отецъ нашъ! Будь милостивъ!

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо! *(Въ окно высовываются руки съ просьбами.)* Да кто тамъ еще? *(Подходитъ къ окну.)* Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! *(Отходя.)* Надоѣли, чортъ возьми! Не впускай, Осипъ.

Осипъ *(кричитъ въ окно)*. Пошли, пошли! Не время, завтра приходите. *(Дверь отворяется и выставляется какая-то фигура въ фризовой шинели съ небритою бородою, и раздутою губою, и перевязанною щекою.)*

Осипъ. Пошелъ, пошелъ! Чего лѣзешь? *(Упирается ему руками въ брюхо и выпирается вмѣстѣ съ нимъ въ прихожую, захлопнувъ за собою дверь.)*

Голосъ Анны Андреевны. Право, какъ будто никому дѣла нѣтъ!

Хлестаковъ. А!

Голосъ Анны Андреевны. Тамъ набрело просителей полонъ дворъ, а мужа нѣтъ! И зачѣмъ, куда онъ зашелъ? Хотя бы ты что-нибудь... вѣдь ты здѣсь сидишь.

Голосъ Маріи Антоновны. Ахъ, право, маменька, какія вы странныя!

Хлестаковъ. А!

Голосъ Маріи Антоновны. Что жъ мнѣ дѣлать?

Голосъ Анны Андреевны. О, ты всегда права! Ей Богу, такой безпорядокъ! И эти квартальные мерзавцы! *(Входитъ на сцену и, увидѣвъ Хлестакова, вскрикиваетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Хлестаковъ и Анна Андреевна.

Анна Андреевна. Я совсѣмъ не знала, что вы тутъ сидите. Я вамъ помѣшала въ занятіяхъ.

Хлестаковъ. Вы никогда не можете помѣшать. Куда вы спѣшили?

Анна Андреевна. Вы извините меня: мнѣ, право, очень нужно приказать ключницѣ...

Хлестаковъ. Да это все суета; и приказаніе, и ключница. Ключница—пустякъ! Вы останьтесь здѣсь.

Анна Андреевна. Я, право, помѣшала вамъ заниматься важными дѣлами.

Хлестаковъ. А ваши глазки, сударыня, еще лучше, нежели важныя дѣла.

Анна Андреевна. Я никакъ не беру на свой счетъ... Я скоро къ вамъ приду.

Хлестаковъ. Ну, не ходите, Анна Андреевна, сдѣлайте милость! Сядьте со мной вотъ здѣсь.

Анна Андреевна. Право, я не знаю... мнѣ такъ нужно.

Хлестаковъ. Какое у васъ прекрасное платье!

Анна Андреевна. Вы насмѣшники, лишь бы только посмѣяться надъ провинціальными.

Хлестаковъ. Какъ бы желалъ, сударыня, быть вашимъ платьемъ, чтобы обнимать все, что ни есть у васъ!

Анна Андреевна. Я совсѣмъ не понимаю, о чемъ вы говорите: какое-то платье, а больше я ничего не поняла... Сегодня какая хорошая погода!

Хлестаковъ. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода на дворѣ.

Анна Андреевна. Вы все говорите такое, чего я никакъ не понимаю. Вы бы лучше пропѣли, или проиграли на фортепіяно, или проговорили бы какіе-нибудь хорошіе стихи. Я очень люблю стихи; вы, вѣрно, ихъ знаете много..

Хлестаковъ. Въ угодность вашу все, что хотите! Требуйте, какіе стихи вамъ.

Анна Андреевна. Какіе-нибудь этакіе хорошіе, новые.

Хлестаковъ. Да что стихи! Я много ихъ знаю.

Анна Андреевна. Ну, скажите же...

Хлестаковъ. Да къ чему же говорить? Я и такъ ихъ знаю.

Анна Андреевна. Я очень люблю ихъ...

Хлестаковъ. Да у меня много ихъ всякихъ. „О ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь, человѣкъ!..“ Ну и множество другихъ, теперь я не могу припомнить. Впрочемъ, это все вздоръ. Я такъ счастливъ, что сижу теперь возлѣ васъ! Если бы я могъ, сударыня, напечатлѣть поцѣлуй въ ваши губки...

Анна Андреевна. Вы, какъ нарочно, говорите все такое, чего я совсѣмъ не могу понимать... Я думаю, какъ хорошо въ Петербургѣ играютъ разныя комедіи.

Хлестаковъ. Комедіи! А что это такое—комедія?

Анна Андреевна. Вотъ, какъ будто вы не знаете!

Хлестаковъ. Право, не знаю. Что же бы такое—комедія? Это какой-нибудь звѣрь или чиновникъ?

Анна Андреевна *(обидѣвшись)*. Вы, вѣрно, воображаете меня такою провинціалкою... что и...

Хлестаковъ. Право, не знаю. А! теперь вспомнилъ: комедія это все равно, что артиллерія?

Анна Андреевна. Нѣтъ, это уже слишкомъ! Конечно, мы здѣсь не имѣемъ столичнаго воспитанія... Что жъ дѣлать? не всякому быть ученымъ и премудрымъ.

Хлестаковъ. Вотъ видите, сударыня, вы ужъ и сердитесь. Куда же вы это... Сидите здѣсь!

Анна Андреевна *(садясь)*. Я вижу, что вамъ скучно у насъ.

Хлестаковъ. Вотъ видите, какія вы! Я пошутилъ. Прошу садиться. Вѣрите ли, сударыня, что моя любовь къ вамъ...

Анна Андреевна. Вы напрасно мнѣ это говорите. Любовь! Я не понимаю любовь... Я никогда и не знала, что это за любовь. *(Отодвигая стулъ.)*

Хлестаковъ *(придвигая стулъ)*. Отчего жъ вы такъ отодвигаете свой стулъ? Намъ лучше будетъ сидѣть близко другъ къ другу.

Анна Андреевна. Для чего же близко? Все равно и далеко.

Хлестаковъ *(придвигаясь)*. Отчего жъ далеко? Вѣдь все равно и близко. Это вѣдь все только въ воображеніи кажется, что близко: оно все равно, что далеко. Если бъ я былъ такъ счастливъ, сударыня, что могъ бы прижать васъ въ свои объятія.

Анна Андреевна *(смотритъ въ окно)*. Что это, такъ, какъ будто бы полетѣло? Ворона или какая другая птица?

Хлестаковъ *(скоро цѣлуетъ ее въ плечо и смотритъ въ окно)*. Это сорока.

Анна Андреевна *(встаетъ)*. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Вы меня почитаете за какую-нибудь...

Хлестаковъ. Простите, сударыня! Я это сдѣлалъ отъ любви; ей Богу, отъ любви!

Анна Андреевна. Вы это можете дѣлать съ другой, а не со мной.

Хлестаковъ *(удерживая ее)*. Я долженъ признаться вамъ въ самой страстной любви. Люблю васъ такъ, какъ не можете вообразить—осчастливьте меня! *(Падаетъ на колѣни.)*

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой! Я, право... Встаньте, сдѣлайте милость... Какъ же это такъ: вдругъ и на колѣни! Я, ей Богу, никакъ и не думала объ этомъ.

Хлестаковъ *(на колѣняхъ)*. Сдѣлайте меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ! Руки вашей прошу, а не то—умру, сію же минуту умру.

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой! Вѣдь я нѣкоторымъ образомъ замужемъ.

Хлестаковъ. Мнѣ все равно, я ничего не хочу знать. Если вы не согласитесь отдать руки вашей, то застрѣлюсь, какъ ни въ чемъ не бывало: я рѣшительный человѣкъ.

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой! Я право не знаю, что дѣлать. У меня, право, есть мужъ; развѣ въ Синод...

Хлестаковъ *(поднимая одно колѣно)*. А да, точно: у васъ есть мужъ, у меня изъ ума...

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Марья Антоновна.

Марья Антоновна *(увидѣвъ Хлестакова, не успѣвшаго встать на ноги, и всплеснувъ руками)*. Ахъ, какой пассажъ!

Хлестаковъ *(вставая)*. А, чортъ возьми!

Анна Андреевна. Ну, что жъ? Къ чему тутъ? Съ какой стати такъ вбѣжала?

Марья Антоновна *(смутившись)*. Я, маменька, хотѣла увидѣть, гдѣ вы.

Анна Андреевна. Такая вѣтреность во всемъ!.. И не понимаю: девятнадцать лѣтъ, и она все еще совершенно какъ дитя. Вдругъ вбѣжитъ сбухты-барахты, а за чѣмъ, Богъ ее знаетъ! Я не понимаю, что будетъ изъ тебя, какъ доживешь моихъ лѣтъ. Никакой совершенно степенности, чтобы можно было видѣть, что она воспитанная, благородная дѣвица; нѣтъ, у ней, напротивъ, все это такъ, на вѣтеръ только.

Хлестаковъ. Какъ вы давно лишали насъ удовольствія васъ видѣть! Гдѣ вы были?

Марья Антоновна. Право, нигдѣ... Я была въ своей комнатѣ.

Хлестаковъ. Какъ бы я счастливъ былъ, сударыня, если бы я былъ ваша комната! *(Въ сторону.)* А она очень недурна: щечки свѣженькія такія... *(Вслухъ.)* Для меня нѣтъ ничего больше въ мірѣ, какъ видѣть васъ, потому что, признаться, я съ перваго взгляда, какъ только увидалъ васъ, ощутилъ въ сердцѣ любовь. *(Послѣ небольшого молчанія.)* Смѣю ли надѣяться, Марья Антоновна, что вы примите благосклонно мои сердечныя чувства?

Марья Антоновна. Я не знаю, право...

Анна Андреевна. Да... ну, что жъ? Ты и скажи или... *(Въ сторону.)* Я и сама не знаю, что такое.

Хлестаковъ. Рѣшите мою участь, Марья Антоновна. Я прошу васъ на колѣняхъ. Если вы не согласитесь отвѣтствовать, то сдѣлаете меня несчастливѣйшимъ человѣкомъ, и я принужденъ буду сей же часъ застрѣлиться.

Марья Антоновна. Ахъ, Боже мой!.. Маменька!

Хлестаковъ *(обращаясь къ Аннѣ Андреевнѣ)*. Склонитесь, Анна Андреевна, на мою просьбу: не могу жить безъ вашей дочери. Если же не согласитесь, то сей же часъ беру пистолетъ и стрѣляюсь. О, я рѣшительный человѣкъ! Мнѣ жизнь копейка.

Анна Андреевна. Я, право, не могу еще придти въ себя... Мы никакъ и не думаемъ о такой чести. Вамъ нужна графиня или княгиня.

Хлестаковъ. О, мнѣ все равно! Я не слишкомъ гляжу на графинь; мнѣ нужны достоинства. Сударыня, если вы не рѣшитесь исполнить моей просьбы, то вы не можете представить, что со мною случится; какъ честной человѣкъ, увѣряю.

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой, какъ вы меня пугаете! Встаньте... Я согласна, только встаньте.

Хлестаковъ. Вы мнѣ возвратили жизнь; я теперь самый счастливѣйшій изъ смертныхъ. *(Цѣлуетъ руки Марьи Антоновны.)* Теперь, Марья Антоновна, мнѣ за васъ порфиры не нужно; ей Богу, не нужно!

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и городничій *(впопыхахъ)*.

Городничій. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаковъ. Что съ вами?

Городничій. По неопытности... Ей Богу, безъ всякаго умыслу!

Хлестаковъ. Да что?

Городничій. Тамъ купцы жаловались вашему превосходительству — честью увѣряю, и на половину нѣтъ того, что они говорятъ. Они сами обманываютъ и обмѣриваютъ народъ. Унтеръ-офицерская вдова налгала тоже вамъ, что будто я ее высѣкъ... Ей Богу, не сѣкъ! Ей Богу, не сѣкъ! Она сама себя высѣкла. Вотъ какъ Богъ святъ! И перекрещусь.

Хлестаковъ. О! объ этомъ не безпокойтесь: я имъ не вѣрю.

Городничій Не вѣрьте; ей Богу, не вѣрьте! Это такіе лгуны... имъ вотъ этакой ребенокъ не повѣритъ. Они ужъ и по всему городу извѣстны за лгуновъ. А насчетъ мошенничества, то я вамъ скажу: это такіе мошенники, какихъ свѣтъ не производилъ.

Хлестаковъ. О, да, бездѣльники,—я это сейчасъ увидѣлъ.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоиваетъ насъ Александръ Ивановичъ [1])? Онъ проситъ руки нашей дочери.

Городничій. Куда! куда! Богъ съ тобой! *(Креститъ ее.)* Не извольте гнѣваться, ваше превосходительство: она немного съ придурью, таковая же была и мать ея.

Хлестаковъ. Нѣтъ, Анна Андреевна говоритъ правду: я точно прошу васъ осчастливить меня рукою Марьи Антоновны.

Городничій. Не могу вѣрить, ваше превосходительство.

Анна Андреевна. Да когда говорятъ тебѣ?..

Хлестаковъ. Я не шутя вамъ говорю... Если вы не согласитесь, то сдѣлаете меня несчастнѣйшимъ человѣкомъ.

Городничій. Не смѣю вѣрить: недостоинъ такой чести.

Хлестаковъ. Сдѣлайте милость, не приводите меня въ отчаяніе. Если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я, признаюсь, на чортъ знаетъ что готовъ.

Городничій. Не могу вѣрить: изволите шутить, ваше превосходительство.

Анна Андреевна. Ахъ, какой чурбанъ въ самомъ дѣлѣ! Ему толкуютъ... Ну, что ты съ своимъ носомъ стоишь? Только мотаетъ имъ—радъ, что толстый носъ!

Городничій. Не смѣю...

---

[1]) Вмѣсто Иванъ Александровичъ.

Хлестаковъ. Отдайте руку вашей дочери, я говорю въ послѣдній разъ. А не то, ей Богу... я отчаянный человѣкъ, я рѣшусь на все. Когда застрѣлюсь, то васъ подъ судъ отдадутъ.

Городничій. Боже, Боже мой! Я, ей Богу, не виноватъ ни душою, ни тѣломъ. Не извольте гнѣваться! Извольте поступать... такъ, какъ вашей милости угодно: у меня, ей Богу, въ головѣ теперь... я и самъ не знаю, что дѣлается. Такой дуракъ теперь сдѣлался, какимъ еще никогда не бывалъ.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаковъ *(подходитъ съ Марьей Антоновной)*.

Городничій. Да благословитъ Богъ!.. А я не виноватъ, ей Богу!

Хлестаковъ *(цѣлуется съ Марьей Антоновной)*.

Городничій *(смотритъ на нихъ)*. Что за чортъ! Въ самомъ дѣлѣ! Эка, счастье какое привалило!

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Осипъ.

Осипъ. Лошади готовы.

Хлестаковъ. А, хорошо, хорошо... я сейчасъ.

Городничій. Изволите ѣхать?

Хлестаковъ. Да, ѣду.

Городничій. А когда же насчетъ свадьбы?

Хлестаковъ. Да я вѣдь только на одинъ день къ дядѣ моему; тутъ онъ недалеко живетъ, богатый человѣкъ. Завтра я буду назадъ.

Городничій. Не смѣемъ никакъ удерживать; соблаговолите только показать намъ въ скоромъ времени опять ваше свѣтлое лицо.

Хлестаковъ. О, нѣтъ! Я вѣдь человѣкъ очень аккуратный. Прощайте, Марья Антоновна, нѣжнѣйшій предметъ моей страсти! Я съ вами на минуточку только разстаюсь. Прощайте, душенька! *(Цѣлуетъ ея руки.)*

Городничій. Да не нужно ли вамъ въ дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться въ деньгахъ?

Хлестаковъ. О нѣтъ, къ чему это? А, впрочемъ, не худо.

Городничій. Сколько угодно вамъ?

Хлестаковъ. Да вотъ тогда, кажется, дали мнѣ четыреста, такъ, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсотъ.

Городничій. Вотъ я сію минуту. *(Вынимаетъ изъ бумажника.)* Еще, какъ нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаковъ. А, да. Это хорошо: вѣдь это, говорятъ, новое счастіе, когда новенькими бумажками?

Городничій. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Ну, такъ прощайте, любезный будущій тестюшка! Прощайте, маменька! Прощайте, душенька моя! Я не замѣшкаюсь: завтра же, можетъ быть, назадъ буду.

(За сценой.)

Голосъ Хлестакова. Прощайте, ангелъ души моей, Марья Антоновна!

Голосъ городничаго. Какъ же это вы—прямо такъ на перекладной и ѣдете?

Голосъ Хлестакова. Да, я привыкъ ужъ такъ. У меня всегда голова болитъ отъ рессоръ.

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ городничаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь застлать, хотя бы коврикомъ. Не прикажете ли, я велю подать коврикъ?

Голосъ Хлестакова. Нѣтъ, зачѣмъ? Это пустое; а впрочемъ, пожалуй, пусть даютъ коврикъ.

Голосъ городничаго. Эй, Авдотья! Ступай въ кладовую, вынь коверъ самый лучшій, что по голубому полю, персидскій. Скорѣй!

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ городничаго. Такъ когда же прикажете ожидать васъ?

Голосъ Хлестакова. Завтра или послѣ-завтра непремѣнно.

Голосъ Осипа. А, это коверъ? Давай его сюда, клади вотъ такъ! Теперь давай-ка съ этой стороны сѣна.

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ Осипа. Вотъ съ этой стороны еще! Сюда еще! Хорошо! Славно будетъ. *(Бьетъ рукою по ковру.)* Теперь садитесь, ваше благородіе!

Голосъ Хлестакова. Прощайте, будущій тестюшка!

Голосъ городничаго. Прощайте, ваше превосходительство!

Голосъ Хлестакова. Прощайте, маменька!

Женскіе голоса. Прощайте Александръ Ивановичъ!

Голосъ ямщика. Эй вы, залетные! *(Колокольчикъ звенитъ. Занавѣсъ опускается.)*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій. Что, Анна Андреевна, а? Думала ли ты что-нибудь объ этомъ? Экой богатый призъ, канальство! Каково благословеніе Божіе, а? Ну, признайся откровенно, тебѣ и во снѣ не видѣлось это, чтобы какая-нибудь просто изъ городничихи и вдругъ, фу ты канальство, съ какимъ дьяволомъ породнилась!

Анна Андреевна. Совсѣмъ нѣтъ, я давно это знала. Это тебѣ въ диковинку, потому что ты простой человѣкъ, никогда не видѣлъ порядочныхъ людей.

Городничій. Да я самъ, матушка, порядочный человѣкъ; ужъ лучше моего никто не удовлетворитъ тебя. Эко, канальство, какія мы съ тобой теперь птицы сдѣлались! А, Анна Андреевна? Высокаго полета, чортъ побери! Теперь забираетъ меня охота отдѣлать всѣхъ этихъ мерзавцевъ, которые смѣли подавать на меня доносы. Эй, кто тамъ? *(Входитъ квартальный.)* А, это ты, Иванъ Карповичъ! Призови-ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ, каналій! Такъ жаловаться на меня? жаловаться? Ишь ты, проклятый іудейскій народъ! Я имъ теперь дамъ знать, аршинники! И объяви тамъ всѣмъ, чтобы знали, что вотъ, дескать, какую честь Богъ послалъ городничему,—что выдаетъ дочь свою не то, чтобы за какого-нибудь простого человѣка, а за такого чиновника, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, въ тюрьму посадить и все, что хочетъ. Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали. Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужъ когда торжество, такъ торжество! *(Квартальный уходитъ.)* Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить: здѣсь, или въ Петербургѣ?

Анна Андреевна. Натурально, въ Петербургѣ. Какъ можно здѣсь оставаться!

Городничій. Ну, въ Петербургѣ, такъ въ Петербургѣ; а оно хорошо бы и здѣсь. Что, вѣдь, я думаю, уже городничество тогда къ чорту? А, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально; что за городничество!

Городничій. Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чинъ зашибить, потому что онъ за панибрата со всѣми министрами и во дворецъ ѣздитъ: такъ поэтому можетъ такое производство сдѣлать, что со-временемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна: можно влѣзть въ генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! Конечно, можно.

Городничій. А, чортъ возьми, славно быть генераломъ! Кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна: красную или голубую?

Анна Андреевна. Ужъ, конечно, голубую лучше.

Городничій. Э! вишь чего захотѣла! Хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ? Потому, что, случится, поѣдешь куда-нибудь—фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: „лошадей!" И тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, всѣ дожидаются: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь. Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ стой—городничій! Хе, хе, хе! *(Заливается и помираетъ со смѣху.)* Вотъ что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебѣ все такое грубое нравится. Ты долженъ помнить, что жизнь тебѣ нужно совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые будутъ не то, чтобы какой-нибудь судья собачникъ, съ которымъ ты ѣздишь травить зайцевъ, или Ляпкинъ-Тяпкинъ; напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда влѣпишь такое словцо, какое только въ кучерской услышишь.

Городничій. Что жъ, вѣдь слово не повредитъ.

Анна Андреевна. Да, хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ вѣдь жизнь совершенно другая.

Городничій. Да, тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: рябушка и корюшка,—такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

Анна Андреевна. Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтобы нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобы у меня въ комнатѣ такое было анбре, чтобы нельзя было войти въ комнату, и нужно бы только этакъ зажмурить глаза. *(Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ.)* Ахъ, какъ хорошо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и купцы.

Городничій. А! здорово, соколики!

Купцы *(кланяясь)*. Здравія желаемъ, батюшка!

Городничій. Что, голубчики, какъ поживаете? Какъ товаръ идетъ вашъ? Что, самоварники, аршинники проклятые, жаловаться? Жаловаться, протоканальи! Жаловаться, архибестіи! Жаловаться, козлиныя бороды! Что, много взяли? Вотъ, думаютъ, такъ въ тюрьму его и засадятъ!.... Знаете ли вы,—семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы,—что...

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой, какія ты, Антоша, слова отпускаешь!

26

Городничій *(съ неудовольствіемъ)*. А, не до словъ теперь! Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? А? Что теперь скажете? Теперь я васъ всѣхъ скручу такъ, что ни одного волоска не останется въ вашихъ бородахъ. Мошенники! Вы только обманываете народъ, мошенники! Еще медали даютъ имъ! Я бы вамъ канчуковъ [1]) вмѣсто медалей. За что вы получаете медали? Вы сдѣлаете подрядъ съ казною, да на сто тысячъ надуете ее, поставивши гнилого сукна, да потомъ пожертвуешь, каналья, двадцать аршинъ—тебѣ и медаль даютъ! А если бы знали, такъ бы петлю навѣсили вмѣсто медали! Мошенники! А кто вамъ доставилъ медали?—Я! Что, позабыли? Еще и „почтеннымъ“ его называютъ, и брюхо суетъ впередъ: онъ первой гильдіи купецъ—его не тронь! „Мы“, говоритъ: „и дворянамъ не уступимъ“. Да дворянинъ... Ахъ ты рожа! Дворянинъ учится наукамъ, и его хоть и сѣкутъ въ школѣ, да за дѣло: чтобы онъ зналъ полезное. А ты что? Ты начинаешь аршиномъ да плутнями; тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать; ты мальчишка, еще „Отче наша“ не знаешь, а ужъ обмѣриваешь. А тамъ какъ разожметъ тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и „почтенный!“ Почтенный! Оттого, что ты шестнадцать самоваровъ выдуешь въ день, такъ оттого и почтенный? Почтенный! Да я плевать на твою голову и на твое почтеніе!

Купцы *(кланяясь)*. Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. Жаловаться? А кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда, какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также, каналья, спровадить въ Сибирь. Что скажешь, а?

Одинъ изъ купцовъ. Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ: лукавый попуталъ. И закаемся впередъ жаловаться. Вотъ те Христосъ! Всякое удовлетвореніе, какое хошь, готовы сдѣлать, не гнѣвись только.

Городничій. Не гнѣвись! Вотъ ты теперь валяешься у ногъ моихъ. Отчего? Оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ.

Купцы *(кланяясь въ ноги)*. Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. „Не погуби!“ Теперь: „не погуби!“ А прежде что? Я бы васъ въ тюрьму!.. Ну, да Богъ проститъ! Вставайте, полно! Я не памятозлобенъ. Только теперь, смотрите, ухо востро! Я выдаю теперь дочку свою не за какого-нибудь простого дворянина,—смотрите же, чтобъ поздравленіе было приличное: не то, чтобы отбояриться какимъ-нибудь балычкомъ или головою сахару; понимаешь? Ну, ступайте съ Богомъ! *(Купцы уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, потомъ **Растаковскій.**

Аммосъ Ѳедоровичъ (*еще въ дверяхъ*). Вѣрить ли слухамъ, Антонъ Антоновичъ? Къ вамъ привалило необыкновенное счастіе.

Артемій Филипповичъ. Имѣю честь поздравить съ необыкновеннымъ счастіемъ. Я душевно обрадовался, когда услышалъ... (*Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны*).

[1]) Плетей.

Растаковскій (*входя*). Антона Антоновича поздравляю съ новымъ счастіемъ: да продлитъ Богъ жизнь вашу и новой четы, и дастъ вамъ потомство многочисленное, внучатъ и правнучатъ! Анна Андреевна! (*Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны.*) Марья Антоновна! (*Подходитъ къ ручкѣ Марьи Антоновны.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Коробкинъ съ женою и Люлюковъ.

Коробкинъ. Имѣю честь поздравить Антона Антоновича и Анну Андреевну! (*Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны.*) Марья Антоновна! (*Подходитъ къ ея ручкѣ*).

Жена Коробкина. Душевно васъ поздравляю, Анна Андреевна, съ новымъ счастіемъ.

Люлюковъ. Имѣю честь поздравить васъ, Анна Андреевна! *(Подходитъ къ ручкѣ и потомъ, обратившись къ зрителямъ, щелкаетъ языкомъ съ видомъ удальства.)* Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! *(Подходитъ къ ручкѣ и обращается къ зрителямъ съ тѣмъ же удальствомъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Лука Лукичъ съ женою.

Лука Лукичъ. Имѣю честь...

Жена Луки Лукича *(бѣжитъ впередъ)*. Поздравляю васъ, Анна Андреевна! *(Цѣлуются.)* А я такъ, право, обрадовалась! Говорятъ мнѣ: „Анна Андреевна выдаетъ дочку".—„Ахъ, Боже мой!" думаю я себѣ и такъ обрадовалась, что говорю мужу: „Послушай, Луканчикъ: вотъ какое счастіе Аннѣ Андреевнѣ!"—„Ну", думаю себѣ: „Слава Богу!" И говорю ему: „Послушай, я такъ восхищена, что сгораю нетерпѣніемъ изъявить лично Аннѣ Андреевнѣ"... „Ахъ, Боже мой!" думаю себѣ: „Анна Андреевна именно ожидала хорошей партіи для своей дочери, а вотъ теперь такая судьба: именно такъ сдѣлалось, какъ она хотѣла". И такъ, право, обрадовалась, что не могла говорить: плачу, плачу, вотъ просто рыдаю. Уже Лука Лукичъ говоритъ: „Отчего ты, Настенька, рыдаешь?"—„Луканчикъ", говорю: „я и сама не знаю, такъ слезы вотъ рѣкой и льются".

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Погоняевъ съ женой *и множество гостей въ сюртукахъ и фракахъ и Богъ знаетъ въ чемъ, нѣсколько офицеровъ, потомъ* **Бобчинскій** *и* **Добчинскій.**

Погоняевъ. Слухъ дошелъ къ намъ, что вы вступаете въ родство съ знаменитою фамиліею. Сожалѣю, что не имѣлъ чести представиться будущему зятю вашему.

Жена Погоняева. Поздравляю, Анна Андреевна! Мнѣ сказывала Капитолина Ивановна. Говорятъ, что за именитымъ гостемъ шесть каретъ пріѣхало, и всѣ съ какими-то необыкновенными форейторами, по восьми лошадей въ рядъ.

(Множество гостей подходятъ попеременно сначала къ Аннѣ Андреевнѣ, потомъ къ Марьѣ Антоновнѣ, произнося попеременно: „Анна Андреевна! Марья Антоновна!" Бобчинскій и Добчинскій продираются сквозь толпу.)

Бобчинскій. Имѣю честь поздравить!

Добчинскій. Антонъ Антоновичъ, имѣю честь поздравить!

Бобчинскій. Съ благополучнымъ происшествіемъ!

Добчинскій. Анна Андреевна!

Бобчинскій. Анна Андреевна! *(Оба подходятъ въ одно время къ рукѣ и сталкиваются лбами.)*

Добчинскій. Марья Антоновна! *(Подходитъ къ ея ручкѣ.)* Честь имѣю поздравить. Теперь вы будете въ большомъ, въ большомъ счастіи, въ золотомъ платьѣ ходить и деликатные разные супы кушать,—очень забавно будете проводить время...

Бобчинскій *(перебивая).* Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! Дай Богъ вамъ всякаго богатства, червонцевъ и сынка такого маленькаго, вотъ этакого *(Показываетъ рукою.)*, чтобы можно было на ладоньку посадить, и такъ только все будетъ кричать: уа, уа!

Городничій. Прошу покорнѣйше садиться, господа! Эй, Мишка! принеси сюда побольше стульевъ. *(Гости садятся.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и купцы.

Одинъ изъ купцовъ. Поздравляемъ батюшку Антона Антоновича и матушку Анну Андреевну, и дщерицу ихъ Марью Антоновну: тебя, батюшка Антонъ Антоновичъ, поздравляемъ штукой тонкаго сукна, пятнадцатью аршинами бархата на халатъ, а ея милость — кисейкой на пару платья, парчою золотою.

Городничій. Хорошо, хорошо! Тамъ скажите Авдотьѣ: пусть приметъ. *(Купцы уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, частный приставъ и квартальные.

Частный приставъ. Имѣю честь поздравить ваше высокоблагородіе и пожелать благоденствія на многія лѣта.

Городничій. Спасибо, спасибо!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Но скажите, пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, какимъ образомъ все это началось: постепенный ходъ всего, то есть, дѣла.

Городничій. Ходъ дѣла чрезвычайный: изволилъ собственнолично сдѣлать предложеніе.

Анна Андреевна. Очень почтительнымъ и самымъ тонкимъ образомъ. Все чрезвычайно хорошо говорилъ. Говоритъ: „Я, Анна Андреевна, не посмотрю на то, что она не графиня и не княгиня,—я именно изъ одного уваженія къ вашимъ достоинствамъ и вашей дочери"... И такой прекрасный и воспитанный человѣкъ, самыхъ благороднѣйшихъ правилъ! „Мнѣ, вѣрите ли, Анна Андреевна, мнѣ жизнь копейка; но именно за то только, что уважаю ваши рѣдкія качества, я прошу, я умоляю руки вашей; если вы будете такъ жестоки...

Марья Антоновна. Ахъ, маменька! Вѣдь это онъ мнѣ говорилъ.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь и не въ свое дѣло не мѣшайся! „Я, Анна Андреевна,—вы повѣрите ли это, — я потому

только ищу руки вашей или вашей дочери, что чувствую сердечную любовь и изумляюсь вашимъ достоинствамъ". Въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ!.. И когда я хотѣла сказать: „Мы никогда не смѣемъ надѣяться на такую честь", тогда онъ, не говоря ни слова, вдругъ упалъ на колѣни и такимъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ: „Анна Андреевна, не сдѣлайте меня несчастнѣйшимъ! И если вы не согласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, тогда я смертію окончу жизнь свою".

Марья Антоновна. Ахъ, Ей-Богу, маменька, онъ обо мнѣ это говорилъ!

Анна Андреевна. Да, конечно... и объ тебѣ было... я ничего этого не отвергаю.

Городничій. И такъ даже напугалъ: говоритъ, что онъ застрѣлится.

Многіе изъ гостей. Скажите, пожалуйста!

Аммосъ Өедоровичъ. Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайное происшествіе!

Лука Лукичъ. Вотъ подлинно, судьба ужъ такъ вела!

Артемій Филипповичъ. По заслугамъ и благословеніе Божіе. „Возвеличу мужа праведна и вознесу его", сказалъ Богъ... *(Въ сторону.)* Вотъ, этакой свиньѣ такъ и лѣзетъ въ самый ротъ счастье!

Аммосъ Өедоровичъ. Я, пожалуй, Антонъ Антоновичъ, продамъ вамъ того кобелька, котораго торговали.

Городничій. Нѣтъ, мнѣ теперь не до кобельковъ.

Аммосъ Өедоровичъ. Ну, не хотите—на другой собакѣ сойдемся.

Жена Коробкина. Ахъ какъ, Анна Андреевна, я рада вашему счастію! Вы не можете себѣ представить.

Жена Погоняева. Я, Анна Андреевна, узнала теперь секретъ, какъ на нѣмецкій манеръ квасить капусту: нужно прежде всего обложить бочку дубовыми листьями, потомъ взять...

Анна Андреевна *(съ видомъ пренебреженія)*. Фи! капуста! Я не знаю, какъ вы можете говорить объ этомъ!.. Я, признаюсь... такой предметъ... капуста! Фи! Я никогда и не знала, что это за капуста. Ѣла, правда, въ кушаньѣ что-то такое, но никогда и не любопытствовала узнать, что это за капуста.

Жена Погоняева *(одной гостьѣ)*. Вы слышали, какъ она отзывается о насъ?

Гостья. Да она такова, я ужъ ее знаю: посади ее за столъ, она и ноги...

Коробкинъ. Гдѣ жъ теперь, позвольте узнать: находится именитый гость? Я слышалъ, что онъ уѣхалъ зачѣмъ-то.

Городничій. Да онъ отправился на одинъ день по весьма важному дѣлу.

Анна Андреевна. Къ своему дядѣ, чтобы испросить благословеніе.

Городничій. Испросить благословеніе, но завтра же... *(Чихаетъ.)*

(Поздравленія сливаются въ одинъ гулъ. Слышнѣе другихъ слѣдующіе голоса:

Артемія Филипповича. Желаю здраствовать!

Коробкина. Многія лѣта!

Частнаго пристава. Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

Аммоса Өедоровича. Здравствуйте, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. Много благодаренъ... Но завтра же и назадъ... *(Чихаетъ.)*

Поздравительный гулъ; слышнѣе другихъ голоса:

Частнаго пристава. Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

Бобчинскаго. Сто лѣтъ и куль червонцевъ!

Добчинскаго. Продли, Боже, на сорокъ сороковъ!

Артемія Филипповича. Чтобъ ты пропалъ!

Жены Коробкина. Чортъ тебя побери!

Анна Андреевна. Мы теперь въ Петербургѣ намѣрены жить. А здѣсь, признаюсь, такой воздухъ... очень спертый... Вотъ, и мужъ мой: онъ тамъ получитъ генеральскій чинъ.

Городничій. Да, я признаюсь, господа, я, чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ.

Лука Лукичъ. И дай Богъ получить.

Растаковскій. Отъ человѣка невозможно, а отъ Бога все возможно.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Большому кораблю большое плаванье.

Артемій Филипповичъ. По заслугамъ и честь.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ сторону)*. Вотъ выкинетъ штуку, когда, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлается генераломъ! Вотъ ужъ кому пристало генеральство, какъ къ коровѣ сѣдло! Нѣтъ, до этого еще далека пѣсня: тутъ и почище тебя есть, да до сихъ поръ еще не генералы.

Артемій Филипповичъ *(въ сторону)*. Эка, чортъ возьми, ужъ и въ генералы лѣзетъ! Чего добраго, можетъ, и будетъ, свинья, генераломъ! Вѣдь у него и солидности, голосу и важности, лукавый не взялъ бы его, довольно. *(Обращаясь къ нему.)* Тогда, Антонъ Антоновичъ, и насъ не позабудьте.

Аммосъ Ѳедоровичъ. И если что случится, напримѣръ, какая-нибудь надобность по дѣламъ, не оставьте покровительствомъ.

Коробкинъ Въ слѣдующемъ году повезу сынка въ столицу на пользу государства, такъ сдѣлайте милость ему—вашею протекціею мѣсто отца заступить сироткѣ.

Городничій. Я готовъ, съ своей стороны, готовъ стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готовъ обѣщать. Во-первыхъ, тебѣ не будетъ времени и думать объ этомъ. И какъ можно, и съ какой стати себя обременять этакими хлопотами?

Городничій. Почему жъ, душа моя? Иногда можно.

Анна Андреевна. Можно! Ты это себѣ воображаешь. Пожалуй, весь уѣздъ нагрянетъ обо всѣхъ вздорахъ и пустякахъ просить и затруднять насъ,—нѣтъ, на это я не согласна: я это напередъ говорю всѣмъ. Право, эти господа воображаютъ, что люди важные должны непремѣнно...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Почтмейстеръ. Я, господа, пришелъ объявить вамъ удивительное дѣло.

Городничій. А, напримѣръ, что такое? Послушаемъ.

Почтмейстеръ. Я и самъ не знаю, что сказать вамъ: такое странное обстоятельство, что я...

Нѣкоторые. Какое? что?

Почтмейстеръ. Просто удивительное. Я долженъ васъ предувѣдомить, господа, что по любопытству люблю иногда почитать иное письмо изъ приходящихъ ко мнѣ на почту, при томъ же самъ Антонъ Антоновичъ просилъ меня не оставлять, не распечатавши, писемъ, чтобы имѣть свѣдѣнія о ревизорѣ. Какъ вдругъ сегодня приносятъ ко мнѣ на почту письмо отъ

этого самаго чиновника, которому мы показывали въ городѣ всѣ заведенія! Я, признаюсь, не утерпѣлъ: со страхомъ, съ большимъ страхомъ, а распечаталъ...

Городничій. Какъ же вы смѣли распечатать?

Почтмейстеръ. Что же дѣлать? Рѣшился, такъ ужъ на пропало рѣшился. Меня, признаюсь, подзадорило больше то, что на пакетѣ было написано: „Его Благородію, какому-то Тряпичкину“. Если бы къ какому-нибудь превосходительству, то я бы никакъ не осмѣлился; но какъ увидѣлъ, что къ благородію, то такое почувствовалъ любопытство, какого еще никогда не помню. Я даже приказалъ затворить ставни, чтобы никто не могъ подсмотрѣть, и самъ зажегъ свѣчу...

Городничій. Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстеръ. Въ томъ-то и штука, что онъ не уполномоченный и не особа!

Городничій. Что жъ онъ по вашему такое?

Почтмейстеръ. Ни се, ни то; чортъ знаетъ, что такое?

Городничій *(запальчиво)*. Какъ вы смѣете это сказать? Знаете ли, что я велю васъ подъ арестъ взять?

Почтмейстеръ. Кто? вы?

Городничій. Да, я.

Почтмейстеръ. Фи!..

Городничій. Знаете ли, что этотъ самый чиновникъ женится теперь на моей дочери. Я самъ скоро буду вельможа и если захочу, то васъ въ Сибирь законопачу.

Почтмейстеръ. А вотъ этого не хотите? *(Показываетъ ему палецъ.)*

Городничій. Господа, протестую; будьте свидѣтелями; почтмейстеръ показалъ мнѣ при всѣхъ шишъ.

Почтмейстеръ. Господа, позвольте же и мнѣ прочитать вамъ письмо, а потомъ можете сказать свое мнѣніе. *(Читаетъ.)* „Маія такого-то числа и проч... и проч... и проч... Я уже писалъ къ тебѣ, душа Тряпичкинъ, въ прежнемъ письмѣ, какъ я былъ обыгранъ въ Пензѣ пѣхотнымъ капитаномъ. Если бы Осипъ не догадался припрятать новой пары платья, то и платья бы не было. Добравшись кое-какъ до этого городка, я, къ изумленію, не могъ даже заплатить и задолжался въ трактирѣ по волѣ Зевеса до такой степени, что трактирщикъ,—ты только, пожалуйста, не разсказывай никому,—хотѣлъ меня потащить даже въ тюрьму. Къ батюшкѣ я не смѣлъ писать: у него, знаешь, такія неблагородныя средства... Помнишь, какъ онъ обѣщалъ въ письмѣ своемъ даже розгами... словомъ, человѣкъ, не имѣющій благородныхъ чувствъ. Такими мѣрами ничего нельзя теперь, а особенно при теперешнемъ просвѣщеніи; онъ можетъ это дѣлать съ своими мужиками. Но, вообрази, вдругъ сцена перемѣнилась. Я живу теперь у городничаго въ домѣ и наслаждаюсь всѣми пріятностями жизни, жуирую, отпускаю бонъ-мо... Вообрази, братецъ! Жена и дочка у него—прелесть. Я строю курбеты имъ обѣимъ, но еще не рѣшился, съ которой начать прежде. Думаю, лучше съ матушки: къ дочкѣ еще, неизвѣстно, можетъ быть, труденъ доступъ, а матушка такая, что сію минуту готова облагодѣтельствовать, и сегодня или завтра намѣренъ поставить городничему препорядочные рога. Самъ городничій преблагороднѣйшій человѣкъ, съ гостепріимствомъ патріархальнымъ, но глупъ, какъ сивый меринъ“...

Городничій. Не можетъ быть: тамъ этого не писано.

Почтмейстеръ *(показывая письмо)*. Читайте сами.

Городничій *(читая)*. „Какъ сивый меринъ“. Не можетъ быть; это вы сами написали.

Почтмейстеръ. Какъ же бы я сталъ писать?

Артемій Филипповичъ. Читайте!

Лука Лукичъ. Читайте!

Почтмейстеръ *(продолжая читать)*. „Городничій преблагороднѣйшій человѣкъ и съ гостепріимствомъ патріархальнымъ, но глупъ, какъ сивый меринъ"...

Городничій, О, чортъ возьми, нужно еще повторять! Какъ будто бы тамъ и безъ того нѣтъ...

Почтмейстеръ *(продолжая читать)*. „Но"... хм, хм, хм, хм... „сивый меринъ..." „Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ"... *(Оставляя читать.)* Ну, тутъ и обо мнѣ неприлично выразился.

Городничій. Нѣтъ, читайте!

Почтмейстеръ. Да къ чему жъ?

Городничій. Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать! Читайте все!

Артемій Филипповичъ *(читаетъ)*. „Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ и чрезвычайно похожъ на нашего пьяницу департаментскаго сторожа: должно быть, тоже, подлецъ, пьетъ горькую"...

Почтмейстеръ *(къ зрителямъ)*. Ну, скверный мальчишка, котораго нужно посѣчь—больше ничего!

Артемій Филипповичъ *(продолжая читать)*. „Кромѣ того, надзиратель надъ богоугоднымъ заведеніемъ, какой-то Ляпкинъ-Тяп"... *(Заикается.)*

Коробкинъ. А что жъ вы остановились?

Артемій Филипповичъ. Да нечеткое перо... Впрочемъ, видно, что негодяй.

Коробкинъ. Дайте мнѣ! Вотъ у меня, я думаю, получше глаза. *(Беретъ письмо.)*

Артемій Филипповичъ. Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Коробкинъ. Да позвольте! Э, скажите, господа, чтобы Артемій Филипповичъ отдалъ.

Городничій. Отдайте!

Всѣ *(приступаютъ къ нему)*. Отдайте, отдайте! Читайте!

Коробкинъ *(читая)*. „Кромѣ того, надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ, какой-то Ляпкинъ-Тяпкинъ: вообрази себѣ чухонскую свинью въ картузѣ, съ пребольшими ушами".

Артемій Филипповичъ *(къ зрителямъ)*. И нимало не остроумно! Богъ знаетъ что: свинья въ картузѣ! Совсѣмъ неправдоподобно: гдѣ жъ свинья въ картузѣ бываетъ?

Коробкинъ *(продолжая читать)*. „А отъ смотрителя училищъ страшно воняетъ лукомъ".

Лука Лукичъ *(къ зрителямъ)*. Ей Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку!

Коробкинъ *(продолжая читать)*. „Словомъ, братъ, все ужасный моветонъ. Но при всемъ томъ мнѣ чрезвычайно нравится здѣшнее добродушие: такъ знаешь, просто, безъ всякихъ претензій, такъ что я истинно тронутъ. Денегъ здѣсь занять можно, сколько хочешь. Помнишь, какъ мы хотѣли пообѣдать у Палкина на счетъ англинскаго короля, да мерзавецъ мальчишка придержалъ за шинель? – Вотъ сюда, братецъ, пріѣзжай; вообрази: даютъ взаймы, сколько хочешь, бумажками и серебромъ! На этотъ счетъ у нихъ чрезвычайно благородно. Меня возили по всѣмъ заведеніямъ и являлись ко мнѣ въ мундирахъ, даже просили о многомъ замолвить о нихъ въ

Петербургѣ. По моей физіогноміи они, вѣрно, почли меня за военнаго генералъ-губернатора. Я таки съ своей стороны подпустилъ имъ пыли порядочной. Вѣришь ли, душа Тряпичкинъ, я съ грустью помышляю объ отъѣздѣ. Пріятность времени, проведеннаго съ здѣшними жителями, у меня долго останется въ сердцѣ. Впрочемъ, это однако жъ нимало не помѣшаетъ тебѣ воспользоваться такими предметами для твоего остроумнаго пера. Ты пишешь тамъ разныя статейки для „Библіотеки для чтенія“: пожалуйста, ихъ помѣсти туда и обкритикуй. Не чинись таки нимало, и хорошенько ихъ отбрей; обо мнѣ только упоминай полегче и съ хорошей стороны, а то вѣдь я тебя знаю, ты родного отца не пожалѣешь. Прощай, душа Тряпичкинъ! Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братецъ, такъ жить: ищешь пищи для души, а свѣтская чернь тебя не понимаетъ— хочешь, наконецъ, чѣмъ-нибудь этакимъ высокимъ заняться. Прощай! Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкатиловку“. *(Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ.)* „Его Благородію, Милостивому Государю Ивану Васильевичу Тряпичкину“.

Одна изъ дамъ. Ахъ, какой странный пассажъ!

Жена Луки Лукича. Какой репримандъ неожиданный!

Городничій. Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! Убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Ничего не вижу; вижу какія-то свиныя рыла вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить его, воротить! *(Машетъ рукою.)*

Жена Погоняева. Вотъ въ самомъ дѣлѣ безпримѣрная конфузія!

Анна Андреевна. Не вѣрю, ничему не вѣрю...

Коробкинъ. Экъ, какой казусъ!

Аммосъ Өедоровичъ. Однако жъ, чортъ возьми, господа, вѣдь онъ у меня взялъ деньги взаймы.

Артемій Филипповичъ. У меня тоже занялъ двѣсти рублей,— сказалъ „только до завтра“.

Почтмейстеръ. У меня у самого сто рублей выпросилъ.

Лука Лукичъ. У меня полтораста, всѣ—ассигнаціями.

Бобчинскій. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ семьдесятъ пять ассигнаціями и три двугривенныхъ.

Растаковскій. У меня триста. Впрочемъ, Богъ съ нимъ, лишь бы только не обманулъ да постарался о дѣлѣ; только, правда, вѣтреный человѣкъ, то, можетъ быть, и обманетъ.

Аммосъ Өедоровичъ. Экое въ самомъ дѣлѣ!.. *(Въ недоумѣніи разставляетъ руки.)* Какъ же это мы такъ?..

Городничій *(бьетъ себя по лбу)*. Какъ я?.. Нѣтъ, какъ я, старый дуракъ?.. Выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!.. Тридцать лѣтъ живу на службѣ: ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести меня; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ; пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!.. А теперь... вертопрахъ какой-нибудь, мальчишка, на губахъ молоко еще не обсохло... Ступай, ищи его, чортъ побери! Я думаю, такъ удираетъ по столбовой дорогѣ, что колокольчикъ заливается.

Анна Андреевна *(мужу)*. Какъ же?.. Вѣдь это не можетъ быть... Онъ совсѣмъ вѣдь обручился уже съ нашей Машенькой.

Городничій *(съ досадою)*. А развѣ ты не видишь, что у него все это: тра ла ла. Пустѣйшій человѣкъ! Вотъ подлинно, если Богъ захочетъ наказать, такъ отниметъ разумъ. Ну, что въ немъ было такого, чтобы можно было принять за важнаго человѣка или вельможу? Былъ бы онъ хотя, по крайней мѣрѣ, толстъ въ тѣлѣ, какъ прилично знатному человѣку, или говорилъ бы громкимъ голосомъ, внушающимъ уваженіе; а то, чортъ знаетъ

что: дрянь, сосулька, тоньше сѣрной спички! И какимъ это образомъ случилось? Съ чего, откуда взялось это? Кто первый вынесъ, что онъ чиновникъ, присланный для того, чтобы ревизовать?..

Артемій Филипповичъ. А кто вынесъ! Вотъ кто вынесъ! Эти молодцы! *(Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго.)*

Бобчинскій. Ей Богу, ей Богу, нѣтъ! и не думалъ.

Добчинскій. Я ничего, совсѣмъ ничего...

Артемій Филипповичъ. Конечно, вы.

Лука Лукичъ. Разумѣется. Вы первые прибѣжали, какъ сумасшедшіе, изъ трактира: „пріѣхалъ, пріѣхалъ ревизоръ, и денегъ не плотитъ"... Нашли, чортъ бы васъ побралъ, важную птицу!

Городничій. Натурально вы! Сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Чтобы васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и росказнями!

Городничій. Только рыскаете по городу да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя! Сплетни сѣете, сороки короткохвостыя!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Пачкуны проклятые!

Лука. Лукичъ. Колпаки!

Артемій Филипповичъ. Сморчки короткобрюхіе! *(Всѣ обступаютъ ихъ.)*

Бобчинскій *(закрываясь рукою)*. Ей Богу, это не я! Это Петръ Ивановичъ.

Добчинскій. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ! Это вы говорили.

Бобчинскій. Э, нѣтъ; ей Богу, вы прежде...

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и жандармъ.

Жандармъ. Пріѣхавшій чиновникъ требуетъ всѣхъ васъ сей же часъ къ себѣ: онъ остановился въ гостиницѣ. *(Всѣ открываютъ въ изумленіи рты и въ разныхъ положеніяхъ минуту остаются неподвижны. Въ такомъ состояніи закрываетъ ихъ опускающаяся занавѣсъ.)*

III.

Женихи.

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

(Первоначальный набросокъ „Женитьбы“.)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Авдотья Гавриловна ***(одна).***

Авдотья Гавриловна. Что это, Господи Боже мой, долго ли я буду въ дѣвкахъ оставаться? Нѣтъ да и нѣтъ жениховъ! Вымерли, какъ будто отъ чумы. Бывало прежде благовоспитанные люди сами отправляются искать невѣстъ, а теперь ищи ихъ! Ей Богу, никакого уваженія къ женскому полу! Я послала Марѳу Ѳоминишну, не сыщетъ ли хоть на ярманкѣ: былъ бы только дворянинъ да порядочной фамиліи. Да вотъ и ея что-то нѣтъ до сихъ поръ. Ухъ! и страшно, какъ подумаешь: „ну, вотъ пріѣдетъ женихъ“. У меня такъ сердце и бьется! Да ничего, пусть пріѣзжаетъ: не будетъ страшно.

ЯВЛЕНІЕ II.

Авдотья Гавриловна и **Марѳа Ѳоминишна.**

Марѳа. Здравствуй, свѣтъ мой, Авдотья Гавриловна!

Авдотья Гавриловна. Ахъ! что ты это, мать, куда такъ долго запропастилась?

Марѳа. Охъ, позволь, матушка, съ духомъ собраться! За твоими порученьями такъ изъѣздилась, такъ изъѣздилась, что и поясница, и бокъ, и все болитъ. Два раза кони били: такіе звѣри! Засѣдатель—обывательскихъ: таратайка моя вся такъ и разсыпалась. Ну, да зато ужъ могу похвастаться: какихъ я тебѣ жениховъ припасла! Вотъ, какъ орѣхи каленые, всѣ на подборъ: одинъ другого лучше. Сегодня, можетъ быть, они и будутъ къ тебѣ. Я нарочно спѣшила тебя предувѣдомить.

Авдотья Гавриловна. Сегодня! Ухъ!

Марѳа. И, не пугайся, мать моя. Дѣло житейское: посмотрютъ,— больше ничего; и ты посмотришь ихъ: не пондравятся—ну, и уѣдутъ.

Авдотья Гавриловна. А сколько ихъ, душенька ты моя?

Марѳа. Да штукъ шесть, кажется, будетъ.

Авдотья Гавриловна. Ухъ, какъ много!

Мароа. Ну, что жъ? Лучше выбрать можно: одинъ не придется, другой придется.

Авдотья Гавриловна. Разскажи же, моя голубушка, какіе они?

Мароа. А славные, хорошіе такіе всѣ, акуратные. Напримѣръ, первый—Дорофей Балтазаровичъ Жевакинъ. Такой славный! На флотѣ служилъ, и такой учтивый! Какъ разъ по тебѣ придется. „Мнѣ“, говоритъ, „нужно, чтобы невѣста была въ тѣлѣ, а поджаристыхъ я не люблю“. А Иванъ-то Петровичъ? То такой помѣщикъ, что и приступу нѣтъ. Такой видный изъ себя, толстый! Какъ закричитъ на меня: „Ты мнѣ не толкуй пустяковъ, что невѣста такая и такая; ты скажи мнѣ напрямикъ: сколько за ней крѣпостного, движимаго, рухляди?“ — „Столько-то и столько-то, отецъ“.—„Ты врешь, собачья дочь!“ Да еще, мать моя, влѣпилъ такое словцо, что непристойно тебѣ и сказать. Я такъ вмигъ и спознала: У! да это долженъ быть важный господинъ!

Авдотья Гавриловна. Ну, а еще кто?

Мароа. Никаноръ Ивановичъ Онучкинъ. Это ужъ деликатесъ! Губы, мать моя, малина, совершенная малина. А самъ такой славный! „Мнѣ“, говоритъ, „нужно не то, чтобы невѣста была такая-то и растакая, а чтобы хороша собой, воспитанная и чтобы по-французски умѣла говорить“, Да, онъ такой! А самъ такой субтильный, ножки узенькія, тоненькія!

Авдотья Гавриловна. О, нѣтъ, Мароа Өоминишна! Знаю я этихъ субтильныхъ. Нѣтъ, ты подавай мнѣ того, который поплотнѣе.

Мароа. А если поплотнѣе, такъ Ивана Петровича—ужъ лучше нельзя выбрать никого. Ужъ тотъ, нечего сказать, баринъ такъ баринъ: мало въ эти двери не войдетъ. Такой славный!

Авдотья Гавриловна. А сколько лѣтъ ему?

Мароа. А человѣкъ-то еще молодой: лѣтъ 50, да и 50 еще нѣтъ.

Авдотья Гавриловна. Еще кто?

Мароа. Акинфъ Степановичъ Пантелѣевъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ: такой скромный и тихій!

Авдотья Гавриловна. Да онъ выпить, я думаю, гораздъ?

Мароа. А пьетъ, не прекословлю: пьетъ. Что жъ дѣлать? пьетъ—на то титулярный совѣтникъ. Зато... такой тихій, какъ шелкъ!

Авдотья Гавриловна. Нѣтъ, Мароа Өоминишна, я не хочу, чтобъ мой мужъ пилъ.

Мароа. Твоя воля, мать моя. Не хочешь этого, возьми другихъ. Впрочемъ, что жъ, что онъ выпьетъ лишнее? Вѣдь онъ не всю-таки недѣлю бываетъ пьянъ: попадается такой день, что совсѣмъ трезвый.

Авдотья Гавриловна. Өекла [1]) Өоминишна, посмотри-ка въ окно: что собаки лай-то подняли?

Мароа. Ахъ, сударыня, да это онъ!

Авдотья Гавриловна. Кто онъ?

Мароа. Женихъ—Иванъ Петровичъ Яичница.

Авдотья Гавриловна. Ахъ, Боже! Вотъ тебѣ на! Я чуть не въ одной рубашкѣ! Слушай, голубушка Өекла Савишна, посиди тутъ да не пускай, если станетъ пробираться въ мою комнату. А я наскоро одѣнусь. Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! (*Уходитъ.*)

---

[1]) Өекла вмѣсто прежняго: Мароа. Въ первоначальныхъ набросках Гоголя имена дѣйствующихъ лицъ почти всегда не установлены твердо.

ЯВЛЕНІЕ III.

Мареа и Яичница.

Яичница (*входитъ и останавливается у дверей*). А! а! Ты уже здѣсь. Экъ легка какъ! Стой, стой, не уходи! А что жъ барышня?

Мареа. Ушла принарядиться, лучше жениху показаться:

Яичница. Ну, (*садится въ кресла*) разскажи, старуха, что и какъ?

Мареа. Что жъ тебѣ, отецъ мой, разсказывать?

Яичница. Ну, разскажи про приданое: что именно?—Ты мнѣ сказала, что двадцать душъ рабочихъ. А что же бабъ? Сколько всѣхъ бабъ?

Мареа. А много, отецъ: штукъ до двадцати пяти.

Яичница. И все уже взрослыя или малолѣтнія?

Мареа. Да всякихъ есть: и великорослыя, и малорослыя.

Яичница. А рухляди-то?

Мареа. Рухляди-то, я изволила вамъ докладывать: двѣ лисьихъ шубы да заячьихъ, кацавейка горностаевая...

Яичница. Ну, далѣе!

Мареа. Перинъ пуховыхъ большихъ четыре да малыхъ двѣ.

Яичница. Да, можетъ быть, перьемъ набиты, а не пухомъ?

Мареа. Нѣтъ, пухомъ, ей Богу! Съ тѣмъ возьмите, что пухомъ — самый первый сортъ!

Яичница. Ну, а скотъ и тамъ прочее?

Мареа. Рогатой скотины штукъ 15, четыре коровы дойныхъ.

Яичница. Ну, и свиньи есть?

Мареа. Есть, батюшка, и свиньи: четыре чухонскихъ съ поросятами— такія славныя!

Яичница. А другія-то хозяйственныя заведенія, какъ, напримѣръ, рыбы въ прудахъ... пчелы?

Мареа. Все есть, батюшка, у насъ. Я вамъ говорю, что останетесь довольны.

Яичница. Слушай, старуха: Боже тебя сохрани, если ты чего прибавила! Больно поколочу тебя.

Мареа. Ничего, отецъ, не прибавила,—все правда.

Яичница. Птицы же домашней: куръ, гусей и прочаго?

Мареа. Сотня, отецъ мой; всего по сотнѣ. Ахти! опять чей-то возокъ дребезжитъ! (*Глядитъ въ окно.*) А, Никаноръ Ивановичъ, здравствуйте! Пожалуйте скорѣе сюда!

Яичница. Какой тамъ Никаноръ? Постой, я посмотрю. (*Подбѣгаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Никаноръ Ивановичъ.

Никаноръ Ивановичъ (*входитъ, раскланивается*). Здравствуйте, Ѳекла Ѳоминишна! Какъ поживаете?

Ѳекла Ѳоминишна (*кланяясь*). Слава Богу! Слава Богу! Живемъ, живемъ. А невѣста пошла принаряжаться, чтобы получше принять васъ.

Яичница. Позвольте узнать вашъ чинъ и отчество, государь!

Никаноръ Ивановичъ. Никаноръ Ивановъ сынъ Онучкинъ, отставной поручикъ 42-го егерскаго полку.

Яичница. Ну, иной и мушкетерскій не уступитъ егерскому. А пріѣхали по своей охотѣ или по надобности?

Никаноръ Ивановичъ. Нѣтъ, такъ, прогуляться.

Яичница. Гм!.. вретъ!

Никаноръ Ивановичъ. А вы, позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Яичница. Я дворянинъ, помѣщикъ—Иванъ Петровъ Яичница, портупей-юнкеръ въ отставкѣ мушкетерскаго полка.

Никаноръ Ивановичъ. Имѣете ли надобность, или собственно по пріятности провожденія времени?

Яичница. Да, такъ пріѣхалъ прогуляться. (*Въ сторону.*) Что, отвѣдалъ? Нѣтъ, голубчикъ, васъ сейчасъ можно узнать: этакъ не наряжаются, какъ ты, для прогулки. Жениться, подлецъ, хочетъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Авдотья Гавриловна.

Авдотья Гавриловна. Извините меня, дорогіе гости, что немного позамѣшкалась.

Яичница. Ничего, сударыня. (*Подходя къ ручкѣ.*) Мы слышали, что вы изволили принаряжаться?

Авдотья Гавриловна. А, это уже Ѳекла изволила проврасться! Нѣтъ, только что подралась съ кухаркою.

Яичница. О, хозяйка! Я, сударыня, честь имѣю доложить, есть дворянинъ, и помѣщикъ, и юнкеръ въ отставкѣ мушкетерскаго полка—Иванъ Петровичъ Яичница. Лично, будучи подвинутъ добродѣтелями вашего пола, пріѣхалъ изъявить готовность съ своей стороны...

Авдотья Гавриловна. Милости просимъ.

Яичница. Вы не смотрите, сударыня, что у меня плѣшь на головѣ: это отъ лихорадки; это выростетъ, это ничего. (*Въ сторону.*) Не слишкомъ, однако жъ, казиста.

Никаноръ Ивановичъ. А я, сударыня, Никаноръ Ивановъ Онучкинъ, отставной поручикъ 42 егерскаго полку. (*Въ сторону.*) Что то, однако жъ, есть... такое... не то...

Яичница. Впрочемъ, сударыня, что мушкетерскій, что егерскій— это совершенно все равно.

Авдотья Гавриловна. Не прогнѣвайтесь, почтенные гости, если не по чинамъ угощу. Если бы я знала о вашемъ пріѣздѣ, я бы приготовила рыбій соусъ или хоть бараній бокъ съ кашею, но вмѣсто того за столомъ будетъ только щи да кулебяка, да грибы жареные, да дроченое. Право, мнѣ ужъ и совѣстно.

Яичница. Ничего, сударыня, не безпокойтесь: всѣмъ будемъ довольны.

Онучкинъ. Ничего.

Яичница. Вы благое дѣло вздумали, сударыня, что рѣшились упрочить судьбу свою. И подлинно, если разсудить хорошенько, то состояніе дѣвичье есть самое непріятное. Жена безъ мужа—все телѣга безъ колесъ: ѣздить безъ колесъ, какъ вамъ извѣстно, никакъ нельзя. Да и самое положеніе ея притомъ: всякій можетъ обидѣть, всякій можетъ обидѣть.

Онучкинъ. Да, совершенно безъ всякой защиты.

Яичница. А мужа непремѣнно должно имѣть: это, сударыня, законъ велитъ.

Онучкинъ. Притомъ въ супружескомъ состояніи столько удовольствій, пріятнаго препровожденія времени съ женою образованною, утонченною...

Яичница. Да, сударыня. Только нужно выбирать супруга степеннаго, дебелаго, опору твердую, а этакихъ не смотрите—худощавенькихъ и длинныхъ: такой сейчасъ переломится.

Онучкинъ. Мужъ долженъ быть образованный.

Яичница. Да, да, образованный и потолще собою.

Онучкинъ. Утонченный...

Яичница. Да, утонченный и собою поплотнѣе.

Онучкинъ. Который былъ бы любезенъ въ обществѣ и въ пріятномъ обращеніи.

Яичница. Да, въ обращеніи и въ обществѣ... и чтобы притомъ имѣлъ солидность и достаточную толщину...

Ѳекла. Сударыня, еще ѣдетъ одинъ.

Авдотья Гавриловна. Вотъ тебѣ на! Ахъ, Боже мой! *(Бѣжитъ.)*

Яичница. Куда вы, сударыня?

Авдотья Гавриловна. Нужно, очень нужно! *(Уходитъ.)*

Онучкинъ. Невѣста, впрочемъ, довольно развязная; носъ только очень длиненъ..

Яичница. Ну, нельзя сказать, чтобы очень... Нѣтъ, хорошая, красавица.

Онучкинъ. Не то, совсѣмъ не то.

Яичница. А что жъ такое?

Онучкинъ. Вотъ, позвольте, я вамъ покажу. Брови должны быть у хорошей красавицы узенькія *(Проводитъ пальцемъ по его бровямъ)*, дугою, и тутъ, между ними, немножко, самый небольшой промежутокъ...

Яичница *(стоитъ и мигаетъ глазами)*. Да, я съ вами согласенъ: у ней и носъ-то не такъ казистъ. Однако... впрочемъ...

Онучкинъ. Произношеніе у ней... ужъ нѣтъ... не то... совсѣмъ не то...

Яичница. Произношеніе у ней хорошее: она выговариваетъ довольно твердо.

Онучкинъ. Ну... совершенно не то... Я тотчасъ узналъ: она не знаетъ по-французски...

Яичница. По-французски? А чортъ ли въ этомъ, что знаетъ по-французски?

Онучкинъ. Нѣтъ, хорошо воспитанная жена должна знать непремѣнно по-французски.

Яичница. Нѣтъ, я не возьму этого въ толкъ. Что вы знаете по-французски, такъ и жена ваша должна знать по-французски?

Онучкинъ. Что вы говорите: я знаю по-французски? Нѣтъ, меня несчастная судьба не допустила воспользоваться такимъ воспитаніемъ. Мой отецъ былъ скотина, мерзавецъ: онъ не думалъ объ томъ, чтобы меня выучить французскому. Я былъ тогда ребенокъ—меня бы легко можно было выучить; стоило бы только разъ по пяти на день, а, можетъ быть, и того даже меньше, посѣчь хорошенько, и я бы зналъ, я бы все зналъ...

Яичница. Ну, да теперь же вѣдь вамъ уже нельзя разговаривать по-французски?

Онучкинъ. Да, я согласенъ. Но жена—другое дѣло: нужно, чтобы она непремѣнно говорила по-французски, а безъ того уже у ней ни то *(Показываетъ рукою.)*... ни это... ужъ все не то.

Яичница. Позвольте, я съ вами не могу согласиться. *(Про себя.)* Да, впрочемъ, чего я спорю? Вѣдь для меня же лучше, что она не нравится. *(Вслухъ.)* Вы правду говорите.

Онучкинъ. Ну, и красота ея—не то, совсѣмъ не то.

Яичница. Кой чортъ красота! У ней носъ, я вамъ говорю, въ три аршина. Этакая машинища! За это, впрочемъ, я таки поколочу старуху: она, вѣдьма, мнѣ объ этомъ ни слова ни сказала. Но оставимъ красоту въ сторону. Вы посмотрите-ка на приданое: вѣдь двадцать душъ! Да вѣдь какихъ! Это не то, что одинъ трехлѣтній, другой беззубый. Нѣтъ, милостивый государь, двадцать душъ однихъ рабочихъ, — рабочихъ годныхъ хоть куды! *(Въ сторону.)* Да съ чего это, однако жъ, я ему сдуру разсказываю? Это, пожалуй, онъ, выслушавши, да и женится. *(Вслухъ.)* Между ними, однако же, много калѣкъ; а если разсмотрѣть хорошенько, такъ и всѣ почти калѣки: или слѣпые, или кривые и подобная дрянь. *(Въ сторону.)* Да, дрянь! нѣтъ, не дрянь!

Ѳекла *(проходя театръ)*. Что, батюшки, Еліазара Еліазаровича не было?

Иванъ Петровичъ. Стой, стой, старуха!

Ѳекла. Чего изволишь, мой родимый?

Яичница. Что ты, старуха, — ...... тебѣ въ горло,—не сказала мнѣ прежде, что у невѣсты носъ въ сажень длиною?

Ѳекла. Ахъ, перекрестись, отецъ мой! Какую ты околесину несешь!..

Онучкинъ. Да вы и мнѣ изволили сказать, Ѳекла Ѳоминишна, что невѣста знаетъ по-французски, а между тѣмъ сколько я могу судить, кажется, что нѣтъ.

Ѳекла. Знаетъ, родимый, и по-нѣмецкому, и по всякому: какія хочешь манеры—все знаетъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Жевакинъ.

Жевакинъ *(входитъ)*. А, здравствуй, Ѳекла Ѳоминишна! Какъ поживаешь? Здорова ли, а? Пожалуйста, душенька, почисть меня немножко вотъ здѣсь. Я сидѣлъ на телѣгѣ, ковра-то не было, такъ, я думаю, сѣнца-то довольно ко мнѣ пристало. Вонъ тамъ, пожалуйста, сними пушинку, *(Поворачивается.)* вотъ здѣсь! Такъ. Спасибо, душенька! Вотъ еще посмотри сзади: тамъ, кажется немножко... а? Нѣтъ? Ну, ничего. По воротнику вонъ, кажется, какъ будто паукъ лазитъ? А на подборахъ-то сзади нѣтъ ли грязи? Спасибо, родимая! Пожалуйста, еще посмотри хорошенько. *(Гладитъ рукавъ фрака.)* Суконцо-то вѣдь аглицкое. Я купилъ его въ Сициліи, когда была наша эскадра. Вѣдь каково носится! Въ 97-мъ году я, будучи мичманомъ, сшилъ съ него мундиръ; въ 1801-мъ, въ блаженное царствованіе Павла Петровича, я былъ сдѣланъ лейтенантомъ, и сукно было совсѣмъ новехонькое; въ 814-мъ году сдѣлалъ экспедицію вокругъ свѣта, и вотъ только по швамъ немножко протерлось; въ 815-мъ вышелъ въ отставку, передѣлалъ изъ него фракъ, и вотъ скоро десять лѣтъ ношу—и почти что новый. Благодарю, душенька... мм! разкрасоточка! *(Дѣлаетъ ручку. Осматривается, подходитъ къ зеркалу, оправляется, выдвигаетъ воротнички къ манишкѣ, ерошитъ волосы рукою, съ гримасами посматриваетъ на одного, потомъ на другого.*

Онучкинъ. Скажите, пожалуйста: вы изволили упомянуть о Сициліи. Хорошая это земля—Сицилія?

Жевакинъ. А прекрасная. Мы 34 дня тамъ пробыли. Видъ прекрасный. Это все, вообразите себѣ, вокругъ это все такія горы; внизу вездѣ такіе домики; тутъ этакъ деревцо или кипарисное, или гранатное, или другое какое-нибудь. И тутъ этакія италіаночки, такіе розанчики,—такъ вотъ и хочется сорвать поцѣлуй.

Онучкинъ. И образованныя?

Жевакинъ. Отличнѣйше образованныя. Бывало, такъ идешь по улицѣ—ну, русскій лейтенантъ: этакъ здѣсь эполеты, мундиръ тамъ, золотое шитье, и этакія красоточки черномазенькія... У нихъ вѣдь у домиковъ балкончики и крыши, вотъ какъ полъ—совершенно плоскія. Такъ это бывало тамъ сидитъ какой-нибудь розанчикъ... ну... чтобы не ударить лицомъ въ грязь, ну, раскланяешься, и она этакъ. *(Кланяется и размахиваетъ рукою.)* Ну, натурально, этакъ одѣта: здѣсь у ней тафтица, тамъ прочія дамскія украшенія, шнуровочка... такъ это все...

Онучкинъ. А языкъ-то? На какомъ языкѣ онѣ говорятъ?

Жевакинъ. Языкъ? Ну, языкъ, разумѣется, французскій.

Онучкинъ. И барышни всѣ по-французски говорятъ?

Жевакинъ. Всѣ, безъ исключенія. Вы, можетъ быть, не повѣрите тому, что я вамъ скажу, но вотъ я готовъ сей же часъ клясться, чѣмъ угодно: мы жили 34 дня и во всѣ тридцать четыре дня ни одного слова не слышалъ отъ нихъ по-русски.

Онучкинъ. Что вы говорите?!

Жевакинъ. Я васъ увѣряю сурьезно. Да чего! Ужъ я не говорю о дворянахъ и о прочихъ синьорахъ или ихъ офицерахъ; но возьмите нарочно простого тамошняго мужика, который перетаскиваетъ на шеѣ всякую дрянь; попробуйте, ему скажите: „Дай, братецъ, хлѣба!"—не пойметъ, ей-Богу, не пойметъ! А нужно для этого непремѣнно сказать ему по-французски.

Яичница. А позвольте узнать... вотъ вы упомянули про мужиковъ тамошнихъ... что тамошніе мужики, такъ же, какъ и наши, землю пашутъ и на оброкѣ состоятъ или нѣтъ?

Жевакинъ. Не могу вамъ сказать—не замѣтилъ; пашутъ или нѣтъ, не знаю. Но насчетъ нюханья табаку, я вамъ скажу, что не только нюхаютъ, но даже и за губу кладутъ, такъ, какъ и моряки. Перевозка тоже очень дешева: тамъ все почти вода, и этакъ гондолы. Ну, тутъ, натурально, ѣдетъ этакъ италіаночка, такой розанчикъ и такъ одѣта: тутъ на ней этакая манишечка... Съ нами были и англичане — ну, народъ такой же... [1]) какъ и наши моряки. И сначала, точно, было очень странно; ну, не понимаешь другъ друга! Послѣ того, этакъ какъ хорошенько обзнакомились, такъ и начали совершенно свободно понимать другъ друга. Покажешь этакъ на бутылку или стаканъ, ну, тотчасъ и знаетъ, что это значитъ выпить. Приставишь этакъ кулакъ ко рту и сдѣлаешь губами: „пафъ, пафъ", значитъ—хочешь трубку выкурить. Я вамъ скажу, что сначала казалось трудно, а потомъ—языкъ довольно легкій. Даже матросы наши впослѣдствіи такъ выучились по-французски, что, бывало, только дастъ бутылку да скажетъ... тотчасъ его понимаютъ... А, гм!.. это сама невѣста?!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Авдотья Андреевна [2]).

Авдотья Андреевна *(входитъ)*.

Жевакинъ. Сударыня, я почелъ за долгъ лично засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе. Тѣмъ болѣе для меня пріятно, что вы очень обо-

[1]) Одно слово не разобрано.

[2]) Такъ въ рукописи, вмѣсто прежняго „Авдотья Гавриловна".

жаемая особа. Вы имѣете, сударыня, такую свѣжесть румянца, такой розанчикъ... что я, такъ сказать, приношу вамъ мое сердце...

Авдотья Андреевна. Мнѣ очень пріятно видѣть такого пріятнаго гостя. Я извиняюсь только, что полъ не вымытъ: Фетинья-дѣвка, перелѣзая черезъ плетень, перекувыркнулась...

Ѳекла *(вбѣгая)*. Сударыня, сударыня! *(Шопотомъ.)* Еще одни пріѣхали.

Авдотья Андреевна. Ахъ, Боже мой! пойти заказать хоть вотрушки.

Жевакинъ. Что вы, сударыня?!

Авдотья Андреевна. Нужда, большая нужда. *(Уходитъ).*

Яичница *(ударивъ по плечу Жевакина)*. Любезнѣйшій! кажется, изъ одного горшка хотимъ щи хлебать?

Жевакинъ. Какъ изъ одного?

Яичница. То-есть вы, какъ я замѣчаю, подъѣзжаете къ хозяйкѣ дома.

Жевакинъ. А, признаюсь, она мнѣ очень нравится. Эдакой розанчикъ, букетецъ въ устахъ, и здѣсь на груди эдакъ платочекъ, и тутъ обыкновенно такіе дамскіе уборы. Это все очень хорошо, я это люблю.

Яичница. И вамъ нужда еще лѣзть туда же! Да посмотрите на себя, какая у васъ гнусная фигура! Право, наводитъ уныніе.

Жевакинъ *(поворачивается)*. Нѣтъ, фигура хороша.

Яичница. Можно ли, чтобы у морского офицера была хорошая фигура?

Жевакинъ *(вытягивается)*. Какъ такъ?

Яичница. Да, конечно; это всякому извѣстно.

Жевакинъ. Что такое извѣстно?

Яичница. Вотъ новости! Извѣстно, что такое морякъ: старый кочанъ капусты.

Жевакинъ. Позвольте. Мнѣ, можетъ быть, такъ послышалось? Мнѣ кажется, какъ будто вы употребляете неприличныя выраженія?

Яичница. Какія выраженія? Просто, старый, трухлый, никуда не годящійся кочанъ, который выбрасываютъ въ помойную яму.

Жевакинъ *(вытягиваетъ лицо еще длиннѣе прежняго, ерошитъ на головѣ волосы, кривляется и дергаетъ плечами)*. Позвольте: честь моя обижена въ лицѣ всего морского общества. Я вамъ предлагаю дуэль.

Яичница. Я не прочь отъ дуэли.

Жевакинъ. Я, по обычаю моряковъ, держусь обыкновенія драться на кортикахъ,

Яичница. Нѣтъ, я не хочу: кортиками только лягушекъ колятъ.

Жевакинъ *(вытягиваетъ лицо)*. Такъ на чемъ же?

Яичница. Я дерусь на кулаки. *(Засучиваетъ руки.)*

Жевакинъ. Нѣтъ, я на такой дуэль не соглашаюсь. *(Онучкину.)* Я къ вамъ обращаюсь, милостивый государь: вы видѣли?

Онучкинъ. Я съ своей стороны не могу точно опредѣлить, потому что въ 42-мъ егерскомъ полку, къ несчастью, въ бытность мою мнѣ не удавалось видѣть ни одного дуэля. Но образованность и утонченное обращеніе требуетъ на благородномъ оружіи; на кулаки же неприлично въ высшемъ обществѣ. Человѣкъ, который знаетъ по-французски, уже не пойдетъ на кулаки, нѣтъ!

Яичница. Мнѣ дѣла нѣтъ ни до какихъ обществъ. Я давно былъ въ военной-то, и меня выгоняли два раза только въ полкъ во время смотру, да притомъ оружіе, Богъ знаетъ, гдѣ еще искать, а кулаки всегда при себѣ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Пантелѣевъ *(раскланивается со всѣми).*

Жевакинъ. Вотъ я къ вамъ, сударь, обращаюсь. *(Пантелѣевъ наклоняетъ голову слушать.)* Вы лицо стороннее; по крайней мѣрѣ, я васъ въ первый разъ вижу. Я получилъ смертельную обиду, то-есть, которую признаетъ всякій офицеръ.,.

Яичница *(отворачиваетъ въ сторону Пантелѣева).* Послушайте: все пустяки. Я не нанесъ никакой обиды; назвалъ только именемъ, какимъ слѣдуетъ.

Жевакинъ *(схватываетъ Пантелѣева за руку на свою сторону).* Я спрашиваю васъ—скажите по совѣсти, вотъ такъ, какъ передъ Богомъ: похожъ морской офицеръ на тюленя?

Яичница. Вотъ большая важность—морской офицеръ! Что жъ тутъ за невидаль? Есть на что глядѣть! Не только на тюленя, просто на протухлый кочанъ капусты.

Жевакинъ. Га! А!.. Кочанъ капусты! А! Лейтенантъ не кочанъ капусты. *(Дергаетъ за руку, позабывшись, Пантелѣева.)* Я спрашиваю васъ, сударь: развѣ такъ можно снесть?

Яичница *(схватываетъ за другую руку).* Чортъ возьми! я говорю это прямо и плюю на всѣхъ моряковъ и на ихъ честь.

Пантелѣевъ. Пустите! *(Дергая со всѣхъ силъ за руку.)*

Жевакинъ. Чортъ возьми, вы видите, сударь, лейтенантъ . . . . [1]) старымъ кочаномъ капусты. Я не снесу этой обиды.

Яичница *(дергаетъ).* Я согласенъ на кулаки. И въ самомъ дѣлѣ меня беретъ задоръ... Я не хочу ни на чемъ, кромѣ кулаковъ.

Жевакинъ *(дергая руку Пантелѣева къ себѣ).* Я не снесу этого.

Яичница *(дергаетъ Жевакина).* Я не хочу никакихъ другихъ инструментовъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Авдотья Андреевна.

Жевакинъ *(оправляется и подходитъ).* Позвольте узнать, сударыня: мое исканіе не будетъ противно вамъ? Смѣю ли льстить себя пріятною надеждою, что любовь удостоится быть принятою вами?

Яичница. Э! Да онъ уже лѣзетъ прямо.

Авдотья Андреевна. Напротивъ, мнѣ весьма пріятно.

Яичница *(слегка отталкивая его).* Сударыня, я предлагаю вамъ свою любовь и руку: угодно ли принять ихъ?

Авдотья Андреевна. Мнѣ весьма пріятно.

Жевакинъ *(въ сторону).* Ну, дѣло хорошо.

Онучкинъ. Я съ своей стороны никакъ не смѣю льстить себя надеждою, чтобы мои исканія удостоились...

Авдотья Андреевна. Напротивъ, мнѣ очень пріятно...

Пантелѣевъ. Я, сударыня, отъ сего генваря 3-го (ищу) вашей ру... ру... ру... ки... и... се... е... рдца...

Авдотья Андреевна. Мнѣ очень пріятно отвѣчать вашимъ исканіямъ.

[1]) Не разобрано одно слово.

Яичница. Да который же изъ насъ всѣхъ пріятнѣе? Сударыня, этакъ нельзя. Вѣдь насъ четыре человѣка: нужно вамъ объявить, кого лучше любите.

Авдотья Андреевна. Вы мнѣ всѣ очень нравитесь, и я васъ всѣхъ люблю.

Яичница. Да вѣдь это совсѣмъ не то. Что жъ, если мы всѣ четверо женимся на васъ? Вѣдь это чортъ знаетъ что такое выйдетъ!

Жевакинъ. Да, сударыня, вы просто объявите, кому изъ насъ, такъ сказать, ваше сердце, ваши . . . . [1]) болѣе относятся . . . . Кто такова эта счастливая особа, кому достанется вашъ . . . . [1]) всѣ украшенія достанутся?

Яичница *(въ сторону)*. Онъ какъ разъ влѣзетъ ей въ душу. *(Вслухъ)*. Просто скажите: кого выбираете вы?

Авдотья Андреевна. Вы всѣ очень хорошіе молодые люди и мнѣ весьма нравитесь.

Яичница. Но кого же вы предпочитаете прочимъ?..

---

[1]) Не разобрано одно слово.

Примѣчанія.

„Ревизоръ".

Вѣрный своему правилу, которое рекомендовалъ и другимъ, Гоголь постоянно выправлялъ и передѣлывалъ тексты своихъ произведеній. Онъ объяснялъ эту привычку тѣмъ, что можетъ работать „только вслѣдствіе глубокихъ обдумываній и соображеній". „Я видѣлъ (писалъ онъ Погодину), что на этомъ одномъ я могъ только навыкнуть производить плотное созданіе, сущное, твердое, освобожденное отъ излишествъ и неумѣренности, вполнѣ ясное и совершенное въ высокой трезвости духа". „Ревизора" своего Гоголь передѣлывалъ и обработывалъ не менѣе шести разъ въ цѣломъ видѣ, не считая работы надъ отдѣльными сценами. Первоначальный набросокъ комедіи былъ законченъ къ началу 1835 г. Въ теченіе этого года онъ подвергся сильной переработкѣ, — это составило новую редакцію комедіи, легшую въ основу и первоначальнаго сценическаго текста и перваго печатнаго вида „Ревизора" (изд. 1836 г.). Начиная съ этого момента, и сценическій текстъ и печатный начинаютъ жить своей отдѣльной жизнью: первый, послѣ энергической работы надъ нимъ автора (и цензора) былъ установленъ къ дню перваго представленія (19 апрѣля 1836 г.) и съ тѣхъ поръ слышался неизмѣнно съ подмостковъ театра до 1882 года. Второй же текстъ, печатный, измѣнялся авторомъ до изданія сочиненій 1842 г. и вслѣдствіе этихъ измѣненій настолько разошелся съ первымъ, что люди, хорошо знавшіе печатное изданіе, случалось, упрекали актеровъ въ незнаніи ролей и въ дерзостной передѣлкѣ Гоголевскаго текста.

Помѣщенный въ приложеніи ранній текстъ „Ревизора" не есть первоначальный набросокъ; это—первая попытка Гоголя придать стройный и отдѣльный видъ наброску, освободивъ его „отъ излишества и неумѣренности". Сохранившая этотъ текстъ рукопись 1835 г. (бѣловая, писанная писцомъ) покрыта собственноручными поправками и передѣлками Гоголя, который въ теченіе января и февраля 1836 г. выработалъ на ней новую редакцію комедіи для представленія въ театральную цензуру и въ общую цензуру для перваго печатнаго изданія. Эти поправки не вошли въ текстъ нашего приложенія, который даетъ такимъ образомъ въ чистомъ видѣ вторую рукописную редакцію (считая за первую—набросокъ конца 1834 г. или начала 1835 г.). Нашъ текстъ сравнительно съ наброскомъ представляетъ уже болѣе развитыми и выясненными характеры лицъ; особенно выигралъ при этомъ Хлестаковъ (Скакуновъ наброска); вмѣстѣ съ тѣмъ сглажены, хотя далеко не вполнѣ, каррикатурныя подробности, черты внѣшняго фарса,

анекдота, чѣмъ изобилуетъ набросокъ; уцѣлѣвшія и въ нашемъ текстѣ особенности такого рода очень любопытны при сличеніи съ окончательной редакціей 1842 года.

Чтобы показать, какая при этомъ значительная работа вкладывалась Гоголемъ въ „Ревизора", приводимъ одинъ примѣръ. Въ извѣстной сценѣ лганья въ III актѣ, послѣ того какъ Хлестаковъ пригласилъ городничаго и чиновниковъ садиться и тѣ сѣли, Гоголь передъ разсказомъ Хлестакова о съѣденной куропаткѣ вставляетъ въ рукопись 1835 года еще одно похожденіе своего героя, не вошедшее ни въ одно изданіе.

Вотъ это мѣсто. „Да я тамъ... (во всѣхъ лучшихъ обществахъ бываю. А какъ со мною недавно анекдотъ случился). Меня одна графиня того... Одинъ разъ пріѣзжаетъ ко мнѣ карета, убрано все это великолѣпнѣйшимъ... Входитъ камердинеръ весь въ золотѣ, входитъ ко мнѣ (спрашиваетъ): „Вы Иванъ Александровичъ?" — Я.—И вдругъ ни говоря мнѣ ни слова, завязываютъ мнѣ глаза, сажаютъ въ карету и, признаюсь, я сначала даже немного испугался. (Только) привозятъ къ дому великолѣпнѣйшему... (Я чувств...) берутъ меня подъ руки и чувствую, что ведутъ меня по вызолоченной лѣстницѣ,— по сторонамъ вазы, все это со вкусомъ. Наконецъ приводятъ въ великолѣпную комнату, вдругъ (я чувств...) развязываютъ глаза—и чтожъ я вижу? передо мной красавица — вообразите, въ полномъ совершенствѣ, одѣта какъ нельзя лучше. Шляпа на ней въ перьяхъ, брилліанты сіяютъ. Бѣлизна лица просто ослѣпительна. Ну, само собою разумѣется, что сей часъ же воспользовался".

Анна Андреевна. Скажите, какое романтическое происшествіе!

Хлестаковъ. Да, со мною подобныхъ (было) случаевъ... Да, я сталъ бывать во всѣхъ (лучшихъ обществахъ) домахъ танцую французскій кадриль. А какой странный случай тамъ былъ со мною. Пріѣзжаю я въ лучшее общество. Ну, становлюсь въ первую пару. Вдругъ одинъ изъ этихъ молодчиковъ, знаете, этакій изъ числа фанфароновъ. Только онъ, смотрю, наступилъ мнѣ на самую ногу. „Извините, говоритъ, что не каблукомъ", а я тутъ же поворотившись, хлопъ его по щекѣ: „Извините, говорю, что не кулакомъ". И онъ послѣ этого, знаете, такъ сконфузился, присѣлъ къ уголку и ужъ ни съ кѣмъ не танцовалъ. А послѣ говоритъ мнѣ уже графъ Ивеличъ: „Ну, ты, братецъ, его хорошо отдѣлалъ!"—Изъ рукописи видно, что послѣдній разсказъ долженъ былъ замѣнить старый анекдотъ о куропаткѣ, но былъ зачеркнутъ. Онъ вошелъ въ сценическій текстъ комедіи.

Женитьба.

Комедія эта была начата въ 1833 году и съ тѣхъ поръ до 1842 г., когда окончательно установился ея текстъ, около пяти разъ подвергалась обработкѣ. Въ приложеніи мы даемъ первоначальный набросокъ, неоконченный, въ которомъ еще нѣтъ и намека на двухъ главныхъ лицъ, Подколесина и Кочкарева, — они отсутствуютъ совершенно. Крупную особенность наброска составляетъ также то, что комедія изображаетъ бытъ деревенскій: невѣста — помѣщица, хозяйка въ усадьбѣ съ дворовыми и крѣпостными, а жениховъ, тоже помѣщиковъ, сваха ищетъ на ярмаркѣ. Сравненіе этого наброска съ окончательнымъ текстомъ въ подробностяхъ прекрасно выясняетъ особенности Гоголевскаго творчества. Комедія была задумана подъ впечатлѣніями помѣщичьяго малороссійскаго быта, съ дѣтства знакомаго Гоголю;

на это указываетъ и то обстоятельство, что первая зарисовка типа Подколесина несомнѣнно усматривается въ Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ изъ „Вечеровъ на хуторѣ“; объ этомъ говоритъ и фамилія Яичницы (на протяженіи работы онъ назывался и Горшкомъ; обѣ фамиліи, не существующія въ Великоруссіи, вполнѣ возможны на югѣ). Съ другой стороны, ясно, что Гоголь отнюдь не задумывалъ свою комедію въ реальныхъ краскахъ Малороссіи, иначе мы имѣли бы въ наброскѣ рядъ южнорусскихъ бытовыхъ чертъ, а онѣ тамъ отсутствуютъ. Мало здѣсь, впрочемъ, и особенностей великорусской помѣщичьей жизни; первый замыселъ стоялъ еще внѣ тѣсной связи съ опредѣленнымъ бытовымъ укладомъ, передъ авторомъ яснѣе всего носились положенія и характеры, и даже, быть можетъ, болѣе первыя, чѣмъ вторые. И характеры и бытовыя черты, стали выясняться при обработкѣ наброска въ 1834 году вмѣстѣ съ измѣненіемъ обстановки и опредѣленнымъ пріуроченіемъ сюжета къ петербургской чиновничьей и купеческой среды. Даже и тогда бытовыя черты не сразу легли подъ перомъ Гоголя въ привычной для насъ яркости и полнотѣ: въ текстѣ 1834 года, когда всѣ женихи собрались у невѣсты, авторъ дѣлаетъ слѣдующую ремарку: „Подаютъ гостямъ по рюмкѣ вина. Ѳекла подноситъ. Здѣсь Кочкаревъ со свахой пикируются острыми словами. Какимъ образомъ пикируются, я ужъ не помню; объ этомъ слѣдуетъ узнать у Щепкина и Сосницкаго,—такъ, какъ и объ обрядахъ, какіе при этомъ употребляются у купцовъ. Они могутъ пожалуй, посовѣтоваться объ этомъ съ Погодинымъ, знающимъ этотъ бытъ, и пополнить такимъ образомъ эту сцену“.

Утро дѣлового человѣка, Тяжба, Лакейская, Отрывокъ.

Эти четыре сцены были обработаны Гоголемъ для печати изъ матеріаловъ уничтоженной, повидимому раньше окончанія, большой комедіи „Владиміръ 3-й степени“, которая сильно занимала Гоголя въ теченіе зимы 1832—33 г.г. Двѣ главныхъ причины побудили его къ ея „истребленію“ (его слово); о первой говоритъ онъ самъ, вторая извѣстна черезъ Плетнева. Гоголь писалъ Погодину 20 февр. 1833 г.: „Я помѣшался на комедіи... Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться; уже и заглавіе было написано на бѣлой толстой тетради: „Владиміръ 3-й степени“, и сколько злости, смѣху, соли!.. Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ. А что изъ того, когда пьеса не будетъ играться? Драма живетъ только на сценѣ; безъ нея она какъ душа безъ тѣла“. Черезъ три недѣли Плетневъ пишетъ Жуковскому: „У Пушкина ничего нѣтъ новаго, у Гоголя тоже. Его комедія не пошла изъ головы. Онъ слишкомъ много хотѣлъ обнять въ ней, встрѣчалъ безпрестанно затрудненія въ представленіи и потому съ досады ничего не написалъ“... Дѣйствительно, здѣсь Гоголь задумалъ большую и сложную картину, и помимо цензурныхъ затрудненій столкнулся съ трудностями отъ литературной неопытности: разнообразный и значительный сюжетъ не легко укладывается въ драматическую форму.

На основаніи нѣкоторыхъ указаній современниковъ, а также четырехъ изданныхъ сценъ съ ихъ черновиками можно представить себѣ содержаніе „Владиміра 3-й степени“ въ такихъ чертахъ. Главный герой комедіи, чиновникъ средней руки, Иванъ (Павелъ) Петровичъ Барсуковъ (Бурдюковъ) поставилъ себѣ цѣлью жизни получить орденъ Владиміра. Онъ разсчитываетъ при

этомъ на содѣйствіе своего знакомаго, сенатскаго оберъ-секретаря Александра Ивановича Пролетова. Но Пролетовъ вовсе не расположенъ къ содѣйствію, ибо самъ еще не имѣетъ ордена, хотя и гораздо достойнѣе, по собственному мнѣнію, а затѣмъ онъ втайнѣ недоволенъ отзывами Барсукова объ одномъ сенатскомъ дѣльцѣ, при рѣшеніи котораго на долю Пролетова выпало двадцать тысячъ. И онъ въ глубинѣ души радъ „напакостить" своему пріятелю. Случай благопріятствуетъ Пролетову: родной братъ Барсукова (Бурдюкова), захолустный помѣщикъ-медвѣдь, Хрисанфій (Христофоръ) Петровичъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ судиться съ „бестіей" братомъ изъ-за наслѣдства и попадаетъ за совѣтомъ къ Пролетову; тотъ безконечно радъ и берется за дѣло въ надеждѣ оскандалить Барсукова. О готовящемся послѣднему сюрпризѣ узнаетъ одинъ изъ подчиненныхъ ему чиновниковъ, Закатищевъ (Собачкинъ), случайно встрѣтившійся съ пріѣзжимъ „степнякомъ", и собирается предупредить своего начальника, мечтая сорвать съ него за это приличный кушъ. Мы не знаемъ, какими путями ведена была вся интрига противъ Барсукова, но, повидимому, старанія его объ орденѣ шли очень успѣшно и онъ ужъ былъ наканунѣ увѣнчанія своихъ надеждъ. М. С. Щепкинъ съ особенной похвалой отзывался о сценѣ, въ которой Барсуковъ, сидя передъ зеркаломъ, мечталъ объ „Владимірѣ" и воображалъ уже этотъ крестъ на себѣ. Въ одной изъ записныхъ книгъ Гоголя стоитъ: „*Комед. Матеріалы общіе.* Старое правило: уже хочетъ достигнуть, схватить рукою, какъ вдругъ помѣшательство (т.-е. помѣха—*Примѣч. редактора*) и отдаленіе желаемаго предмета на огромное разстояніе". И далѣе: „Внезапное или неожиданное открытіе, дающее вдругъ всему дѣлу новый оборотъ или озарившее его новымъ свѣтомъ". Такимъ образомъ тайная интрига должна была ударить героя, какъ снѣгъ на голову. Крушеніе приводило героя къ сумасшествію; Барсуковъ долженъ былъ помѣшаться на томъ, что онъ самъ и есть Владиміръ 3-й степени.

Вотъ остовъ сюжета, задуманнаго очень характерно для Гоголя: еще до „Ревизора" онъ работаетъ надъ комедіей, полной мелкихъ и фальшивыхъ стремленій, но заканчивающейся серьезной катастрофой, возвращая этимъ комедіи ея исконное значеніе (ср. слова о комедіи въ „Театр. Разъѣздѣ").

Какими красками могъ одѣться въ рукахъ Гоголя этотъ сюжетъ, какое богатство реальныхъ чертъ быта и человѣческой психологіи могло быть здѣсь разлито, о томъ свидѣтельствуютъ дошедшія до насъ сцены; въ нихъ видѣнъ широкій захватъ типичныхъ явленій избраннаго авторомъ круга жизни, отъ гостиной и дѣлового кабинета до лакейской и отъ служебныхъ, офиціальныхъ интересовъ до интимныхъ семейныхъ чувствъ и отношеній. Съ этой стороны обращаетъ на себя вниманіе побочный эпизодъ любви Миши („Отрывокъ") и проектъ матери женить его на княжнѣ Шлепохвостовой, разрушивъ его любовь при помощи гнусной сплетни. Съ главнымъ ходомъ сюжета этотъ эпизодъ связанъ лишь внѣшне: Марья Александровна „Отрывка"—это Марья Петровна Повалищева „Тяжбы", родная сестра Бурдюковыхъ (Барсуковыхъ), и мы не знаемъ, какъ предполагалъ Гоголь связать его съ ходомъ дѣйствія, но онъ даетъ великолѣпныя характеристики людей и среды. Точно такъ же довольно уединенно стоитъ „Лакейская"; здѣсь, однако, черновыя рукописи даютъ нѣсколько связующихъ штриховъ, отброшенныхъ при обработкѣ. Прежде всего это—лакейская Ивана Петровича Барсукова. Жизнь ея въ рукописномъ текстѣ намѣчена значительно шире: тутъ передъ нами какой-то грубый Каплуновъ, приглашающій Шрейдера, скромнаго и образованнаго секретаря хозяина, итти куда-то бражничать, на что тотъ отвѣчаетъ отказомъ; затѣмъ здѣсь на минуту повернулся, тотчасъ послѣ встрѣчи съ Хрисанфіемъ Барсуковымъ, самовлюбленный Закатищевъ; не

заставъ Ивана Петровича дома, онъ успѣлъ на ходу полюбезничать съ чужой горничной и получить отъ нея вслѣдъ краткую характеристику: „эта сволочь“; здѣсь, наконецъ, видимъ еще чиновника Петрушевича, котораго, очевидно, Барсуковъ только что прогналъ со службы: онъ сидитъ въ глубокой задумчивости все время, пока въ прихожей смѣняются посѣтители и идутъ разговоры, и приходитъ въ себя только когда всѣ разошлись и дворецкій покончилъ разговоры съ Аннушкой, пригласивъ ее къ себѣ. Вотъ конецъ сцены по первоначальному тексту.

(Аннушка идетъ, Лаврентій за нею; но, увидя Петрушевича въ задумчивости, останавливается):

„Ахъ, Григорій Савичъ! Я васъ чуть было не заперъ. Извините! У насъ уже давно обѣдать пора. *Петрушевичъ* (выходя изъ задумчивости). Боже мой! Боже мой! И такъ вотъ что! Служилъ, служилъ и чтожъ выслужилъ? Хм. (Съ горькой улыбкою) Тутъ что то говорили о балѣ—какой для меня балъ! Сегодня еще сговорились было итти къ Андрею Ивановичу на бостончикъ. Нѣтъ, не пойду. Что мнѣ теперь бостонъ! Я самъ не знаю, что я буду, куда я пойду. Что скажетъ моя Марья Григорьевна! (Выходитъ медленно и машинально. Занавѣсъ опускается.)

Размѣщеніе извѣстныхъ намъ сценъ въ уничтоженной комедіи должно быть такое: Утро дѣлового человѣка, Отрывокъ, Тяжба, Лакейская. „Лакейская“ кончала собою, повидимому, второй актъ „Владиміра“.

СОДЕРЖАНІЕ.

РИСУНКИ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ:

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

